

№ 2 (60). 2024

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство
Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Памятная медаль
«ПОЭТ И ВОИН
ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ
(1923–1996)», 2023 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.

Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Апрель 2024 № 2 (60)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +79118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – член правления Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Василий Киляков – член Союза писателей России
Римма Лютая – прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Светлана Савицкая – член Союза писателей России, учредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Сухейль Фарах – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.
Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова

Фото на обложке Валентины Архиповской

Вёрстка – Елена Балантаева

Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 18 апреля 2024 года. Тираж: по востребованности. Заказ № 3088.

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Стрaж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега актуальности

Сухейль Фарах. Тайна вечности Пушкина. <i>К 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина</i>	5
---	---

Проза

Анатолий Байбородин. Братчина. <i>Рассказ</i>	7
Иван Привалов. Дорога. <i>Рассказ</i>	27
Александр Бабчинский. Владимир Красно Солнышко. <i>Историческая повесть</i>	45
Александр Чумиков. Записки Профессоронала. 2008–2024. Часть III. <i>Продолжение.</i> <i>Начало в № 6 (58)-2023, 1 (59)-2024</i>	69
Юлия Ростовцева. Проповедь. Сила любви. <i>Рассказы</i>	94
Эвелина Азаева. Всем должен. <i>Рассказ</i>	98
Лиана Мусатова. Аистник Бекетова. <i>Отрывок из романа «Дети Дикого поля», 2-й части</i> <i>диалоги «Степняки»</i>	106

Поэзия

Станислав Федотов. На линии огня. <i>Лирический репортаж</i>	118
Валерий Черкесов. «Грозный гул самолётов...» <i>Стихи</i>	124
Виталий Даренский. Поэзия. <i>Стихи</i>	127
Евгений Харитонов. На могиле солдата. <i>Стихи</i>	130
Андрей Яковлев. Стихи к Елене Крюковой	132
Галина Яковлева. «Чужие радость и страданье...» <i>Стихи</i>	134

Поэтическая седмица

Иерей Владимир Петров. «Друг ты мой...» <i>Стихи</i>	135
---	-----

Берега юбилеев

Геннадий Сазонов. «Лесных ключей и сосен звон...» <i>К 140-летию со дня рождения</i> <i>великого русского поэта Н. А. Клюева</i>	137
--	-----

Берега памяти

Юрий Конецкий. Жемчужина. <i>Поэма. Подготовила Любовь Ладейщикова</i>	147
---	-----

Берега истории

Роксолана Жигон. Женщины в дипломатии Российской империи. Княгиня Ливен	150
Вадим Новожилов. Путешествие российского золота, или Плакали наши денежки.....	156
Вячеслав Ложко. К чему приводит незнание истории.....	164

Рижские берега

Олег Озернов. Последняя Отечественная. <i>Стихи</i>	167
Владимир Соляр. Фантасмагория. <i>Стихи</i>	172

Берега Абхазии

Артавазд Сарецян. Наири. <i>Стихи</i>	175
Станислав Лакоба. «Ветви сомнений...» <i>Стихи</i>	176
Денис Чачхалиа. Монолог алычёвого сада. <i>Стихи</i>	177

Берега Новороссии

Олег Черницын. Миколка. <i>Рассказ</i>	179
---	-----

Берега прочтения

Лидия Довыденко. Русское предназначение. <i>О коллективной монографии</i> <i>«Рюрикович: штрихи прошлого. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский /</i> <i>сост. Н. Д. Лобанов-Ростовский, Е. С. Фёдорова</i>	184
Пётр Ткаченко. «Поэма без героя» Анны Ахматовой. <i>Главы из литературно-критической</i> <i>повести</i>	188
Геннадий Ёмкин. «О Русь, драгоценная Лада!» <i>К стихам Татьяны Грибановой</i>	204

Берега Австралии

Галина Кучина. Самовар. <i>Краткая история устройств для кипячения воды в мире</i> <i>и история самовара в России</i>	208
Положение о Международном историко-литературном конкурсе к 225-летию А. С. Пушкина (МАРС)	211

Наши друзья

Правила помощи и приобретения журнала	216
--	-----

Берега актуальности

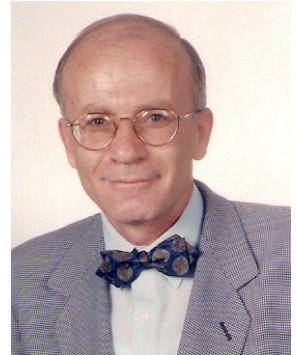
Сухейль Фарах

Доктор философских наук, президент Ливано-Российского дома.

*Вступительное слово к сборнику статей,
посвящённых юбилею А. С. Пушкина*

ТАЙНА ВЕЧНОСТИ ПУШКИНА

К 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина

Почему Пушкин в центре восхищения?

Нам будет проще ответить на этот вопрос, обратившись к самому духу творчества этого великого русского поэта, оставившего громадное культурное и литературное наследие не только для русской, но и для всей мировой цивилизации.

– Взываю к тебе, Александр Сергеевич Пушкин, с беспримерной любовью! Ты, кто пребывает на столь недостижимых высотах духа, позволь нам раскрыть тайну и силу наших чувств к тебе!

Твой гений принадлежит и этому Востоку, ведь ты всегда стремился бережно хранить воспоминания о своём происхождении. Поэтому магнетическое поле притяжения между тобой и этим Востоком связало вас неразрывно тысячью и одной нитью.

Мы здесь, в Антиохии и повсюду в Леванте, считаем тебя одним из нас, ведь ты дорог нам тем, что сумел вместить в своём духовном мире всю божественную любовь Иисуса и Мухаммада.

Запад считает тебя своим тайным продолжением потому, что ты до мозга костей жадно впитал в себя его культуру, и потому, что искры твоего планетарного гения проникли в его собственную культуру и все его творческие замыслы...

Ты был вдохновенно красив и прекрасен духом, ты был всегда полон песен, воспевающих любовь божественной красоты мироздания и земной природы человека. В глазах твоих читателей, где бы они ни были, ты остался недостижимой вершиной прекрасного в мировой культуре.

В каждом слове твоих стихов мы слышим дыхание музыки и пение соловья, ведь ты всегда умел услаждать слух музыкальностью и напевностью.

Ведь ты сказал:

*Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

Ты был величайшим из художников, который смог создать в сознании своих современников и в сознании последующих поколений театральных деятелей, литераторов, художников и кинематографистов прекраснейший образ художественного творчества.

Твоё творчество стало синонимом искусства вообще.

Здесь я приведу слова министра просвещения времён Александра Пушкина, графа Уварова, который однажды вошёл вместе с Пушкиным в залу, где шла лекция по искусствоведению, со словами: «Здесь говорят об истории искусства, а я привёл с собой само искусство!»

Ты с такой напряжённостью бытия отобразил в своих произведениях дух чистоты и мятежности, радость и печаль, красоту и гений, судьбу и вечность, что читатели твоих стихов и прозы на русском языке и на всех языках мира, на которые переводились твои книги, подняли тебя до вершин величайших учителей человечества, сумевших примирить противоречия и грехи этого мира с судом высшей небесной власти.

Просвещённые умы и все, кто восстали против косности и застоя, господствующих в государственных учреждениях и институтах церкви, считают тебя одним из своих союзников...

Творческие личности, стремящиеся к постоянному обновлению русского языка, признают тебя пионером, создателем современного русского языка...

Сторонники творческого взаимодействия национального просвещения с мировым просветительским движением считают тебя лучшим среди них...

Ни один очарованный своей возлюбленной влюблённый, будь то юный подросток или взрослый мужчина, зрелый муж или, может быть, старец, не считает свою любовь к ней, как и её любовь к нему совершенной, если в ней нет твоих стихов, твоей поэзии, источающей по капле сотовый мёд столь сладострастных и каждый раз новых чувств...

Ни один русский ребёнок не засыпает вечером или ночью не убаюканным своими близкими чтением твоих волшебных поэтических сказок...

Тебя любят русские. Все русские. И я – один из них. Ведь ты был светочем, озарившим мою судьбу, историю и культуру...

Тебя любят все ценители прекрасного в этом мире и вышнем, ведь ты был властелином слова и стал самым совершенным образом литературного творца в России и во всём мире. Ведь ты был, и наверное, это самое яркое качество твоей личности, подобен пророкам, более чем кто бы то ни было приблизив свою душу к сферам пророчеств. Не ты ли сказал:

*И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».*

Истинно говорю тебе, Александр Сергеевич Пушкин, твои слова обошли все пределы земли и моря, а в эпоху Интернета они преодолевают пределы Вселенной. Они воистину жгут наши сердца и воспаляют наш разум высшей красотой упоительных мыслей и чувств...

Ты – наше «всё», истинный духовный друг, соединивший своих великих соотечественников в России и сыновей иных пределов, тех потомков, хранящих культурное наследие Финикии, Византии, арабов и других, из стран Запада.

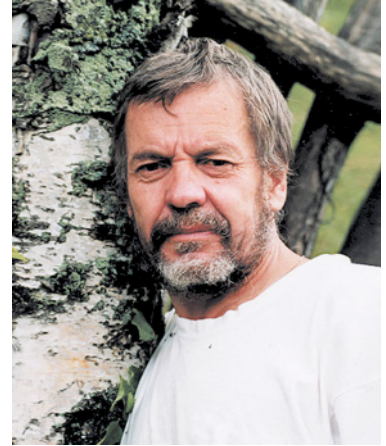
Ты – вечность, и тебе – наивысшая любовь наша на все времена...

Проза

Анатолий Байбородин

Анатолий Григорьевич Байбородин – родился в 1950 году в забайкальском селе Сосново-Озёрск. Автор книг: «Старый покос» (Повести. Иркутск, 1983); «Поздний сын» (Повесть. Москва, 1988); «Яко богиню землю нареки» (Очерки. Москва, 1991); «Боже мой...» (Роман. Предисловие: В. Распутин. Москва, 1996); «Воля» (Повести, рассказы. Предисловие: В. Личутин. Иркутск, 1998); «Диво» (Сибирские байки, сказы, рассказы. Иркутск, 2001); «Утоли мои печали». (Роман, повести, рассказы. Иркутск, 2006); «Не родит сокола сова» (Роман, повесть. Москва, 2011); «Озёрное чудо» (Повести, рассказы. Москва, 2013); «Небесная тропа» (Рассказы. Иркутск, 2014). Составитель книг: «Россия древняя и вечная» (Иркутск, 1992); «Русский месяцеслов» (Обычаи, обряды, поверия, приметы русского народа. Иркутск, 1998); «Думы о русском с древнейших до нынешних времён» (Иркутск, 2017).

БРАТЧИНА

Рассказ

На туманном и стылом закате жизни Елизар Калашников, заштатный профессор истории, поминал далёкое, говорливое, хмельное студенческое застолье на морском валуне; вспоминал и поражался: уже на рассвете восьмидесятых жарко спорил с однокурсниками о том, что в окаянные девяностые годы обрушилось на бедовые русские головы...

Под линиялым, безоблачным небом призрачно серебрилась рябь рукотворного ангарского моря, белела опалённая солнцем бетонная дамба, где чайками посиживали купальщики и купальщицы, где изрядно устаревшая заморская певчая ватага «Бони М» надрывала лужёные глотки: «Варвар-рра жарит кууур!..» Скользили на водных лыжах парни и девицы, вспахивая море, оставляя долгие борозды, пенистыми бурунами бегущие к берегу; и плыла вдоль побережья, красуясь и похваляясь, белоснежная крейсерская яхта с белыми парусами; а на палубе люди в белом ублажались музыкой: отчаянно голосил... о ту пору уже полузабытый... итальянский парнишка Робертино Лоретти: «Чья ма-а-а-айка?.. Чья ма-а-а-айка?..» Деревенские мужики, недолюбливая Никиту Хрущёва, почитая тогдашнего главу государства за бестолочь, посмеивались, де, ловко Никита песню перевёл: «Чья майка?.. Чья майка?..»

Истекли хмельным соком спелые семидесятые годы; родились восьмидесятые... Счастливые – хоть и начитались до одури, но свалили, не завалили сессию – гулевы студенты-историки пировали у рукотворного моря. Не завалили, да и кому заваливать, ежели к морю, упарившись на сессии, сошли студенты, что по знанию могли иного доцента за пояс заткнуть.

Отыскивали поляну, воистину выпивальную, утаённую от слепящего солнца и гомонящего пляжа, – глухим и тенистым плетнём обнесли поляну кусты боярки и черёмухи, и море голубело сквозь узкий просвет, словно ветром отпахнулась калитка; а посреди поляны – старое костровище с тремя сухими валёжинами, что неведомо как и очутились на безлесном морском берегу. Над боярышником, правда, торчала статуя Ильича с голубыми на лысине; статуя неодобрительно косилась на пьющих комсомольцев, но ёрники лишь посмеялись над Ильичом, вспомнили: катишь на троллейбусе через плотину, и перед управлением ГЭС есть место, откуда Ильич выглядит похабно... Помянув пару анекдотов про Ильича, пять добрых молодцев, азартно потирая руки, оглядели поляну: есть на что сесть – валёжины, а на чём пить?.. Тут же волоком и катом втащили на угор плоский валун, ловко угнездили на старом костровище – столешня, постелили газетки, накроили хлеба, холодца и ливерной колбасы,

чтоб занюхать, выставили дешёвенькое пойло: «Листопад», портвейн «777», в большой и тёмной «противотанковой» бутылке, и «Агдам», по прозвищу «Я те дам!». И вдруг выяснилось: забыли в общаге гранёные стаканы, а коль пить из горла дурно... худо-бедно пятикурсники, не мелюзга... отыскали возле пустых лежбищ и стоянок жестяные банки, отшоркали песочком, омыли морской водой, голышами сплющили края и водрузили на каменную столешню. Палевая ржа крапила жёсть, края банок словно мыши грызли, но... при буйном воображении... вроде серебряные чары с золотым крапом ублажили стол.

Сели на валёжины, похожие на кости мамонта, омытые дождями, опалённые зноем до серебристого свечения; сгуртились у первобытного стола и не столь пили, сколь языками молотили... благо без костей... словно цепями снопы колотили, и не доброго зерна намолотили, – напылили: думка чадна, недоумка бедна, а всех тошней пустослов. Обвыклись в университете языками брякать, привадились, полуночники, в общаге лясы точить вечерами и ночами, а уж в застолье, как ныне, хлебом не корми, дай почесать языком.

К худу ли, добро ли, бог весть, но слово за слово, и студенты – вроде ярые интернационалисты, завтрашние коммунисты – вдруг ощутили, что за каменным столом сбился разноплеменной суглан¹: Тумэнбаяр – монгол, прозываемый Баяром, что кичился европейским образованием, – три года учился в Белграде, а когда Югославия побранилась с Монголией, монгольские студенты рванули в Россию, и Баяр очутился в Иркутске; Арсалан Хамаганов – бурят из древнего племени хориидов; Елизар Калашников – великорус из староверческого корня; Тарас Продайвода – малорус или червонорус; Егор Коляда – белорус, прозывающий себя на белорусский лад Ягором. Застольный интернационал гуще бы замесился, ежли бы на выпивальной поляне очутились и прочие друзья Елизара: Давид Шолом – коренной иркутянин, выходец из еврейского купечества, разбогатевшего на винных откупах; Болеслав Черский – из польского села, до коего от Иркутска рукой подать; Ваня Кунц – германец из немецкого села в Казахстане, куда его родичей в начале войны... от греха подальше, абы к фрицам не метнулись... Сталин вытурил из Поволжья в казахские степи; Фарид Мухамедшин – татарин из приангарского татарского села, хвастливо толкующий: де, вас, русских, поскребёшь, нашего брата татарина отскребёшь («и монгола...» – добавлял Баяр); Тимофей Нива – орусевший финн, обливаясь хмельными слезами, доказывающий, что он финский барон Тойво Ниву, у его деда барское поместье с рыцарским замком, на что приятели, ведая, что Тимоха – детдомовский выкормыш, согласно и почтительно кивали головами.

В друзьях, что испуганно и жадно косились на воинственную батарею бутылок, мало выжило племенных и родовых примет: если у степняков, монголов и бурят да и у русских казаков... испоконных... ноги гнулись дугой, извечно изготовленные к верховой езде, словно приросшие к лошадиным бокам, то у потомков – оглобли, затянутые в штаны, узкие в ляжках, ниже колен расклевённые; к сему Арсалан – рыхлый, барственно вальяжный, в серой футболке и линиях американских джинсах, а Баяр – сутулый, тощий, близорукий, укрывший глаза толстыми чёрными очками, словно конскими шорами, в чёрном вельветовом пиджаке, при галстукке и портфеле, вроде давая понять, что он отпрыск монгольского дарги², что, народившись, сосал резиновую пустышку, а не бараний курдюк³, подобно чадам кочевых чабанов, пасущих овец в степи. Червонорус Продайвода, коротко стриженный, за воловью силу позаочь величаемый Амбалом, белорус Ягор Коляда, тонкий и звонкий, словно тростник на ветру, с каштановой гривой до плеч, – оба внешне уже мало походили на древних славян; за долгие века выветрилось синеокое, русое славянское, к родовым стволам привились хазарские, турецкие, арабские ветви, порождая смуглые плоды. Походил бы на исконного славянина Елизар, белокудрый, светлоглазый, но... шибко уж невзрачный: комлистый, малорослый, косопятый, с большой, словно с чужого плеча, ушастой головой, похожей на кочан капусты. Хотя белый русак и малый русак скудно сберегли русачьего в духе и нраве, но в застолье вдруг вспомнили родную мову...

Широко сидя на валёжине, словно на киевском князем престоле, вольно отмахнув крылистые плечи, Тарас Продайвода окликнул застольников:

¹ Суглан (бурят.) – собрание.

² Дарга – вельможа.

³ Курдюк – бараний хвост, оголенный и проваренный, совали младенцам в рот вместо резиновой пустышки.

– Голодранцы усіх країн, сгопайтэсь до купы! – И когда други чинно расселись на валёжины, похозяйски оглядел напитки-наедки, вздохнул: воистину голодранцы – холодец из бычьих костей, ливерная колбаса и «бормотуха»... эдакое пойло не пить, им заборы крыть, крыс травить.

– А сала німа, и галушек німа... – подсказал Ягор Коляда.

– Но и бульбы не зрю, и белорусских драников... У кацапов¹ же в гостях... – Тарас сболтнул лишка, спохватился и, вознеся рыжую банку, словно турий рог в серебряной опояске, сладкопевно возгласил: – И рече киевский князь Володимир: «На Руси есть веселие пити, не может без него быти»... Ну что, братья славяне и чада степей, сдвинем заздравные кубки за други своя, за народы россиятея!..

Продайвода, не глядя на юные лета, походил нынче на Тараса Бульбу, вольготно и вальяжно сидящего в полковничьем седле, на гнедом могучем жеребце; ещё бы сивый оселедец, свисающий с бритой головы, да усы подковой – вылитый батько Тарас, казак запорожский, оборонявший Русь от басурман и ляхов. Гарный хлопец смахивал и на Остапа, Бульбина сына; а сидящий рядом Ягор – вроде Андрій, сладострастный брат Остапа, обменявший Русь на лукавую полячку.

Други чокнулись банками жестяно и глухо, словно в общаге из боязни гневливой и ворчливой комендантши; выпили братчинные чары и азартным ором пропели застольную:

Коза давала молока бидон,
А у бидона был двойной зажим,
А как напьёмся,
Так лежмя лежим!..

Между первой и второй промежутков небольшой, пуля не просвистит: снова выпили и загомонили, словно куры на жердевых насестах. Елизар, хвалясь учёностью, помянул древлеотеческое поучение:

– Не реку непити: не буди то! Но реку не упиватися в пьянство злое. Я дара Божия – вина – не похую, но похуюю тех, кои пьют без воздержания. Речено: пейте мало вина веселия ради, а не пьянства ради, ибо пьяницы Царства Божия не наследят. – Елизар, чтущий русское Средневековье, изрёк поучение и домислил: – К сему, паря, в братчинных-то пирах и крепилась дружба. А без дружбы, в народе баяли, народ – дикий огород, заросший дурнопьяною травой...

Елизарова учёность не поборола сельский говор, коим он, юродиво кося под деревенского дурня, щеголял, судача с коренными горожанами или книжными мужами.

* * *

Книгочеи с отрочества, а ныне студенты университета... со дня на день ввинтят в лацканы «поплавки»²... вольно ли, невольно повели учёную беседу о братстве народов, и в один голос пропели: де, Сибирь, да и вся матушка Россия – летний луг в радужном свечении тихих и ярких цветов, народные эпосы в их древней мудрости и красе, – а посему долг верного сына России... запомнили, что Тумэнбаяр из Монголии... приложить все творческие силы для процветания Отечества, дабы многонациональное российское поле не обратилось в страну дураков, в мертвенно-серый полигон, взьерошенный ракетами.

Елизар... потом вышло, на свою шею... помянул: де, Фёдор Достоевский, славянофил-почвенник, в гениальной речи на открытии памятника Пушкину изрёк истину, усадив западников задницей в лужу: писатель, художник лишь тогда всемирный, когда узконациональный; лишь народной самобытностью художник интересен миру, поучителен и назидателен.

¹ Хохол, москаль, кацап – русские в сердцах обзывают украинцев хохлами за своеобразную причёску – хохол (оселедец) на бритой голове. Украинцы, в свою очередь, дразнили русских москалями, поскольку в старину именовали Северо-Восточную Русь Московией. Позже к «москалям» добавилось и прозвище русских – кацапы, что означало *как цап*, то есть *как козёл*; носящий бороду, как у козла. Русские носили бороды, когда на Украине по европейскому обычаю бороды уже брили и ношение бороды считалось признаком неопрятности и бедности. У Гоголя в повести «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка» читаем: «Проклятые кацапы... едят даже щи с тараканами», и писатель поясняет: «кацап» – русский человек с бородой. Но есть предположение, что слово «кацап», обозначающее русских, произошло от слова «касап», что на крымско-татарском языке означает «живодёр, скотобоец».

² Нагрудные знаки о высшем образовании.

Други не пустили в душу мысли Достоевского о русской народности в искусстве, им ближе питерские западники, плевавшие на русскую народность с Эйфелевой башни, но парни сочли: не грех выпить и за Фёдора Михайловича – душевед, мистик, в Европе и Японии нарасхват; да и мужик свой, любил азартные игры, а парни, бывало, ночи напролёт дулись в карты, из кармана в карман пересыпая медь и серебро. Позапрошлую зиму Елизар, помнится, неделю резался в карты и, махнув рукой на лекции, из общаги носа не казал – морозы же, но когда продул стипендию, зарёкся. Вот и Фёдор Михайлович, прости ему Господи, играя в рулетку, случалось, всё имение спускал до нитки, у богача Тургенева кланчил деньги, что не мешало костерить благодетеля: «Может быть, Вам покажется неприятным, голубчик Аполлон Николаевич, эта злорадность, с которой я Вам описываю Тургенева, и то, как мы друг друга оскорбляли. Но, ей Богу, я не в силах; он слишком оскорбил меня своими убеждениями. Лично мне всё равно, хотя со своим генеральством он и не очень привлекателен; но нельзя же слушать такие ругательства на всю Россию от русского изменника... Его ползание перед немцами и ненависть к русским я заметил давно, ещё четыре года назад. Но теперешнее раздражение и остервенение до пены у рта на Россию происходит единственно от неуспеха “Дыма” и что Россия осмелилась не признать его гением. Тут одно самолюбие, и это тем пакостнее...» Впрочем, ранее Тургенев вкупе с Некрасовым прилюдно осмеяли Фёдора Михайловича в похабном стишке: «Витязь горестной фигуры, Достоевский, милый пыщ, на носу литературы рдеешь ты, как новый прыщ...»

Лет через семь, одолев аспирантуру и защитив учёную степень, доцент Елизар Калашников, обороняя Достоевского от западников, сбивчиво, обиженно, словно унизили и оскорбили отца родного, оглашал студентам идею русской народности, коя не в лаптях и кислых щах, не в серпе и квасе... хотя и се добро... но в исконной русской любви к Вышнему и ближнему, ко Святой Руси. А лет через двадцать профессор Калашников уже толково проповедовал народность в русском искусстве:

«После братоубийственной сечи, когда самозваная нерусь и русская нежить, искусив вседозволенной волей обезбоженных бар, разночинцев и пролетариат, воцарилась в Кремле и побивала иереев, архиереев, рушила православные храмы, ёрнически осмеивала русские обычаи, обряды, понятие народности в искусстве было “выброшено с корабля современности”... Но явился Сталин, и очнулся народ от безверия и безродности, одыбал и заголосил, было, о русской народности в искусстве, но... свалилась на грешные головы хрущёвская оттепель и заткнула рты кукурузными початками. Всплеснулись народные души в брежневскую эпоху, и всплески навечно замерли в сияющих творениях, но... по грехам опять попустил Господь: Землю Русскую, уже и не державную, не имперскую, словно смрадным, серным дымом из преисподней, заволокло сребролюбием и сладострастием. Моё поколение – поколение смуты и прозрения – запоздало поймёт, как Запад, выигравший у России “холодную войну”, обвёл вокруг пальца русскую интеллигенцию: диссидентов соблазнил “вседозволенной волей”, “почвенников” искусил ностальгией по деревенской и старгородской Руси, по нетронутой дикой красе лесов, полей и озёр. Искусив и одолев Россию, вручил Запад русской колонии “вседозволенную волю” – пейте, пейте и пляшите, бесово отродье, на отеческих костях, в русском Кремле, как на ведьмовском шабаше. От “вседозволенной воли” – заросшие дурно-пьяной травой колхозные пашни, беспросветно нищая деревня, кокетливые старокрестьянские избы в музее под открытым небом, и пригородные пашни, выпасы и покосы, на корню скупленные варнаками, по коим горько плакала тюрьма...»

Но се случится на ветреном и стылом перевале веков, ныне же, в затишье, Арсалан вспомнил: – Великий казахский поэт Алжас Сулейменов сказал: «Серая раса – сволочи...»

Елизар смутно, неосмысленно, уже в тихие брежневские лета чуял грядущее лихо, спустя годы облачив бывшее предчувствие в словесную ткань:

«Укутает землю кровавый мрак, если человечество пожрёт чёрный демон окаянного безродства; гибельно для мира, если “серой расой” в жажде царства и наживы, в расовом помрачении души и разума явятся шинкари, всеу обменявшие богоизбранность на похоти мира сего. У “серой расы” – чёрный поводырь, что кровожадным стервятником кружит над землёй, искушая художжиши народы, сталкивая в межнациональной и междоусобной кровавой брани...»

– Негодяи, не помнящие родства, – Ягор согласно кивнул Арсалану.

В лад им Елизар напыщенно изрёк:

– Не имеющий народности не имеет нравственных законов. Так-то вот, господа старики...

– Да які они к бісу чоловіки?! Роботы! – Тарас махнул рукой в сторону купальщиков и купальщиц, где наявлял транзистор и гулены из «Бони М» пели: «Хочешь потолкаться, детка?..»

На исходе века профессор Калашников будет внушать студентам:

«В эпоху дьявольскую глобализма и космополитизма обережение национальной культуры – не ради этнического сплочения и национального выживания, а, перво-наперво, чтобы грядущие поколения не выкинули на историческую свалку народные идеалы совести и братчины, кои веками свято оберегались, лелеялись в душах, в обычаях и обрядах всякого народа, пусть не в буржуйском содоме, а в мудром простонародье. Без идеалов миру не выжить, как не выжить без солнца, когда смрадная, клубящаяся тьма покроеет землю...»

– Тарас, они не роботы, – Ягор глянул в сторону пляжа, где горожане купались и загорали под любострастные вопли «Бони М»: «I love you!»¹ – нет, старики, они – быдло: пьют, жуют, плодятся... Чем они отличаются от африканских дикарей?!

– Во-во, – согласился Тарас. – Анекдот слышал: два африканца окончили МГИМО², укатили в джунгли. Один стал министром просвещения, другой – президентом племени. И вот министр просвещения пишет бледнолицему приятелю в Россию: «...Ваня, у нас беда: президент, с которым мы учились в Москве, упал с кокосовой пальмы и сломал хвост...»

Елизар поморщился: смутило высокомерие, словно на гнилом древе с ржавой банкой сидел не малорус, а русая bestия со свастикой на рукаве, отроческим румянцем на щеке и демоническим пламенем в безумном взоре.

* * *

И пестом и крестом братья-студенты отбивались от безродства окаянного, но... слово за слово, малорус и белорус вдруг попрекнули русских в насильственной русификации народов Российской, потом Советской империи, и Арсалан согласно кивнул косматой головой: мол, и буряты пострадали от насильственной русификации.

Здóрово, ещё не высохли на хмельных устах славословия Державе Российской – дубовый ковчег, где малые народы спасаются от вселенского дракона, пожирающего вольные племена с их угодыями; уже и на Святую Русь раззявил пасть клыкастую, истекающую кровавой пеной, смердяще пахнущую преисподней; и часа не прошло, хвалили други Россию, коя обороняла братушек от хищных турецких ятаганов, коя на стёртом и сбитом русском горбу вытащила малые народы из языческого сумрака к свету горнему, а вот уже Россия – злобный мировой жандарм, страна рабов и дураков, а в Европе и Америке – рай земной.

Елизар помянул Пушкина: «Ты просвещением свой разум осветил, ты правды чистый лик увидел, и нежно чуждые народы возлюбил, и мудро свой возненавидел...» Други не поняли, с какого бока-припёка Елизар Пушкина приплёл, ибо не чуяли, что скорбел Александр Сергеевич, глядя на порождённую Петром русскую образованщину, коя либо брезгливо косилась на смердов, либо, хуже того, обезбоживая, искушая земной волей и сытой долей, ввергала смердов в кровавую смуту, в лютую тьму преисподней, где огонь, сера, вопли и скрежет зубовный.

Ягор вдруг вспомнил:

– Византийская империя... кстати, многонациональная... процветала десять столетий, а Российская – три века, и не процветала, а прозябала во тьме и нищете. Но и Византийская империя рухнула, когда греки... титульный народ... потянули на себя одеяло, посеяли межнациональную рознь. Империя ослабла, турки её полонили, и захлебнулась Византия в крови... Вот и русские, вроде греков...

– Вы чо, паря, рехнулись?! Белены объелись?! Вас что, пыльным мешком из-за угла?! – возмутился Елизар, но растолмачить, что напраслину возводят на русский народ, не смог – бойкого ума не хватало, а посему братья-славяне, обнявшись с чадом степи, в жарком споре уложили русака на лопатки. Елизар даже застыдился, что русский, но ещё бормотал: – Какая на фиг русификация?! Может, бурятизация?.. Русский фольклор читает доцент Баирма Бадмаевна, хотя кандидатскую и докторскую защищала по бурятским улигерам³, а старославянский – про-

¹ «Люблю я тебя!..»

² МГИМО – Московский государственный институт международных отношений.

³ Улигеры – эпические сказания о былых временах в бурятской народной поэзии.

фессор Зорикто Мункоевич, да ещё и на лекциях похваляется: на международной конференции по старославянскому языку победил славянских учёных... Ладно, мужики, пусть была русификация малых народов, – вроде согласился Елизар, – но если бы не русификация, если бы не блистательные русские переводы, кто бы знал азиатских писателей?! Знали бы в аулах, кишлаках и аймаках... Благодаря русским на весь мир прозвучали Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов, Дондок Улзытуев... и несть им числа...

Елизар споткнулся, узрев, никто его, поверженного, не слушает; вялая вышла оборона, курам на смех, лишь раззадорила друзей-недрузей. Елизар вопрошающе взгляделся в друзей... ладно, Арсалан – сибирские народы таят обиды на русских, вроде неожиданно-незвано явились в их земли, вломились в их угодья, – хотя что Арсалану до родной земли, коли англоман с пелёнок, спит и видит себя в туманной Британии?! С Арсаланом ясно: сколь волка ни корми, вечно в лес смотрит... в Британию, короче... но чего вздыбились русские братья?! Елизар и белорусов и малорусов почитал за русских. Да-а-а, русы, вы похожи на болгар: сколь русские спасали братушек от змеистой турецкой сабли, столь братушки русских и предавали. Оно, вроде, и грех винить западных славян: не предавая русских... братушки вырешили... им не выжить под гнётом соседних держав, кои спят и видят погибель русскую, молятся о погибели русской днём и ночью... Но в Елизаровом селе, поминая эдаких славян, мужик плюнул бы через левое плечо, где анчутка беспятый, и матюгнулся: мол, не братушки, а чушки... А что уж говорить о польской шляхте, коя страшится духа русского, словно бес ладана. Как ни крути, ни верти, одна надежда – малые и белые русаки да сербы...

Тарас, вроде добывая Елизара, лежащего на лопатках, прочёл из Шевченко, который вдруг окрысился на русских, обзывая москалями и кацапами: «...Ляхи були – усе взяли, кров повипивали, а москалі і світ Божий в путо закували... Москалики, що заздріли, то все очухрали. Могили вже розривають та грошей шукають...»¹

Вольно разумелся малорусский говор, и скудоумец бы смекнул: камень Кобзаря – в русский огород; но Елизар молча сглотил русскую обиду: нечем крыть брехню, не подвернулось козыря на Кобзаря. А лет через десять, выведав роковину опального Кобзаря, Елизар поскорбел: эх, братец ты наш единокровный, в гайдамаки обрядился, науськала тебя польская шляхта, ненавидящая Русь, вот и плёл, словно ивовые корчаги, небылицы про сивую кобылицу, чем и отблагодарил русских: выкупили тебя, холопа, выручили тебя, раба подъяремного, а иначе до седых волос жил бы казачком у пана, спяливал бы с пьяного барина жупан, стягивал пропотевшие пыльные сапоги; русские же, выкупив тебя, голого батрака, выучили в академии, восславили как поэта и художника; и не русские, Кобзарь, загнали тебя в могилу, не солдатская служба, где ты воынил, а пьянство увалило тебя в гроб; да и солдатчину ты схлопотал не за вольнодумство, не за украинофильство, а за похабный и дерзкий стишок против императрицы: «Царица небога, мов опеньок засушений, тонка, довгонога, та ще на лихо, сердешнее, хита головою...»; а рисовать тебе, хитрец², запрещали потому, что при обыске шукали и нашукали альбом с похабными рисунками, и в справке Третьего отделения так и звучало: «рисовал неблагопристойные картинки».

Плеснул масла в огонь и Ягор, прихильник Тарасов:

– Тургенев, западник, в пух и прах разнёс русофилов, а заодно и Достоевского... Дурни, молились на русский народ, как на икону. Богоносцы, мать вашу за ногу... На пьяниц и лодырей молились, на дураков молились; в сказках: Иванушка-дурачок на печи валяется, дурью мается; палец об палец не ударит, а ждёт: манная крупа с неба свалится...

– Манна небесная, – поправил Тарас.

– Я и говорю: манка... А если и робили, то как рабы подъяремные...

– Пьяницы, лодыри?! – Елизар выпучил глаза, в которых полыхал гнев. – Пьяницы, лодыри создали Великую Российскую империю?.. Да?.. А перед духовной мощью Империи мир трепетал!..

¹ Ляхи [польские] были – всё взяли, / Кровь повипивали, / А москалі и свет Божий / В цепи заковали... Москалики, что завидели, / то всё забрали. / Могили уже разоряют / Да денег шукают...

² Хитрец (библ.) – художник.

– Однахам, Раднахам, будет драхам, – засмеялся Арсалан, глядя на двух взъерошенных пехоту; вот так же, поди, веселились скуластые ордынцы, глядя, как бранились русские князья, а у холопов... не чубы трещали, буйны головы слетали.

Елизар спорил до хрипоты, задыхаясь от гнева, размахивая руками, брызгая слюной; и усмешливо косились на него братья-славяне, что и спорили-то не из любви к роду-племени, не ради правды; спорили забавы ради, дразнили горячего и заполошного Елизара.

– Русские – пахари, каких свет не видывал! А Емелюшки, Иванушки – блаженные, почти святые, которым на Руси – храмы...

Ягор вроде не сдавался, смеха ради задорил Елизара:

– В Европе – цивилизация, у русских – кислые щи и вонючие лапти... Кстати, Достоевский же и вспоминал: «...Тургенев говорил... мы должны ползать перед немцами... есть одна общая всем дорога и неминуемая – цивилизация, и все попытки русизма и самостоятельности – свинство и глупость...»

– В Иркутске было сорок храмов, в столице сорок сороков, и все – памятники зодчества... Тоже рабы, лодыри и пьяницы возводили?!

– Храмы... – И Тарас снова навалился на кацапа: – Так царизму и выгодно было строить храмы, чтобы рабы молились и не брыкались... Лучше бы рабочим и крестьянам приличное жильё строили...

Ох, как братья-славяне сейчас были похожи на Чекистова!.. Если бы Елизар, прочтя, вызубрил и знал назубок «Страну негодяев» Сергея Есенина, то напомнил бы братьям-славянам и чадам степей странную беседу Чекистова с Замарашкиным:

«Чекистов: – Нет бездарней и лицемерней, чем ваш русский равнинный мужик!.. То ли дело Европа! Там тебе не вот эти хаты, которым, как глупым курам, головы нужно давно под топор...»

Замарашкин: – Слушай, Чекистов!.. С каких это пор ты стал иностранец? Я знаю, что ты еврей, фамилия твоя Лейбман, и чёрт с тобой, что ты жил за границей...

Чекистов: – Ха-ха! Нет, Замарашкин! Я гражданин из Веймара и приехал сюда не как еврей, а как обладающий даром укрощать дураков и зверей. Я ругаюсь и буду упорно проклинать вас хоть тысячи лет, потому что... потому что хочу в уборную, а уборных в России нет. Станный и смешной вы народ! Жили весь век своей нищими и строили храмы Божиим... Да я б их давным-давно перестроил в места отхожие...»

Тарасу надоела перебранка, и он щедро плеснул в ржавые банки багрового «Агдама».

– Ну что, хлопцы, увьпьем уводки, як гутарили древнегреческие римляне...

– Если бы водки да с томатным соком – «Кровавая Мери»... Пьём клопомор, краску, заборы красить... – сморщился Арсалан.

Баяр, насмешливо глядя на братьев-славян, что ополчились на русака-сибиряка, напомнил: «Из-за княжеской усобицы мои предки и полонили Русь». Елизар, смалу памятливым, узрел, услышал древнее, долетевшее из ковыльной степи эхом сабельного звона и шипения стрел, эхом воплей и предсмертных стонов, эхом вороньего грая и бабьего плача:

«...Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себе дяляче... А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, победами нарищуце на Рускую землю... Чръна земля подъ копыты костью была посеяна, а кровию поляна: тугою въздоша по Руской земли... Уныша цветы жалобю, и древо с тугою къ земли преклонилося... Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плъки!..»¹

«Эх, миру бы мирово, – толковал Елизар в грядущем веке, – не ратиться бы миру, не умирать бы малым чадам в адских муках, не выть бы по-волчьи вдовам, а чтобы... тугой лук – коромыслице, калёны стрелы – веретеница...»

Лишь спустя долгие годы Елизар памятливым оком вдумчиво взгляделся в братьев-славян, с коими протирал штаны на университетских лавках, на дружеских пирушках братался, бранился и вновь обнимался; взглядевшись же, запоздало смекнул: одного поля ягода – западенцы –

¹ «...Тогда по Русской земле редко оратаи кликали, но часто вороны граяли, трупы между собой дяля... А князи [междоусобицами] сами на себя крамолу ковали, а поганые сами с победами нападали на Русскую землю... Чёрная земля под копытами костью была засеяна и кровью полита, скорбью взошли они по Русской земле... Уныли цветы жалобно, и древо с тоской к земле преклонилось... [Да будут] здравы князья и дружина, борясь за христиан против поганых полков!»

окатоличены и ополячены, русских не любят. Не случайно же Тараса вытурили из Киевского университета и сослали в Сибирь. Хитрецы... в старину – художники... малевали лубочные картинки в киевском кафе, и Тарас подсоблял, вроде казачка на побегушках, а через неделю зоркое око узрело в размалёванных хлопцах Стефана Бандеру и Романа Шухевича, что верховодили в Организации украинских националистов (ОУН)¹. Тарас в пьяных застольях смехом поминал: «Мужик один, фронтовик, пригляделся и бачит: “Дюже личат, вылитый Стефан Андрійович и Роман Йосипович... – И заорал старый дурак: – Бандера – це ублюдок, якого треба було спалити, як Жанну д’Арк, разом з його близькими! Україна не для фашистів і нацистів! смерть Бандерам і їх прихильникам! Росія вас нагне!.. Трошки терпіння, і отримаєте по заслугах, гайдамаки хренови!..” Долго орал – выжил из ума старый дурак...» Похоже, Тарас умолчал, что зазвучало в его западенской душе: Бандера и Шухевич – герои, кровь проливали за Украину незалежную, вольную от москалей. Похоже, для Тараса и Ягора русская земля – чужбина, а чужбина, яко домовина...

Рыжей осенней листвой слетят с древа жизни суетные годы, и остывшая земля укроется снежным саваном; очнётся стихотворец Ягор Коляда, с покаянной любовью вспомнит, что белорусы, червонорусы и великорусы – братья единокровные, чада матушки Руси; а Тарас Продайвода... уже и не рус, но потомок древних укров, упавших с Луны в Малоруссию... будет клясть москалей в «мировой паутине» и славить бандеровских душегубов. А профессора Калашникова, помянувшего Тараса, вдруг озарит роковая мысль, словно голос явится с небес:

«Господи милостивый, не устами же укра глаголит народ украинский; не народ же – безумец укр, нехрестиями купленный с потрохами, не народ же – отщепенец, интеллигенция гнилая: рядится в шаровары и кошулю, расшитую обережными крестами, повязанную кушаком, треплет оседелец на бритой башке, покручивает вислые хохлатские усы и жадно взирает на Запад: вдруг бросят кость с барского стола; и хорошо бы на лету схватить, иначе другие сцапают... Да и среди русаков эдаких вдоволь... Но то не русаки и не украинцы – быдло безродное, что за гроши заморские сеет рознь между славянами, а из розни зреет брань братоубийственная... Но, слава богу, простолудье – русское, белорусское, червонорусское – умудрённое Господом, не искушённое заморским бесом, извечно ведало с любовью: мы – братья во Святой Руси, и, коли ворог ступит на Землю Русскую, за други своя, яко за братьев во Христе, не пожалеет живота...»

Но то случилось позже, а пока... Братья-славяне и гордый сын степей, оборов русака и забыв мимолётную ссору, заливали байки: изгалялись над Брежневым, что царил в те лета, – вроде дурак дураком; потом измывались над верховной властью и госбезопасностью, поносили Сталина, гробокопатели, и ржали над русским Иваном – дубина стоеросовая, над чукчей Степаном – и того дурней; смеялись над страной дураков, с завистливым вздохом вглядываясь в морское марево, словно высматривая за прибрежным хребтом вожделенный буржуйский рай с джинсами из морской парусины или «чёртовой кожи», с джином и ромом, сигаретами «Мальборо» и дешёвыми портовыми шляхами.

Скоро, скоро недоумки запоят: «Я буду плакать и смеяться, когда усядусь в “мерседес”... Американ-бой, возьми меня с собой...» Русский народ утерять страх Божий, пал на мутной и кровавой заре двадцатого века, но, бог даст, вырвется из блудного плена и тлена, вновь облечётся во Христа и просияет в подлунном мире, о чём пророчили Божии угодники, а западные народы давно уж померли, янки же и вовсе не родились.

Парни поскорбели, что не взяли Шолома, в загатнике которого, словно злые осы, роились хлётские анекдоты; и бывало, на переменах, в сизой от дыма курилке, словно в пьяном кружале, Давид Шолом махнёт рукой: «Старики, есть свежий анекдот про жидов... Помирает Сара Абрамовна, а сынок её Мойша сидит в ногах, поджидает; и вот лежит Сара Абрамовна, глядит в окошко, а за окошком – рябина, а на рябине – синичка... “Синичка...” – шепчет старуха, а сынок строго: “Мамо, не отвлекайтесь...”» Студенты, что, разиня рты, сбились возле Шолома, надсаживают животы от хохота...

¹ По жестокости верховодов ОУН можно поставить в один ряд с самыми кровожадными тиранами. Во время Второй мировой войны по их распоряжениям были жестоко казнены десятки тысяч русских, евреев; не жалели они и родной украинский народ. Реки крови затопили бы весь Евразийский материк, если бы по злой воле судьбы или нелепой случайности Степан Бандера пришёл к власти на Украине или, не дай бог, после войны возымела бы успех подрывная деятельность бандеровских банд, целью которых являлось распространение своего влияния в глубь советских территорий, создание реальной военной силы, способной сокрушить Советский Союз.

Нынче же Тарас травил байки: – Брежнев шаркает по Третьяковке... Глядит на Врубеля – «Царевна-лебедь»... Причиндалы шепчут: «Врубель...» – Дальше Тарас противно шамкает, причмокивает, изображая старого правителя: – «В рубль?.. Красивая картина, и так дешево: в рубль...» Проходит мимо колонны, где зеркало: «Это ещё что за чучело?..» – «Зеркало...» – опять шепчут причиндалы. «А-а-а, Тарковский “Зеркало”, знаю, знаю...»

Канет век, Елизар помянет былых друзей и подивится:

«Ладно Арсалан – в британском бреду, брезгливо живущий в царстве глупцов; ладно Ягор – любодейный стихотворец, богема, без Бога и царя в кучерявой башке, но Тарас – румяный комсомольский вождь, вечный комиссар студенческого строительного отряда, в партию вступил на третьем курсе, в речах громил Европу и Америку, что посеяли “холодную войну” против Советского Союза, и... по заугольям травил анекдоты против советской власти и, выходит, был тайным прихильником врагов Империи. Всё смешалось в хитромудрой душе Тараса...»

Но ведь Елизар тоже слушал поганые байки, где позорился родной народ, и от хохота по полу катался, хотя любил Россию как родную мать, почитал власть, гордился госбезопасностью, посыновьи чтит Брежнева: худо-бедно с благословения властелина в русское искусство вошли лапотные мужики; и не под конвоем, как пролетарии после кровавой смуты, а по зову песенной души.

«...В искусство мужики входили робко, боясь кирзачами поцарапать помещичий паркет; смущённо косились на академиков, но с годами осмелели и, воспевая мужика и бабу от серпа и молота, воспевая хлебородную ниву и доменную печь, явили миру творения слова, живописи и музыки, не уступающие произведениям дворянским. В поле русского искусства возросло и заматерело древо простолюдной жизни, с корнями, кои вспоила, взлaskала мать – сыра земля, с величавой кроной, осиянной крестьянским солнцем...» – о сём, запоздало осмыслив, и писал профессор Калашников, но то случится после, ныне же...

* * *

Юный Елизар не вмещал в страстную и суетную душу святую миссию русских, избранных Богом, спастись и спасти мир от гибели вечной; лишь через десять лет молодой, да ранний, высоколобый учёный Елизар Калашников, помяная историю государства Российского, яро бранясь с просвещёнными западниками, изложит в сочинении:

«По злой мировой воле... а мировому супостату православный русский народ, яко ладан для князя тьмы и смерти... свершалась не русификация – навязывание малым народам русского духа и русского языка, – а насильственная русскоязычная космополитизация, да исподволь – англоязычная. И русские пострадали страшнее, чем малые народы, коль русская поросль не ведаёт народных обычаев и обрядов, коль утратила любомудрую народную речь, и песен старинных не поёт. Но то лишь цветочки-лепесточки трепыхались на лихом ветру, волчьи ягоды вызрели после, когда со вселенским громом рухнула Народная Империя, и нежить, воцарившаяся в Кремле, погребла русский мир, для почина запретив народные песни; и блатной хрип, похотливые куплеты, лицедейские байки, англоязычные вопли помоями захлестнули русскую землю. Воспевая западное мертвотушище, просвещенцы... вырожденцы!.. испокон веку из русских жестоко выбивали русское, словно жизнь из ворога; и безбожная большевистская власть в сем преуспела; сталинская вроде очнулась от поганого безродства, дала русскому народу поблажку, а в брежневские времена простолудье явило миру творческую мощь, но и “пятая колонна” не дремала, после смерти миротворца ухитила власть, и космополитизация, набрав бешеную англоязычную силу, почти сокрушила народ...»

Мудрая мысль приходит опосля; ныне же Елизар лишь виновато склонил голову долу: верно, русские угробили малые народы, но, мол, повинную голову топор не сечёт.

Лет через десять Елизар, постигая русский мир, развенчал бы малоруса, белоруса и сына степей, поведав русскую судьбу:

«Как в домостройной семье, русскому народу Бог даровал судьбу старшего брата, коего родители не балуют, но смалу, словно тягловых лошадей, впрягают в сани и дровни, а другим народам – судьбу младших либо хворых братьев, коих родители... имперская власть... жалеют, холят и нежат. Басурмане сыто посмеивались в холёные бороды: Ванька-дурак – голодный,

холодный, порты в заплатках, сапоги каши просят, но... с ракетой, а ракета не для власти и наживы, как у заморских прощелыг, но ради мира и благочестия, ради процветания народов.

Простец, не вспоивши, не вскормивши, ворога на хребет не наскребёт; или ещё судачили: испил пива да теста в рыло, а приевши пироги, тещу-дуру в кулаки... Инославец, откормившись, презрительно плюнет в русскую спину: "Русак-дурак..."; а упаси бог, занедужит русский медведь, набегут шакалы, вчера подобострастно вилявшие хвостами, ныне рвущие шкуру. Обидится русский, поплачется, но, оклемавшись, зла не помнящий, снова да ладом ублажает, примиряет, дабы жили народы мира в любовном ладу, в неге и холе. И что мы, русские, за народ такой, коль и герой – Иванушка-блаженный, который лишь для того и явился на белый свет, чтобы, туго затянув кушак на тощем брюхе, перебиваясь с хлеба на квас, бродить по миру и, не жалея живота, оборонять слабых, спасать бедолажных, утирать слёзы страждущим, подавать милостыню голодающим?! А в старину ещё и спасать для жизни вечной, крестя и облакая во Христа. В каком ещё народе столь юродивых во Христе, коим солнечно сияют и закатно пылают купола церквей, коль весь русский род после Крещения юродивый?! Где столь блаженных, не умеющих жить мудростью дольней, но жаждущих мудрости горней?! Ну, поди, не вечны дураки да юродивые, а уж как поумнеют русские, за своё имя ухватятся, вот уж забедует, запоёт Лазаря земной шар: перегрызутся народы, яко псы, демоном натравленные друг на друга; некому будет спасать, оборонять, и мировой Молох пожрёт мир.

Колотясь лбом в степь ковыльную, в мерзлоту вечную, в таёжные мхи, малым народам, яко на икону, молиться бы на русских, кои на своём хребте, сбитом до крови, выволокли малых братьев из феодальной тьмы к мировой цивилизации».

Канет четверть века, грамотеи, властители-растлители русских умов, очарованные Западом, отвадят и народ жить по-божески, по-русски, и падёт народная власть, и на землях бывлой Российской империи азиатские народы, колотя в шаманские бубны, с безумными воплями станут русских, веками живущих бок о бок, унижать, оскорблять, побивать, изгонять с земель отичей и дедичей. Елизар, сострадая братьям и сёстрам, осмыслит то, о чём спорил на студенческой пирушке, о чём толковал в лекциях, и обнаружит имперские мысли в сибирском альманахе «Созвездие дружбы», который создал по благословению губернской власти. Когда малая толика тиража вышла в свет, загудели, словно осиные гнёзда, ложи малых народов; взвыли украинцы, белорусы, поляки, прибалты, бесчисленные азиаты, обитающие в Иркутске: «...сам!.. редактор!.. – русский националист!.. сам!.. редактор!.. сеет межнациональную рознь...» Губернская власть, опрометчиво доверившись остепенённому учёному, не предвидела русофильской статьи Калашникова, схватилась за голову, стала утешать и ублажать малые народы: мол, горе-редактор с треском вылетит. Позвонил чиновник из ведомства, кое следило за межнациональными трениями, и поскорбел:

– Я согласен с твоими мыслями, Елизар, но ты, брат, совершил ошибку: ты, редактор межнационального альманаха, печатаешь крамольные мысли о малых народах в передовой статье... Альманах же – не простой... народов Восточной Сибири. Эх, если бы поставил статью в полемическом разделе...

Позже позвонила чиновница из ведомства, радеющая за альманах:

– Елизар Лазаревич, скоро губернская конференция по межнациональным и межконфессиональным отношениям, и мы думали вручить участникам «Созвездие дружбы». Не пропадать же тиражу... Но ваша передовая статья... – чиновница задумалась, как ласковой выразить мысль, но, ничего путного не выдумав, сказала прямо: – Вы не против, если мы вашу статью вырежем?... Три листа, легко удаляются...

Елизар, вообразив, сколь нервотрёпки доставил замордованной чиновнице, вяло махнул рукой:

– Делайте, что угодно...

И случилось же, в журналистскую шатию-братию, освещающую сабантуй малых народов, угодила Елизарова дочь, пославшая записку по мобильному телефону: «Папа, негодяи вырезали твою статью из альманаха. Сейчас Новаку дам в морду – катит бочку на тебя...» Елизар повеселел, засмеялся, живо вообразив, как дочь, махоня с задорно курносый носом, пытается заушить долговязого и горделивого Исаака Новака, почтенного сибирского учёного, чистейшего поляка, что похаживал в синагогу и костёл.

* * *

Книжные беседы притомили, и для полного счастья Арсалан – англгоман, меломан, битломан – врубил портативный магнитофон, и ватага битлов, от коих сходил с ума мир... безумный, безумный, безумный мир... любострастно запела:

Is there anybody going to listen to my story
All about the girl who came to stay?
She's the kind of girl you want so much it makes you sorry
Still you don't regret a single day
Ah, girl, girl, girl.

– Арсалан, ты великий меломан, битломан, англгоман, переведи нам, диким, о чём битлы стонут?.. от похоти?.. от наркотиков? – съязвил Елизар, коего миновала повальная зараза студенческой поросли – пристрастие к модным англоязычным песням. Елизар в отрочестве и юности любил лишь народные песни, любил до слёз, ликующих и опечаленных, и за народную песню, как народную душу, мог глотку перегрызть насмешнику.

Арсалан, высокомерно и снисходительно оглядев деревенского валенка, перевёл песню, похоже, зная на зубок вольное переложение на русский язык:

Кто подскажет, как мне быть и что мне делать с нею.
Я влюбился, на свою беду!
Не жалею ни о чём, и обо всём жалею,
а уйду – и вовсе пропаду...
Ах, девушка, девушка, девушка...

Когда Арсалан по-русски поведал песню, Елизар фыркнул, разочарованно покачал головой:

– И от такой муры битломаны дуреют?! «Жили у бабуси два весёлых гуся...» – и то мудрёнее...

Ухом не поведя в сторону Елизара... дикарь... Арсалан толковал песню:

– Глубокий вдох в припеве символизировал либо тяжёлое сладострастное дыхание, либо долгую затяжку. Битлы пристрастились к марихуане и стали ловко вставлять в свои песни намёки на наркотики. Партию бэк-вокала исполняли Пол Маккартни и Джордж Харрисон, ритмично напевая один и тот же слог. Они должны были петь “dit-dit-dit-dit”, но ради шутки спели “tit-tit-tit-tit”, что по-английски – сиська...

– Я не понимаю молодёжь... – старчески проворчал неумный Елизар.

– А ты кто, дед? – усмехнулся Тарас.

– Не понимаю, как они слушают... тех же битлов, если в английском дуб дубом. Вроде нас... дикарей, – насмешливо глянул на Арсалана.

– Вроде вас, – уточнил тот.

– Сенька, бери мяч¹, – так в устах Елизара, якобы на аглицкий лад, прозвучала благодарность Арсалану. – А давайте, братцы, споём русскую народную...

– Русскую народную, блатную, хороводную... Зачем русскую?! Можно и бялорускую, – Ягор подгрёб гитару, покрутил колки, побренчал и, томно укрыв глаза длинными ресницами, выиграл и запел:

Вы шуміце, шуміце
Нада мною, бярозы,
Кальшыце, люляйце
Свой напеў векавы.
А я лягу-прылягу
Край гасцінца старога,
На духмяным пракосе
Недаспелай травы...

¹ senkju veri mach (англ.) – спасибо, весьма благодарен.

– Егор, дай-ка мне гитару, – попросил охмелевший и осмелевший Елизар и, несуразно брэнча, вдруг, на диво компании, затынул по-латыни:

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!
Post jucundam juventutem,
Post molestam senectutem
Nos habebit humus!
Vivat Academia!
Vivant professores!
Pereat tristitia,
Pereant dolores!
Pereat diabolus,
Quivis antiburschius
Atque irrisores!¹

Парни слушали латынь, вытаращив глаза от удивления: и когда, подлец, вызубрил песнопение древних студентов?! Потом Ягор протянул руку:

– Ну ты, бурсак латинский!.. верни-ко инструмент. – Взяв гитару, проворчал: – Не умеешь играть, не мути воду... Лучше споем-ка, братцы, из вагантов². – И громко запел, ёрнически подражая Давиду Тухманову:

Во французской стороне,
На чужой планете,
Предстоит учиться мне
В университете.
Вот стою, держу весло,
Через миг отчалою.
Сердце бедное свело
Скорбью и печалью...

Бражка, утомлённая латынью, ожила, загорланила; Арсалан всплёскивал ладонями, Елизар колотил банкой в порожнюю бутылку, Тарас бил ладонями в тугое брюхо, словно в бубен, даже сумрачный Баяр повеселел, хлопая в колени.

Тихо плещется вода,
Голубая лента.
Вспоминайте иногда
Вашего студента.
Верю, день придёт, когда
Свидимся мы снова.
Всех вас вместе соберу,
Если те профессора,
Что студентов учат,
Горемыку школяра
Насмерть не замучат,
Если насмерть не упыюсь
На хмельной пирушке,
Обязательно вернусь
К вам, друзья, подружки!

---

¹ Давайте же радоваться, / Пока мы молоды! / После весёлой молодости, / После тягостной старости / Нас примет земля. / Да здравствует Академия! / Да здравствуют преподаватели!.. / Да сгинет печаль, / Да сгинут горести! / Да сгинет дьявол, / Всякий враг студентов, / А также насмешники!

² Ваганты (от лат. *vagantes* – странствующие) – «бедные люди» в Средние века (XI–XIV века) в Западной Европе, способные к сочинительству и исполнению песен или, реже, прозаических произведений.

* * *

Пригубляли чаши за здоровье, вершили за упокой... Охмелевший... может, на старые дрожжи плеснул винца... помрачневший Арсалан, обиженно глядя на Елизара, неожиданно изрёк:

- Я знаю, что ты сейчас думаешь.
- Старик, ты уже мысли читаешь?.. И что я думаю?
- Ты думаешь, что я – бурят...

Елизар в недоумении уставился на Арсалана, не уместая в душе его обиду, и все удивлённо затихли. А Баяр, глядя сквозь чёрные очки, усмехнулся:

– Я – монгол, и горжусь, что я монгол. Монголы полмира покорили...
– Наш однокурсник Давид Шолом – еврей, так ему что, вешаться?.. топиться?.. – спросил Ягор, отложив сладкострунную.

– Зачем вешаться? – усмехнулся Тарас. – Монголы полмира покорили, а жида – мир. Монголы – кривыми саблями, жида – хитростью... Ну, бурят да бурят, я – хохол, Елизар – москаль...

– Хохлы сожгли родную хату, куда теперь пойти буряту... – ни к селу, ни к городу вставил Елизар ходовую в студенчестве, потешную и, казалось бы, глупую присказку; но кто мог провидеть: канет полвека без малого – супостаты сунут малорусам огниво, и те, як малые дурковатые детины, запалят Украину.

- Иди, Арсалан, искупайся, – посоветовал Ягор. – Полегчает...
- Айда, братцы, купаться! – Елизар резво вскочил с валёжины, оголился до синих семейных трусов и, как в деревенском детстве, вприпрыжку поскакал к морю.

За боярышником, ивняком и черёмушником отпахнулся берег; на седых, опалённых зноем топких песках загорали обнажённые горожане, а на тёплой, словно парное молоко, тинистой отмели плескались ребятишки, иные без трусов, и матери, бабки поглядывали, покрикивали на чадушек. Елизару привиделась деревня: серебристые дощатые мостки, далеко забредающие в озеро, сонное, ленивое, зеленоватое на мели; и он, малый, бесштаный, купается у берега; а мать, полоща бельё с мостков, нет-нет да и, заслоняясь ладошкой от слепящего солнца, кричит обычное деревенское: «Зарька, вылазь на берег!.. Опять вглубь полез!.. Утонешь, паразит, домой не приходи...»

Елизар, обойдя шумные семейные таборы, миновал трёх девиц, распластанных на песке, искося позарился на девью статью, и в знойном мираже вдруг померещилась Дарима, возлюбленная из бурятского аймака: губы – капризно изогнутые лепестки саранки, щёки – степные зори, и тело, украшенное голубым купальником, – смуглая рассветная степь, плавно изогнутая увалами, что светятся сиреневыми, голубоватыми цветами ая-ганга¹.

Покоем и блаженством дышало июньское море; призрачно, словно мираж, словно грёзы, синели далёкие хребты; белели, словно снежные гольцы, башенные дома предместья Солнечного; слепяще сверкали на солнце чайки; летели, горделиво задрав носы, моторные лодки с гомонящими ватагами, и белой павой, вальяжно вихляя игривой кормой, плыла вдоль берега крейсерская яхта; а с палубы плыла и, вливаясь в чаячий плач, плескалась над тихим морем любовная японская песня. Вслушиваясь в пение, умиляясь детскости японского звучания, Елизар брёл по отмели и невольно подпевал сёстрам Дза Пинац... правда, на русском языке²:

...Смотрю на залив и ничуть не жаль,
Что вновь корабли уплывают вдаль.
Плывут корабли, но в любой дали
Не найти им счастливей любви.
А над морем, над ласковым морем
Мчатся чайки дорогой прямою,
И сладким кажется на берегу
Поцелуй солёных губ...

¹ Ая-ганга (бурят.) – степной цветок, по-русски величаемый чабрецом и богородичной травой.

² Японская песня на русском языке прозвучала в узбекском фильме «Нежность».

Забредя по горло, затылком чуя взгляды девиц, загорающих на песке, Елизар, похваляясь, плавал и кролем, и брассом, и селезнем нырял, подолгу кружа среди изумрудных водорослей, распугивая серебристые сорожки стайки. Донырялся – в голове зазвенело, и, когда отпыхался, узрел, как из черёмушника вылетели два степных орла в плавках – матёрый Тарас и гибкий Ягор. Зорким и хищным ястребиным оком окинули хлопцы пляж, высматривая дзяучын, словно жертвенных коз, и вскоре уселись подле трёх девиц, перед коими Елизар только что выхвалялся. Пареньки искушаются глазами, дивчины – ушами, и вообразил Елизар, как гарні хлопцы соблазняют – по-уличному, снимают – купальщиц-загоральщиц: Тарас, парубок денежный, сманивает в кабак, Ягор, томно опушая глаза по-девичьи длинными тёмными ресницами, искушает избранницу любовным стихом, вроде: «... Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог, сядем в копны свежие под соседний стог. Зацелую допьяна, изомну, как цвет, хмельному от радости пересуду нет. Ты сама под ласками сбросишь шёлк фаты, унесу я пьяную до утра в кусты...» – И, заманивая, покажет Ягор на густые черёмушники и боярышники, и дзяучына, охмелевшая от любодейных речей, от зеленоватых, кошачьих очей, в сладостных чарах готова вроде не токмо в кусты, а и на край света.

Кажется, девицы, заболтанные, очарованные хлопцами, согласились посетить выпивальную поляну, украсить мальчишник, но сперва решили искупаться, остудить жар, палящий душу. Ребята и девчата дружно забрели в море; но... увидел Елизар... Ягор, торопыга, стал лапать дивчину... у хлопца просто: раз – и на матрас... и дивчина, развернувшись, угостила горе-ухажёра гулкой пощёчиной.

Что случилось дальше, Елизар не видел, уплыл за мыс, поближе к плотине ГЭС, и, когда, чертыхаясь на скользких камнях, затянутых зелёной тиной, выбирался на берег, вдруг оторопел: на сокровенной поляне, под разлапистой ивой, священник... светло-серый подрясник, на русой гриве фиолетовая бархатная скуфья... яко простой смерд, ивовым сучком бодрил тихий костерок, варил чай в закопчённом котелке, жарил окуней, нанизанных на тальниковый рожон; а рядом на пикейном покрывале возле чайных чашек сидела матушка с малыми ребятами, словно курица с цыплятами. Елизар, грешным делом, лишь в кино да на картинках видел поповские семейства: поп – толоконный лоб, поперёк себя шире, в двери не пролазит; матушка – квашня кичливая, бранливая, и чадушки – пышные оладушки. А здесь батюшка – сухой, русобородый, перепоясанный широким ремнём с золотистой бляхой, – воистину воин Христов; матушка – худенькая, светленькая, а трое ребят-дошколят – подсолнушки с васильковыми очами.

Елизару хотелось потолковать с батюшкой о том, о чём болела душа, о чём бранился в кочевом застолье с недругами-другами; хотелось, но не хватило смелости... Лишь на рубеже веков Елизар снова встретит батюшку и, сдружившись, спросит то, о чём шумели бурсаки на морском берегу; и батюшка, седовласый настоятель иркутского храма, Елизаров духовник, побожившись, перекрестившись, ответит:

– В Писании же как?... Для Бога нет ни эллина, ни иудея, но... Господь же возлюбил евреев, избрал евреев и вочеловечился среди евреев... Поскольку все народы бесам жряху – язычники, бесам поклонялись, а евреи – Богу истинному, Иегове. Но хотя Бог и возвысил евреев над человеками, не смогли иудеи устоять перед похотями мира сего: и золотому тельцу поклонялись, и пророков убивали, и Сына Божия распяли... И тогда Господь избрал русский народ, возлюбил, и русские понесли Бога, чтобы спасти худобожий мир... И как предрекал Серафим Саровский, православные славяне сольются в единое царство под грозную и святую русскую руку¹...

Но Елизар услышит заздравную русским, прожив полвека и... воистину промысел Божий... встретив батюшку из полузабытой бурсацкой юности; ныне же Елизар, скользя на камнях, падая, с горем пополам выбрался на берег, поковылял мимо поповского семейства и, минуя батюшку, глянул, и взгляды их сошлись, замерли...

¹ Пророчество преподобного Серафима Саровского: «Перед концом времён Россия сольётся в одно море великое с прочими землями и племенами славянскими, она составит одно море или тот громадный вселенский океан народный, о коем Господь Бог издревле изрёк устами Святых: “Грозное и непобедимое Царство Всероссийское, Всеславянское Гога и Магога, пред которым в трепете будут все народы”. И всё это, всё верно, как дважды два четыре, и непременно, как Бог свят, издревле предрёкший о нём и его грозном владычестве над землёю».

* * *

Синеватые тёплые сумерки выстоялись над морем; и пареньки запалили костерок, наломав сухих ивовых сучьев. Разлили остатки-сладки, и... попала шлея под хвост... Ягор возгласил:

– Есть идея...

– Идея лебедей? – поинтересовался Тарас.

– Нет, идея без лебедей. Рождённый пить, любить не может... Короче, есть идея: а не послать ли нам гонца за бутылочкой винца?

Застолье дружно возопило: «Послать!..» – и тут же кинули на пальцах, гонцом вышел Баяр... на радость приятелям: не надо сбрасываться по рублю, у Баяра денег, как у вахлака махорки. Но, убоявшись хулиганов... отберут деньги у близорукого и тщедушного Баяра... послали и Тараса – косяя сажень в плечах. Когда гонцы вернулись, да не с бутылочкой винца, с двумя «Столичными», когда выпили, охмелели, Тарас неожиданно кинулся на Елизара:

– А ты, Елизар, случай, не из жидив?

– С какого боку-припёку?

– Имя еврейское, отчество еврейское – Елизар Лазаревич...

– А-а-а, вон оно что... – И тут Елизар, на диво сокурников читавший Библию, растолмачил: – Про бедного Лазаря даже пионеры знают... Древнееврейское имя Елеазар значит «Бог помог»... В Ветхом Завете – третий сын Аарона, получивший священство. Померли два старших брата, не оставили наследников, вот к Елеазару и отошло первосвященство, и утвердилось за его родом... А в Новом Завете Елиуд родил Елеазара...

– Мужик родил? – подивился Ягор.

– Тёмный ты, паря, как зимняя ночь... Так говорили древние евреи... Не перебивай... Елеазар родил Матфана; Матфан родил Иакова; Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос...

– Во, во, во... – со злорадным восторгом огласил Тарас, – я и бачу, что ты из жидив.

– Глянь на меня: ты видел русее?

– Ну и что?! – Ягор подоспел на помощь к Тарасу. – Исконные евреи из древних израильских родов тоже русые. Это хазарские иудеи с азиатчиной...

– Смуглые – сефарды, – нежданно-негаданно уточнил Арсалан, – выходцы из арабских, испанских, индийских земель, а европейские – ашкенази, те светлые...

– Во, во, светлые... – согласно кивал Тарас, сокрушённо и сострадательно глядя на горемычного Елизара. – Так что... Опять же, старик, имя у тебя – Елеазар...

– Дался вам Елеазар. Да у меня брат – Исай, сестра – Устинья, дед – Лазарь, бабка...

– Ясно море, – пожал плечами Тарас, – ты же в семье не один еврей.

– Какие евреи?! По материнской линии мы вышли из староверов, а у староверов сплошь библейские имена. Дикие вы люди... Был даже русский святой Елеазар Анзерский...

– Тоже, поди, из евреев.

– ...в Соловецком монастыре основал Свято-Троицкий Анзерский скит...

– Значит, выкрест, – не унимался Тарас.

– От народец, а! – засмеялся Елизар. – Если в кране нет воды, значит выпили жиды. Да?.. Вот мы, москали, к евреям относимся спокойно, а чего хохлы на них окрысились?! Богоизбранный народ, между прочим... Сам Бог в еврейском народе воплотился. Апостолы тоже евреи, и ветхозаветные пророки, что Христа предрекали... Жаль, что и пророков побили, а потом распяли и Христа, что в человечьем образе...

– А потом и вашу Русию угробили... Тьфу! – досадливо сплюнул Ягор.

– Почему вашу? Ты же – русский.

– Я – не русский, я – бялорус.

– Во, во, рус... Да ты бялый рус, может, русее великоруса. Как и малый рус... Хотя... для Бога несть ни эллина, ни иудея...

Очнулся от хмельной дрёмы мрачный монгол:

– Чингисхана свято чтит Монголия как великого полководца, завоевавшего полмира, как создателя Великой Монгольской Империи...

– ...И жестоко вырезавшего полмира, залившего кровью и слезами полмира, – вставил Елизар. – Даже и монгольскую племенную элиту вырезал, не жалея детей, стариков и старух...

– Ханы веками сеяли смуту, и реками лилась монгольская кровь. Чтобы остановить кровь, сплотить монголов в империю, нужно было вырезать племенную и родовую элиту... Что у русских сотворил Иван Грозный и создал Царство Русское. Но в Монголии-то Чингисхана высоко чтут – национальный герой, а почему в России Ивана Грозного клянут? Герой же национальный...

– Так у москалей жиды правят, – пояснил Тарас. – А жиды ненавидят Грозного, прижал им хвост. Грозный им, что серпом по брюху... А москали... дурковатые, продажные... у жидив на побегушках. И тоже костерят Ивана Грозного. Сталин пытался вырезать жидив, так ныне – заклятый враг. А тоже, как Чингисхан, создал Великую Советскую Империю...

Неожиданно Тараса осёк Ягор, дружок его закадычный:

– Ты что, прославляешь кровавых деспотов?! А при чём здесь евреи?! Эти изверги свой народ вырезали...

Заспорил и Елизар:

– Но у деспотов и великие заслуги перед Россией...

– Какие заслуги? Чего ты бредишь?! Плахи, виселицы, тюрьмы и лагеря – вот и все их заслуги...

Не вслушиваясь в перепалку друзей, Баяр усмехнулся:

– У бурят герой – Хитрый Будамшу, вроде арабский Ходжа Насреддин, любого обманет, у цыган – Данко-вор, любого обворует, а у русских – Иванушка-дурачок... Что может быть доброго у русских, если у них национальный герой – дурак?!

– Он – святой!.. – вздыбился Елизар. – Последнюю рубаху ближнему отдаст...

– Он – дурак...

Баяр сквозь зубы выцедил полстакана бормотухи и, воинственно глядя на Елизара, вспомнил былое:

«...Теснимые монголами половцы пали на колени перед русскими, их клятыми врагами: простите Христа ради, спасите!.. а кто старое помянет, тому глаз вон. Русские князья решили подсобить половцам и встретить неведомого врага за пределами Земли Русской. Ратоборцы вышли встреч монголам. Ложным отступлением монголы заманили русских и половцев к берегам реки Калки. В июне 1223 года случилась кровавая сеча на Калке. Дружины русских князей бились разрозненно: ох уж эта удельщина, усобица!.. Увлёклись преследованием отступившей лёгкой монгольской конницы и попали под удар их главных сил. Дружины Мстислава Удалого, Данила Галицкого и Мстислава Черниговского были разгромлены. Киевские полки Мстислава Старого не вступили в брань, но монголы окружили их и вынудили сдаться».

– Десять тысяч русских монголы побили в сражении, пленили девять князей из восемнадцати, уложили под брёвнами помоста и пировали на князьях, наслаждаясь их воплями, – поминал Баяр. – А русских баб и девок...

– Ну ты, Чингисхан, успокойся! – сурово осадил монгола Елизар, враждебно глядя в его лицо, плоское, словно пустыня Гоби, злое и жёлтое. – А то я тебе, дружище, устрою Куликово поле...

Помянулось смешное и грешное... Вешней порой, когда коты и кошки, ватажась на чердаке, с воплями и стонами вершили свадьбы, и в студенческой общаге пахло похотью и сиренью, кою архаровцы безбожно ломали, забираясь в частные усадьбы. Даже заморённый буддийской хитроумностью Баяр, в коем, чудилось, текла ленивая степная кровь, и тот ошалел от сладострастной сирени, сплёл стих, надеясь лирикой соблазнить русскую деву: «Твои глаза, как пустыня Гоби... Я пошёл танцевать с тобой танго, и ты меня раздавила, как танком...»

Елизар жил с монголом в старой университетской общаге в одной клетушке-комнатушке и дружил, поскольку оба сочиняли: Елизар – роман о Грозном царе, Баяр – русскоязычные стихи, да и вырос Елизар в забайкальском селе, среди бурят, кои монголам – кровная родня. И хотя ночами похаживала к монголу монголка, и парочка, тыкен да ярочка¹, радела до рассвета, Баяр положил глаз на русскую деваху, и однажды накрыл щедрый стол в ревсомольской² комнате, куда и заманил деву, увы, с Елизаровой помощью – клюнул вечно голодный студент на обильные яства, сомустился, любитель вы-

¹ Тыкен, ярочка – баран и овца.

² Ревсомол – революционный союз молодёжи.

пить на дармовщинку. Да и Баяр ввёл Елизара в заблуждение: мол, влюбилась в него деваха, сохнет на корню...

Выпили архи... водочки, по-русски... закусили степной бараниной, и монгол завёл знойное танго, и попёр на девушку танком.

Утомлённое солнце тихо с морем прощалось,
В этот час ты призналась, что нет любви...

Елизар выпивал, закусывал, искоса поглядывая на танцующую пару, хотя... танцы уже обращались в похабные обжиманцы: Баяр, уткнувшись мутными очками в обильную грудь... деваха оказалась на голову выше Баяра... теснил жертву к стене, где гарцевал на белом жеребце потомок Чингисхана, Дамдин Сухэ-Батор, монгольский революционер. Слева от портрета желтела дверь в чулан, где ревсомольцы хранили знамёна и портреты вождей для первомайских демонстраций. Елизар мрачнел; запоздалое раскаяние палило душу, словно за бутылку водки продал сестру в басурманский гарем. Брезгливо отодвинув чашку стылой баранины, зло плеснул в глотку полстакана сивухи и мысленно посулил: «Нет, раскосый и скуластый, не дам девку в обиду; не видать тебе русской девы как своих ушей...» И уж хотел было подняться из-за стола, но тут и деваха учуяла: палёным пахнет. Попросила ключ... монгол запер ревсомол... вроде, нужда прижала, и Баяр, уверенный, что покорило сердце русской девы богатыми напитками-наедками, тут же выдал ей ключ. Дева скользнула в дверь и, неожиданно заперев приятелей на ключ, вернулась часа через два, презрительно кинула ключ в отпахнутый ревсомол, где Баяр под хмельной хохот Елизара рвал и метал, проклиная русское коварство.

Певец пустыни Гоби, с досады хлопнувший стакан архи, привычно куражился: дескать, мы, монголы, полонили жалкую Рязань... то у него битва на Калке, то на Рязани... уложили русичей, на телеса их постелили доски и пировали, празднуя победу. Хотя и смешно было слушать похвалу от вырожденца, глаза которого, словно конские шоры, укрывали толстые очки, хотя и бредил пьяный, но Елизара... худо-бедно единовец, единокровец рязанских ратников... взбесил нахвальщина: «Врёшь ты всё, пёс поганый!.. Сроду русских шлемоносцев не стелили под столешню! А что смертным боем били русские богатыри вашего брата-арата, так это верно...» Подрались бы, словно на поле Куликовом, но монгол вовремя спохватился, замял ссору; смекнул, чай, не в пустыне Гоби, в Русской земле живёт, русские парни мигом рога обломают.

А на другой день после ревсомольской попойки приятели-писатели, заспав брань, мысленно порешив, кто старое помянет, тому – в глаз, бредили о модных в ту пору туманных мудрецах Ницше и Шопенгауэре, об изящных верлибрах¹ Поля Элюара, об экзистенциализме Альбера Камю, сюрреализме² Франца Кафки, о древнеяпонской лирике в стиле хокко и танка, об университетском барде Сокольникове, сочинившем в сей манере: «В Японии выпал снег, и розы постриглись в монахини...»

Вот и теперь, на берегу рукотворного моря, где гуляли студенты прохладной жизни, у светлого валуна, служившего столешней, монгол, вздыбившись, тут же утихомирился – шибко уж грозно глядел Елизар, словно вот-вот махнёт казачьей шашкой, и басурманская головушка с плеч долой, покатится в ивняк, заросший густой сухой травой. Но... пьяный – худой... Баяр вскоре кинулся на Арсалана:

– *Бурят* – от слова *буриха* – уклоняться. Монголы пошли на Русь, а буряты повернулись спиной... да, повернулись спиной, уклонились от похода, струсил...

Глаза Арсалана – два бамбуковых лука с незримыми стрелами – хищно сузились:

– Чего ты мелешь?! Как буряты могли повернуться спиной, если Тэмуджин, будущий Чингисхан, – бурят... – Баяр оторопело уставился на Арсалана. – Были племена хори-монголов, булагачинов... булагаты, ныне... и керемучинов... эхириты теперь... которые и стали частью бурятского этноса... Прародительница чингисидов Алан-Гоа родилась на хори-туматской земле Баргуджин-Токум... ныне Баргузин... что вокруг Байкала. Предком Чингисхана по материнской линии был Хорилартай-Мерган – хоринский бурят...

– Арсалан, Еравнинский аймак, где я родился, вырос, граничит с Хоринским районом, – вставил Елизар, хотя Арсалан и глазом не повёл в его сторону.

¹ Верлибр (белый стих) – нерифмованный, ритмический стих.

² Экзистенциализм, сюрреализм – формальные направления в искусстве.

– ...и выходит, что Чингисхан родился среди хоринских бурят, которые издавна кочевали по берегам реки Онон. Археолог Киселёв доказал место его рождения – урочище Делюн-Болдок в Аге. Кстати, такое же урочище есть и по другую сторону границы, в Монголии, где тоже живут хоринские буряты. Но раньше границы не было, а была сплошь бурятская земля...

– Монгольская, – поправил Баяр. – И Чингизхан – монгол, а племена, про которые ты говорил, были монгольские племена. И бурятами стали через века, когда с тюрками смешались...

– Ладно, но *бурят* – не от слова *буриха*, а *буряад*... *баряад* – от слова *бар* – могучий, тигр...

– Ты – тигр?!

– Я – Арсалан, я – лев...

– Ты?.. лев?.. – Баяр всмотрелся в Арсалана: пышнотелый, малорослый, с неожиданно крупным бледно-рыхлым лицом, похожим на маску Будды. – Ты?.. лев? – Баяр засмеялся, потом захохотал, укрыв лицо руками, раскачиваясь на валёжине.

Сдуру засмеялись и приятели, оглядывая «льва», и Арсалан усмехнулся:

– Блеете, как бараны... А ты... далжа байһан ада шүдхэр... убуштэй буксэ!¹...

Хлёстко выговорил Арсалан монголу по-бурятски, и пересмешник, толмача в бурятском наречии, мрачно затих.

– А есть хакасская версия: *пыраат*, – сверкнул учёностью Елизар. – Под таким именем русским казакам стали известны монголоязычные племена, что жили к востоку от хакасов. А потом уж *пыраат* обратилось в русское *брат*. И стали эхириты, булагаты, хонгодоры и хори величаться *буряад*. А в русских летописях – *брацкие* люди, братья...

– Ага, братья... – ядовито усмехнулся Баяр. – Один русский мужик сказал: бурят родился, еврей горько заплакал...

Едва Баяр домолвил, как тут же и слетел с валёжины, словно пёс хвостом смахнул: над тихо шающим костерком мелькнули лакированные башмаки, и бедовая головушка угодила в ивняк. Парни оторопели, диву дались, как тихий и дебёлый Арсалан, даже не вставая с валёжины, умудрился дать монголу в лоб. Парни вскочили, зашумели, вытянули бедолагу из кустов, где тот чудом нашарил очки. Арсалан поднялся и, похоже, решил добавить монголу, но меж соперниками встал бугаистый Тарас:

– Что вы делите?! Вы же один народ... Успокойся, Арсалан, прижми хвост... Языком болтай, а рукам воли не давай. И ты... Чингисхан!.. охолопись, иди сполосни лицо...

Когда вернулся мокроволосый и сникший Баяр, Тарас подвёл его к Арсалану:

– Баяр, извинись...

Монгол едва слышно, невнятно извинился, и Тарас силком сплёл ладони земляков, потом велел:

– Миритесь!..

Елизар добавил ребячью присказку:

– Мирись, мирись и больше не дерись! А если будешь драться, то я буду кусаться.

– Говорят, в общаге два монгола-журналиста подрались, один другому ухо откусил, – вспомнил Ягор. – Говорят, с голоду...

– Говорят... – усмехнулся Тарас. – Говорят, москали кур доят...

– Давайте, мужики, выпьем чашу мировую, круговую! – Елизар лихо плеснул в ржавые чарки. – В любви и дружбе нам хама угэ², бурят ты или русский, еврей ты аль татарин. В любви несть ни эллина, ни иудея... За дружбу народов!

Други, вспомнив земли отичей и дедичей, вдруг с усладой и отрадой заговорили на родных наречиях.

– Людина без друзів, що дерево без коріння! – возгласил Тарас.

– Сяброўства!³ – Ягор взметнул стакан.

– Найрамдал!⁴ – согласился Баяр.

¹ Далжа байһан ада шүдхэр... убуштэй буксэ – взбесившаяся нечистая сила... глупая задница.

² Хама угэ (бурят.) – всё равно.

³ Сяброўства (белорусс.) – дружба.

⁴ Найрамдал (монгол.) – дружба.

– Нухэрлэгэ!¹ Танилтай хүн талын шэнээн, танилгүй хүн адхын шэнээн², – благословил здравичу и Арсалан, остывший, после Баяра окунувший буйною головушку в закатное море.

– Дружба, як дзеркало: розіб’еш, не складеш, – подхватил Тарас.

– Эльбээргэ хайтай булган элэхэгуй, эб нэгэтэ хунууд илагдахагуй³, – Арсалан вспомнил любую мудрую побаску.

– Еврейский народ породил Христа, а всякий иной народ – бурятский, монгольский, русский – гениев добра, – рассудил Елизар. – А негодяи во всяком народе водятся...

– Ойн модон үндэртэй набтартай, олон зон-хайнтай муутай⁴, – Арсалан опять заговорил по-бурятски, словно, бежав из британского плена, очутившись в двуречье Уды и Селенги, ошалел от родной речи.

– Я же в русско-бурятском селе вырос, и тамошний поэт Василий Байбородин песню сочинил, а в песне поётся, – Елизар не пел, а, помахивая руками в лад, сказывал речетативом:

Резвится средь гор голубая Уда.
На пастбищах сочных пасутся стада.
В цветных полушалках луга и поля.
Яравна, Яравна моя!
Народ-богатырь в нашем крае живёт.
Под солнцем свободным он счастье куёт.
И русский с бурятом одна здесь семья.
Яравна, Яравна моя...

После стиха Елизар пояснил:

– Яравна... Кочевали в Яравне тунгусы, потом... в начале семнадцатого века... казаки пришли, срубили острог Яравнинский, а потом и кочевые буряты явились, но!.. – парень погрозил пальцем грядущим супостатам, – но!.. русские силком не гнали эвенков и бурят под руку белого царя; те сами слёзно просились, чтобы не вырезали монголы либо маньчжуры...

Елизар почуял, что языком впустую молотил: лишь закатное море и ветерок, шелестящий листвою, согласно внимали словесам; Баяр хвастал Арсалану, что в третий год учения в Белграде говорил на сербском похлеще сербов; Тарас разливал «Столичную», а Ягор, задумчиво пощипывая струны, тихонько тянул:

А я лягу, прылягу
Край гасцінца старога
Галавой на пагорак
На высокі курган.
А стамлѣнныя рукі
Вольна ў шыркі раскіну,
А нагамі ў даліну,
Хай накрые туман.
А стамлѣнныя рукі
Вольна ў шыркі раскіну,
А нагамі ў даліну,
Хай накрые туман.

На песню... шалые бабочки-метляки на костёр... потянулись и купальщицы, словно чаровницы-русалки всплыли из морской пучины, и вдохновлённые паренёчки суетливо, наперебой манили русалок к тихому костру, каменному столу; но девицы робели, таились в тальниковой тени. В ночных

¹ Нухэрлэгэ (бурят.) – дружба.

² Танилтай хүн талын шэнээн, танилгүй хүн адхын шэнээн (бурят.) – имеющий друзей подобен степи, не имеющий друзей – пригоршне.

³ Эльбээргэ хайтай булган элэхэгуй, эб нэгэтэ хунууд илагдахагуй (бурят.) – меха соболя неизносимы, дружные люди непобедимы.

⁴ В лесу бывают деревья высокие и низкие, среди людей бывают хорошие и плохие.

бабочках, хотя и облачённых в платьишки, Елизар признал купальщиц, что сразу за черёмушником коптились на жарком солнышке, вялились на морском ветру, и одна из них заушила Ягора, когда тот дал волю баловным рукам.

– Господа, уступите барышням кресла, – велел Тарас, и трое – Елизар, Арсалан и Баяр – слетели с бревна, на кое дивчины стеснительно сели.

Тихо, чтобы не рушить песнь, Елизар спросил Тараса:

– А как по-украински «Я тебя люблю»?

– Я тэбэ кохаю. А любимая – кохана... А по-белорусски «Я цябе кахаю».

– А я могу девушке и по-бурятски загнуть, – прихвастнул Елизар. – Би шамда дуртэб...

Арсалан колюче покосился:

– Русские девки всем на шею вешаются. Им до фонаря, азер, грузин, армян... А у бурят строго...

Елизар, затаив обиду, ответил:

– У русских тоже было строго... А если любовь?.. Там же не смотрят: бледнолицый, краснолицый...

– ...Чингачгук Большо-ой Змей, – досказал Тарас, подымая чару. – Ну что, дивчины, может, отведаете?.. – Те замахали руками. – Ну, хлопцы, тогда на посошок... А потом – стремянная... Ягор!

Песняр помотал головой и дальше повёл грусть-тоску:

Вы шуміце, шуміце
Нада мною, бярозы,
Асыпайце, мілуйце
Ціхай ласкай зямлю.

Звёзды высыпали на тёмно-синем небе... Арсалан, безмятежно откинувшись на траве, задремал под белорусский мотив, хотя и пробормотал спросонья: «Подыщите мне красивую бурятку...» К плечу его притулился Баяр, очкастый, сухонький... и в чём душа держится?! чёрный костюм висит как на плечиках... Монгол, посмеиваясь, что-то бормотал на степном наречии: может, привиделась бескрайняя жёлтая степь, отара овец, серым облаком плывущая к багровому закату, белая войлочная юрта, сизый дымок костерка и молоденький чабан с девушкой... седло к седлу, нога к ноге... рысят к юрте на коренастых, мохноногих монгольских конях; и паренёк говорит милой о любви: «Би та нарт хайртай...»¹ – отчего бугристые девичьи щёки горят стыдливым полымем, а глаза смущённо опушаются тенистыми ресницами.

А я лягу, прылягу
Край гасцінца старога,
Я здарожыўся трохі,
Я хвілінку пасплю.

Елизар слушал, млено глядел на догорающий костерок, озирал чёрное море, где трепетали и вытягивались цветастые отражения городских огней, и сизым миражом оживали в памяти Елизара сухие забайкальские увалы, за коими синела тайга; виделось родимое село... зорево позолоченные избяные венцы, пылающие избяные окна... где в братчинных помочах и потешном, балагуристом ладу жили русские – рыбаки да таёжники, и буряты – чабаны да охотники, где вешним жаворонком отпела его юная степная страсть к раскосой и скуластой, что в долине целовалась с желтоликим солнцем...

2014 год

---

¹ Би та нарт хайртай (монгол.) – я люблю тебя.

Проза

Иван Привалов

Иван Иванович Привалов – г. Калининград. Член Союза писателей Луганской Народной Республики. Автор повестей и сборников рассказов о жителях Калининградской области: «Следы на песке», «Самый западный день», «Хроника опалённых вёрст», «Неизвестный капитан», «Тоннель под Преголей», «Звёзды, рождённые горами» и др. Выполнял служебно-боевые задачи по восстановлению конституционного порядка и разоружению незаконных вооружённых формирований на территории Северного Кавказа. Награждён орденом Мужества, медалью «За отвагу», медалями ордена «За заслуги перед Отечеством». Обладатель Серебряного пера Руси в военно-патриотической номинации Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2018).

ДОРОГА

Рассказ

Эта поездка задумывалась давно.

Уже выбрали имя.

Пашка.

Уже звали по имени.

Павел.

А он прислушивался к голосам и из животика радостно бился ногами. Наверное, смеялся и хулиганил в ожидании встречи.

Родился.

Закричал в мир Павел свет Иванович.

Сын!

И с первых дней вопрос: когда и где крестить? Зачем?

Такой вопрос и не стоял, и не появлялся. Сказать, что так надо, или такая традиция, или потому что захотелось или нужно – это вообще не к нам. Подумать, сказать, умными словами про Бога и церковь, про необходимость и обязанность – это тоже не к нам. Мы семья. У нас свои традиции, мысли и жизнь. Церковь и Бог в окружающей суете и заботах где-то на горизонте повседневных забот. Огромными скалами, спрятанными в кудряшках облаков. Бог и церковь – как воздух и солнце. Настолько рядом и вокруг, и всё, что незаметно.

А крестить... Отцы наши и деды, мамы и бабушки, наши предки были православными. Как и их родители и родители их родителей. Из века в век... Что тут ещё сказать? Дети продолжают веру и нашу жизнь. А крещение – это скромное посвящение в армию Христа...

Написал и замер. В духе последних событий...

Крестить...

Но всё никак и никак...

Конечно, мечталось, чтобы крестил тот, кому безмерно доверяешь – Кириллу. Услышать слово его позволить сыну. Одарить. Но он стал Патриархом, и не пробиться к нему. Но высок трон и статус. Далеко до него. А жаль. Хотя уж тридцать лет у сердца иконка, подаренная тогда ещё просто владыкой Кириллом, с ликом Христа, со словами «Спаси и сохрани». Не помнит он уже, наверное, тех ребят в камуфляже, которых он провожал словом напутственным, словом, оберегающим в метель, напоённую пулями, взрывами и злом. Провожал словом веры защитников Родины. Провожал воинов света... а ведь тогда мы все вернулись живыми. И сберегало нас слово и дыхание Бога... Тогда, когда услышал и почувствовал каждой клеткой тела, что Бог есть. Тогда, когда спас и сохранил... Владыка может забыть – много нас было, но мы-то помним... Не чужой он земле Калининградской.

Но это детали...

Хотелось сразу, как положено. Хотелось в Москве...

Но жизнь внесла коррективы в жизнь, в мысли, в дела. Началась пандемия. Вирус напал на страну и мир. Остановились перемещения по стране, городам. Страх охватил всё и всех. Оцепил. Люди перестали ходить в гости, лазить в окна к любимым женщинам, ездить на автобусах и трамваях. Люди укрылись друг от друга за масочным частоколом. Любопытный чих воспринимался взрывом и угрозой жизни окружающих. Блестящие глаза – нападение. Страшное время, когда и гулять-то с Пашкой, как и многие другие родители, ходили потихоньку, с наступлением темноты. Когда детские площадки опоясывали сигнальными лентами и плакатами с запретом детям играть на них. Когда ребёнку воздух нужен, и ты вырываешь его тайком от следящих и контролирующих... Но это в прошлом, и пережили это. Только не покрестили Пашку из-за вируса гулящего. Боязно было. Но время позволило посмотреть на многое под другим углом и светом. Взвесить, обдумать, оценить, определить ориентиры. Тут уже определились, кого просить о крещении и где: Ярославль и отец Константин.

Желание – это хорошо, однако финансы хоть и не пели романсы, но добраться из Калининграда в Ярославль семье из четырёх человек дело хлопотное как тогда, так и сейчас. И в финансовом плане, и в физическом. В физическом – только самолётом, а цены неподъёмные. Поезд – можно, но могут высадить на территории «дружественных» стран НАТО, и что будешь делать? Самое простое – сесть на машину, по деньгам бюджетно и просто. Но это в большой России просто. А из Калининграда это практически невозможно. Ни виз нет, ни желания сгинуть по дороге в Литве. Не любят нас там чиновники, не любят. Нормальные люди, конечно, там есть, но прячутся, чтобы на фоне сатанинской желчи не обвинили в любви к России, чтобы не стали гнобить в паранойе и бешеной злобе к нам. У них же тоже так, как везде, думают – бей своих и чужие тоже будут бояться. Потому на большую землю только самолётом и можно долететь. А это деньги. Но тут маме родное МВД денег заплатило за то, что уволили находящуюся в отпуске по уходу за Пашкой. Не дав доработать до пенсии три года. На фоне криков и оров, что в МВД жуткая нехватка кадров, в речах по поиску сотрудников, в объявлениях и заманухах. Маму, желающую не только служить, но и умеющую и знающую. Как и многих других. Только бла-бла-бла. Везде. На самом деле это всё кого-то устраивает и всё как обычно. Некомплект – это в головах, а в жизни по-другому. Побеждает тот, у кого ручка в руках, а не тот, кто прав... В общем, выперли маму из органов с угрозами, что если не напишет рапорт на увольнение сама, то уволят по такой статье, что она пожалеет навсегда. Такая политика. Написала. Дали зарплату за два месяца. На неё и купили билеты. Спасибо МВД.

А ведь волнительно – давно не только что не летали, а вообще из области никуда не выезжали. Как и многие. Опустили политический занавес в Польшу да подняли финансовую планку в Россию – и всё. Это тоже кому-то нужно?

А дети волнуются перед встречей с самолётами. Не поднимались они ещё так высоко в своей жизни. В первый раз... От Калининграда до Москвы...

А облака – они снизу...

И так хочется открыть дверь и шагнуть. Пройтись и посидеть на белом безмятежном безграничном поле...

Перелёт.

Посадка.

Рёв турбин, шум, гул и блеск аэропорта встречающей Москвы...

Восторги детей. Волнение взрослых. Столица всё-таки. Наша столица. Главный город России.

Всю жизнь мечтал встать у моря и идти. Идти к истокам. Вдоль берега шумящих волн, по берегам полноводной реки, впадающей в море, по ручейкам, насыщающим реку, к родникам, питающим...

Ну что ж...

Поехали...

Дорога Москва – Ярославль.

Что такое дорога? Кому асфальт – чающаяся и расплавленная смола, а кому длинные чёрные ленты, раскиданные белыми штрихами...

Поехали.

Барашки облаков, по которым недавно хотелось побегать босиком, теперь улыбаются сверху, укрывая – раскрывая солнце. Встречая на горизонте, уходя в стороны справа и слева, исчезая за спиной. Они стоят, а мы едем. Шуршим колёсами.

И линии. Чёрная жожа дороги с белыми сплошными, извилистыми, прерывистыми нитями, зажатая серыми полосами оцинкованного, заляпанного дорожными брызгами. Пришпиленная шляпками болтов и изгибов, опалённых солнцем и морозом железа. Между внезапно появляющимися, вздыбившимися высотой и стремительно пропадающими шумоспасательными щитами, за которыми внезапно прячется и появляется мир.

Недоступная жизнь на скорости гудящих колёс. Лесов, полей и рек. Надо только вырваться из этих объятий. Освободиться. Выглянуть из мелькающего тоннеля условностей и ограничений, из смрада асфальта и кашля неосаждаемой пыли.

Немного времени, и машина выносит из дорожного каньона. Глаза перестают наткаться и биться по нависшим и обступившим баннерам и указателям придорожных красот и...

Воздух...

Чем дальше от Москвы, от засилья машин, домов, тем просторнее. Небо становится больше. Будничная пыль перестаёт хватать за колёса. Воздух становится прозрачней...

А дух захватывает...

Одни придорожные мелькающие названия поражают, вызывают первобытный восторг... О многом мы не слышали и даже не догадывались. Живём на своём маленьком острове с расстояниями от границы до границы в триста километров и считаем, что много. Едем с запада на восток, а названия наши да свежие, и, наверное, примелькались в сознании. А тут, с каждым метром, с каждым километром, Россия дразнит, обступает, обнимает, привлекает... Читаем вывески и указатели и удивляемся непознанному, витиеватости и древности русского. Пытаемся толковать, понимать. Открыть для себя...

Гольгино.

Река Паж.

Хотьково.

Абрамцево.

Придорожное кафе. Завлекает огромный каменный лось с привязанными на нём ленточками всех цветов радуги. Белыми. Красными. Синими. Болтаются ветром ожидания, возвращения и радости свидания. Маленький курносый ослик с клумбой на спине привлекает. Дети, засидевшие и уставшие поездкой, бегают по простору зелёной придорожной травы.

Бужаниново.

Душищево.

Ручей Свистовка.

...И храмы...

Сколько их тут! Мы уж попривыкли, что наши церкви в Калининграде, те, что старые, остроконечные. Не обращаем внимания, что на некоторых католических храмах кресты в виде мечей или мечи в виде крестов. А тут Русь. Тут купола с крестами. Без намёков и сомнений! Это у нас, там, совсем другая архитектура. А тут...

Церковь.

Храм.

Вон, там! Вдали, на горизонте, на холме. В ореоле разбросанной зелени деревьев. Собравший у подножия, укрывший под своим куполом сотни крыш домов. Пронзающий куполом и крестом небо... Огромный. Большой. Величавый.

А вот маленький. У дороги. За одноэтажными домами и печными трубами. За неровными серыми, зелёными деревянными заборами под два метра. За плакатами праздников и рекламы. За магазинами и ларьками. Раздвигает горделиво. Куполами и колокольней с достоинством смотрящий в небо. А купола синевой сливаются с небом, теряются, оставляя парить над всем царственно скромные русские кресты...

Величие.

В большом и малом.

Выползова слободка.

Лесная сказка.

Переславль-Залесский.
Музей Александра Невского!
Дендросад.
Троицкая слобода.

Оставшийся из нашего мира огромный и красный памятник бывшего Советского Союза – Серп и молот.

Река Нерль.
Улица Подгорная.
Ботик Петра!
Дертлики.
Нагорье.

Названия стучат и тревожат сердце. Тут у них совсем другое звучание. Тут они... Другие... Не такие, как у нас. Русские полностью и целиком. Нет иностранного засилья кидаящихся вывесок шопов и маркетов.

Река Трубеж.
Переулок Трудовой.

Деревянные, брёвносложенные, квадратные дома. Блики окон, обрамлённых резными наличниками. Открытые для всех ставни.

Блинная. Огромный дом. Небольшой крепостью у дороги. Двухэтажный. Квадратные жёлтые кирпичики на мощном фундаменте булыжников. От одного вида его хочется блинов. Его единственно достаточно, чтобы понять, что здесь Россия и ничто другое. А крыша, а крыша – словно девушка, русская девушка повязала платок... Зовёт, смеётся, приглашает...

А ещё тут есть всемирно известная улица Строителей. Манит туда скромный указатель, отражаясь на сердце новогодним фильмом. Улыбкой.

Окна. Старые добрые окна. Деревянные, запылённые, перекошенные... и нарисованные...

Дом знаменитого царя Берендея. Искушает и манит в трапезную. Но торопимся и с детским вздохом проезжаем мимо.

Улица Кошкина.

А у танка-победителя в Великой войне наших отцов и дедов останавливаемся. Гордый, величавый, непобедимый, застыл на высоком белом постаменте. Русский дух. Без слов. Т-34 – наша Победа!

Река Чёрная.

Любилки.

Львы.

Река Ишня.

Река Мазилка.

«Щучий двор».

«Лукова слобода».

Ярославль...

Останавливаемся, разминаем ноги. Звоним уточнить, сообщить о прибытии Пашиным будущим крёстным, людям православным и глубоко верующим – матушке Алёне и Лаптеву Павлу.

Выезжаем из Ярославля, машем рукой медведю с топором.

Указатель сообщает, что чуть влево, всего километр, и там будет Русь. Самая настоящая. Но нам нужно в Никульскую Слободу, к родителям Алёны. Валентине Леонтьевне и Николаю Васильевичу. Хочется свернуть, заглянуть, посмотреть, как там эта Русь живёт, чем дышит, что с ней и как... Но там вывеска, а у родителей Алёны самая настоящая, бережно сохраняемая православная Русь, в каждом движении, в каждой мысли, в каждом вздохе.

Бовыкино.

Сарафоново.

Бардуково.

Зяблицы.

Хозницы.

Малозиново.

Река Пажица.

Дорожаево.
 Бузаркино.
 Домнино. И Большое, и Малое.
 Богатырёво...
 Никульское.
 Музей космоса.

Сразу за указателем, на полянке, огромный медведь и маленькая Маша, с корзинкой. Встретились – мимо не пройдёшь. Тут, на этой земле, родилась первая женщина-космонавт – Валентина Терешкова. И тут, у дороги, потемневший временем сруб с куполами – церковь Николая Чудотворца... Храм и космос... Рука об руку... Здесь Русью пахнет...

Хорошо в гостях. Привечают. Валентина Леонтьевна и Николай Васильевич. Маленькие теплички. Молодой сад. Грядки с луком и чесноком. Клумбы с цветами. Досками выложенных дорожек. Маленьким ухоженным домиком с не прекращённым ремонтом, постоянными трудами и рыжей кошкой. Иконами в красном углу. Столом, захваченным котлетами, картошкой, зеленью, тазиком салата. Привечают. Кушаем. После такой дороги дети лопают всё, без капризов и разбору. А нам бы наговориться. Говорим-говорим-говорим...

Отдохнули. Поели. Устали. Встали и с трудом поехали. Нам дальше. Ещё километров семьдесят. Карачиха.

Роснефть – заправочная станция с пугающе низкими, по сравнению с нашими, ценами на топливо. Шигольсть.

Революция.

И лоси... Большие, как настоящие. У дороги. Фанерные. Манерные. Предупреждают, что выходят сохатые тут на дорогу. Чтобы все были живы.

Середки.

Река Ухтанка.

Чёрный асфальт незаметно исчезает, уступая место серо-жёлтому многоуровневому пути. Дорога становится медленнее, извилистей, ямки и бугры заставляют машину тяжело проседать, ухать и радостно подпрыгивать. Обступившие и нависшие заросли и деревья заставляют держаться в рамках. Между. На сторбленной, качающей, кидаящей, роняющей, усталой дороге. Почерневшие от жизни деревянные одноэтажные, двухэтажные, в резных наличниках срубы вдоль. Срубы колодцев во дворах, укрытые под деревянными, сбитыми из досок крышами. Мирно лежащие в холодке разноцветные спящие и бдящие кошки. Звонница качающих ветром цепей с жестяными ведрами на них. Пирамиды свежекелотых поленьев. Зброшенные, с разорёнными крышами старые срубы, стыдливо выглядывающие из белой пены полевой каши.

Алексеево.

Филино...

С радостным вздохом выезжаем к указателю «Николо-Отводное. Храм Воскресения Христова». Ещё чуток – и мы уже на месте.

Из-за дровяного наката деревьев, из-за брёвен вышел к дороге могучий и бородатый. Представляется. Отец Константин. Командует, где оставить машину. Приглашает в дом.

Дом...

Сколько лет ему? Скольких людей видел он, скольких привечал? Дом русского батюшки...

Обычный для местного глаза, деревянный. Одноэтажный. С фронтоном, выполненным в виде перевёрнутого киля корабля. Выкрашен в голубой цвет. Давно. Краска выгорела на солнце, облупилась. Три окна – одно на фронтоне, два на самом доме треугольником взобрались. Между ними на стене большая картина неведомого художника – коричневая ваза с ручками и букетом небесно-голубых колокольчиков. Стена украшена горшками со свисающими из них гирляндами красных цветов... Красиво. На входе в дом пристроенная веранда с приютившейся прислонившейся старинной пошарпанной и усталой скамейкой, когда-то выкрашенной половой коричневой краской, а сейчас естественного, близкого к исходу деревянного цвета. На стене, справа, разделочные доски. Как в сказке про медведей. Одна большая – старая, почерневшая от времени, с характерными многими мелкими ножевыми порезами. Вторая средняя – светло-серого цвета. И маленькая – совсем свежая, ровенькая соломенного цвета. Рядом решётка для жарения мяса, теннисные ракетки, рабочая одежда, градусник...

Из веранды: деревянная, ручной работы, из чего было, лестница на чердак и затёртая измождённая скрипучая дверь – вход в дом. В палаты священнослужителя...

Почему так забилось сердце?

Почему навернулись слёзы?

Почему дрогнули ноги, заставив облокотиться на косяк входной двери?

Дом.

Дом!

Слёзы побежали ручьём, брызнули фонтаном...

Мой дом...

Дом моего детства...

Обнял теплом. Защекотал запахами беззаботной юности. Затянул уютom безмятежного счастья.

Если дорога сюда была ломкой сознания, удивления и восхищения от новых просторов, то тут что-то таинственное, причастное к уже неведомому и недостижимому. Детство обняло, поцеловало, пригласило... а может, не детство?

Обычная комната. Вытянутый квадрат, приплюснутый неровным потолком. Нет тут никакого ни стили, ни задумки. Здесь всё по случаю: линолеум в восьмигранниках и квадратах, старый, истоптанный овальный некогда, в девяностых, богатый ковёр. Оборванные местами обои, обнажающие тело деревянного сруба. Мойка из старого мебельного гарнитура, заполненная тарелками и кастрюлями всех мастей и размеров. Обеденный квадратный стол на тонких ножках, укрытый застиранной, но чистой скатертью. Древняя расшатанная, даже на вид простенькая жёлтая табуретка из разряда «таких и в музее не найдёшь». Тумбочки, столик с самоваром у окна. Продавленный, но по свежему обтянутый новой тканью диван. Массивное кресло из другой оперы прошлых лет, с прижавшейся, пригревшейся бабушкиной подушкой. Это всё временное, залетевшее сюда, по-видимому, от перестройки и прижившееся. Из постоянного – выкрашенная и подкрашенная местами известью, подзакопчённая, ещё не рассыпавшаяся от времени русская печь. Ту, что в народе ещё кличут «экономкой». С поленьями, лежащими на лежанке по соседству с нужными-ненужными вещами. С кастрюлями и чайниками, устроившимися в поде. С натянутой вдоль, почти впритык, верёвкой для сушки вещей. С неизменным потрёпанным веником, стыдливо прислонившимся у дверцы зольника. С эмалированными ведрами, приткнувшимися в углу. Из вечного – иконы в правом верхнем углу комнаты. Обычная комната, наполненная запахами нетопленной печи, холодной ночи, утренних блинов, церковных благовоний, теплом и потом ватных одеял, сушёного лука и засушенной мяты... В музее всё холодное, официальное, а тут доброе и уютное. Живое... Мелькнуло, что сейчас, именно сейчас, из соседней комнаты выйдет мама, в кухонном переднике, улыбнётся и скажет:

– Шо стали? Заходите! Что-то вас довго не було...

Из соседней комнаты вышла матушка Алёна. Упёрла руки в боки:

– Ну, что стали? Заходите! Будем вам рады! Давно вас ждём...

Стучит серденько, ой стучит...

После ужина отец Константин идёт хвалиться своим хозяйством:

– Мы в магазине мало чего покупаем. Вот баньку построил. Маленькая, скромная, но своими руками. Есть где похлестать себя веничком. Колодец почистил, углубил, водичка тут, не в городе, – вкусная, живая. Я его кличу по-старому – внедровица, источник. Без него тут никак... Курятник вот построил. Свои яйца да мясо. На семью да добрым людям хватает. Тепличку закончил делать в этом году, из выброшенных старых оконных рам. Люди выбросили, а нам сгодилось. Под баклажаны да перцы болгарские.

А земли вокруг – копано-перекопано. Грядок много. Не, не много, а очень много. Взлётными самолётными полосами вырваны из зелёных сплетений и заворотов трав потревоженной целины. Ряды цветущей клубники, разноцветного салата, острого лука с набухшими маковками семян и чеснока с хитро изогнутыми стрелками. Рвущиеся по натянутым верёвкам и пруткам вверх огурцы. Отгорожены досками от всё захватывающих диких мурав. Укрыты полиэтиленовыми плёнками, утыканы частоклом обрезанных бутылок из-под воды, прижаты зелёными дугами, устроились, словно войска на параде.

– Так тут же одному невозможно такое сделать! – удивляюсь я. – Даже за четыре года.

Отец Константин улыбается:

– А я и не один. Супруга и дети помогают. Без них никуда. Мы же семья. А так и клубника, и смородина в достатке. Крыжовник, яблоки... Да всего много. Самим не съесть – ребятишки из соседних посёлков прибегают, набегают, кушают, помогают.

– Впечатляет...

Отец Константин смеётся:

– Да не от хорошей жизни. Зарплата тут не совсем большая. Больше вкладываем, чем получаем. Жена зарплату получит, так делится на приход. Но если честно, то не протянуть тут без своего хозяйства. Хочется привести всё в порядок тут, но ушло былое величие этих мест, вернее, великолепие осталось, а вот те заводики, пусть маленькие, что раньше были по сёлам, исчезли. Работы нет. Люди из деревень потянулись в города. Их понять-то можно – там заработки больше, да и жизнь полегче. А тут вкалывать надо. Чтобы что-то было, надо встать раньше солнышка и лечь после него. Здесь не поваляешься с мобильником в кровати.

– Отец Константин, а вы сколько служите?

– Четыре года тут. Я же говорил.

– Я имею в виду всего на службе.

– А... ну так уже лет... двадцать...

– И что, за всё это время вам не нашли места получше, ведь тяжело, наверное, детей-то растить и учить надо, а тут дорога, даже до магазина, не близкая, не говорю уж о школе, о другой подготовке...

– А вы не спрашивайте. У нас куда владыка решил, там и служим. Без вопросов. Так Бог указал. А значит, надо. Людям нести слово Божье – наше предназначенье. Скажет владыка завтра на Северный полюс ехать, поймаем собак, возьмём котомку с харчами на дорогу, на первое время, да и поедем.

– Строго у вас...

– Да не строго... Бог задумывает наш путь, а мы должны следовать, куда он укажет.

– Ясно...

– Ясно, говорите? Ну, тогда для ясности скажу... Я сюда в девятнадцатом году владыкой Вениамином, епископом Рыбинской и Даниловской епархии Русской православной церкви назначен. Служу. По сравнению с моими предшественниками совсем ничего. Самому храму-то в этом году уж триста лет, хотя по его энергетике, мне кажется, что и побольше. С историей он. Поначалу это была небольшая деревянная церковь. Первое упоминание о ней тринадцатого марта семьсот двадцать третьего года было. Трудрами Петра, Алексея и Ивана Борщовых уже в семьсот девяносто восьмом году из камня построили приходскую Воскресенскую церковь с колокольной. Через сто лет в приходе состоялось более двадцати поселений. В восемьсот девяносто первом году, по настоянию участника русско-турецкой войны подполковника Терского казачьего полка Михаила Борщова и его супруги Марии Гладковой, рядом построили церковно-приходскую школу. Только на момент открытия в ней обучалось сорок три ребёнка. В девятьсот пятом году соорудили ограду, поставили ворота. Всё это входило в усадьбу Борщовых «Заречье». Здесь, на кладбище, возле церкви, похоронены многие из их рода. А почему сказал, что служу совсем немного, так потому, что первый священник, про которого удалось узнать, тут был Феодор Васильевич Скворцов. Он служил с семьсот шестьдесят пятого года сорок пять лет. До восемьсот двадцать четвёртого – тринадцать лет служил отец Георгий, его фамилию история не сохранила. Тридцать четыре года – Лебедев Александр Дмитриевич. Восемнадцать лет, с восемьсот пятьдесят восьмого – Лилеев Иоанн Михайлович, с восемьсот семьдесят шестого по восемьдесят шестой – десять лет священником был Пажин. Сорок пять лет, по девятьсот тридцатый – Кудрявцев Владимир Васильевич. Двенадцать лет, до девятьсот сорок второго года – священник Боголюбский. Тринадцать лет – Немиров Константин Александрович. Пять лет, с девятьсот пятьдесят второго по пятьдесят седьмой – Бучин Николай Дмитриевич. Говорят, что он воевал в Великую Отечественную и даже был удостоен медали «За отвагу». Ещё четыре года, по шестьдесят первый, служил Лавров Владимир Иванович из посёлка Алексеево, что вы проезжали по дороге. В шестьдесят первом году храм закрыли. Благодаря владыке Симону, который крестился тут, храм был восстановлен, а служба возобновлена в девяносто первом. В том же году престол в честь Воскресения Христова был освящён владыкой Платоном. С девяносто первого много было священников. Так что недавно я тут, по сравнению со священниками тех давних лет, и давно – по сравнению с этими. Это и понятно: если раньше было до тысячи прихожан, то сейчас если десять будет, то это хорошо.

– Отец Константин, а для чего вы это рассказываете?

– Зачем? – Отец Константин гладит рукой бороду: – Это рассказ о тех, кто служил Богу и людям в этом краю. Это память. Это история и нашей страны, и края. Это история веры и пример служения. И Богу, и человеку. Эти люди достойны, чтобы хоть таким образом о них поминали. Пока мы помним о них, они живы. И в мыслях, и молитвах...

Разъяснил.

Городским сложно понять жизнь простую, деревенскую. Это приехавшим, проезжавшим мимо, заглянувшим на денёк всё понятно. Всё здорово, и умиление с восхищением через край. Ну а как же?! Воздух, природа – такого в городе не сыскать. И продукты свежие, без всякой химии – протянул руку до грядки и хрумкай, наслаждайся. Бесплатно и полезно. Да только руки, от постоянных трудов окрепшие и почерневшие, и скажут, какой ценой достаются эти прелести... Не жалуется батюшка – гордится созданным за столь короткое время. Гордится сынами – опорой своей, гордится матушкой, безропотно шествующей за ним во всех его делах и начинаниях.

А о делах и свершениях на ниве деревенской делится матушка. Не жалуется, не ропщет – делится и вспоминает. По-бабьи, по-тихому. По-свойски. Как на исповеди. У неё своя история и своя правда, женская. Смахнула мокроту глаз кончиком платка...

– Когда нас сюда назначили, тут, в доме, ещё уже давно и долго жили. Пришли добрые люди и остались. Батюшки приезжали на службу, отслужат и уезжают. Кто-то когда-то пустил на время пожить, до лучших времён, людей, а времена всё не наступают и не наступают. А со временем уже и посчитали, что это их дом, а не епархии. А рядом сруб небольшой, туда местные бабушки приходили чай попить – в церкви нельзя, а тут кафе придорожное открыли. Близ церкви. А поначалу батюшка тоже думал вахтовым методом, как все, как другие, а не получилось. Хозяйственность, тяга к строительству, сохранению и нетерпимая боль к разрухе взяли верх. Не смог спокойно смотреть на ветшание имущества церкви. Да и ездить – не ближний свет. Туда-обратно больше ста километров. По ухабам и колдобинам. В любую погоду. А ведь по приезду надо отдохнуть, помыться, смыть пыль дорожную и городскую, облачиться. Не привык работу он делать наспех, бегом, для галочки. Попросил освободить дом. Полгода просил. Еле выпросил. С криками и проклятьями отдали. Вот с весны и работали семьёй. В порядок дом приводили, постройки сделали, живность завели. А как без хозяйства? Жить-то на что-то надо. Это в миру считают, что священники купаются в деньгах. На деле всё по-другому. В этом храме пожертвованных с пяти человек – копеечки, да и те батюшка на поддержание храма направляет. Так вот, за делами и перебрался жить в деревню. Тут же постоянно работать надо. Отвернёшься – либо куры разбегутся, либо сорняки съедят или укроют трудами выращенное. Да и людей добрых хватает, не смотрите, что пусто всё вокруг, заходят. Каждодневный труд. Батюшка тут и уборщица, и плотник, и каменщик, и землекоп... а в срубе баньку организовал, чтобы помыться. Не идти же ему в храм грязным... Тут ранее рукоплескавшие бабульки хозяйственному батюшке и взвыли – покусились на их собственность. Лишил их места душевного времяпровождения за чаем и словом об окружающих. Когда никто не заявляет на имущество, то оно только поначалу кажется своим. Со временем совсем не кажется – своё! Это большевики в семнадцатом, с оружием наперевес, а сейчас зачем?! Потихоньку, по чуть-чуть. Один знал, что это имущество церкви. Второй помнил. Третий догадывался. Четвёртый не вдавался в подробности, ну а пятый уже не знал и спрашивал разрешения... Зачем воевать, когда можно тихо и мирно подмять под себя. Если хозяина нет, то не грех и прибрать к рукам. Вот и прибрали. А тут приехал...

Матушка рассказывает. Тихонько. Влажные глаза и дрожащие руки выдают волнение и заботу...

– Вы только не скажите кому, а то батюшка узнает, ругать будет. Не любит он, когда... Он говорит, что это его трудности. Не просит он у людей ничего, только у Бога. А детей учить надо! Сейчас без образования никуда. А тут если на бензин хватит, то и хорошо. На мою зарплату и выживаем – одеваться-то тоже надо на что-то. Плюс квартира съёмная... Вот такая жизнь тут у нас... Вы не подумайте, что чего-то хочу – живём, и слава Богу. Хотела поделиться, не подумайте чего... Пойдёмте, а то... Ходимо!..

И ходим, ходим, ходим...

Тихонько и незаметно отстаю. С мыслями. Иду в поле, к дороге, ведущей к храму. Легко и просто приехать, как сейчас, а нужно как встарь – притти. Нужно отключить мир электроники и прикоснуться... Заглянуть в мир, который с каждым днём становится дальше... вытесненный небоскрёбами и затянутый проводами... В поля и просторы... Заглянуть...

А трава по пояс. Цепляется. Кусает, путает, стегает. Бьёт...

– Уже зашёл.

– Уже тут.

– Что вы хотите, чтобы, пролетев тысячи километров, просто уйти?

– Позвольте остаться...

Руки ищут зелёное золото детства. Сами, сами тянутся к траве. И уже ладони слушают острые кончики зелёных волн.

Опускаюсь на колени. Подогнув рукой стену трав, ложусь на спину, вдыхаю головокружительный забытый аромат поля и, раскинув руки в стороны, закрываю глаза. Недовольный рокот сменяет осторожный шелест. Тихий шёпот трав. Лёгкое перестукивание бутонов ещё не открытых, не доверенных солнцу цветов. И наступает тишина. Ветер останавливается движением. Солнце охватывает бескрайнее, застывшее вздохом поле теплом. Бежит по цветкам-стебелькам к земле. Находит меня. Заставляет открыть глаза. Стук сердца отражается ночным боем часов от вставших хороводом трав. Замер. Что происходит? Куда, куда делся мир с летящими машинами, ревущими трассами, вечно красными светофорами, высотками, закрывающими небо, взрывами, стрельбой, злом... Куда делось то, что было важным, – курс доллара, курс рубля, вечное успеть и постоянное опоздать, непрерывное верещание разноголосых телефонов... То, без чего, казалось, невозможно жить... Вдыхая ароматы, песни земли, забытые, но ещё живущие внутри... Что происходит?! Что это щёлкает и стучит внутри?..

Жизнь!

Вот ты, оказывается, какая!

Настоящая...

Какие высокие травы! Струятся в небо, огромное-огромное. И своими метёлками, цветочками, бутонами разгоняют облака. Белые и воздушные. Неторопливые и величавые. По рукам, по лицу бегают, щекочат, о чём-то трещат букашки-таракашки, не замечаемые, невиданные раньше. Сердитые шмели гудят, пчёлки что-то напевают, любопытные мышки-полёвки попискивают. Шум и галдёж. Свечи белых люпинов чистотой сливаются с облаками. Качаются. Кивают головами, источая терпкий дурман своей красоты. Разлапистые многия листья торопятся успеть поздороваться, тянутся прикоснуться и завладеть вниманием. Вырывают из пения-сплетения трав. Приглашают и заставляют сесть. Белые барашки цветов расступаются. Открывают окно в их мир...

А там, под облаками, на солнечно изумрудном поле, в обрамление белого сияния люпинов – храм...

Храм Воскресения Христова...

Если бы за ним не стояли рослые и огромные деревья, то увидеть было бы сложно. А как? Купол небесного цвета растворяется в высоте. Белые стены больше похожи на облака. Да и не видны они в белом сиянии их и люпинов. Видны лишь парящие кресты храма и колокольни, сияющие в лучах солнца... Вознёсшиеся... Воскресшие...

Поле шумит. Облака улыбаются. Со всех сторон ручейки голосов сливаются в один...

Кто я?!

Ловлю себя, что молчу, а говорю. Разговариваю, а молчу.

Кто я!?

Равный среди равных! Как травинка. Как букашка.

На грудь садится бабочка. Машет, вздрагивает, трепещет своими бархатными крыльями. Замираю. Вторая садится на голову. Слышу ветер, поднимающийся их взмахами. Третья садится на руку и, взлетая, тянет. Тянет и тянет. Маленькая сила, перед которой я слаб. Взмахом ресниц поднимаю в воздух бабочек, и они перелетают на люпины, зовя меня за собой. Потом срываются и летят... к храму... растворяясь в белизне его стен...

Травы поют и влечут.

Уже ничего не слышу.

Только они.

А они ли это?

Кто?

Кто говорит со мной?

Кто достал давно забытую скрипку моей души и терзает её, настроив на новую жизнь?

Кто ломает мою скорлупу, отбрасывая в сторону ненужное и наносное?

Плачу от нахлынувшей радости. От увиденного и услышанного...
Встаю.
Поднимаюсь, оставив на земле пыль быта.
Спешу сквозь травы.
К храму.
К вечному.
К святому.
Морося, запинаясь, роняя слёзы и куски чёрствого хлеба прежней жизни.
Спору, зная, с кем говорю.
Держусь, зная, кого слышу.
Устремляюсь увидеть.
К храму... среди этого поля небом равный... равный среди равных...
Бреду...
Иду...
Кто я?
Что со мной?
Незаметно, с рассыпанных по небу звёзд, сошёл вечер.
Отец Константин присел на бревно.
Рядом.
Помолчал. Послушал молчание. Тихо произнёс:
– Частенько здесь посиживаю. На этом самом месте. Тут не в городе, согласитесь?! Тут и воздуха, и неба больше. Не давит ничего... Смотрю за тобой... Что пложет тебя? Что не даёт покоя?
– А что вы хотите услышать?! Всё нормально.
– Нормально... Может, и так... Только думается, что всё несколько иначе. Может, лукавишь, а может, и сам не понимаешь того, что терзает тебя...
...Может, и так... Думаю про жизнь. Да про многое... Как-то тут по-другому. Располагает. Просторно... Да и хочется поговорить с тем, кто там, за звёздами...
– Поговорить... Желается... Переходи со мной на «ты»... поговорить...
– Хорошо. Попробую.
– Попробуй. Попробуй... Знаешь, мне иногда говорят, что хотят услышать, увидеть, почувствовать Бога. Поговорить с ним. Жаждают видения. Хотят, чтобы он дотронулся, дотянулся... а мне... Поражаюсь... Приезжают зашоренные холодом городского бетона. Говорю: ломайте стены, что воздвигли вокруг себя, порвите путы, откройте глаза. Бог – он тут, он вокруг вас. Стены, которые вы воздвигли вокруг себя, за которые зарываетесь и отгораживаетесь, смешны. Пустите его в душу. Не прячьтесь!
– И что?
– Не видят и не слышат... Не понимают... Хотят особенного... Думают, что он молчит, не слышит... Вот мы у храма сидим... Листья деревьев, трава шумят? Гром и молния? Гремят, сверкают? Это Бог разговаривает с нами. Не видишь его? Да подними глаза – солнце, луна, звёзды сияют, радуга улыбается, весной-летом земля омывается жизнью новой – увидь его! Птички-букашки, звери-животные, идущие к тебе, – коснись, почувствуй его присутствие... Но не всем такая милость открывается, во всяком случае, не сразу... Бог везде. И слышит он всех. Потому он и Бог. А если не видишь и не слышишь, так это дело не в нём. Или не так?
– Даже не знаю...
– А это видно. Чувствуется сразу. А когда ты спрятался от нас, то и сдерживать не стал... Если человек захотел услышать Всемогущего, то зачем его тяготить... Главное, не спрятаться от себя...
– Да я просто захотел побыть один... Не получилось...
– Меня имеешь в виду?
– Да нет. Букашек разных... Мысли... Всякие... Проблемы... Вопросы... Как-то беспокойно внутри...
– Проблемы, потрясения, беды... Это нормально. Это испытания. Человек, он существо крепкое. А если верует и верует искренно, то выживет. Вера делает человека крепким. Почему мы, русские, непобедимы? Да потому, что в нас есть вера... Вот вы, зачем сюда приехали?
– Как зачем? Ребёнка покрестить!

- Значит, веруете в Бога?
  - Веруем, отец Константин, веруем, но...
- Батюшка встал, отряхнул, погладил руками одежды:
- Какое «но»? Либо ты веришь, либо нет...
  - Да веруем. Только очень много вопросов скопилось. Хочу ответы услышать... Не по вашему, по церковному. Не понимаю много. А по-простому, по-крестьянски. Чтобы раз, и в сердце. Искренно и честно. Жажду!
  - Слово правильное и хорошее сказал – жажду... Задавай! Как смогу, как понимаю, тебе отвечу. А там уже сам разберёшься, на каком языке в сердце, или душу, или ещё куда...
  - Так ты при сане. Что ответишь? Так же, как все... Спрячешься за крестом и рясой, наговоришь с три короба, а ответа-то и не дашь. А если скажешь, что не так, то по голове не погладят тебя.
  - Рассмешил... Так – не так... Погладят – не погладят... Давай, забудь, что я священник. Как с другом близким поговори со мной. Без оглядки на крест и одежды церковные. Задай вопросы, а ответить постараюсь, как знаю и чувствую. Задай, и попробуем найти ответ... Попытаемся. Хотя всё равно услышишь лишь сколько и лишь то, что возжелаешь...
  - Да простые вопросы, обыкновенные. Вот, например, слово «Крещение», что это? Многим задавал вопрос. Не одному. Так они говорят: чтобы не болеть, чтобы помогал. А по мне, так где здесь Бог? Получается, как в магазине. Баш на баш. А мне так не хочется. Даже неприятно.
  - Ну, что сказать... Горько, но прав. В миру сложилось мнение, что крещение – это просто обряд. Более того, некоторые считают, что это традиция. Крестьяне, потому что... без лишних, как они считают, мыслей... Это те, кто не ходит в церковь, не понимает и не принимает слово Божье. Если ко мне с такими речами приходят, то отказываю им в крещении, гоню...
  - Вот прямо так запрещаете и прогоняете?! А как же статистика? У вас наверняка, как везде, есть отчётность – сколько крестили, сколько отпели, сколько пришло, сколько ушло...
  - Да Бог с тобой... Нет таких действий, чтобы обратиться в веру побольше... Не так. Совсем не так. Нельзя с мирскими, повседневными мерками подходить к таким трепетным вопросам, как вера. Для Господа важен, ценен каждый человек. И никто, слышь, никто и никому не ставит целью покрестить, обратиться в христианство человек. Чуждо это нашей церкви. Всегда, во все времена главное, чтобы крещение как отречение от дьявола было добровольным. С крещением, с верою в Святую Троицу рождённый заново обретает благодать Святого Духа. Это вы, а не мы измеряете мирскими, сегодняшними понятиями... Вы живёте сегодняшним днём, а мы, служители, предлагаем и помогаем вам, заблудшим, потерявшим в гонке быта, прикоснуться к вечному и нетленному. Проще всё у нас, намного проще – и потому крепче во всём... Если хочешь, то и время у нас другое, ритм иной. Так что... Беседуем, разъясняем... Что, как и почему... Не уступив эмоциям, а безгранично серьёзно. Глубокомысленно и основательно. Крещение – это не просто, как кажется, это принятие на себя многого и многия. Ребёночка-то не только нужно родить, но и кормить, и растить. То же самое и в духовном смысле. Так что работаем. И если хочешь возвышенно – открываем дверцы света в стенах суетливого мира людей.
  - Свет светом, но на вопрос не ответил. Вильнул. Ушёл. А я вернусь: ответь, что такое крещение. Суть. Зерно.
  - Настырный какой! Давай вместе. Вот ты предлагаешь мне сказать, что такое крещение. И интересуется тебя зёрнышко, из которого родится жизнь... И по-простому ответить мне не удастся, потому что мы говорим о разном. И чтобы было понятно, прежде всего нужно перейти с языка толкований на фундамент. Чтобы не было путаницы. Слова – дело тонкое. Один вкладывает такой смысл, а другой иной. И вроде говорят об одном, а получается какая-то совместная ерунда и непонятки. Вы вкладываете в это слово одно, мы – другое. И получается разговор ни о чём. Это как в любом направлении свои термины и обороты. Возьми любой более или менее технический документ, например в строительстве. Так даже там в самом начале раздел есть «Термины и определения». Для однозначного понимания процессов стройки. Не будет этого, больше чем уверен, вместо красивых строений будем получать кучи строительного мусора. Так вот, даже слово «крещение» в самом начале несло совсем другую смысловую нагрузку. Так бывает в русском языке – изначально слово обозначает одно, а через года или века может изменить своё значение до обратного. Крещение в буквальном смысле можно толковать как «Обращать в веру», а корректнее было бы сказать «Омовение». Это по-простому. А если

очень правильно и точно, то это «Преображение» или «Рождение». Рождение новой светлой жизни... Встреча с Богом...

– А суть? Зачем креститься? И без этого можно прожить. Читал, что некоторые святые в церкви нашей даже некрещёнными были.

– Некрещёнными, говоришь? Было...

– Вот видите! Так что это получается? Двойные стандарты?

– Ну почему двойные?! Двойные это потому, что твой подход современно-обывательский, без знания. Крещение в нашей вере разное бывает. И тут ничего хитрого и противоестественного нет, если знаешь. Шашкой рубануть можно, этим и пользуются многие горлопаны. Есть ещё такое крещение, как мученичеством или кровью. Некоторые святые говорят – крещение слезами. Это крещение верующего человека, не успевшего креститься водой и Духом, как многие. Но он подвергается гонениям за веру в Христа, проливает кровь и принимает смерть за неё. Считается, этот человек крестится таким же крещением, каким крестился Христос. Церковь почитает таких людей. Очень...

– Не знал... Но сам обряд... Смысл его? Почему так, а не так? Не тогда, а сейчас?

Отец Константин задумывается, вздыхает...

– Видимо, давно ты в церковь не ходил... Беседуем о высшей математике, а надо в первый класс. Возвращаемся назад... Если коротко, то крещение со времён Иоанна Крестителя изменилось и в настоящее время имеет другую существенность. Точка изменения – смерть и воскрешение Христа. Крещение – как знак покаяния. Крещение – как причастность с Богом, единение с ним. Господь обратился к своим сподвижникам со словами: «Можете ли вы креститься способом, которым я крещусь? Готовы ли вы принять страдания, которые я буду переносить?!» Внешняя форма таинства не изменилась, всё как раньше, издревле – погружение в воду, омовение. А перед омовением – исповедь. Человек должен раскаяться в своих грехах. Само погружение в воду – это символическая смерть. Смерть для дьявола, смерть для греха. Погружение – это, своего образа, очищение от скверны, от тёмного. А когда человек выходит из купели, это выходит возрождённый человек. Так он приобщается к страданиям и воскрешению Христа, его личность становится неотделима от личности Христа. Преподобный Максим-исповедник сказал в своё время, что крещение меняет для человека его причастность к страданиям и смерти. Крещение – это один из способов уподобления Христу... Вот. Наговорил вам...

– Да нет... Кратко и доходчиво. Без прикрас. Сейчас время такое, что, послушав иногда слова правильные... ничего кроме отторжения они не вызывают... а ты по-доброму... Но это всё понятно... Со взрослыми. Пожили. Погрешили. Покрестились. Извиняюсь за жаргон – очистились. Освободили свой сосуд от тёмного, наполнили светом и благостью... Тут понятно... а дети? Детей-то зачем крестить? Они же совсем маленькие и согрешить не успели. Да и хотеть ещё не могут... Зачем их крестить?

– Деток нужно крестить, ибо самое тяжёлое для них – это расплата за жизнь предков, родителей. За грехи их. Крещение – это посвящение ребёнка Богу, наполнение его Богом. Вот тут и всё, наверное.

– Может, и всё...

– Мне думается, что во всём нужна честность. Не рекламировать веру, не обещать то, чего не можешь исполнить...

– Честность... а скажи мне честно. Как есть... За грех... Вы ненавидите, отвергаете грешников? Я конкретно о тебе спрашиваю. Не в общем, а конкретно...

– Если уж у нас пошёл такой разговор за честность и веру, снова определяюсь и обозначаю, что в моём понимании грех...

– Чего я и добиваюсь. Именно. Меня интересует именно твоё понимание. Вернее, убеждённость. Искренно и честно, то, чем живёте...

– Грех – это внутреннее отвержение Бога. И если говорить твоими словами, что человек – это сосуд, наполненный светом и добродетелью, то грех – это то, что разрушает этот сосуд. Грех – это то, что... В разбитом сосуде ничего не сохранишь... Говоришь – «ненавидите грешников»... а как их ненавидеть? Человек ведь и дела его – они разные. Грешник ни при чём. А вот грех, его ненавидеть необходимо...

– Как-то очень просто... И что, получается? Получается отделить грех от грешника?

– Да... Вопросыки задаёшь... Тебе лицо никогда не били за твой язык?

– Не получалось... Ты так от ответа уходишь, если правильно понял?

– Ну, наверное, скорее «да»... Грех и грешники... Вопросик... Я не профессор богословия... хоть вопрос и понятен... Ненавидеть... грех или грешника... грешника или грех... очень понятно, что грех... но до чего тяжко по жизни это исполнять... Может, повторюсь за кем-то знаменитым и известным, но скажу по сердцу – стараюсь помочь всем, кто ко мне обращается, чем могу... Всё, что происходит вокруг нас, – это наши мысли, желания и поступки. Если мы наполним этот мир светом, любовью и добротой, то места тёмному не останется. Но помочь всем лично мне невозможно... поэтому стараюсь и другим советую не причинить никому зла... а у меня работа такая – следовать слову и делам Бога...

– Работа! Костя! Я вас умоляю! Ну разве это жизнь? Тут, в забытом и позаброшенном месте. Фактически без семьи, без каких-либо условий, без зарплаты... Ты мне сейчас о работе говоришь!? Ты с твоими организаторскими способностями, с хозяйской жилкой мог бы достигнуть таких высот, что... и зарабатывать... такие, как ты, в миру на вес золота... а тут ты кто и зачем?!

– Мне бы не хотелось перескакивать с интересной для меня беседы с тобой о вере. Мне бы не хотелось перескакивать с наших мыслей на обсуждение моего быта. Не хотелось. Но коль затронули, на секундочку отзовусь. Отвечу, чтобы потом, надеюсь, мы смогли вернуться к нашей беседе. Думаю, это тебе матушка нашептала... У женщин быт на первом месте, сразу за детьми и семьёй... У меня, так же как и у неё, Бог выше всего... Понимать надо, что предназначение женское – сохранение рода. Так было всегда. Она хочет, по её мнению, лучшего... Хотя бы детям... И я понимаю её... Мне бы тоже хотелось, чтобы мои дети, даже если не пойдут по моим стопам, то пронесли веру в Христа с гордо поднятой головой... в сердце... Что касается меня, то, возможно, я не достиг той цели, которую ставил перед собой, какой, по твоему мнению, заслуживаю, но знаю наверняка, на сегодня я там, где мне нужно и необходимо быть... Ответил на вопрос и надеюсь, больше к нему мы не вернёмся... Договорились?

– Постараюсь... Но мне непонятно, зачем такие страдания? Ради чего? Чтобы угодить Христу?

– Давай остановимся! Я не страдаю. Я служу. И давай этот вопрос закроем... мне неприятно его обсуждать, и опять, только потому, что мы подходим к нему с разными оценочными суждениями.

– Хорошо... Тогда ответь мне на вопрос: ради чего, во имя чего люди страдают? Тем более что в этой жизни страдают все – и крещёные во Христе и некрещёные. Я крестился, а Бог, где он, где его помощь? В чём тогда смысл? Иногда смотришь, как люди мучаются, и думаешь, что Господь бросил их. Оставил биться один на один с их бедами и напастями.

– Не ново... Такие возмущения, направленные Богу, раздаются, а иногда и слышны... Учение Христа не призывает кого-либо страдать, тем более в угоду ему. Страдания даны нам, чтобы принять участие и пережить то, что пережил Христос, разделить с ним его чашу...

– Получается, что страдание – это зло? Зачем? Зачем Бог создал зло? Скажите мне на милость!

– Как у вас всё намешано... Добро, зло, грех... Если касаются христианства, то скажу кратко – зла нет. Бог не может сотворить зло. А если смотреть на зло, то, в моём понимании, зло – это противостояние Богу. Противостояние дьявола, который дарованную Богом свободу обрёл во зло. Испытания – это не знак отношения Бога к нам. Нельзя так думать и поддаваться таким мыслям. Сам Господь избегал гонений, но потом не пожелал защититься от земных неприятностей и пошёл на казнь...

– Зачем? Для чего? Не по писаному ответьте, а по душе...

– Зачем он пошёл на казнь... ради чего?.. Ради нас... Зажёг нам свет, чтобы мы не блуждали в темноте... Этим поступком он совершил великое... Он дал людям совесть...

– Совесть?! Удивил... И что она есть, эта совесть?

– Совесть... в первую очередь это мерило... Совесть – это чтобы люди могли отличить зло от добра... Совесть как величайший дар, дарованный нам его жертвой... а я слышу в твоих вопросах вещи, несовместимые с твоим христианским именем. Гордыню слышу. А это ведь тоже грех...

– Вроде договорились по-простому, а вы священника «включили»! Ну, говорю. Ну, спрашиваю. Такое впечатление, что если я буду постоянно говорить «Церковь, Бог, Святость, Благодать», то стану святым. А если «Грех, порок, ложь», то стану грешником?

Константин стал, навис всей громадой, скалой сверху, апперкотом выстрелил:

– А ну заткнись, гадёныш! Рот свой поганый-то закрой!..

Вскакиваю, негодуя и возмущаясь. Взрываюсь гневом:

– Что?! Ты как говоришь со мной?! Ничего не попутал, батюшка?!

Руки в кулаки, кровь к лицу. Заколотило адреналином. В бой!

А он в ответ смиренно сложил руки на животе, принял благодатное состояние лица и, потупив глаза в землю, совсем по-другому, тихо:

– Простите меня, пожалуйста, я был не прав. Не сдержался...

Да сам тут оторопел... Схлынуло:

– Да ладно. Бывает. Ты, наверное, постоянно выслушиваешь всякое такое, разное, а тут я со своими вопросами и рассуждениями. Вот и не выдержал, решил мне мордочку подрихтовать...

Константин неожиданно рассмеялся:

– Поверил? А ведь я специально так сказал. И заметь, когда я тебе нагрубил, ты был сам готов мне лицо набить в гневе и ярости. А когда извинился, то ты сразу успокоился, задышал ровнее... Так ведь?

– Даааа!

– Это ответ на твой вопрос о святости и грешнике. Одно слово в тебе вызвало возмущение, а второе умиротворило. А форма... Так доступней и доходчивей. Теперь ты об этом никогда не забудешь. Так что прости ещё раз за то, что вызвал в тебе гнев...

– Да всё нормально... Ты как психолог со стажем... Удивил... И объяснил...

– Всё нормально... Знаешь, частенько тут, под звёздами, слушаю, как они переговариваются, перешёптываются с травами... Много мыслей приходит... Вот начали разговор за крещение... а крещение – это рождение... Появление на свет – это тоже рождение... И потом это происходит много и много раз... Ты, наверное, не знаешь, что при крещении мы все принимаем, как дар, одно имя. Самое главное. Единственное. И у меня, и у тебя, и у многих одно имя. И имя это – Христианин... С ним у нас начинается новая жизнь. Жизнь во Христе. И что эта жизнь? Что такое жизнь? Да жизнь – это отражение от наших мыслей, любви, совести на смех, несправедливость, гордость, боль. Жизнь стремительна. Быстротечна. Мелькнула звёздочкой, и нет её. Запомнится, запечатлится, останется в миру она делами нашими. Величайший дар нам дарованный Богом – любить и прощать, созидать и возводить, видеть и наслаждаться красотой. Говорить и петь ей. Что может быть важнее, смотреть на всё с любовью. Нет ничего важнее любви... Но, к сожалению, только время разрешит понять, как она необходима и как бесценна. Время – единственное, что подчеркнёт и оценит её вес... а ты знаешь главную заповедь Божью?

– Конечно! Только их несколько: не убий, не укради...

– Да... Это заповеди с приставкой «не»... очень важные... Но есть заповеди другие... Без «не»... Мы скоро пойдём спать, но почему-то мне показалось, что в многоугольнике твоих вопросов отсутствуют многия грани...

– Какие?

– Вопросы о поиске добрых дел. О внутреннем и внешнем в человеке. О чтении Писания Слова Божьего, о молитве. О борьбе с грехом... В том числе и внутри себя... О гармонии. О Церкви. О крещении...

– Так мы вроде обсудили этот вопрос...

– Конечно, обсудили. Но ты не затронул важнейшее – что делать, как быть после крещения? Знаешь, святой Павел сказал, что тело человека – это храм святого духа. В таинстве духа, крещения человек получает благодать Божью. И она живёт в нём. В этом смысл святости. В этом обоснование крещения. Не грешить не потому, что боишься кары Господней, нет. А по причине, что ты храм, по причине, что ты свят. И когда тебя обволакивает соблазн греха, скажи про себя: Я принял крещение, я слился с Христом, я принял благодать духа святого, я храм его.

– Хорошо, принял я крещение. Что делать дальше?

– А дальше, следующий шаг – жизнь. Мы с тобой ходим всё вокруг да около, вперёд да назад... Крутим в руках кубик Рубика и всё никак не можем его сложить одноцветными гранями вместе. Мы живём в мире, в котором нас много. И людей много, и всего, а человек сам по себе. Одинок в мыслях, желаниях, поступках. Тычется из стороны в сторону, пытается понять, разделить, поделиться, а никак. Не с кем. Зачастую даже с самыми близкими не находит ответы на вопросы. А эти вопросы всплывают, не дают покоя, вот как у тебя, и не факт, что найдёт человек правильный, необходимый ответ. Настоящий, а не похожий. Как в бурю на море на корабле. Нужен, необходим маяк, чтобы не сбился он с пути. Вот на нас, священниках, и лежит за это ответственность перед Богом быть маяками в вере. Для деток малых помощниками, маяками в вере являются крёстные. Ради этого каждому христианину дарован Богом ангел-хранитель.

- Не вижу смысла. Тут и так всё понятно. Видно, где чёрное, а где белое...
- Говоришь, видно... Хорошо... Ответь мне тогда: где граница между светом и тьмой? Где та черта, которая разделяет день и ночь? Где грань между любовью и ревностью, назойливостью? Можешь провести черту и сказать: вот так!
- Вопрос...
- Да, это вопрос... Это то, о чём можно долго высказываться. Так же с добром и злом... Где граница? Как её не перейти?... Свет, он один, а вот у тьмы много разных оттенков, которые можно принять за свет. Тона и полутона... а свет, как и вера... А потому надо верить и внимать слову Божьему. Наше предназначение – учить слову Божьему, а в необходимый момент дать совет. Не по жизни, а по совести. Ибо совесть – это главное в человеке...
- Ты снова начинаешь говорить, как все. Витевато и непонятно. Словно запутать хочешь...
- Да не хочу тебя запутывать. Даже мысли не было. У меня тут вопрос возник... ты когда был в церкви в последний раз?
- Давно. Лет пятнадцать назад... Не вижу смысла.
- Да нет. Смысл есть всегда... Как и причина...
- Причина? Да причина и смысл в том, что нет в церкви Бога. В ней всё крутится только вокруг денег. Смотришь, как жируют батюшки-священники, аж тошно становится... Всё хапают и хапают. Всё им мало и мало...
- Эка тебя понесло... Словно облаком чёрным дохнул... Накопилось, видимо...
- Накопилось. Не привык за спиной говорить. Вот и говорю вам в глаза...
- Да и правильно, что сказал. Что на душе лежит...
- Так не только я один думаю. Так многие. Потому и в церковь не ходим.
- Многия... а как же вера в Бога нашего, в Иисуса Христа?!
- Вера и церковь – это разные вещи... Верим мы, но в церковь не ходим...
- Слушаю вас и слышу, что что-то послужило причиной этим словам. Этим поступкам. Это неприятие церкви... Что-то послужило... Не скажешь? Почему? Раньше ходил, читал, верил. Слышал звучание... А сейчас острое неприятие церкви... Почему?..
- Почему?! Да потому, что пятнадцать лет назад умерла моя мама. Вот и всё. А ведь она могла пожить ещё не один десяток лет... а мне её не хватает...
- И ты посчитал, что остался один. Что тебя все бросили... Беденький... Не нам решать, когда кому уйти. Всё в руках Божьих. А в тебе говорит боль утраты... Не буду тебя в чём-то убеждать, но послушай меня. И попытайся понять. Услышать. Не закрывай свою душу для моих слов.
- Попытайтесь...
- Хорошо... Сказал Господь: «Да будут все едины...»
- И что?
- Будь терпим. Дослушай... Христианство и церковь – неотделимы, и это как воздух, солнце вокруг нас. Разделение людей с Богом – это и есть проявление греха. В разделении и разобщении нет единства, которого желал Господь. Нет. И смысл крещения, его глубинный смысл и есть возвращение человека к Богу, если хочешь – возвращение к единству. Слово «церковь» можно перевести как единство. Собрание молящихся в церкви – это ведь не обязанность, не клуб по интересам. Собрание – это понимание спасения. Можно много читать, понимать, изучать, но если ты не молишься с христианами в церкви, то просто ты не понимаешь сути веры, которую принял. Церковь – это собрание во Христе. А потому вера и церковь неотделимы. Нет у тебя спасения в церкви, потому что ты в своей боли и гордыне отделяешь себя от христиан, ты отказываешься от пути, который предложил Господь... В единстве, в скобках подразумеваем – в церкви люди ближе друг к другу, а значит, они ближе к Богу... И наоборот... В церкви верующие соединяются с другими христианами в молитве. Тут и ответ в том, что мы непобедимы, ибо в вере своей мы едины... Как в песне – броня крепка и танки наши быстры... Ты загляни в нашу историю. Да по сути своей, не было бы веры, не было единения – не было бы и России. Вспомни, сколько раз церковь объединяла народ русский против врагов. И сколько раз Бог укрывал страну и её защитников. В церкви мы едины. В церкви мы все под огромным покрывалом любви Господа. Вот мои прихожане – обиделись они на меня, поломал я их устоявшуюся годами жизнь, но в церкви мы молимся вместе. В церкви мы любим друг друга. Нету зла в моём сердце к ним. Ничего, кроме любви и уважения.

– Завернул ты... Одно слово – батюшка... Мне теперь всё, что ты сказал, осмысливать не год придётся...

– А ты сердцем, сердцем слушай... Да и возвращайся из царства твоих вопросов в царство веры в Бога... И ещё... по поводу жируют и прочего, что ты мне наговорил недоброго... Каждый видит то, что хочет видеть. Особенно когда обида застилает глаза... Сейчас уйду, мне молиться время подошло. А как уйду, огляни вокруг всё. Найдёшь хоромы царские, мерседесы да кадиллаки, деньги чемоданами, утварь золотую да серебряную, так зови, не стесняйся. Вместе посмотрим, поделимся, порадуемся... а так... обратись к своему ангелу-хранителю... Поможет он тебе. Ведь именно для этого он Господом и дан, чтобы мог ты к нему обратиться за помощью в минуты сомнений. В наших душах идёт постоянная борьба между добром и злом. И тут полем боя становимся мы сами. И на нём мы не одиноки – плечом к плечу с нами идёт по жизни ангел-хранитель. Без ангелов-хранителей и наставников род людской демонами был бы уничтожен. Весь и давно...

– И что? Ангелы... Наставники... Бог... А где они все были, когда мне было плохо. Когда я уже думал, что всё, конец?! Где были эти ангелы?!

– Тихо! Не шуми. Не плескай обиду свою горькую. Лучше давай я тебе маленькую сказку расскажу да пойду готовиться к завтрашнему великому дню...

– Вы меня совсем уже считаете... не знаю кем?!

– Явился однажды человеку его ангел-хранитель. И спросил: «Хочешь, покажу тебе жизнь твою?» Ответил любопытный человек: «Покажи, сделай милость». Обнял ангел человека и взмыл с ним вверх. Высоко. И увидел он свою жизнь. Всю. От рождения до сейчас. А рядом с ней цепочку двух пар следов, идущих рядом. И спросил человек: «Это мои следы, а рядом, чьи? Кто идёт рядом со мной?» Ответил ангел: «Это? Это мои следы. Это я с тобой иду всю твою жизнь». – «А почему вон там и там видна только одна цепочка? Почему?» – «Почему? – спокойно спросил ангел. – Это самые трудные моменты твоей жизни...» Человек посмотрел в глаза ангелу и бросил, выкрикнул свой упрёк ему: «И что же, ты меня всегда бросал тогда, когда мне было тяжело и плохо?!» А ангел не отвёл глаз и тихо ответил: «Нет. Я нёс тебя тогда на руках... и так будет всегда...»

Стихли шаги отца Константина в переключке цикад. Травы всё ещё переглядывались и шептались о своём со звёздами. О чём-то вдалеке вскричала забытая птица. Люпины перестукивались кистями цветов, не давая спать недовольно ворчащим в них шмелям...

Проснулся от голодного ворчания кур и звонкого гимна восходящему солнцу: Кукарекуууу! Отец Константин делал зарядку, фыркал, поливая себе из ведра. Матушка Алёна копошилась у печи. Детки сопели из двухъярусной кровати.

Приехал будущий крёстный отец Пашки. Павел... Человек непростой судьбы. Хлебнувший, как говорится, сполна. Воевавший в Афгане. Выживший тут. Сейчас скромный директор управляющей компании. Работающий для людей. Добрый и отзывчивый. Добившийся всего своим трудом, умом и руками. Золотыми руками. Глубоко верующий в Бога... а рядом всегда и во всём, как подобает русской православной женщине, – жена Ирина, хранительница и защитница очага и веры...

Храм...

Перед храмом в буйстве дикого травостоя из крапивы и сныти, под ветками засохшей яблони смиренно застыла чёрная крыша. Из-под порванного, потрескавшегося покрытия, некогда служившего защитой от дождей, высунулись на свет старые доски обрешётки. На перекошенном, потемневшем от времени, солнца, воды и ветра деревянном срубе болтаются оборванные электрические провода. От былого величия и добрых дней осталось лишь голубое резное обрамление окон. На заросшем, одичавшем, обветшалом, перекошенном крыльце, среди травы и мусора – стул без круга сидухи сиротливо, стыдливо встречает гостеприимной пустотой провала... Внутри: сорванные полы; полурассыпавшаяся и обрушенная русская печь; обои, подбитые дощечками; детские рисунки; заколоченные нетёсаными досками пустые осиротевшие окна... На потрескавшейся стене белый, почти выцветший листок, нанизанный на шляпку ржавого гвоздя, с надписью: «Красота – это исключение всего излишнего»... Среди разбросанных по тому, что раньше было полом, до перестроечных газет на белых листах портреты неизвестных, запечатлённых детской рукой... Разломанная мебель, банки, мусор и старые деревянные грабли с оставшимися четырьмя зубцами... Потолка нет. Есть свет, врывающийся в дыру между брёвнами крыши, падающий на почти свежую газету «Юность» девяносто третьего года. На заголовок «Чистота Ярославлю к лицу». На неизвестную другую, мятую

и брошенную рядом, в пыли, стреляющую заголовком «Тут сердце России»... Тут и «Красный воин» с заголовком на развороте «Отчего же мы одиноки»...

А рядом застыл дом второй. Отражением зеркальным... Оба окнами, смотрящими, уповающими на храм...

Храм...

Проснулись дети.

Высыпали горохом во двор.

Отец Константин с сыном уже полили грядки. Женская половина хлопочет по праздничному столу. Один Пашка занят серьёзной работой. Наиважнейшей. Поднимает камушек с дорожки. Несёт к большой железной бочке с дождевой водой, стоящей у входа в дом. Бросает туда камушек. И, услышав бульканье, увидев брызги, радостно кричит, вскидывая в стороны руки. Нет важнее для него ничего...

На велосипеде приехал старший сын отца Константина – Леонтий. Во дворе младший, Володя, перед домом уже причёсывает граблями лужайку с футбольными воротами.

Храм...

Встретил в лицо давним покоем.

Ни золота, ни бриллиантов.

Батюшка о чём-то тихо беседует с крёстными родителями.

Тихо. Так тихо, что слышно радостную переключку птиц за стенами.

Немного прохладно. Батарей на стенах современные, но тепло идёт не от них, а от огромной, с торчащими в растопыр трубами дачной печи Булерьян. В одном углу алтарь, в другом – церковная лавка с притаившимся за ней котелком отопления. В закутке стенд с краткой историей о церкви и вешалками для одежд. Ковры-дорожки на полу и картина с изображением Христа, написанная кругом на потолке. Лавочка у стены, покрытая красным полотном, и потрёпанные временем и невзгодами стены, прячущиеся за иконами. Зажжённые свечи волнуют древние росписи ликов святых.

Батюшка начинает обряд. Слова молитв, отражаясь от стен, наполняют храм, устремляются ввысь, раздвигая стены, возвышая потолок. Совсем чуть-чуть, и они исчезают. Растворяются в мерном баритоне священных слов... Время останавливается чувством единения со святостью храма и людей в нём, светом... Пашку несут к купели, и церковь пронзает крик новой рождённой жизни. Рождению во Христе. Вот его облачают в белую рубаху. Мажут елеем. Одевают крестик. Все улыбаются, а Пашка серьёзен. Внимательно смотрит за батюшкой, за каждым его движением, крепко сжав в кулачке маленькую машинку. С которой не расстался даже во время обряда.

Праздничный обед.

Мальчишки и девчонки. Вовчик и футбол. Догонялки-хохоталки. Прятки... Из окрестных сёл. Володя – заводила и затейник...

Вот и всё.

Праздник закончился, начались будни.

Дорога.

Домой...

Филино.

Берелево.

Облака.

Собаки, лежащие у дорог.

Провожающие, изучающие, оценивающие взгляды местных мужиков.

Еремеево.

Кабачарово.

Река Ухтанка.

Самая красивая деревня России – Вятское.

Указатели: налево – «Любим», направо – «Ярославль». «Козлятево» и «Коченятино» – направо.

Нам направо.

Ярославль...

Вот и всё.

Начинается путь домой.

Хотелось на поезде, но билетов не оказалось совсем.

Грустно. Говорим «До свидания!» крёстным родителям Павла. Кланяемся в пояс отцу Константину. Обнимаемся, целуемся, до встречи...

За спиной остаются просторы земли русской. Нежность обретенной свободы. Уже в мыслях и душах мелькают за стеклом машины указатели обратной дороги. От истоков к безбрежному морю...

Дорожаево.

Смена.

Борисково.

Городищи.

Пажица.

Чурилково.

Щучий двор. Народная академия ухи.

Троице-Сергиев Варницкий монастырь. Родина преподобного Сергия Радонежского.

Рыбный уголок. Раки. Рыба. Сало. Вяленый гусь. Хамон. Тушёнка. Домашний квас. Струя бобра. Соленья. Веники. Уголь. Домашняя рыбная тушёнка. Щучья икра.

Львы.

Струя бобра. Грибы. Сало. Рыба. Барсучий жир. Шкуры. Чучела. Шашлык на углях.

Рыба. Копченые. Варенье. Соленья. Яйцо. Зелёный горошек.

Зерно. Грибы. Колбаса. Щучья икра. Раки. Рыба. Сало. Вяленый гусь. Хамон. Тушёнка.

Деболовское.

Река Сара.

Любимкино.

Дертники.

Кулаково. Кафе «Сытый ёжик».

Тараскино.

Сыроварня, гриль-кафе.

Плакат «Скосим всё».

Переславль-Залесский. Улица Кошкина. Улица Кузнечная. Переулок Призывной.

Ботик Петра Первого.

Трактир.

Попов луг.

Надгорье.

Дендросад.

Музей-заповедник. Музей Александра Невского.

Выползова Слободка.

Река Сабля.

Граница Ярославской области.

Владимирская область.

«Москва» – налево, «Правда» и «Тишково» – направо.

«Бауцентр» – наш, Калининградский, а тут.

Королёв. Ракета. Москва.

Впереди брат, ВДНХ, Красная площадь, храм Христа Спасителя, «Троица» Рублёва, аэропорт, самолёт, облака, дождь и дом...

Еду, едем домой...

А ведь батюшка слукавил. За богатство и кадиллаки. Нашёл я их. Нашёл и не поделился с ним. Не поделился, потому что есть это всё у него и тех, кто с ним. Его богатство – это люди, это вера, это храм, в котором он молится и ведёт проповеди. И не важно ему, сколько пришло людей – один или сто. Он говорит с Богом. Он говорит Богу...

Еду и думаю... думаю... думаю... О Вере, пути, единстве, церкви, храме... О том, что нашёл свой храм... В поле тысячи голосов земли русской, с ветром, наполняющим и гонящим паруса облаков, окружённым безбрежным манящим холодом мигающих падающих звёзд. Небесный храм с парящими крестами, деревянный сруб с русской печью и лазоревыми ландышами на стене, стелящийся призывный вековой звон колокола, сбивающие дыхание простор и величие России...

Александр Бабчинецкий

Александр Анатольевич Бабчинецкий – родился в 1948 году в Нижнем Тагиле. Служил в Советской армии, где сотрудничал с армейскими газетами. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Работал на железнодорожном транспорте. Автор исторических повестей («Княгиня Ольга», «Начало») и двух романов («Гражданин Минин и князь Пожарский», «Платов, донской граф»), изданных в Москве и воронежском журнале «Подъём». Живёт в Воронеже.

ВЛАДИМИР КРАСНО СОЛНЫШКО

Историческая повесть

Благословите, братцы, старину сказать, —
Как бы старину стародавнюю.

*Из сборника «Древние российские стихотворения»,
собранные Кириешо Даниловым*

1

Правление Великого князя Владимира началось с наказа крепить родноверие и поставить языческих кумиров на всех киевских высотах. И во исполнение указания княжеские отроки вкупе с гридями и прочими слугами приступили к делу. Так и появились рубленные идолы на холме вне двора теремного: Перуна деревянного, а голова у него серебряная да ус золотой, Хорса-Дажьбога, Стрибога, Симаргла (Сима и Регла) и Мокоша с Белеей. Ко всему Великий князь предался необузданному женолюбию. Кроме пяти законных жён у Владимира стало триста наложниц в Вышгороде, столько же в Белгороде и двести в селе Берестово. И тем не менее это не останавливало верховного правителя, который повелел, чтобы ему приводили ещё и замужних женщин да девиц на растление.

Однажды на праздник Перуна собралось как никогда много народа. Был в этой толпе и молодой христианин, влюблённый в дочь местного менялы, молившегося идолам. Некто из толпы узрел его и громко возвестил об этом волхвам. Оные не замедлили оповестить народ о вопиющем святотатстве и решили принести молодца в жертву Перуну. Как ни протестовала девушка, как ни умоляла жрецов пощадить его, ничего не помогло.

В ту же ночь случилась сильная гроза. Молнии сожгли священный дуб и кумирню. Это навело такой страх на киевлян, что это место надолго превратилось в проклятое. А со временем христиане построили там для себя первый монастырь и дали ему имя святого Ильи. Как позже оказалось, именно так прозывался убиенный язычниками молодой христианин.

2

Как-то с утра к Владимиру в опочивальню вошёл его дядька Добрыня, ко всему воевода и новгородский посадник.

– Весть имею, будто на Старокиевской горе, возле кумирни Перуна, жрецы сего деревянного бога вновь вознамерились принести новые жертвы.

– Пора бы нам поумнеть... – помрачнел Великий князь. – Я всё это начал, мне и завершать!.. Нет в Европе государя, который бы не глядел мне вслед с насмешкой за наше срамное идолопоклонство. И торговле оное помеха, и заключению союзов...

Великий князь, не доехав до вновь отстроенной кумирни, покинул седло и повёл коня под уздцы. Он и Добрыня вскоре увидели плававший неподалёку на алтаре огонь и собравшихся возле него киевлян со вскинутыми вверх для приветствия Перуна правыми руками.

Издали виднелись три волхва, строго вещавшие народу:

– Извечный податель тепла и света божественный Перун возмущён преступными деяниями ваших соплеменников, тайно принявших христианство. Они презрели его волю и могущественную власть, за что должны понести суровое наказание. Мы принесём их в жертву. Тогда Перун смилостивится и дарует вам долгожданный урожай!

Владимир приблизился к столбу, возле которого стояли со связанными руками и ногами два молодых киевлянина.

– В чём вас обвиняют?! – громко сказал он.

– Наша провинность в том, что мы не позволили язычнику насильничать над нашей сестрой... Верховный волхв Бермята склонял её к добровольному заклятию по смерти нашего отца на его тризне, а та вместо этого приняла христианство. Тогда волхвы обманом заманили её в потаённое место и всё-таки лишили жизни.

– Выходит, вы оба тоже христиане?

– Да... – подтвердили они.

– Люди киевские! – вскрикнул Добрыня. – Благодаря стараниям честных доброхотов прознали мы с Великим князем о множестве притеснений, творимых волхвами да кудесниками. Пользуясь грязными наветами, ложными обвинениями да личной неприязнью, они творят произвол, но не веры ради, а собственного обогащения!

Бермята со страхом, смешанным с откровенной ненавистью, смотрел на Владимира и Добрыню.

– Более ничего подобного я не допущу! – прервал Владимир слова дядьки. – Я повелеваю отныне такой произвол навсегда прекратить и отпустить задержанных горожан. Далее обещаю, что, ежели вновь проведу о подобном, сожгу уже не только сию кумирню, но и жрецов вкупе с ней! Надоело мне взирать на их бесовство. Моя матушка была христианкой. Так вы бы и её принесли в жертву своим деревянным истуканам?

– И без того византийцы, поляки или те же варяги и хазары нас за идолопоклонство почитают деревянными мозгами! – поддержал племянника Добрыня.

Уже перед сном он заглянул в спальный покой Великого князя.

– Вот какое у меня соображение, племяш: а не отправить ли нам разных бывальцев в иные страны, чтобы удостоверились в правильности или лживости их верований? А потом станем думать да оценивать, к какой вере нам пристать? Пора Руси определяться, если мы не хотим стать посмешищем для соседей.

– Быть тому... – подумав, строго согласился Владимир.

3

На другой день с утра Владимир повелел немедля пригласить боярина Богуслава, предводителя его личной княжеской дружины гридней.

Тот ждать себя не заставил: смело шагнул в княжескую горницу.

Ярким светом горевших свечей встретило Богуслава жильё Великого князя.

Владимир задумчиво сел за стол.

Богуслав внимательно взирал на государя, теряясь в догадках, зачем он приглашён.

– Я нуждаюсь в совете умного и зело преданного мне человека, каким и почитаю тебя... – вздохнул Владимир. – Ты мудр не по годам. То-то непростое имя у тебя. Оно как бы бога прославляет. Ты христианин?

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

Владимир стал задумчиво, словно сам себе, говорить о своих снах, которые часто виделись ему в последние дни. Почему-то Великий князь каждый раз поднимался в них так высоко вверх, что мог обозревать сверху все княжества, на которые распространялась власть Киева.

– Это вера христианская окрыляет тебя... – выслушав князя, тихо проговорил Богуслав и взволнованно прикрыл лицо руками. – Мне trebно всё услышанное от тебя хорошенько осмыслить...

А далее с его, Богуслава, совета о намерении Владимира обрести на Руси истинную веру достаточно скоро прознали во всех соседних странах.

Уже и первые посланцы от них пожаловали...

Не откладывая, Великий князь собрал бояр в княжеских хоробах.

Когда он вошёл к ним, они шумно поднялись с лавок, привычно, по-язычески, приветствуя Великого князя поднятыми правыми руками.

Следом за Владимиром в княжескую гридницу вошли три прибывших германца, один из которых был представлен князю толмачём как Бруно Кверфуртский.

Он вышел на середину гридницы и начал торжественно говорить:

– Не думай, княже, будто мы пришли, чтобы показать тебе и всем русичам прелести христианства. Сами поныне бредём во тьме языческого невежества.

– Ежели бы ведал о подобном, не стал бы к вашему Оттону отправлять посольщиков из Киева с просьбой прислать людей, способных к проповедованию своей веры.

– Иного услышать мы и не предполагали... – продолжал свою речь королевский священник. – Поэтому скажу только, что вопрос о начале мира и будущей жизни сильно занимал все народы Севера и могущественно содействовал распространению между ними христианства. Ибо лишь оно могло дать им удовлетворительное решение всех вопросов жизни человеческой.

Миссионер вдруг замолк, словно бы ожидал некое время каких-либо слов от Владимира или кого-нибудь из его окружения, да так и не дождался.

– По такому поводу хотелось бы привести весьма поучительную и не менее правдивую историю о принятии христианства в государстве Британия. К одному из англо-саксонских королей явился проповедник христианства. Сей властитель позвал дружину на совет. Один из вождей сказал при этом следующие поучительные слова: «Быть может, ты припомнишь, король, что случается иногда в зимнее время, когда ты сидишь за столом с дружиною: огонь пылает, в комнате тепло, а на дворе и дождь, и снег, и ветер. И вот иногда в это время пронесётся через комнату маленькая птичка. Влетит в одну дверь, вылетит в другую; мгновение этого перелёта для неё приятно, она не чувствует здесь ни дождя, ни бури. Но это минутное состояние кратко, вот птица уже и вылетела из комнаты на двор, и опять прежнее ненастье бьёт несчастную. Такова и жизнь людская на земле и её мгновенное течение, если сравнить её с продолжительностью времени, которое предшествует и последует. Оно мрачно и беспокойно для нас, оно мучает нас невозможностью познать его. Но если новое учение может дать нам какое-нибудь верное известие об этом предмете, то стоит принять его».

Бруно Кверфуртский снова замолк, но опять не услышал ничего, кроме тишины, и пришлось ему продолжить:

– Прислал нас папа римский и велел говорить: «Вы народ честный и благоразумный. Удивление вызывает, что до сих пор верите неблагорассудно, поклоняетесь деревянным богам, сделанным вами, и от них милости просите. Наша вера есть свет, кланяемся одному только Господу Богу триипостасному, который сотворил Небо и Землю, Солнце, Луну и Звёзды, и всяко дыхание».

И спросил строго Владимир:

– Каков главный закон вашей Веры?

Они же отвечали:

– Верить во Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, притом иметь пост по силе. Ежели, кто ест или пьет, всё во славу Божию творит, как сказал учитель наш апостол Павел.

И тихо проговорил Владимир германцам:

– Ступайте вспять, так как ещё отцы наши не готовы дать ответ.

Добрыня устал неимоверно. Несколько дней он провёл в седле, возвращаясь в Киев из Новгорода, где неизменно проживало его семейство. По просьбе Великого князя, постоянно нуждавшегося в его присутствии и советах, он посчитал невозможным оставлять надолго племянника в столь трудное для того время.

Уже на ближнем к Киеву постоялом дворе только и было разговоров, как Владимир обошёлся с послами папы римского и германского короля Оттона III. В половину голоса и почти шёпотом посетители и постояльцы двора передавали друг другу эти новости. Да и не удивительно: на Руси всегда

опасались высказывать что-либо откровенно и вслух. Разные властители и прочие властолюбцы недрёмным оком следили за бунтарями и возмутителями спокойствия.

– По-моему, так лучше бы гречинов призвал к себе, – послышался разговор между купцами, несомненно, христианского вероисповедания. – Сколько раз доводилось нам бывать у них, никогда не проходили мимо храма Святой Софии. Благолепнее его убранства не зрили ничего и нигде.

Добрыня и не заметил, как увлёкся этой чужой беседой и даже прекратил еду.

К вечеру он уже был в своих хоробах, находившихся почти рядом с княжескими. Хотел без промедления отправиться на заслуженный отдых, как спальничий объявил, что Добрыню дожидаются иноземные гости.

– Я вовсе не хотел их допускать, – оправдывался он, подавая хозяину очередной сапог. – Но ведь чуть ли не гривны мне в руки совали, чтобы я заявил тебе об их приходе.

– Накрывай поспешно ужин, – повелительно произнёс Добрыня. – Просителям, кто бы то ни были, скажешь, чтобы подождали ещё немного. Их терпения я более испытывать не собираюсь, срамно ведь: заставляя иноземных гостей долго ждать.

И Добрыня допустил к себе незваных гостей. Его самого распалил интерес: по какой надобности иноземные люди так настойчиво стремились к нему? Подозрения были связаны с желанием быть принятыми Великим князем.

– С чем хотите ознакомить его? Какие нужды одолевают вас, и сумеет ли Владимир оказать сильную помощь?

Пришедшие (их оказалось трое от просившихся) выступили вперёд поочередно и стали уверять Добрыню:

– Желания наши весьма скромны. Слухом земля полнится о посещении Великого князя посольщиками латинскими, кои прельщали его к принятию христианства от Рима. У нас имеется подобное стремление: ознакомить вашего правителя с нашими верованиями и ввести в соблазн на введение русичей в наше исповедание, – тогда будем мы едиными и сильными этой общностью!

– За молви слово перед господином своим, о Великий, – выступил вперёд другой проситель. – Ты вхож в его ближайшее окружение.

– Ничего Великого во мне не есть, – откровенно возразил Добрыня. – Просто его матушка доводится мне родной сестрой, поэтому и доверила достойно воспитать своё единственное дитя.

Он помолчал немного, и от этой паузы гости несколько взволновались.

– Не робейте... – вздохнул Добрыня. – Помогу я вам встретиться с моим государем, но вы должны обещать, что, ежели ваше посещение окажется ему неприемлемым, покинете княжеское подворье и далее не станете докучать своими появлениями.

– Мы согласны на такие условия, – одобрительно высказались иноземцы и тотчас покинули хоромы.

5

Начавшийся день обещал утреннюю грозу. И она пришла, неминуемая. Прежде абсолютно чистые небеса, с бежавшими по ним небольшими барашками кучерявых облаков, теперь превратились в огромный сгусток грозовой тучи, готовый ежеминутно раскрыться для низвержения ливневых потоков. И всё это должно сопровождаться небесным огнём и грохотом.

Ранних горожан испугал режущий слух громовой раскат. И сразу хлынул ливень; однако, будучи неуверенным в своей силе, призвал на помощь ледяных пособников. И тогда чёрная туча разразилась градом.

После грозы княжеское подворье тяготилось нашествием боярских рыдванов и колымаг. Все приехали по велению и приглашению Великого князя. Ожидался приезд Добрыни, который должен был сопровождать иноземных гостей, заявленных на сегодняшний приём.

Они и появились в окружении княжеских гридей, набранных князьим воспитателем ради торжественного случая. И немедленно проследовали в отведённое для них помещение.

И, как и прежде, всё боярское собрание напряжённо ожидало появления государя. Вопросили друг друга, по какой такой надобности Владимир потревожил их из поместьев? Каждый приводил другому самые различные причины и доводы, чтобы не появляться здесь.

– От кума давеча посылный был, – шамкал почти беззубым ртом один домовитый. – Приглашение мне вышло от него: сорок дён его преставившейся супружнице.

– Да ты не то христианин? – отшатнулся от сидевшего рядом бородача такой же, в горлатной шапке.

– А что ты удивляешься, я тут не единственный...

– Неужто Владимир теперь смирился с христианами?

– А это уж как Господь управит...

В это время все сидевшие по обеим сторонам приёмного покоя увидели вошедшего Добрыню, и почти тотчас же следом появился государь, окружённый несколькими людьми. И как только Великий князь опустился в кресло у стены, украшенной сияющими солнцами, а позади встали рынды, все предварительно поднявшиеся с лавок вернулись на свои места.

– К Великому князю посланные бахмиты, что проживают на Волге! – громким голосом оповестил княжий человек.

Подошедшие несколько мужчин выглядели примерно одного возраста, одетые в незнакомые русичам платья. Поясно поклонившись собравшимся в знак приветствия с приложением рук к груди, они начали свою речь:

– Мы счастливы лицезреть тебя, Владимир, и, услыша о твоём желании изменить веру на Руси, вознамерились отправиться к тебе с предложением нашей, самой лучшей из всех сущих на земле верований.

– И какого бога вы желаете мне предложить?

– Посланы мы Господом нашим, Аллахом и пророком Его Магомедом, творцами веры исламской. Говорят, будто ты, князь, мудрый и весьма смыслённый, однако не ведаешь закона истинного. Так прими же наш и почитай пророка, как у нас говорят: «Нету Бога лучше Бога, Магомет Его пророк».

Владимир стал вопрошать:

– В чём же суть вашего вероисповедания?

Болгарские мусульмане отвечали так:

– Мы веруем единому Богу, а Магомет нас учит производить обрезание, свинины не ясти да вина не пити. По смерти же со жёнами веселие будет. Дарует пророк по семидесяти жён красивых каждому. И, избравший едину из всех, красоту совокупит ей, и та станет ему женой.

Владимиру пришёлся по нраву чувственный рай мусульман, однако он никак не соглашался допустить отказ от свиного мяса и от вина.

– Теперь мне понятен ваш закон, – после короткого раздумья вымолвил Великий князь. – Мною приглашены сюда некоторые местные христиане, которые могут рассудить нас с магометанами: нужна ли Руси такая вера?

– Дозволь, государь, – выступил вперёд знатный купец Светозар. – Я наравне с тобой и всеми собравшимися выслушал говоримое этими людьми. И пришёл к мнению, что их религия уж слишком смахивает на существующую. В частности, взята хотя бы многожёнство. Считаю, что совсем неприемлемо одни ошибки менять на другие.

Купец поклонился Владимиру и отступил назад.

– Есть ещё такие, которые подскажут нам истину? – обвёл всех взглядом государь, но не услышал ни от кого подобного желания. – В таком случае «Руси есть веселие пить, не можем быть без того».

С великим сожалением о такой неудаче выходили бахмитские проповедники, а их место уже готовились занять хазары, желавшие предложить народу и государю Руси своё верование. Они пылали надеждой, что их чаяния должны непременно оправдаться. И ступили в приёмный покой под полуголосые пересуды бояр, обсуждавших поражение болгар.

– С каким предложением или пожеланием вы пришли к нам? – участливо осведомился Владимир.

– Слышать нам довелось, будто приходили к вам болгары магометанские и христиане латынские. Все они поведали тебе о своих верованиях. Христиане веруют в Царя иудейского, что был родом из Назарета, но мы его распяли. А мы веруем единому Богу, Отцу, Творцу и содержителю всякой твари.

– Каковы ваши религиозные представления? – снова спросил Великий князь, теперь уже с настороженностью.

Хазарские иудеи отвечали на это так:

– Мы призываем к обрезанию, свинины и другого нечистого мяса не вкушать, субботу хранить свято, ибо – праздник.

Внезапно поднявшийся Добрыня задал свой вопрос:

– Где находится ваша земля, уважаемые?

Они отвечали весьма сдержанно, почти потупив взор:

– В Иерусалиме.

– Там вы все донныне и обитаете? – уточнил Великий князь.

– Разгневался Господь на наших предков, – после некоего замешательства отвечали иудеи. – За свершение позорной и несправедливой казни над Сыном Божиим Он расточил нас по разным странам и землям, да и продолжает напоминать о грехах наших. Землю предков по Его же велению захватили римские язычники, которые глумились над нашими порядками, обычаями и храмами.

Молча выслушал Владимир это, но более – жалобу иудеев на свою горькую участь.

– Как же вы можете предлагать другим народам то, что сами не сумели сохранить в достойной чистоте? За все прегрешения перед почитаемым вами Богом вы Им отвержены и скитаетесь по миру. Если бы Господь воистину благоволил вам и верованиям вашим, вы бы и далее жили на своей земле. Сего ли зла и нас участниками учинить хотите?

И он со гневом выслал их.

6

Постоянно приходилось Владимиру слышать о Греческой земле, сильной верою в Иисуса Христа, о величии тамошнего богослужения. Тогда и решил он отправить самых толковых своих бояр, чтобы они убедились в истинности всего этого.

Вернувшись, посольщики обо всём обстоятельно известили Великого князя:

– Надежды, весьма весомые, возлагались нами на христианство римское, которое якобы весьма напоминает греческое. Только мы прознали убедительно, что все тамошние прихожане не столько возвеличивают Бога, сколько оказывают почтение своему Папе. Именно он возомнил себя высшим божеством. А Божьи храмы у них выглядят весьма скудно. Глазу не на чем остановиться, чтобы он возрадовался какой-нибудь красотью, что видится даже в наших киевских христианских церквушках. И кому могут глянуться молитвы, что возносятся Небесному Творцу на неизвестной никому латыни, на которой даже местные не общаются с самых древнейших времён. Только священники её и ведают по свершении молитвенных потребностей для прихожан, и требуют за сие мзду непомерную.

– Затем пришли мы в Царьград, – продолжали бояре-посольщики, – где нам повелением их господаря патриарх и проповедники довольно доходчиво о таинствах религиозных изъясняли. Потом ввели нас в церковь главнейшую, где отправляли службу Богу с превеликим благолепием на родном их ромейском наречии, а не позабытой всеми латыни. В том храме видели мы истинное благочиние и умиление, будто на небесах оказались. Ибо нет на земле лучшего исповедания и красоты в храмах, как у греков. Мы явно убедились, что там Сам Господь истинно с людьми пребывает. Ромейская религия предпочтительнее для русичей!

Внезапно все трое поясню поклонились Великому князю, чего он от них совсем не ожидал и даже не знал, как ему поступить в ответ.

– Дозволь, Великий князь, вот что тебе ещё сказать... – со скрытым чувством некоей провинности заговорил самый старший из посольщиков. – Произошло со мною в тех местах великое неприятство. По какому-то непонятному произволу лишился я слуха. Слышать удавалось лишь вещаемое рядом. Так вот, в ихней корчме прознал о моём бедствии её хозяин и подробно расспросил меня о случившемся. Я просил его помочь в поиске лекаря, однако корчмарь посоветовал ступать в ближайшую церковь да признаться во всём тамошнему священнику. Только я его слова пропустил мимо ушей... Решил, мол, само пройдёт...

Теперь уже и другой боярин вступил в беседу:

– Однако нашему приятелю и на следующий день не полегчало, а в третий день он совсем оглох, будто и родился таковым.

– Вот тут пришлось нам вспомнить советование корчмаря, – продолжил третий боярин. – И пошли мы все вместе в церковь да приняли крещение по греческому обряду, о чём ниелико не пожалели. Ко всему к нашему другу слух тотчас вернулся! Прости и помилуй нас, Великий княже.

Они снова поясню поклонились ему.

– А дальше, что вы узнали о греческом законе? – потребовал Владимир с нетерпением. – Есть ли ещё какое благолепие у него?

– Не можем мы ни сказать, ни забыть истины и красоты той, и потому наш совет тебе изъясняем, что достойно и нужно принять закон, греками веруемый и исповедуемый. Ежели ты того не соизволишь, то мы согласны оставить на Руси всё своё достояние и пойти туда, чтобы сохранить свою веру, нами ныне принятую, ибо всяк человек, вкусивший сладости, затем не может горькое терпеть.

Долго в глубоком раздумье пребывал Владимир после таких слов. В молчании стояли и бояре, ожидая разрешения им слово молвить.

Наконец заметное оживление проявилось в лице Владимира.

– Великий князь! – тотчас поспешно заговорили бояре. – Если бы сей закон греческий был порочен, то не приняла бы его твоя бабка Ольга, которая слыла мудрейшим из всех человеков.

На оное Владимир отвечал им так:

– Когда вы все согласны на принятие закона греческого, то и я не отказываюсь, только где и как крещение принимать станем?

Они же сказали:

– Где тебе любо, мы противления не окажем.

7

Никто не мог сказать, чем такое можно было объяснить, но к приёму проповедников из Константинополя Владимир повелел подготовиться с особым тщанием. Были дополнительно выспрошены многие, бывавшие в столице империи. Они дали очень полезные советы по украшению приёмной горницы, а в особенности красных сеней и многочисленных переходов и подклетей, где предстояло проходить византийцам.

В назначенное время они с необыкновенной для хозяев точностью появились у ворот княжеских хором, сопровождаемые конными гридями. Княжеские слуги замыкали всю процессию и встали на страже спокойствия важных переговоров. И как позже отмечалось, ни одно посольство до сего дня не принималось с подобной торжественностью.

– К Великому князю посланники из далёкой южной державы! – громко возвестил княжий распорядитель.

Первым в помещение ступил вполне зрелый мужчина, как после оказалось, доверенное лицо императора. За ним следовали один за другим его сопровождающие в богатых византийских одеждах и не менее красивых головных уборах. В середине процессии увиделись многими присутствующими боярами и прочими гостями князя несколько седовласых старцев в чёрных рясах с серебряными крестами у поясов и чёрными скуфьями на головах.

Внезапно произошло непредвиденное. Вместо ожидаемого выхода перед Владимиром императорского сановника из ряда священников ступил на середину комнаты некий монах преклонного возраста, весьма благообразный. Его высокий, исчерченный морщинами лоб предполагал возможную живую и образную речь мудрого человека.

Это и произошло, когда ромей заговорил:

– Прислала нас братия от главного храма нашей святой Софии в Константинополе. Зовусь я философом Кириллом. Мы слышали, будто к вам приходили многие и учили принять их веру. Но она святости на Руси не прибавит... Мы же воистину в Того веруем, кого пророки предвестили, что Богу суждено родиться от Девы, а другие вещали, будто распят и погребён будет он, да в третий день воскреснет и на Небеса взойдёт. Так и сбылось...

Таковыми словами заинтересовался Владимир, тогда и спросил философа:

– Чего ради и как сошёл Бог на землю и страсть такую принял?

Кирилл не смутился нелепостью вопроса, зная о принадлежности Великого князя к языческой вере и полном неведении христианских законов и текстов Старого и Нового Заветов, поэтому и ответил ему:

– Ежели существует желание послушать, тогда скажу тебе изначала.

– Весьма охотно принимаю такое предложение, – выразил своё желание Святославич, когда обвёл всех присутствующих повелевающим взглядом и узрел на их лицах знак согласия.

Тогда и начал философ повествовать о делах Божиих от сотворения Мира и до окончания седьмого собора подробно. И всё, что относится к истинной вере, а также о будущем воздаянии за добродетели и о мучениях за грехи. А далее показал Владимиру завесу, на которой хитроумно был написан Страшный Суд Господен. И указывал Кирилл ему, как праведные справа веселятся, а грешные слева мучаются.

Увидев это, ужаснулся Великий князь, воскликнув с откровением:

– Добро есть благим справа, а горе великое злым слева!

Уже более настойчивым тоном произнёс философ:

– Если хочешь справа стоять с праведными, то принимай истинную веру.

Владимир же положил руку на сердце своё, ответно высказав:

– Подожду ещё немного.

В тот день он одарил посланцев ромейских и отпустил с честью великою обратно.

8

И снова у Владимира назрела необходимость в приглашении Богуслава. Это томительное ожидание встречи с ним превзошло всё его прежнее нетерпение.

Для боярина уже не требовалось никакого особого разрешения. Княжеская охрана свободно наступила перед ним, зная о нетерпеливости государя, особо ждущего эту встречу.

Как только гость преодолел порог, с первых его слов всё встало для Владимира на свои места. Буквально несколько фраз Богуслава объяснили для него многое:

– От моей бабки Ольги мне довелось слышать, что болгарский правитель Симеон совершил победоносный поход к ромейской столице и потребовал от Регентского совета признать его соправителем императора и согласия на брак его сына с императорской родственницей, что и было выполнено.

Всё это Владимир произнёс на одном дыхании и тут же замолчал, откинувшись на спинку кресла.

– Значит, – снова встрепенулся Великий князь, – чтобы мне получить церковную власть, независимую от Византии, нужно стать вровень с ихними базилевсами?

– Истинно, – подтвердил Богуслав. – Именно это мне было истолковано одной прорицательницей, которой я поведал о твоих снах. Тебе суждено продолжить начатое княгиней Ольгой, которая пыталась превратить языческую Русь в сильную христианскую державу. Тогда с нею станут считаться все государства Запада и Востока.

Владимир понял, что сей диалог приблизился к завершению.

– Теперь я воистину укрепился во мнении, что нужно любыми средствами с помощью христианства встать с Европой на одну ступень, а в будущем – предвосхитить нагловатых еуропов во всех делах.

9

На другой день ближе к полудню Великий князь завершал важные дела и попутно разбирали различные жалобы. Добрыня постоянно находился рядом, помогая улаживать споры между киевским людом.

И почти тогда же старший из гридей сообщил о появлении ромейских гостей во главе с Алексием Анатоликом, являвшимся в своей родной земле самым важным по иностранным делам.

Он вошёл в сопровождении своих людей.

– Послан я моим повелителем, потомком Великих Константина и Юстиниана...

Далее следовали перечисления прочих властителей с их владениями. Владимир уже привык к обязательному церемониальному выслушиванию всех титулов, какие были приняты в Византии и странах Запада.

Теперь же он посчитал сие слишком утомительным и в данном случае вообще неприемлемым. Поэтому поднял вверх ладонь и знаком предложил пришедшему изложить суть дела.

– Прежние договоры утвердили, как то учинено при Игоре Великом князе и потом утверждено, и сей договор утвердили Свенелд, посол Святослава, и Феофан, сигимат греческий при императоре Иоанне: «Я Святослав, князь русский, как клялся, утверждаю на договоре сем данную мою клятву, что хочу иметь мир и совершенную любовь ко всем Великим царям греческим, с Василием и Кон-

стантином, и с православными, и с впредь будущими, и со всеми подданными греческими... Ежели же иной кто восстанет на пределы ваши, я буду против него и буду иметь войну с ним, как клялся ко царям грецким и со мною бояре и руссы все, да сохраним прежние договоры и союз...»

Владимир обратился к стоявшему позади Добрыне. Тот кивком головы подтвердил истинность прочитанного документа времён правления князя Святослава.

– Какие же действия ожидает от меня светлейший правитель ромеев?

– Необходима военная помощь от бунтарей во главе с Вардой Фокой.

– Любо грекам проливать славянскую кровь, – сдержанно проговорил Великий князь. – Спят да мечтают ослабить могущество наше, чтобы оно было в угоду многочисленным врагам Руси. Видать, поистожились богатства императоров, коль скоро согласились к нам на поклон, их постоянным противникам.

Тем не менее со словами согласия и с подписанными документами отправился в Константинополь посланник Ромеи.

10

С шумными грозами и комариным звоном отшагало по лесам да полям знойное лето. Много было доброго от него, однако всё хорошее быстро кончается. В каждодневных трудах и заботах пролетело оно и скрылось за высокими горами да широкими морями. Успелось ли многое переделать за это время? Наверняка ведь не хватило буквально нескольких дней. А всё-таки сумели доставить в Киев важный документ от Василия II и Константина VIII, которые чуть ли не слёзно просили русичей оказать необходимое содействие в подавлении бунта.

Затягивать решение важного дела у Владимира не являлось правилом. Подобное же было свойственно Святославу, но ещё ранее княгиня Ольга славилась не только быстротою мысли, но и действиями.

Вновь вызванный боярин Богуслав шагнул в княжеские хоромы. И со вниманием слушал государя, однако уже в середине узнанного от него понял, что в данном случае он не в силах оказать Великому князю в достаточной мере необходимую услугу.

– В чём же ты чувствуешь свою слабость? – испытующе глядел Владимир на языческого книжника.

– В теперешнем положении моих знаний для тебя будет весьма не доставать. А посему достойную помощь окажет один бывший иеромонах. Много лет тому назад оный бежал от возможного языческого преследования вкупе с учителем своим, который был выбран княгиней Ольгой особо доверенным человеком.

Великий князь некое время оцепенело взирал на боярина, который явно чего-то от него ожидал.

– Вспомнил! – вдруг воскликнул Владимир. – Ведь ты вещаешь мне о ромейском монахе Григории и евоинном ученике Евфимии.

Государь, сподобленный Божьим озарением, восторженно поглядел на Богуслава.

– Воистину так и есть, – с признанием правоты князя подтвердил боярин. – И ныне проживает сей человек на Подоле, будучи гостем средней руки, который, являясь знатцем, кроме русского, ещё латыни, греческого и болгарского наречий мог бы вполне стать нужным в посольском приказе.

– Такой человек воистину ценен для государства. И желалось бы мне как можно быстрее его лицезреть! – объявил Владимир.

– Он здесь...

Великий князь стоял у открытого окна, словно высматривая в голубеющей дали обещанного советчика.

– Проходи, друже, – сдержанно произнёс Владимир, присаживаясь на лавку.

Рядом поместился и Евфимий.

– Потребовалась срочная военная помощь? – спросил он.

– Да, – подтвердил князь. – Просят пятитысячную дружину под моим водительством.

– Не слишком ли много будет им чести?

Владимир каким-то особо внимательным, даже несколько пристальным и в то же время добрым взглядом удостоил Евфимия.

– Прости, ежели будет что не так, но дозвожь прежде всего называть тебя Вокшею в память о твоей благодетельнице и моей бабушке Ольге.

Евфимий на то согласно кивнул.

– Нет, Вокша, нет, славный мой советчик, – проговорил далее Владимир. – Ради того, чтобы вывести страну из тьмы невежественного язычества, я могу пойти и на куда большее.

– Тогда станем мыслить в соответствии с требуемым. Какую и в каком качестве следует набирать дружину для предстоящего одоления ромейских бунтовщиков? – глубокомысленно проговорил бывший иеромонах. – Да и вооружение с воинской бронёй следует иметь отменное. У греков в наличии такие стрелы да копья дамасской стали, что не токмо латы, а и кольчуги из добрых колец с лёгкостью пробивают.

– Весьма своевременное замечание, – поддержал Вокшу Владимир. – У меня ещё давеча появилась об этом своя задумка.

– Ежели касательно супротивства с греками, могу поведать кое-что о византийской армии. Основой её ещё со времён предыдущих императоров являются так называемые «катафракты», или тяжеловооружённые всадники. Число таковых в двадцатитысячной императорской армии составляет от четырёхсот до пятисот человек. Одеты они в прочный панцирь, их руки закрыты кожаными перчатками и «наручами» с металлическими бляхами. Поверх панциря «катафракты» носят плащ, голова их защищена шлемом, а ноги – поножами. Лошади сих воинов покрыты специальным покровом из войлока. Во время атаки «катафракт» держит щит из воловьей кожи.

– Славно, что в нашем государстве теперь есть такой умудрённый жизненным и военным опытом человек, – словно самому себе изрёк Великий князь. – Сегодня я снова убедился, что лишь с принятием христианства для Руси откроются широкие врата учёности.

11

Осведомлённость у Добрыни о всех княжеских делах была невероятной. Словно бы и не опекал он каждодневно своего повзрослевшего воспитанника, как прежде, однако ничего из его начинаний не упускал из виду. И сразу понял: сейчас вмешательство воспитателя необходимо. Требовалось доставить в Киев самых испытанных и преданных Великому князю людей. Таковых надумал набрать тысячи полторы. К этому костяку добавить ещё некое количество, доведя его до шести тысяч. Но и эти должны быть самыми лучшими. Поэтому не позволил себе обращаться к удельным князьям. Ведал, что ради отписки пришлют такой сброд, с которым не токмо битвы выигрывать – с бабами вожжаться срамно.

Вот и отправился Добрыня по киевским домам да подворьям сам выискивать не одних способных к воинскому ремеслу, но и оружейных дел мастеров.

И потянулось к Добрыниному жилью многочисленное мужское население Киева, среди которого видели и христиан. Войско добровольных ратников продолжало увеличиваться. Владимир постоянно узнавал, как воеводы да тысяцкие исправляют свои обязанности. Слышал о них лишь приятное.

Тогда и принял решение собрать сведующих людей, которые смогут показать кратчайший и безопасный путь в Ромейскую державу.

Судили да рядили с раннего утра. Каждый знатец предлагал своё.

– Сухопутно следует ступать, – предлагал успешный в торговле боярин Горностай. – Ещё отец мой сказывал, будто Фракийским путём по болгарскому побережью к ромеям, но прежде по Славутичу плыть.

– Так в допрежние времена и было, когда дорогами владело спокойствие и никакие возмущения народов не проявлялись. А ныне западные пути – морской и сухопутный – наглухо перекрыты восставшими против византийского ига болгарами, – резонно заметил боярин Богуслав.

– А ведь и восточные проходы опасны по вине мятежных войск и флота! – обратился Евфимий к Владимиру, увидев, как ещё больше помрачнело лицо последнего.

– Что же нам теперь делать? – не испуганность, но некая настороженность во взоре и взволнованность в голосе слышались у Великого князя. – Не могу я ждать, покуда мятежники или болгары одумаются.

Взгляд Владимира более пристально упёрся в советчика, а он сидел в полной задумчивости, созерцая пустоту. Так продолжалось некое время, даже бояре перестали судачить.

Внезапно Вокша повернул лицо к князю, – в его глазах плясали озорные огоньки:

– А ведь кто перекрыл нам движение по западному проходу, тот нам и поможет! Не напрасно же я прожил столько лет в болгарском монастыре.

Владимир с восторгом смотрел на своего нового советчика, уверившись в нём не только как в опытном проводнике, но и толковом человеке.

К середине лета завершился набор добровольной дружины, о чём Добрыня и уведомил Владимира. Тогда же он с помощью своих сподручников приступил к обучению всех собравшихся воинскому мастерству. И в этом неоценимую помощь оказали киевские варяги. Многие из оных участвовали в больших сражениях вкуче с русичами против ромеев, а также печенежских племён. Они, не теряя времени, сообразуясь со своими знаниями и опытом, приступили к ремонту и изготовлению судов, которые были способны ходить не только по морю, но и речному мелководью. А горожане по указанию Добрыни делали однодеревки, вмещавшие от двадцати до тридцати ратников.

Как все работы лодейные, так и обучение войска продолжались до наступления устойчивых холодов.

12

Ещё по-настоящему не кончился ледоход, старательно поторапливаемый ранним теплом, а Владимир отдал приказ о выступлении всего воинства. Ладьи шли на вёслах, но со спущенными парусами, надеясь на дуновение ветра.

– А в воздухе всё сильнее чувствуется дыхание весны, – вздохнул Евфимий.

– Каким дыханием она встретит нас на чужой земле? И как болгары отнесутся к появлению у них такой многочисленной дружины? – озабоченно вымолвил Великий князь.

– Мы будем обязаны не нарушать покоя обитателей тех мест, – плеснул миролюбием Евфимий. – Ежели доведётся вступить в какие сношения, постараемся вести себя подобно их гостям.

Продвижение дружины русичей длилось третий день, однако ни бунтовщиков, ни следов императорской армии не наблюдалось.

Владимир по просьбе Добрыни созвал военный совет. Решали и думали, как станут поступать дальше. Богуслав, знавший греческий, предложил помощь в разведывательном отряде.

И вскоре они действительно обнаружили довольно крупное воинство бунтовщиков, которое следовало на соединение со значительными силами под Хрисополь.

– Считаю просто необходимым ударить по врагам, чтобы предотвратить их усиление в будущем. Таким образом, мы уже окажем соправителям Константину и Анне нужную поддержку, – обратился Добрыня к Владимиру.

– А что же далее? – князь этим вопросом как бы положил начало возможному диалогу. – Думаю, нет необходимости ограничиваться таким незначительным выступлением.

– Естественно, мы просто обязаны находиться на виду войск соправителей. И следует заранее отправить в их стан посольщика с напоминанием выполнения договора о свойстве.

– А не рановато ли? Мне кажется, будто с этим можно пока повременить.

– Ни в коем случае, – решительно отверг Добрыня сомнения Владимира. – Если желаешь выполнить обговоренные условия, надобно твоей дружине идти в бой, и только победный!

Почти беззвучно шёл многотысячный отряд русичей. Солнце медленно, с неохотной ленцой вытягивало свой заспанный диск и поднимало над холмами, поросшими почти нехоженым густолесьем. Оно с подозрительным удивлением взирало на продвигавшиеся отряды прежде невиданных в этих местах воинов.

Конный десятник резво покинул седло и подошёл к Великому князю, окружённому верными людьми. Без уважительного низкопоклонства, как и требовал Владимир в походных условиях, не привлекая к себе внимания остальных, сообщил, что по довольно широкой равнине, зажатой с двух сторон горным лесом, неспешно следуют бунтовщики.

– По численности они немного уступают нам, в большинстве – пехота. Вооружением такожде не блещут.

– Великолепная возможность, государь, – трезво оценил сложившуюся ситуацию Добрыня. – Упадём словно снег на голову.

Исполнение приказа прошло весьма скрытно для врагов.

Из лесной чащи вышли лучники русов, пустившие вверх стрелы. Ромеи даже не успели прикрыться щитами. После атаки лучников по команде сотников вперёд пошли дружинники. Они умело рубились более длинными мечами в сравнении с византийскими акинаками, да и воинским мастерством бунтовщики владели в меньшей степени. Посему и потери с их стороны были большими. И в скором времени среди последних началось повальное бегство с поля битвы. Таких догоняли, убивая, либо издали поражали стрелами.

– Все они суть подданные ромейских венценосцев, и только последние имеют власть судить или миловать провинившихся в бунтарстве, – уточнил Евфимий.

Он по просьбе Добрыни сумел выяснить у пленённых о конечном месте сбора. Для него был избран древний город Абидос. Там же, по их признанию, состоится решающее сражение между восставшими и войсками императора.

В скором времени войско Великого князя приблизились к Абидосу. Издали виднелся стоявший на высоком холме императорский шатёр. Свирепого вида норманны преградили вход Владимиру, который зычным словом воззвал к слуху сопровителя, чтобы последний отдал нужный приказ личной охране.

– Прощу к столу, мой северный собрат, – радушно улыбнулся Василий и протянул обе руки навстречу вошедшему Владимиру.

– Помолившись нашим богам и испросивши их вспоможения, мы разведали ночью большой отряд твоих изменников, а утром почти всех справедливо покарала. Привели в твоё становище только пленёнными около сотни.

Произнесённое князем поразило императора, который поманил к себе прислужника и повелел ему подтвердить или опровергнуть истинность слов киевского гостя. Недолгой оказалась проверка со стороны расторопного чиновника.

– Всё правильно, наимудрейший, – очередной порцией елейности одарил слуга своего повелителя.

– Это что же такое получается?.. – последний словно самому себе задал вопрос.

– А получается, – быстро нашёлся Владимир, – что я уже выполнил первую половину договора о свойстве. Второй половиной станет разгром восстания. В таком случае по первому моему требованию ваша сестра будет обязана появиться в Киеве вкупе с византийским духовенством.

– И там ты примешь истинно правильную веру, только после чего состоится обряд бракосочетания.

Далее Великий князь под провожающие взгляды императора и слуги возвратился к дружине, где и был встречен настороженно-ожидающими взглядами Евфимия и Добрыни.

– Теперь мы не будем лезть на рожон, – вполне обдуманно сообщил им Владимир. – Я совсем не имею желаний ценой жизней моих людей хватать из огня горячие уголья для императоров.

– Ты правильно рассудил, – похвально молвил Добрыня. – Мы займём выжидательную позицию. Пусть два слабых зверя рвут друг дружке глотки. Наверняка кто-либо из них ослабнет быстрее.

13

Необычно ранним показался русичам этот апрельский восход солнца. Его ярко-багровый диск медленно поднялся из-за лесистого горизонта и разлил по равнине кровавый свет. Он мог как бы явиться тревожным предвестником скорого кровопролития. Ожидалась большая битва, которая должна решить: быть продолжению большого хаоса и произвола или наступит какой-то окончательный порядок.

Две огромные массы вооружённых людей ринулись друг на друга. И с обеих сторон чёрными тучами взвились стрелы. Более умелые и сноровистые сумели укрыться под щитами. Но многие не смогли спастись от оперённых жал, поэтому падали, поражённые насмерть. Оная разными способами отыскивала себе жертву. Удар ли мечом, боевым топором или секирой, копьём чаще всего приводил к смертельному исходу.

Евфимий осторожно коснулся одежды Великого князя, чтобы обратить его внимание на нечто.

– Это те, о которых я тебе сказывал ещё в Киеве.

Такое действительно требовалось видеть. Воины, полностью облачённые в металл, словно бы рассекали сражавшихся на отдельные группы и, сидя на лошадях, поражали мечами и копьями пеших бунтовщиков.

– Счастье их в том, что это не Русь. Наши ратники просто стаскивали бы этих катафрактов с лошадей баграми либо крючьями и забивали, подобно беззащитной скотине, – выразил своё мнение Богуслав.

– Поэтому и была Русь ромеев постоянно, а оные со времён Рюрика платили Киеву дань, – уточнил Евфимий.

Он незаметно для остальных увлёк Владимира в сторону.

– Василию, видимо, удалось ликвидировать своего конкурента.

– Слышалось не единожды, будто Варда Фока недосыгаем не только для стрел, даже мечи и копья его не доставали, – усмешливо заявил Владимир и тут же повернул голову в сторону битвы.

Внезапно бунтовщики, видимо, получившие некое потрясающее известие, прекратили всякое сопротивление, попятившись назад, а после и вовсе побежали.

– Настало и наше время, – протянул вперёд руку Великий князь, давая тем знак к началу преследования бунтовщиков вместе с императорскими войсками.

– Теперь Болгаробойца въедет в столицу в зените славы, – с ноткой грустной иронии подытожил иеромонах. – И, подобно своим предшественникам, устроит раздачу хлеба и мяса, даже заплатит за жильё всем беднякам.

– Для нас главное – выполнение с их стороны договора о свойстве и прибытие в Киев царевны Анны. Мне уже не терпится завершить крещение государства, дабы встать наравне с христианской Европой. Надоело постоянно слышать о варварском князьке с гаремом, подобно агарянским вождям.

Василий II и в самом деле возвратился в Константинополь истинным триумфатором. Константин VIII сделал всё возможное, чтобы массы бедного охлоса и даже аристократы вышли на главную улицу Месу для встречи войск победителя. Те торжественно проследовали до казарм, осыпаясь весенними цветами и ветками жасмина.

14

Дружина Владимира приближалась к указанному сопровителями месту. Уже опять повстречались болгары, которые очень живо восприняли победу русичей. А после рассказа о полном разгроме бунтовщиков горячо благодарили славянских братков.

– Всё сие хорошо, – со скрытой горечью излил Евфимий. – Только как бы нам после этой военной победы не познать поражения в делах, нами задуманных. Сопровители вполне могут презреть обещанное. Я знаю ромеев, это весьма двуличный народец, подобный латинскому Янусу.

– Пусть только попробуют отказаться. Мне совсем не трудно повернуть к столице... – напрягся Владимир. – Или пойдём на покорение Херсона!

Следующим днём, словно бы в подтверждение опасений Евфимия, ни с чем вернулись послы к императору. Оказалось, что Василий II даже не соизволил принять их в своей зале, как того требовал древний обычай. Тогда послы обратились за помощью к Константину VIII, на что последний лишь скромно развёл руками и сдержанно выразился, почти точно повторив известное латинское изречение: «Я сделал всё, что смог, пусть те, кто сможет, сделают лучше».

– Напрасно мы затеяли эти выспрашивания, – в оправдание своему поступку высказался Владимир.

Предстоял трёхдневный переход, прежде чем киевская дружина могла бы достигнуть оставленных кораблей. Все дни шли по абсолютно безлюдной местности, где, возможно, никогда не ступала нога человека. Кормились когда рыболовством, когда удавалось поесть убоину косуль, лосей и кабанов. Однажды, совершенно случайно, на стоянку вышел большущий медведь. Возможно, его привлекли запахи готовящейся еды. Ратники для начала подманили косолапого поближе, а затем метким броском копья завалили его. Медвежатина всем пришлась по вкусу.

К началу четвёртого дня пути войско русичей покинуло лесную чащобу, наконец увидев свои оставленные ладьи.

15

Уже второй день они плыли на север. Ветер уверенно подгонял ладьи, напористо наполняя их паруса. Благодаря этому гребные палубы пустовали.

Утром Евфимия разбудили громкие голоса ратников, которые что-то восторженно обсуждали наверху. Он поспешил на палубу. На взгорье широко раскинулся со всех сторон окружённый ярко-зелёными виноградниками древний город-крепость Херсон со множеством христианских церквей и часовен. Солнце, уже поднявшееся довольно высоко, играло золотистыми блёстками на застеклённых окнах городских жителей. Это и вызвало у ратников Великого князя бурный взрыв восторженных высказываний. Русские люди, привыкшие с давних пор к бычьим пузырям да слюдяным вставкам в маленьких окошках изб, дивились изобретательности херсонцев.

Лишь солнечный диск утвердился на полуденном престоле, Владимир повелел трём сотникам отправиться в город для вручения ромеям документа с решительным требованием добровольно открыть ворота. В случае отказа – штурм со всеми вытекающими жёсткими последствиями.

Минуло не более полутора часов, после которых посыльщики поведали, будто их никто так и не принял.

Внезапно ратники прокричали о выходе из города большой воинской силы. Впереди на конях отряд возглавляли катафракты, за которыми россыпью бежали велиты, вооружённые мечами и копьями.

– К оружию! – прозвучал зычный призыв сотников Владимира.

Ратники выпрыгивали из ладей и сразу вступали в сражение. Греческие пехотинцы старались держаться ближе к своим «железным» всадникам и поражать русичей, скрываясь за крупными лошадьми. И надо признать, подобная тактика вначале себя оправдала. Тогда дружинники Великого князя начали использовать корабельные багры и стаскивать ими кавалеристов с коней, а после закалывать копьями или отрубали им головы.

Катафракты мало что успели сделать, как их большинство уже было убито. Кони всадников, также облачённые в железо, беспризорно носились по месту битвы. Русичи воспользовались этим, изловили их и отвели к ладьям.

Наконец дружинники Великого князя воспрянули духом и погнали херсонцев к стенам их града. Ворота на некоторое время открылись и приняли своих воинов. Никто из киевлян не успел попасть внутрь.

– Похоже, что жители Херсона сдаваться не собираются... – мрачно подытожил произошедшее Великий князь.

– Греки со времён осады Трои слыли настойчивыми в достижении цели, – вздохнул Евфимий.

– Ну что ж, посмотрим, насколько у них хватит сил для достойной обороны, – строго усмехнулся Владимир. И неожиданно для самого себя и всех мужественно произнёс непривычные для многих русичей слова: – С нами Бог!

Они, тем не менее, словно придали всем сил и уверенности в победе.

Великий князь снова созвал военный совет, чтобы принять единственно правильное решение по захвату Херсона. Однако до вечерней зари так никто ничего дельного и не предложил.

А следующим днём, едва раскинулись солнечные лучи, городские ворота Херсона выпустили отряд вооружённых воинов. Впереди них опять ехали закованные в железо всадники, хотя и меньшим числом, да и пехотинцев поубавилось. Позади этого воинства с цепями на руках и ногах рабы передвигали катапульты. Ими ромеи вознамерились бросать на русичей горящие шары из просмоленного тряпья. Оно попадало на человека, вспыхивая пламенем.

Это весьма обеспокоило Великого князя, поэтому он повелел главному воеводе немедленно уничтожить катапульты. Вот только как это сделать?

– Всё очень просто, – ответил Добрыне Евфимий. – Не зря же говорят на Руси, будто клин клином вышибают. Вот и вернём грекам обратно их огонь.

Самые меткие лучники огневými стрелами стали выстреливать в катапульты, изготовленные из хорошо просушенного дерева. Огонь быстро находил в нём для себя хорошую пищу. И пока ромеи опомнились, их метательные приспособления уже пылали. А русичи снова сплочёнными рядами погнали хозяев к стене и побили с большим для тех уроном.

Минуло совсем немного времени с момента очередного выхода херсонцев за пределы городской стены, как дозорные русичей донесли новую весть: к их стоянке идут от города трое переговорщиков вместе с важно шествующими представителями городского совета, что очевидно явствовало по их нарядным официальным одеждам.

Когда оные вручили Добрыне пергамен с печатью города, один из сановников в довольно вежливой форме стал о чём-то просить Великого князя.

– Что он лопочет? – спросил тот у Богуслава, а тем временем передал пергамен подошедшему иеромонаху.

– Они просят нас отдохнуть от атак дня три, – дословно перевёл тот слова ромея.

– Скажите им, чтобы отдали город без всяких условий, тогда жители будут помилованы... – нахмурился Владимир. – А ежели не сдадутся, не являть к ним никакой милости! А город сей мы можем брать приступом хоть три лета, покуда не возьмём. Потребуется какая подмога, из Киева ещё придёт. Русь людьми богата!

Ничего не ответили послы на требование Великого князя. С опущенными головами возвратились в раскрытые для них ворота.

– Скорее всего, питают надежду на поддержку Константинополя, – не преминул высказаться Евфимий. – Только до сей поры находятся в полном неведении о событиях в империи. В таком случае нам следует ускорить насыпание земли к городской стене, но делать так, чтобы греки и далее ничего не ведали про готовящийся штурм.

Через несколько дней Владимир вдруг повелел срочно призвать в свой шатёр Добрыню.

– Ты знаешь, по какой причине, сколько бы наши воины ни сыпали к крепостной стене землю, она не прибавляется? Мне ушлые люди донесли, что горожане через сокрытый подземный ход убирают её. Так что мы можем стоять здесь неведомо долгое время.

– Что же в таком случае нам порешить?

– Потребно скрытно проникнуть в город и найти среди ромеев предателя. Наверняка под стеной существует некий тайный ход. По нему горожане получают с морского побережья от греческих купцов продовольствие и всё прочее.

16

И такой человек нашёлся. Им стал протопоп Херсонского храма Анастасий, который понимал, чем для его родного города может стать неотвратимо приближающийся. Вон уже прибыла к Владимиру множественная подмога со всех концов Руси. Не желая кровопролития, он согласился, как стемнеет, идти до Великого князя.

Шёл, таясь, закоулками до крепостной стены, далее миновал какие-то трущобы. Там при свете факела открыл крышку потайного люка в земляном полу и начал спускаться по ступеням из грубо обработанного песчаника.

Он смело шёл вперёд. И наконец перед взором обрадованного протопопа предстала стоянка русичей.

Но подойти к ней беспрепятственно не получилось.

Зычный голос стоявшего в дозоре викинга остановил его.

– Мне потребно увидеть Великого князя! – уверенно проговорил протопоп.

Однако дозорный никак не хотел пропускать его. На шум от ближнего костра отделился какой-то человек. Это был Евфимий. Тот придирчиво взгляделся в лицо ромея и столь же тщательно осмотрел его внешность. Евфимий сразу определил в нём местного ромея и священника, ко всему хорошо изъяснявшегося на русском. Он немедленно увлёк его в шатёр, предварительно попросив говорить потише.

– Князь пока поживает, утомился за день. Я у него в доверенных, поэтому сказывай мне всё без утайки.

Обрадовавшись, что встретил такого же ромея на русской службе, Анастасий выложил ему, каким образом можно тайно проникнуть в город.

– Мил человек, – восторженно прошептал Евфимий, в волнении путая русские слова с греческими, – да тебе ж цены нет!

Евфимий повелел постельничему боярину устроить сего человека на ночлег, ибо в его присутствии заинтересован сам Великий князь.

– Что за срочная нужда во мне?! – озабоченно проговорил только что проснувшийся Великий князь.

– Этот человек знает о скрытном ходе под городской стеной... – изрёк Евфимий, склонив в почитении голову.

Владимир строго помолчал.

– А этот беженец не императорский засыльный?

Евфимий некоторое время молча стоял, обдумывая возможные варианты ответа.

– Вряд ли, я бы сразу почувствовал в его словах ложь. Верь мне, князь. На своём веку я слышал много неправды, поэтому научился отличать её от истины.

– А коли так... – вздохнул Владимир, – поднимай без промедления две передовые дружины под водительством воеводы Олега. К восходу отряд должен главенствовать над городской обороной.

Вернувшись в покои, Великий князь задумался. Было ли это всё, сейчас произошедшее, чистой случайностью? Хотелось, очень хотелось, чтобы Божественная сила распростёрла над Русью свою благословляющую длань. А как оно потребно сейчас для всей его земли!

Внезапно Великий князь опустился на колени. Впервые, само собой так вышло. На какое-то мгновение он задумался. К кому обращаться? Ни Перун, ни тем более Дажьбог и Велес с Мокошью не смогут оказать ему более истинного содействия...

Рука сама потянулась двумя перстами ко лбу, затем переместилась к груди, далее – к правому плечу и левому. Губы прошептали:

– Господи, Иисусе Христе, ежели Ты воистину Бог Единый во всех лицах, прояви свою власть. А я...

Снова произошла заминка, ибо Владимир почувствовал, что необходима какая-то жертва, причём лично от него.

– Ежели сумею покорить хвастливых и заносчивых автохтонов, лично в Херсоне приму здешнюю веру. А благодаря тому и весь народ русский увидит свет христианства.

Тихо, почти бесшумно по приказу Добрыни от костров встали более четырёх сотен самых умелых и решительных ратников, побывавших во многих битвах.

Вскоре они беспрепятственно подошли к потайному ходу.

– Чувствую, не обошлось тут без лукавого, – вздохнул Анастасий. – Согрешили чем-то херсонцы перед ним.

Будто бы в помощь русичам луна предстала на ночном небе во всей своей красе. И разлила яркий свет голубоватой бледности. Княжеские дружинники быстро справились с дозорными и охраной города, даже не потревожив спокойствия жителей.

Поднявшееся солнце яркими лучами приветствовало русичей в покорённом Херсоне. Великий князь повелел отыскать подходящий его положению особняк, чтобы в нём ожидать посланцев городского совета, которые были обязаны принести ему клятву верности.

В тот же день делегация городского совета прибыла в резиденцию Великого князя. Её возглавлял магистр Леонтий Хрисокефал. Вместе с гражданскими явился херсонский епископ Иаков. Он вошёл в зал в сияющем облачении, с обсыпанной жемчугами митрой на голове. Был тот человеком тучным, с лицом, заросшим до глаз чёрной бородой. Иаков держал в руках дикирий и трикирий, оными осенил помещение и всех собравшихся. Священники, шедшие следом, пели стихиры.

Владимир, окружённый самыми знатными своими воеводами, сидел на обшитой золотой материей скамье. Пальцы его украшались перстнями. Это была рука человека, взращённого в холе. И тем не менее лишь простая белая рубаха и такие же штаны прикрывали тело князя. На ногах виднелись сапоги с зелёными ремнями. Один из воинов держал над ним голубое знамя с изображённой лилией. Именно оно являлось знаком того рода, из которого происходил Владимир.

Анастасий продолжал смотреть на него с большим любопытством. И видел человека лет тридцати пяти, высокого роста, стройного, с широкими плечами, но тонкой талией. Под рубахой чувствовались сильные мышцы. Глаза блистали голубизной, и над ними нависали дуги густых рыжеватых бровей, разделённых плоским носом. На щеках играл лёгкий румянец. Он явно брил подбородок, оставляя длинные усы. Копну русых волос не украшала никакая диадема. Ещё заметил протопоп, что левое ухо князя украшала серьга. Но почему-то не хотел тот носить бороды, которая делает честь мужу и христианину.

Для ромеев приготовили скамьи, покрытые красивыми материями. Председатель управы с привычной торжественностью стал раскладывать письменные принадлежности на небольшом мраморном столике, позолоченные ножки которого неизвестный мастер изготовил в виде когтистых лап. Владимира он называл то «новым Моисеем», то «вторым Константином», уверяя, будто он «равноапостольный», ибо вознамерился вывести свой народ из языческого мрака и идолопоклонства в свет истинной церкви.

Владимир предложил мир, обещая вернуть грекам захваченный город и всю Таврику, но требовал соблюдения обещаний, данных базилиевсами.

Великий князь сердито дёргал ус. Победа лишила его уступчивости. Государь настоятельно хотел не только руки Анны, но и целого ряда привилегий и отмены невыгодных торговых соглашений. Мало того – был бы не прочь носить диадему с жемчужными украшениями, как и подобает государям.

– Позволь сказать тебе, архонт, что блаженной памяти император Константин Великий оставил грозное и ненарушимое запрещение. Оно гласит, будто василевсы не могут заключать брачные союзы с народами, нравы которых не сходны с византийскими. Особенно запрещается им родниться с не принявшими святое крещение.

– А у тебя, – внезапно поднялся Никифор Ксифий, – как нам известно, в Киеве самый настоящий сарацинский гарем с сотнями развратных наложниц...

Владимир раздражённо хмыкнул и уже было хотел что-то строго ответить. Но внезапно встал сидевший поодаль Евфимий и лёгким движением ладони попросил слова:

– Оба соправителя страстно желают брачного союза и считают родство с нашим государем большой честью. Ибо весомая часть договора им выполнена. Остальное исполнится после приезда царицы Анны в Херсон. Таким образом, здесь написано всё, в чём базилиевсы обязались перед нами и клятвенно обещали выполнить. Время не терпит. Или вы соизволите подтвердить свои слова делом, или мы с нашими братьями болгарами возьмёмся за оружие.

– А как же ты обещал возратить императорам Херсон? – уже просительно сложил руки магистр.

– Когда прибудет сестра соправителей, я вместе со своими людьми покину ваш город, – не поднимаясь, ответил Великий князь.

18

Константин, в отличие от брата, весьма болезненно принимал к сердцу разногласия с Киевом. Ему вовсе не хотелось наживать для своей империи новых врагов, которых у Византии и так было превеликое множество в лице сарацин, агарян и прочих.

Русь, издавна являвшаяся постоянным противником ромейских правителей, теперь, в результате её желания принять христианство, превращалась в неожиданного союзника. Вот бы и продолжить подобное сотрудничество на взаимовыгодных условиях! Но Василий вставляет палки в колёса союзнической телеги, которая пока едва тронулась с места.

Когда прибыли посланцы от Владимира протопоп Анастасий и воевода Олег, Константин повелел себя соответственно обрядить. Спустя некое время уже не стало видно его жалкого тела, подверженного недугам и страстям: оно укрылось в пышных складках материи, золоте инсигний и в совокупности всех знаков верховной власти.

Император остановился перед огромными дверями, возле которых стояли два силенциария. Они и возвестили о выходе государя. И тотчас из других дверей в зал вступили посланники.

Анастасий шагнул вперёд, развернул перед собой свиток и начал читать: «Посылаю сию грамоту самодержцам ромейским Василию и Константину, сынам Романовым, говоря такое: “Сей град ваш славный я взял, а слышал, что вы сестру имеете деву, прошу, чтоб за меня отдали и тем мир вечный утвердили. Ежели сего не учините, то имею намерение идти ко Царьграду и, может, то же учиню, что и сему”».

В толпе придворных и прочих приглашённых послышались вздохи и проклятия разным скифам, венедам и прочим варварам.

Протопоп лично вручил императору послание Великого князя и встал рядом с воеводой.

– Мы продумаем и к утру завтрашнего дня наши намерения соответственно оформим, – был ответ. Василий ещё с позднего вечера отбыл на заячью травлю.

Возвращение его с доброй охоты омрачило известие о визите посланцев Владимира.

- Ты и дожидаться меня не соизволил, сам принял решение! – строго вздохнул он.
- Да, – спокойно ответил Константин, глядя на озадаченного Василия. – Просто не хотел держать посольщиков в неведении длительное время и содержать их, как предписано в данном случае всеми правилами. Им нежелательно, и мне одному накладно.
- Они – варвары, дикари, питались бы и жили, где хотели, коль приехали по делам.
- Не скажи, братец, – продолжал урезонивать Василия Константин. – Насколько я помню, мы вместе с тобой составляли и подписывали договор с Киевом об оказании нам военной помощи в подавлении бунта. Где бы мы были сейчас, не выполни Владимир своего обязательства? На плахе или, в лучшем случае, в рабских цепях долбили бы мрамор в Анатолии. Так что уйми свою гордыню. Я сделал всё согласно нашим законам. Поэтому давай-ка составим ответ для Киева и отпустим посольщиков Владимира с Богом.

19

Владимир в большом нетерпении расхаживал по залу в ожидании своих византийских посланцев. И как только Анастасий с Олегом показали в двери, решительно взял у них столь важную грамоту и поспешно прочёл: «Недостойно для христиан за неверного отдавать, вот ежели крестишься, тогда не будем отказываться, поскольку и тебе сие двойную пользу принесёт, ибо через крещение не только сестру нашу себе в жёны, но и Царство Небесное получишь, и с нами в любви и дружбе будешь. А ежели сего не захочешь учинить, не можем дать сестры своей».

- В некоторой печали находились сопровители... – молвил Анастасий. – Сестру не желают отдавать, ибо ведают твоё неумеренное женолюбие.
- Однако представили себе все возможные беды от грядущей войны с тобой и согласились на родство, – сообщил воевода.

Владимир остался вполне доволен таким ответом и позволил посольщикам краткий отдых с условием срочно отвезти послание императорам с таким содержанием: «Поскольку я, довольно веру христианскую испытав, познал, что вера эта есть правая и закон ваш лучше, нежели мы держим, сего ради готов креститься и люди моя также. Но не приму крещения до тех пор, покуда сестру вашу и учёных священников не получу».

И снова пришлось посольщикам вдыхать солёный запах моря и слушать визгливо-тоскливые выкрики чаек. Но теперь они должны были возвратиться назад только в мае. В другое время плавание по бурным водам Понта слишком опасно.

Однако пришла нежданная подмога от болгарских купцов, знавших сухопутную дорогу по своей территории через земли валахов и тиверцев. С купеческим караваном воевода с протопопом вернулись в Херсон и сообщили о результатах переговоров в Константинополе.

20

Отъезд посольщиков обострил необходимость разговора с Анной. Василий хотел было устраниться от него, не желая даже ступить на территорию, занятую сестрой. Но Константин сделал акцент именно на этом, и настоял на своём. Брат покорился его стремлению как можно быстрее завершить все условия договора и тем обезопасить границы империи от вторжения южных и северных славян.

Братьям пришлось идти по анфиладе комнат: у многих дверей стояли вооружённые мечами, копьями или алебардами охранники, набранные из норманнов, славян и сарацин.

- А если Анна откажется соглашаться на наше предложение? – осведомился Василий, устраиваясь возле небольшого фонтанчика в виде скульптуры мальчика, изо рта которого вырывались сверкающие в свете факелов струи прозрачной воды.

Константин присел рядом на скамейку, покрытую великолепной мягкой левконской шерстью и обшитую узорчатой материей с золотой нитью.

- Вот с такой целью я и приказал прийти сюда патриарху. Когда уста нашей обожаемой сестрицы вымолвят отказ, она тем самым подтвердит моё твёрдое решение удалить её в один из глухих монастырей восточной Анатолии.

- Ты снова поспешил посоветоваться со мной?.. – нервно заёрзал на скамейке Василий. – Почему опять презрел моё мнение?

– В какой-то мере я предвидел степень твоего возмущения, но притом не сделал ни единого шага против закона. Для начала я обратился за помощью к патриарху, нашему духовному наставнику. Он присоветовал дождаться очередного тайного заседания синклита, на который и предложил вынести сей вопрос для обсуждения. И синклитики объявили свой вердикт.

– Обошли нас с сестрой со всех сторон... – с угрюмой откровенностью вырвалось у Василия, внезапно увидевшего патриарха.

Тот шагал, будучи облачён в обычное платье. Оба императора поднялись со скамьи и подошли к пастырю. Далее поступили согласно принятому обряду: поклонились и припали губами к его руке. Другой рукой святой отец благословил их.

– Я весь во внимании, дети мои, – произнёс патриарх полуголосом.

Василий незаметно толкнул локтем брата и тем дал ему приоритетное право ответить патриарху.

– Мы пригласили тебя, нашего пастыря, чтобы ты помог нам уговорить Анну поехать в Херсон для бракосочетания с киевским князем.

– Пусть этот дикарь сначала примет святую веру и откажется от своего огромного гарема! – внезапно как опалил всех своей невыдержанностью Василий.

Патриарх и ухом не повёл в его сторону.

– Сей доблестный архонт, насколько мне ведомо, вовсе не дикарь. Он намного превосходит в грамотности королей франкских, английских и конунгов скандинавских. Сам слышал лично от доверенных лиц, будто он почти отлично изъясняется на греческом, знает латынь. В этом он уподобился своей бабушке, небезызвестной у нас княгине Ольге, которая в подлиннике читала Гомера и Эврипида.

Патриарх на некоторое время прервал свою речь, но после протянул руку вперёд:

– Пойдёмте к Анне, станем вместе увещевать сию девицу, чтобы она стала законной правительницей Руси вкупе со своим сиятельным супругом.

...Братья и пастырь обнаружили сестру сидевшей в окружении подруг и прислужниц, одна из которых бережно расчёсывала волосы своей госпожи. В то же время какая-то вельможная матрона играла на кифаре и негромко пела.

Повинуясь красноречивому знаку императоров, всё окружение их сестры незамедлительно вышло вон.

И тогда братья начали уговаривать сестру, на что она им отвечала:

– Лучше здесь смерть принять, нежели с неверным сочетаться.

Патриарх понял, что именно теперь он должен сказать своё весомое слово.

– Во-первых, ежели ради тебя на Руси примут закон Божий и крестятся, то следует Великое воздаяние от Бога ожидать. Во-вторых, ещё не ведаешь сама, что Ромейская держава много зла от русичей претерпела, оное и продолжает ныне, а через сие ты избавишь отечество своё от бед многих и примешь вечное всенародное благодарение.

Этим все трое, наконец, склонили сестру и утвердили клятвой договор с Владимиром. Между прочим, сему соглашению немало поспособствовал недвусмысленный намёк патриарха на пустую монастырскую келью в дальних краях Анатолии.

Вечером того же дня по именному указу соправителей от начальника порта потребовалось изыскать необходимый корабль для переезда императорской сестры в Херсон. Выбор пал на дромон «Двенадцать Апостолов», который с особой тщательностью стали готовить к плаванию. Наварх судна, получивший от экзарха столицы определённую мзду, лично обошёл все городские таверны в поисках самых рослых и благообразных моряков. Всем набранным обещали двойную и даже тройную оплату за безопасный перевоз царевны через Понт Эвксинский в Херсон.

Всю вторую половину ночи при свете луны рабы городского главы и начальника порта отмывали от нечистот всю близлежащую территорию, которую после устилали коврами и домоткаными дорожками. Таковые были собраны из богатых домов, прилегавших к Ипподрому и Вуколеону.

Уже полуденное солнце бодро осветило городские кварталы, когда шумная и многоликая процессия протянулась от Большого императорского дворца к Вуколеону и гавани, куда ещё с ранним рассветом наварх перевёл своё судно. По велению губернатора столицы этериархи вывели из казарм отряды гвардейской стражи. Они с честью выполнили свои обязанности, предотвратив наплыв толпы горожан, спешивших поглазеть на императоров с их сестрой.

Анна со слезами на глазах прощально облобызала братьев, целовала родственников и подруг.

Константин откровенно рыдал:

– Прощай, сестра! Словно в гроб кладу твою красоту! Да не погубит тебя гиперборейский климат!

Анна вошла на дромон и встала на палубу, устланную коврами до самой каморы царевны, которая могла вместить всех вельмож, пресвитеров и учёных мужей под главенством епископа Михаила. Кстати, ему уверенно обещали место первого митрополита Руси.

Тогда и сбылись незряшные чаяния городских нищих и охлоса. Императоры щедро бросали в толпу медные фоллы, среди которых белыми блёстками порой мелькали и серебряные милиарисии.

Дромон развернулся по ветру и взял курс к Босфору.

21

Ожидание переполнило чашу терпения Владимира, – он не находил себе места. Даже, к удивлению всех приближённых, прекратил свои неуёмные пиршества.

В один из дней, когда ожидалось прибытие судна с Анной, Владимир обратился к Евфимию с неожиданным предложением:

– Слышать доводилось не единожды, будто у многих европейских монархов существуют так называемые духовные наставники. Не ведаешь ли, какова в них потребность?

Услышав подобное, бывший иеромонах несколько смущённо улыбнулся и отвёл глаза в сторону. Владимир заметил это.

– Не уходи от ответа, друже, мне очень важно знать всю меру значимости таких людей.

– У меня родилось подозрение, что ты желаешь предложить мне стать твоим духовником. Вообще, обычно это служители средней духовной иерархии. Они выполняют самые разные церковные службы: причащают, крестят новорождённых... Такие священники обычно становятся самыми близкими людьми в достойных семьях.

– Догадлив ты зело! Именно так... – усмехнулся Владимир. – Желаю, чтобы после принятия здесь мною христианства потом в Киеве именно ты лично привёл к Единому Богу моих детей.

...По велению епарха местные дозорные и стражники постоянно стерегли горизонт в ожидании прибытия судна. Оно и появилось одной ночью.

С восходом солнца почти все уже знали о высокой столичной госте.

Известили и Владимира, который с радостным настроением готовился к встрече с будущей супругицей и владычицей Руси.

«Каковою окажется сия дева? Не крива ли образом, статна ли телом, чиста ли помыслами да кожей? – доставали его скрытые сомнения. – Ежели будет какой ущерб, упрячу в монастырь! Не допущу к власти и к себе...»

Скоро потеплел сердцем Великий князь, взглядываясь в приближающуюся ромейскую девицу: ясно разглядел и красоту явную, и что приятно смугла лицом, весьма благообразна, волос густ, а цветом – смоль. Глаза черны, огнём горят. Сама стройна и выступает павою. Народ при её прохождении кто падает ниц, кто на колени, кто кладёт поясной поклон. Она же при встрече с людьми гордо вскидывает головку на высокой шее, обильно украшенной золотом и жемчугами.

Епископ поблагодарил сиятельных венценосцев, пославших свою сестру в благодатный Херсон. Далее вся процессия направилась к дому, занимаемому Владимиром.

И там сразу по дозволению его гости проходили к накрытым столам, уставленным изысканной ромейской посудой и разнообразными необыкновенными яствами.

Пировали по традициям русичей, чем поначалу коробили педантичных греков, но после зычных задравных тостов в их честь от чопорного жеманства не осталось и следа.

22

Владимир просыпался медленно. Солнце уже встало и осветило весь спальный покой и уголок, за которым притаилась комнатуха Евфимия, более напоминающая монастырскую келью.

Князь поморщился, вспомнив прошедшее торжество. На нём он с явным излишеством употребил особенно понравившиеся ему критские и сирийские вина.

Отец, князь Святослав, на коего и был более всех похож Владимир, очень любил пиршества. Порою привлекал на них и сына Малуши. Она, понятное дело, не могла перечить господину.

– Пей, байстрюченок, привывкай бражничать, – говаривал Святослав и залиvisto хохотал под одобрительные возгласы дружинников и бояр. – Мы есть потомки Рюрика, норманнского конунга, а оный согривался от холода хмельным.

Ярой противницей подобных застолий всегда была Ольга. Княгиня всегда старалась отвлечь внука от соблазна пития.

Владимир открыл глаза, но почему-то видел лишь темноту.

Полежав немного, надумал одеваться. Привычно взял убранное платье, но не смог найти остальное одеяние. Тогда и пришла мысль позвать кого-то, чтобы осветили комнату.

Послышались шаги какого-то уверенно ступавшего человека. Кажется, тот остановился в дверях.

– Принеси мне свечи, я буду одеваться... – глухо проговорил Великий князь.

– Да что ты, государь, – послышался голос Евфимия, – светлый день не кончился! Всё вокруг хорошо видать.

Владимир сидел с поднятым вверх тревожным лицом, уподобившись слепцу.

– Эвона... – изумился иеромонах, – да ты никак потёмой стал...

– Призови ко мне немедля ромейского лекаря, друг Вокша.

– Сейчас пошлю Анастасия, он хорошо город знает.

Евфимий так и сделал, одновременно заглянув в апартаменты Анны.

– Ты говоришь, будто Владимир ослеп? – взволнованно задумалась она. – Нет смысла посылать за лекарем, ему сейчас поможет только иерей и немедленное крещение. Вообще я сейчас сама выйду к нему, если соизволит принять меня.

Анна стремительно вошла в спальный покой князя, у постели которого обнаружила Анастасия и местного лекаря. Последний уже, видимо, осмотрел своего пациента и склонился в приветствии, беспомощно разведя руками.

– Хотя братьев моих и меня ты твёрдо обнадежил, будто желаешь принять святое крещение, ныне же, слыша о твоей болезни, я разумею, что некоторым собственным намерением или другим соблазном вознамерился ты оное отставить. – Ольга тяжело вздохнула: – Разве лучше тебе по-прежнему оставаться в темноте неведения Творца всего Сущего? За это тебя всемогущий Бог сею болезнию и наказал! Но ежели хочешь избавиться от неё, то скорее крестись.

Великий князь, услышав такое, приподнялся на локтях. Он будто чувствовал, что возле него собралась все его соратники и приближённые, поэтому и обратился к ним со вздохом:

– Ежели истинно сие сбудется, что прозрю от крещения, то поистине Великое чудо содеял Бог надо мною. Поэтому повелеваю тотчас окрестить меня и всех пожелавших из моего ближнего окружения.

Оба епископа узнали о желании Великого князя принять священный обряд по греческому закону, и тем были весьма обрадованы. Анна выразила желание помочь будущему супругу, а он призвал своего главного советника Евфимия.

– Мне безразлично, где, главное – скорее... – устало вымолвил Владимир, смежив веки.

Утром следующего дня к Евфимию пожаловали сестра императоров, епископы Иаков и Михаил. Они озвучили совместное прошение к киевскому архонту окрестить его и киевских вельмож в церкви святого Иакова.

После согласия Владимира его вместе с Анной поместили в паланкин.

Прибыв к храму, Великий князь неспешно ступил под священные своды. Далее Владимира подвели к купели диаметром восемь локтей. Сам епископ Михаил начал читать заклинательные молитвы.

По подсказу Евфимия Владимир произнёс отречение от Сатаны:

– Отрекаюсь! – со страстью молвил Великий князь, притом дул и плевал три раза, оборотившись назад, через левое плечо.

Владимира сразу повернули на восток, ибо оттуда явился Христос. Потом раздели с помощью Анны, и епископ трижды погрузил его в тёплую воду, подобную реке Иордан, где Иоанн Предтеча окрестил Сына Божьего.

Пока Анна надевала на Великого князя белую одежду и крест, епископ пел тропарь: «Ризу мне подаждь светлу, одеяйся светом, яко ритзою, милостиве Христе Боже наш». Далее он миром мазал чело Владимира, очи, ноздри, уста, уши, грудь, а также руки и подошвы ног, произнося слова: «Печатъ Духа Святаго!»

И вдруг, испугав всех, громогласно возопил Великий князь Владимир, радостно оглядываясь по сторонам своими синими ясными глазами:

– Ныне изведаль Бога истинного!!! Его всемогущество и милость!!! Я снова увидел свет Божий!

Остриженные княжеские волосы залепили в воск, отдав Евфимию, который бросил их в купель и смотрел, не потонул ли оный, но ничего не произошло, поэтому выходило, что окрещённый будет жить долго.

– Повелеваю и всем моим приближённым принять святое крещение! – радостно проговорил Владимир, властно оглядываясь по сторонам.

После обряда все русичи, вкуче с их князем, принявшим христианское имя Василий, по указанию последнего и с согласия магистра и епарха Херсона, устроили пир.

Следующим днём, когда солнце взошло на престол своего Великолепия, Великий князь в сопровождении ратников проехал по главной улице города. Лавочники и ремесленники выходили из построек. И Владимир бросал им медь с серебром, крича, чтобы они благословили его на венчание с ромейской царевной. Простые горожане в ответном порыве благодарности вослед Великому князю поднимали руку вверх и осеяли его греческим крестом, а уста их взволнованно шептали: «Да хранит тебя Господь, чужеземец!»

23

Бракосочетание назначили в церкви святого Иакова.

Епископ Иаков ожидал новобрачных, которые прибыли к храму, как и установлено, поодиночке. Владимира сопровождали Добрыня и Евфимий, который ещё в пути молвил государю мудрое слово: «Жену свою любите, но не давайте ей над собою власти». Анна появилась в сопровождении епископа Михаила и почти всех сановных женщин, прибывших с ней из Константинополя.

Молодой вёл свою невесту за правую руку. Во время шествия со звонницы их многогласно приветствовали бодрыми колоколами. Перед дверью церкви священнослужитель благословил молодых крестом. Они стали посредине храма против сиявшего позолотой алтаря, украшенного высоким иконостасом.

Великого князя держал под руку Евфимий, назначенный дружкой, императорскую сестру Анну – вельможная дама. По знаку епископа над молодыми подняли венцы: золотой достался князю, как символ солнца; серебряный – Анне, как знамение месяца и в предъявлении подчинённости последнего первому. И далее епископ Иаков вопрошал молодых о согласии на вступление в брак и жизни друг с другом в счастье и горести, верности и покорности, покуда смерть не разлучит их. Получивши такое, произнёс: «Венчается раб Божий Василий рабе Божией Анне, аминь. Венчается раба Божия Анна рабу Божию Василию, аминь». И сразу же Евфимий одел на безымянный палец правой руки князя золотой перстень. Анна получила на свой палец серебряный. По окончании обряда епископ Иаков поучал молодых, как жить в миролюбии и богобоязни: посещать церкви, давать подаяния и так далее.

Приехавших к дому молодых осыпали хлебными зёрнами и лепестками роз. Далее они вошли в зал и сели за свои столы. Восковые свечи горели в трёх раскидистых паникадилах, висевших под потолком, как три солнца.

На пир пригласили только тысяцких и воевод, а из местных – самых знатных и богатых. Ещё не отошёл в область предания древний северный обычай, когда женщины сидели за столом попарно с мужчинами, и они пили вино из одной чаши с соседками, если были милы её сердцу.

Все пили и ели до принесения жареных лебедей. В то время, как было условлено, дружка Евфимий испросил благословения у Добрыни, чтобы вести новобрачных почивать, на что последний отвечал: «Благослови, Боже!»

Их провожал до спальни главный воевода и с ним Анастасий со немногими соратниками.

...С рассветом следующего дня Анна поднялась на корабль, украшенный сарацинскими коврами. На других ладьях Владимир увозил военную добычу, мощи святого Климента, сосуды церковные и иконы на благословение себе. Вместе с Великим князем кроме его супруги в Киев отправились епископ Михаил и протопоп Анастасий, священники и ученики.

Паруса на мачтах сразу наполнились силой морского ветра.

Анна стояла на помосте корабля, и глаза её блестели от счастья. Кроме всего прочего, её радовало, что супруг пригласил на службу многих художников, иконописцев, чеканщиков монет и переписчиков.

В скором времени суда русичей пристали к острову Георгия. Там оказались и киевские купцы, совершавшие привычный обряд поклонения Священному дубу после прохождения через пороги.

Владимир тотчас приказал срубить дерево язычников и раскидать жертвенные камни.

И тогда Анна со слезами на глазах стала умолять мужа не трогать Священный дуб.

– Я родилась христианкой, – говорила она, – однако до сих пор чту духов своих пращуров, которые, вполне возможно, обитают возле сего места или живут в этом огромном дубе. Люди не зря приезжают сюда и поклоняются ему...

– Да, государь, – подал голос Евфимий. – Твоя супружница совершенно права. Это Господне создание веками привлекало сюда приезжих самых разных вероисповеданий. И здесь их религиозные сущности стремились к мирному сосуществованию.

С тяжёлым сердцем Владимир подчинился мнению большинства, среди которых оказались и Богуслав с Добрыней. Княгиня с великой радостью приветствовала такое решение мужа и была с ним необычайно мила и ласкова.

Возвратившиеся из похода ладьи всю ночь простояли в Славутиче, не смея пройти в устье Почайны, где Владимир вознамерился в день городского торжища начать крещение киевлян.

Было раннее утро, когда ещё стлался над рекою туман. На земляных валах бревенчатого города стоял частокол, над которым занималась прохладная заря, а стрехи домов уже выпускали из труб струи дыма.

На берегу в столь ранний час толпились люди. Ратники по колено в воде вытаскивали свои судёнышки на песок. Они весело перекликались, обрадованные благополучным прибытием домой.

После завтрака Евфимий, он же Вокша, выйдя на городскую площадь увидел большое скопление народа. От многих слышались возгласы недовольства:

– Наш князь поддался на уговоры ромеев и жены!

– Да эта басурманка теперь станет вертеть им в угоду своим братьям.

Какой-то человек отважился им возразить:

– Ваших божков вырубали секирой из дерева. Притом явно упившись медовухой. Поэтому у них вместо лиц человеческих звериные рожицы. Перун ваш – истукан. И вся братия его деревянная – тоже! Истинный Бог – тот, которому поклоняются греки! Он, Единый, создал небо и землю, солнце и звёзды. А ещё сотворил человека и дал ему жизнь на земле.

– Если наших богов вырубали, то ваших просто намалевали краской! – крикнул кто-то.

Услышанное Вокшей удивило его. Какой-то добровольный проповедник просто и умно развенчал языческую веру. Ему непременно захотелось ближе пообщаться с ним, но тот быстро затерялся в людской толчее.

В глазах многих людей можно было прочесть смятение, даже некоторый ужас перед тем, что совершалось в эти дни в городе. Наметился конец привычного бытийного уклада, рушились верования, с которыми было связано слишком многое.

Взошедшее солнце как бы приветствовало бирючей, которые призывали народ идти на речку Почайну и там участвовать в обряде крещения. Возможно, что многие решились на это по зову Великого князя. Окружённый многими знатными воинами и старейшинами, он вместе со своей царицей стоял на разостланном на лужайке ковре. Теперь его нарядом стал золотой скарамангий, а на плечах пурпуровая хламида, весьма щедро осыпанная жемчугом. Ко всему прочему она же изобиловала богато вышитыми золотыми узорами, на которых чередовались орлы с крестами. На голове Владимира сияла диадема с жемчужными подвесками у висков. Подобно короне василевса, она тоже была увенчана крестом. На Анне, одетой в белые и зелёные одежды, сверкала диадема, но без пропендулий, то бишь подвесок. Как в часы императорских выходов, отроки держали над княжеской четой навес, празднично оформленный страусовыми перьями розового цвета.

Анастасий вместе с епископом Иаковом и прочими священниками стояли в сияющих облачениях у края воды и читали положенные для такого случая молитвы. Киевляне садились на берегу, снимали обувь и входили в воду. Однако многие это делали с явным неудовольствием. Особенно подобное исходило от женщин, которые слишком бурно выражали свои протесты и держали на руках плачущих младенцев.

Двое неторопливыми движениями пробирались к реке.

– Лезь, друже, в воду, – шутиливо подгонял один горожанин другого. – Ежели то было бы во вред, князь с боярами не стали бы принимать крещения.

– Дай мне хотя бы три гривны золотом, мои сомнения сразу исчезнут, а так никакого желания к сему не испытываю, – со сдержанным негодованием произнёс другой, входя в речку.

– А что же так? – осведомился его сосед, остановившийся уже по пояс в воде.

– Вон видишь дружинников, что стоят у князя за спиной? Совсем не хочется попасть к ним на разбор.

Не зря Владимир недавно послал по всему городу глашатаев, бирючей, которые говорили людям так: «Наутро всяк сойдёт на реку Почайну креститься. А ежели кто от некрещёных завтра к реке не явится, богатый или нищий, вельможа или раб, тот за противника повелению моему будет».

Поэтому число желающих принять крещение столь увеличилось, что не представлялось возможности всех исчислить. Владимир был очень рад такой послушности киевлян, поэтому в порыве благодарности народу Великий князь, воззрив на небо, громко проговорил: «Боже Великий, сотворивший небо и землю, призри на новых людей Своих!!! И дай им познать совершенно Тебя, истинного Бога! А неверующие да постыдятся и примут наказание от Тебя, Творца. Я же буду настаивать их словами Твоими на путь спасения...»

Поэтому князь повелел на площади перед палатами устроить для крестившихся всенародный пир. На соседнем пустыре княжеские кухари жарили на кострах баранов и быков, варили в котлах похлёбку из рыбы. Отроки выставляли на столы мёды и пиво. Всякий желающий мог прийти сюда, чтобы есть мясо, хлеб, овощи и вкушать хмельное питьё. Для тех, кто по немощности своей или болезни был не в состоянии явиться к месту празднества, яства развозили по городу.

Только даже на пиру не прекращались споры о необходимости русичам новой веры. Люди, теперь уже разгорячённые хмельным, более возбуждённо убеждали один другого в своей правоте.

А когда радостное настроение крещёных достигло предела, оные бросились к холму со стоявшими там языческими истуканами и повергли тех на землю. Некоторых тут же рубили, словно обыкновенные деревяшки, а часть сложили в кучу и, облив дёгтем, подожгли.

По велению Добрыни многие взялись и повалили изваяние Перуна. Огромная деревянная колода гулко покатилась с холма. Внизу её привязали к коням и поволокли топить в реке. Истукан долго качивался на воде, то и дело упрямо приставая к берегу, а язычники кричали, протягивая к нему руки:

– Выплывай, выплывай, наш светлый бог!!! Вернись на своё место на холме, тогда христиане уверуют в тебя!

Чуда не произошло. Дружинники баграми и жердями отталкивали деревянного божка от берега, не допуская никого к нему. И так провожали его до самых до порогов.

В эти дни кудесники и волхвы не смели высунуть и носа из своего жилья. Ни у кого не возникло ни малейшего желания попасть на глаза людям, только что восторженно принявшим крещение.

...«Видехом Свет Истинный, прияхом Духа Небеснаго, обретохом веру истинную, Нераздельней Троице поклоняемся, Та бо нас спасла есть»...

Было ли у кого-либо желание воспротивиться обидчикам дубрав и капищ? Вряд ли. Эти люди поняли, что их время кануло в небытие.

И всё же они не собирались сдаваться, поэтому с того дня стали тайком подговаривать людей уходить в дальние скрытые места, чтобы там не утратить своё древнее верование.

Проза

Александр Чумиков

Александр Чумиков – журналист и писатель, академический учёный и университетский профессор, альпинист и путешественник. Генеральный директор PR-агентства «Международный пресс-клуб». Доктор политических наук, автор более 40 учебников и монографий по проблематике коммуникационных технологий.

В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 году с мемуарной книгой «Записки Профессионала (1991–2007)». В журнале «Берега» в 2016–2019 годах опубликовал повести «Москва-400», «Кам-са-мол!», «90-е»; в 2020-м – роман «Непал». Эти произведения вышли затем отдельными книгами в издательствах «Питер» и «АСТ». Повесть «90-е. Александр и другие» удостоена Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси».

ЗАПИСКИ ПРОФЕССИОНАЛА 2008–2024

Продолжение. Начало в № 6-2023, 1-2024

Часть III

Заблуждаются не потому, что не знают.
А потому что думают, что знают.

*Жан-Жак Руссо.
Рассуждение о начале и основании
неравенства между людьми, 1754 г.*

2016. Дела семейные

1.

ГАЛЯ, ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ВЛАДИМИР ЧЕРТКОВ

Мало кто не слышал фразу о том, что «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Конечно, ведь именно с этой сентенции начинается знаменитый роман Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина». И вообще многое, а иногда и всё начинается с семьи – это и по Толстому, и по жизни. Ну так и будем говорить о семье и о Льве Толстом.

Моя семья выглядела «похоже» счастливой, а развод с первой женой Галей стал «по-своему» уникальным. Но мы продолжали общаться, дружить и даже периодически пересекались в доме бывшей супруги на сороковом километре Минского шоссе...

Видимо, читатель уже задумался, на кой ляд ему эти бытовые подробности. Но потерпите: они вполне заслуживают упоминания, поскольку вписываются в последующую приключенческую PR-историю и объясняют её происхождение. Посему продолжаю накручивать прелюдию.

Галя руководила управлением культуры Западного округа Москвы с почти полутора миллионным населением, и мы в принципе всегда жили в атмосфере культурных проектов-объектов-звёздных шоу: на Поклонной горе, гребном канале в Крылатском, Ленинских горах и прочих дворцах, клубах и площадях. Но всё когда-то заканчивается, и высокий руководящий пост не стал исключением – на

определённом этапе Галя переместилась в более скромное кресло директора культурного центра «Внуково», большого и красивого дворца культуры с сетью малых клубов-филиалов. Один из них, внешне напомилавший здание «сельского типа», и вправду пребывал в деревне. Называлась она Крёкшино. Мало того что по службе Галя должна была этот клуб «курировать», так он оказался ещё и соседом, поскольку стоял почти напротив нашего дома, но с другой стороны упомянутого Минского шоссе. А дальше от клуба, всего-то в паре километров, пролегалo Киевское направление Московской железной дороги со станцией под аналогичным именем – Крёкшино.

Здесь, пожалуй, пора переходить к главному. Совершив обход своих новых культурных владений, Галя увидела нечто любопытное, но довольно странное и при очередном контакте сказала: «А знаешь ли ты, что...?»

4 сентября 1909 года на станции Крёкшино встречали, а 18 сентября провожали в Москву Льва Николаевича Толстого. Ну мало ли где его встречали и провожали... Но вот представьте: мало! И в России мало, а тем более за границей – писатель не был заядлым путешественником. Интереснее другое: куда и к кому Толстой ехал. А направлялся он в гости к человеку, которого можно без всяких натяжек и поправок отнести к персоне номер один в толстовском окружении, в ряде моментов даже более близкой, чем сама семья писателя. Человека звали Владимир Григорьевич Чертков, а в Крёкшино находилась его усадьба.

Этим сентябрьским утром Чертков встретил Льва Николаевича ещё в Москве. С Брянского (ныне Киевского) вокзала, в вагоне 3-го класса, они вместе добирались до Крёкшино. В поезде Толстого узнавали простые люди. Кто-то стоял и смотрел во все глаза; другие, осмелев, протягивали открытку или газету с просьбой оставить на ней автограф... На станции писателя ждали управляющий имением, «обслуга» усадьбы и внучка Сонечка с букетом цветов. Встречу запечатлел для истории фотограф, специально приглашённый Чертковым из Англии. Гостю прислали экипаж и хорошо выезженную лошадь – на случай, если Толстой захотел бы доехать до усадебного дома верхом. Он и захотел. Лев Николаевич, отличный наездник, несмотря на 81 год, подошёл к лошади, закинул ногу, легко сел и рысцой поскакал к дому, где к его приезду давно готовились. Писателю отвели светлую тихую комнату на первом этаже с высокими окнами и белоснежными занавесями. На следующий день, 5 сентября, Толстой записал в дневнике: «Приехали в Крёкшино. Очень радостно всех увидеть. Все весёлые, добрые, не говорю уже про отношение ко мне».

Этот дом... Речь пойдёт как раз о доме. Именно его Галя имела в виду, когда говорила о «любопытном» и «странном» месте. В старых описаниях сказано, что во второй половине XIX века в Крёкшино выстроили кирпичный двухэтажный дом «в стиле английских романтических особняков, с готическими реминисценциями в виде ложных фахверков и деревянными кружевными деталями на фронтонах». Дом оборудовали по последнему слову техники, устроив водопровод, канализацию, телефон, электричество, ванную комнату с подогревом и тёплыми полами. Лев Толстой бывал здесь трижды: в 1887, 1888 и 1909 годах.

А потом, после революции 1917 года, дом поочерёдно становился... общежитием, столовой; во время Великой Отечественной войны – госпиталем, аптекой и радиоузлом.

В 1996-м в усадьбе и вовсе случился пожар, уничтоживший здание почти полностью. И всё-таки! Даже двадцать лет спустя, когда мы впервые здесь оказались, усадьба выглядела совсем не пепелищем, а чем-то вроде таинственного объекта из фильма Андрея Тарковского «Сталкер». Хорошо различались стены, перекрытия, треугольники крыши, лестницы; конструкции дымовых труб, очерчивающие контуры здания. Внутри всё заросло травой, но туда можно было забраться и «полазить».

Первая мысль: а что, если взять это дело и раскрутить? Но перебила мысль вторая: неужели никто до нас не знал и не занимался? Оглядевшись вокруг, мы поняли, что знали и вроде как занимались, о чём свидетельствовала невзрачная табличка об охраняемом государством памятнике истории местного значения.

Также оказалось, что жители Крёкшино неоднократно писали письма в инстанции с инициативой восстановления дома и создания в нём музея Л. Н. Толстого. И что в 2005-м правительство Московской области обсуждало возможность передачи усадьбы Чертковых в долгосрочную аренду. С условием, чтобы новый владелец отреставрировал здание и выделил в нём помещение под музей. Но дальше история развивалась точь-в-точь как в популярной сказке другого русского классика:

Долго у моря ждал он ответа,
 Не дождался, к старухе воротился –
 Глядь: опять перед ним землянка;
 На пороге сидит его старуха,
 А пред нею разбитое корыто...

Вот с этой ситуации мы и стартовали. С одной стороны, да, глаза бояться, а руки делают. С другой – как же делать, если на это нет средств? Такой «конкретный» разговор обычно заводят «компетентные люди». Не пытаясь столь же конкретно и компетентно ответить на встречные вопросы: почему свет сошёлся клином именно на этой развалюхе, когда в Московской области и по всей России таких «исторически охраняемых / заброшенных» усадеб пруд пруди? И к Льву Николаевичу ездят и будут посещать в первую очередь Ясную Поляну? А также государственный музей Л. Н. Толстого в Москве с самой большой в мире коллекцией предметов, связанных с писателем. И его филиалы. И музей на другой железнодорожной станции, Астапово (ныне грузовая станция «Лев Толстой»), где Лев Николаевич умер.

Правильные сомнения. Прежде чем просить денег, нужно изучить проблему, с чего, собственно говоря, и должен начинаться любой хоть пиар, хоть не пиар проект. К чему мы и приступили. Какими силами и бюджетами? Так собственными, семейными. И постепенно стали понимать, что вряд ли сумеем заинтересовать несуществующих пока «благодетелей-восстановителей», равно как и будущих экскурсантов перспективой «открыть глаза на неизвестного Толстого». А вот собрать из разбросанных в информационном поле разносортных фрагментов и ярко рассказать новую историю о Владимире Черткове, фигуре подзабытой и чрезвычайно интересной, – пожалуй! О его доверительных отношениях с писателем, и жёстко непримиримых – с его супругой, и, что не менее важно, с властями России. И конечно, об этих чудесных двух неделях Толстого в Крёкшино, в гостях у своего... здесь можно употребить кучу определений: друга, душеприказчика, лидера толстовства как общественного движения и, наконец, пиарщика. Что и позволяет назвать Черткова самым близким к писателю человеком. И события в доме происходили всего-то за год до смерти Льва Николаевича.

Думаете, перебор с характеристиками? Ну нет! Уже при советской власти, в 1918–1919 годах, в трудное, бедное и голодное время, Владимир Григорьевич поднял вопрос об издании полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Сумел подключить к замыслу первого народного комиссара просвещения РСФСР Анатолия Луначарского. Добился встречи с И. В. Сталиным осенью 1924-го и получил его одобрение, после чего появилось решение Совнаркома об издании всех без исключения сочинений Льва Толстого. В 1928-м вышел первый, а в 1958-м, спустя двадцать с лишним лет после смерти Черткова, заключительный, девяностый том ПСС. Взгляните на их содержание. Тридцать томов занимают письма. Из них двадцать три тома отданы письмам для разных адресатов, два – супруге графа Софье Андреевне и пять (!) томов составляют письма Владимиру Григорьевичу Черткову.

«Бог дал мне высшее счастье, – писал Толстой, – он дал мне такого друга, как Чертков». Посмертной волей писатель передал Черткову все права на издание тех сочинений, «которые он посчитает нужными». Такое завещание Толстой написал именно в этом доме и в этот приезд. В документе говорилось, что всё созданное после 1 января 1881 года и до этого срока, но ещё не напечатанное, после смерти писателя не должно составлять «ничьей частной собственности» и «чтобы все рукописи его были переданы Черткову».

Владимир Григорьевич, несомненно, заслуживает внимания и как самостоятельная личность. Его портреты писали Илья Репин и Иван Крамской. В творческом наследии сподвижника великого писателя есть произведения, связанные с философией толстовства и предисловиями её автора, например «Злая забава. Мысли об охоте» или «О революции. Насильственная революция или христианское освобождение». И воспоминания о последних днях Толстого. И написанное в 1930 году письмо-ходатайство Сталину за арестованных толстовцев. Наконец, это «Свод мыслей Л. Н. Толстого» со своей неординарной судьбой. Чертков анонсировал выпуск «Свода» уже в 1915-м, но только в XXI веке усилиями московского коллекционера, издателя и художника В. А. Мороза была сформирована электронная версия пятнадцати томов «Свода», а их печатное издание до сих пор не состоялось.

В общем, мы начали готовить... что? И как вообще готовится *такое*? Ну, во-первых, нужно придумать название. «Мероприятие» становится событием, если имеет притягивающее имя. Размышляем над маркой и форматом будущего стартового «ивента». «Лев Толстой в...» или «Лев

Толстой и...»? Выставка? Наверное, но не только. Презентация? В том числе. Праздник? Вероятно, но чего? Может быть, назовём всё это вместе взятое «Днём Толстого в Крёкшино»? Или ещё короче: «День Т»? Да, так!

Современные коммуникационные тренды, уж извините за профессиональный сленг, предполагают визуализацию контента. Ладно. Отсканировать и разместить на выставочных стендах фотографии, тексты, книги – это не проблема. А если видео? Откуда оно в 1909 году... Но поищем. И нашли! Представьте себе: в этот приезд был снят и сохранился двухминутный фильм «Лев Николаевич уезжает из Крёкшино». Мы видим Толстого в сопровождении дочери Александры, внучку писателя Соню, запряжённые лошадыми повозки с поклажей, верховой «эскорт», берёзовую рощу, станцию, поезд. И конечно, Владимира Григорьевича. И слышим закадровый, живой голос писателя. И вдруг ощущаем, что его прозвучавшие сто с лишним лет назад слова мотивируют нас на сегодняшние действия. А как же ещё это понимать?

«Человек действует всегда только в настоящем, а настоящее вне времени; оно только соприкосновение прошедшего и будущего, и потому в момент настоящего человек всегда свободен. Не беспокойся о завтрашнем, потому что нет завтра. Есть только нынче; живи для него, и если твоё нынче хорошо, то оно добро всегда...»

И ещё: «Растут люди только испытаниями...»

И наверное, главное: «Мы не имеем никакого права быть недовольными этой жизнью. Если нам кажется, что мы недовольны ею, то это значит только то, что мы имеем основание быть недовольными собою...»

Вот так вот. А мы всё рассуждаем про деньги, обстоятельства, неудобное время или плохую власть... Но сами-то вроде с руками и с ногами. И можем попытаться сделать ровно то, что можем. Сегодня.

Что касается художественной фильмографии по Льву Толстому, то её, разумеется, много. А по Владимиру Черткову? Выяснилось, что тоже имеется, причём в таком обозримом количестве, что просматривается за один вечер. Поскольку фильмов, дающих сколько-нибудь развёрнутое понимание значимости Чертоква, всего три. «Лев Толстой», снятый Сергеем Герасимовым в 1984-м, посвящён разным периодам жизни Толстого, и роль Чертоква здесь в основном второстепенна. Но два других дают о нём более полное представление. Первый – немая картина Якова Протазанова и Елизаветы Тиман 1912 года – отражает как раз последний период жизни Толстого. Однако лента вообще не демонстрировалась в России из-за протестов семьи писателя и самого Чертоква, а показывалась только за рубежом. «Русское слово» писало об этом прецеденте следующее:

«Воспроизведены совершенно неправдоподобные сцены, а те, которые правдоподобны, в большинстве случаев представлены в диком и лживом освещении. Гр. С. А. Толстая, В. Г. Чертков и другие лица, близкие ко Льву Николаевичу, были воспроизведены на экране в карикатурных и оскорбительных для них положениях».

Третий фильм, немецко-российско-британская биографическая драма 2009 года «Последнее воскресенье» режиссёра Майкла Хоффмана, показался нам самым любопытным. Не опасаясь критики близких писателя, тем более что картина шла в российском прокате, мы нарезали из неё 10-минутный ролик о Владимире Черткове. Главная сюжетная линия здесь, в общем-то, одна: скандал вокруг завещания Толстого, где и проявляются характеры персонажей. Для ролика мы выбрали эпизоды, наиболее адекватно демонстрирующие суть конфликта и одновременно «смотрибельные».

Вот супруга писателя Софья Андреевна в разговоре с Валентином Булгаковым, молодым секретарём Толстого, даёт характеристику Черткову: «Он устроил весь этот театр с их фальшивой религией и революционной чепухой... Этот человек – самодовольный и напыщенный осёл». В чём же виноват Чертков? А в том, что, составляя завещание на произведения писателя «в пользу человечества», в то же время, по словам С. А. Толстой, «ворует наследство у детей».

«Папа не в своём уме, – вторит ей сын Андрей, – он не способен защититься от этих воров».

Но сам Чертков объясняет свои действия по-другому: «Мы просто хотим, чтобы труды Толстого стали более доступны людям».

Кто же из них прав? Сегодня документально известно, что Чертков не лицемерил и не искал корысти: напротив, он в ряде случаев вкладывал в замысел «книгоизданий для народа» собственные средства. А Софья Андреевна? Она пеклась о благе семьи. Выходит, оба правы...

Дочь писателя Александра Львовна активно симпатизирует Владимиру Григорьевичу: «Он свободен!» – восторженно кричит она, когда Чертков подъезжает к дому Толстых после ареста, и поддерживает вместе с ним «народное» завещание писателя.

«Графиня становится всё более опасной», – предостерегает Чертков в беседе с Толстым.

«Чего ж опасного? – отвечает писатель. – Она заботится о благе семьи».

«А мы – о благе всего человечества... – парирует Чертков. – Не считите за непочтение к графине, но, может, за её поведением кроется какая-то болезнь?»

В ходе этого диалога Софья Андреевна влезает в окно, перебравшись из другой комнаты по балкону, падает на пол и кричит, обращаясь к Черткову, дочери, но в первую очередь к графу: «Да как вы смеете! Вы плетёте заговор против меня в моём же доме! Я ведь тебе родила 13 детей, как же ты мог меня предать?»

Чертков, уходя: «Я слишком уважаю Льва Николаевича, но имей я такую жену, я бы пулю в лоб пустил».

В другой сцене, оставшись одна после очередной ссоры вокруг завещания, Софья Андреевна виртуально выполняет это намерение: хватает револьвер и несколько раз стреляет. Но не в себя, а в портрет Черткова...

Сам писатель сильно мучается между двумя огнями. Но у его смертного одра на станции Астапово находится только Чертков, а графиня не допущена. «Я очень ждал вашего приезда, благодарю. У нас много дел...» – зафиксировано в числе последних слов Льва Николаевича.

Чертков тоже думает о будущем. Комментируя отъезд Толстого из Ясной Поляны, он удовлетворённо восклицает: «Уехал, он действительно уехал! Это триумф для движения!»

И потом, протестуя против приглашения к умирающему писателю священника, приехавшего в Астапово вместе с Софьей Андреевной: «Простая достойная смерть – вот всё, чего мы хотим. И он желает того же».

Помимо трагедийных, в фильме есть и очень милые сценки. Вот Толстой убивает комара.

Чертков: «Что вы сделали?»

Толстой: «Вы о чём?»

Чертков: «Вы живое существо убили!»

Толстой, обращаясь к окружающим: «Простите его, он куда лучший толстовец, чем я».

Картина лирична: русские рассветы, закаты, реки и поля, дети и лошади. «Запах сирени крепче, когда солнце садится». И мы решаем в «День Т» посадить в Крёкшино сирень.

Но вернёмся к разрушенному дому. «Копая всё глубже и глубже», мы наткнулись на одну неподтверждённую документально версию, в соответствии с которой усадьба Черткова *уже* и *давно* могла бы быть восстановлена. Если вы и сейчас заглянете в так называемые социальные медиа, то увидите, что никто иной, как «железная английская леди», премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер во время одного из визитов в нашу страну сделала такое предложение руководству. И получила вежливый отказ.

Но нас более интересовало не то, правда это или выдумка, а могло ли такое в принципе случиться. И если да, то почему? Где Тэтчер и где деревня Крёкшино? К нашему удивлению, ответ на этот вопрос был очевиден: могло.

В 90-х годах XIX века Владимир Чертков занялся, как бы мы теперь сказали, правозащитной деятельностью: стал писать воззвания и ходатайства в защиту преследуемых властями сектантов (духоборов, молокан, штундистов) за их отказ от воинской повинности по религиозным соображениям. Происходило это, естественно, в полном соответствии с толстовской философией. Великого писателя трогать за такую «крамолу» постеснялись, а вот Черткова Комитет министров постановил сослать в Сибирь. Ситуацию спасла Елизавета Ивановна, матушка Владимира Григорьевича, оказавшаяся особой, реально «приближённой к императору», а точнее, к его семье. Мария Фёдоровна, императрица-мать, по просьбе Елизаветы Ивановны попросила Николая II смягчить столь жёсткое решение. И Черткову предоставили выбор: ссылка в Прибалтику под надзор полиции или за границу на неопределённый срок. Владимир Григорьевич предпочёл второй вариант и в 1897 году... уехал в Англию.

Он провёл в этой стране 11 лет, посвятив их главным образом продвижению идей и книг Толстого. Основал издательство «Свободное слово», печатавшее запрещённые в России произведения

писателя, собирал его архив, работал над составлением «Свода мыслей Л. Н. Толстого». Чертков построил в Англии хранилище, где сосредоточил автографы и копии рукописей великого писателя. Резонно предположить, что популярность Льва Николаевича в этой стране существенно возросла именно благодаря этой деятельности. Стал хорошо известен и сам Чертков, что, видимо, и побудило Маргарет Тэтчер высказать просьбу о посещении усадьбы и предложение о помощи в реставрации дома (если они вообще были, конечно). А режиссёра Майкла Хоффмана, который долгое время жил и учился в Англии, – снять фильм о Толстом.

Но и версия – не ложь, а история-легенда – вполне вписывалась в наш замысел «Дня Т» и вытекающих из него, как мы оптимистично надеялись, позитивных последствий. Кстати: в любом случае понятно, что М. Тэтчер сюда не доехала. А вот знаменитые советские писатели Максим Горький и Константин Федин посетили Крёкшино.

Не является легендой то, чем занимался Толстой в гостях у Черткова. Работал над завещанием. Написал рассказы «Разговор с прохожим» и «Приезжий крестьянин», статьи «В чём главная задача учителя?» и «Пора менять». Ездил верхом, много ходил пешком, беседовал с жителями, посетил местную школу.

«День Т» состоялся в Крёкшино 22 апреля 2016 года. Вас удивляет дата? Но подумайте, и перестанете удивляться. С советских времён в менталитет наших людей заложены «субботники», и главный из них – к дню рождения Владимира Ильича Ленина. Железная логика. Вот Ленин. Вот его знаменитая статья «Лев Толстой как зеркало русской революции». Вот дом, где бывал герой статьи вождя мирового пролетариата. Осталось раздать инвентарь и прибраться в доме! Что и было сделано с ленинским энтузиазмом.

Крёкшинский клуб покрасили, оформили информационными баннерами, а внутри поставили выставочную экспозицию и в режиме «нон-стоп» крутили художественные и живые толстовские ролики с голосом писателя.

Отдавая дань стремлению Льва Николаевича к сближению с народом, организовали мастер-класс по плетению лаптей.

Вовлекли детей и взрослых в старинные народные игры.

Но какая народность без выпить-закусить?! И вот вам «Чаепитие по-толстовски» из аутентичных кружек с профилем писателя и текстом «День Т в Крёкшино». На столах чай из самовара, сушки, баранки, калачи, блины. Журналистам – участникам пресс-конференции – наливали. Как известно, Лев Николаевич только к старости стал проповедовать трезвость, но в молодости с удовольствием употреблял.

А что с сиренью? Конечно, посадили сирень, она прижилась и на следующий год расцвела.

Все участники «Дня Т» соединились на праздничном концерте «Leo Tolstoy style»: хор русской песни «Рябинушка», дефиле костюмов «Красный сарафан», ансамбль «Колечко»...

Последующие «Дни Т» мы намеревались проводить 9 сентября, в день рождения Льва Николаевича. Хотели верить, что в 2018-м, к 190-летию юбилею писателя, что-нибудь значительное с домом произойдёт.

Не произошло. Может, теперь к 200-летию?

Но – вода камень точит. В Крёкшино, теперь за счёт государственного бюджета, разбили чудесный парк. Разумеется, имени Льва Николаевича Толстого. С беседками, клумбами, деревянными лавочками. На одной из них, чугунной, доверительно беседуют писатель и Владимир Григорьевич Чертков. О главном. О вечном.

2.

СВЕТА, «СПЕЦСТРОЙ» И КОСМОДРОМ «ВОСТОЧНЫЙ»

И вот представьте себе, что в том же 2016 году случился ещё один проект, прямо связанный с моей семьёй. В отличие от дома Черткова, где грандиозная идея застряла в начале пути, здесь она была как раз реализована. Но начну, как обычно, издалека и по порядку.

Как я уже писал, моя вторая супруга, Светлана, работала и поднялась до фактически главного пиарщика МЧС России. После Сергея Кужугетовича Шойгу, конечно. Потом первый заместитель чрезвычайного министра, генерал Александр Волосов возглавил Федеральное агентство специального

строительства («Спецстрой России») и пригласил супругу на должность руководителя PR-структуры. «Спецстрой», как это следует даже из названия, – организация изначально закрытая и похожая на айсберг: его небольшая и видимая часть находится над водой («вроде чего-то строят»), а основная – таится в глубине («строят нечто специальное»).

Агентство существовало под разными названиями с 1953 года и создавало объекты противовоздушной обороны, авиационной промышленности; мощности по производству и ремонту атомных подводных лодок; строило и реконструировало предприятия ядерного комплекса и, наконец, обслуживало инфраструктурные нужды космоса. Перечень задач постоянно расширялся, включая в себя военное, а также гражданское жилищное и дорожное строительство.

С появлением Светы «Спецстрой» существенно и в кратчайшие сроки «вышел на свет», что соответствовало модным требованиям всеобщей прозрачности (демонстрационной, конечно) того периода. Пресс-конференции, выставки, конкурсы, пресс-туры на объекты и, как обобщающая вершина пиаровского творчества, большой труд-книга «Спецстрой России. Строители особого назначения», выпущенная к 65-летию юбилею организации.

В силу масштабы и сложности задач – а Света курировала не только работу московского офиса, но и деятельность пресс-служб Агентства по всей стране – ей указом президента РФ присвоили классный чин действительного государственного советника Российской Федерации 3-го класса. Но в военных и военизированных организациях, называемых в совокупности «силовыми ведомствами», а к ним и принадлежал «Спецстрой», положено носить знаки различия. И супруга надела погоны... двухзвёздного генерала.

Реакцией на появление в реальном или информационном пространстве женщин в генеральских погонах обычно служат возгласы типа: «Да что же это делается!», «Такой-то (следует известная фамилия) всем своим бабам присвоил генеральские звания», «Да за эти погоны люди на фронте кровь проливали!» Отсюда добавлю ясности в «скрытую» проблему, хотя мои данные не являются секретными или даже конфиденциальными. Смотрите: существует Указ Президента России от 2005 года «О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы РФ федеральным государственным гражданским служащим». К указу есть приложение в виде таблицы «Соотношение классных чинов федеральной государственной гражданской службы, воинских и специальных званий». Это не что иное, как современный вариант «Табели о рангах», учреждённой Петром I в 1722 году.

Так вот. Классному чину «Действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса» соответствует воинское звание «генерал-майор». Означает ли это, что вы, получив классный чин, становитесь генералом? Нет! Вы остаётесь в воинском звании, которое когда-то имели, или вообще ни в каком. Но, оказавшись в силовом ведомстве, будете носить генеральские, полковничьи, лейтенантские или иные погоны в соответствии с полученным классным чином. Причём особой расцветки, отличной от экипировки «настоящих» военных.

Ага, теперь, наверное, понятно, но не всё. Откуда же тогда две звезды, раз у генерал-майора одна? На это есть вполне армейский ответ: так определено. И выходит, что «девушки Шойгу» и вправду носят генеральские погоны, но генералами... не являются. Закончив службы в военном ведомстве, они погоны снимут вместе с военной формой. Однако в классных чинах останутся. Для памяти и внесения в будущее резюме.

На всякий случай напомним. Президент РФ и верховный главнокомандующий Вооружёнными силами страны В. Путин имеет классный чин действительного государственного советника Российской Федерации 1-го класса, что соответствует генералу армии. А какое воинское звание у Владимира Владимировича? Как у маршала Леонида Ильича Брежнева или генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина? Да нет, скромнее, полковник запаса... Другими словами, общественное недовольство вокруг женщин – «временных» генералов построено вокруг мифа. Который, как и всякую «клубничку», журналисты не очень-то и стремятся опровергать.

От глобальных тем вернёмся к «семейному пиару». Он касается всего-навсего одного объекта. Зато какого! В 2012 году на Дальнем Востоке, в Амурской области, началось грандиозное строительство. Ранее здесь, на испытательном космодроме Министерства обороны «Свободный», базировалась дивизия ракетных войск стратегического назначения. Чтобы ввести противника в заблуждение, территория маскировалась под угольные шахты, а прилегающий посёлок назывался Углегорском. Теперь ПГТ

превратился в город Циолковский, а закрытая территория стала позиционироваться как первый российский гражданский космодром «Восточный» и альтернатива знаменитому Байконуру, оказавшемуся с распадом СССР на территории Казахстана. Строительство первой очереди «Восточного» завершилось в 2016 году, тогда же намечался и первый открытый ракетный пуск с присутствием президента России. Вот тут-то у Светланы и возникла идея: а давайте построим на «Восточном» памятник.

В отличие от ситуации с домом Черткова, когда до Министерства культуры России было не добраться, в этом случае дойти до высших согласовательных инстанций оказалось проще. Глава ведомства Александр Волосов однозначно высказался «за». Но надо было идти ещё выше. Зачем? Затем, чтобы получить «добро» на реализацию инициативы как таковой, но главное – на сбор средств под неё. О бюджетных деньгах речь не шла изначально: «Спецстрой» наряду с государственными заказами выполнял и коммерческие, отсюда мог профинансировать памятник из своей прибыли. Идею обсудили с Дмитрием Рогозиным, в то время заместителем председателя Правительства Российской Федерации и председателем коллегии Военно-промышленной комиссии РФ. Когда Света рассказала о полученной от него поддержке, я не удивился, поскольку и лично знал этого человека с 1990-х как амбициозного выпускника факультета журналистики МГИМО и политика с выраженной репутацией русского патриота, любящего громкие PR-акции. «Несите ваши предложения», – сказал Дмитрий Олегович. Вслед за ним проект поддержали Минобороны и Роскосмос. А далее возникли вопросы, о которых мы не то чтобы забыли, но пока даже не вспоминали. Какова концепция памятника? И кто станет готовить проект монумента?

Дома, вечером, за ужином, мы объявили семейный мозговой штурм.

– У тебя знакомые скульпторы есть? – обратилась ко мне супруга.

– Подумаю, – ответил я и начал перебирать в памяти свои «монументальные» связи. Вспомнился столичный скульптор и член Московского союза художников Вадим Демченко. На западе Москвы, в Крылатском, где мы жили, он создавал известный скульптурный комплекс «Защитникам неба». Я договорился о встрече в мастерской Вадима и, в свою очередь, начал озадачивать Свету:

– А что должен изображать памятник?

В ходе дальнейшего разговора идеи и образы, как у всеядного писателя Никифора Ляписа-Трубецкого из «Двенадцати стульев», «перекатывались через мол и падали вниз стремительным домкратом».

– Это же Сибирь и даже Дальний Восток. Значит, нужен исторический символ покорителя здешних мест. Потом, конечно, военные строители – они же проводят основные работы на космодроме, в конце концов. А вообще-то не только они: какая стройка без инженеров! Стоп. А космос? Значит, должны быть и космонавты. И что-то типа Вселенной и планет Солнечной системы. Поскольку в другие системы запускать ракеты пока не планируется...

С этим пакетом идей-«домкратов» я поехал к Вадиму, он за предложение схватился двумя руками и вскоре уже ваял эскизы.

«“Огня, – кричат, – огня!” – Пришли с огнём». Это уже из басни Ивана Крылова. В нашем случае кричали про эскизы памятника. Мы пришли с эскизами. Взглянув на них краем глаза, каждый из больших полномочных начальников резко приостанавливал просмотр креативных творений и вопрошал: «Послушайте, автор вот этого всего – кто?» После выяснения биографии Демченко, где отсутствовал даже титул «засраба» (заслуженного работника культуры), обсуждение завершалось: «Нет, не пойдёт, нужен скульптор с титулом не менее “народного”». По рекомендации того же Вадима (его позже включили в творческую группу проекта) вышли на народного художника РФ, академика Российской академии художеств Владимира Суровцева. Помимо громких званий, Владимир Александрович имел солидный портфолио с памятниками «Встреча на Эльбе» в Германии, лётчикам полка «Нормандия – Неман» во Франции, генералу Михаилу Скобелеву в Болгарии и, конечно, многими российскими скульптурными композициями: фельдмаршалу М. Барклаю-де-Толли, писателю А. Твардовскому, маршалу К. Рокоссовскому и так далее.

Инстанции благословили «народного» Суровцева на творчество, и процесс пошёл. И предусматривал, вместе с другими спецстроевскими заботами, регулярные поездки Светланы на Дальний Восток. Впечатления о них передаю прямой речью супруги:

– Мы летали на космодром и другие стройки почти каждую неделю. При этом меняли часовые пояса настолько резко, что мозг переворачивался и не успевал вернуться обратно. В самом деле: вы-

летаем в ночь, скажем, в Благовещенск (ближайший город к Циолковскому), или в Хабаровск, или в Петропавловск-Камчатский. Утром там, день работаем, ночь условно спим с поправкой на смещение часовых поясов, а следующим утром уже летим в Москву. Полёты, правда, отличались от обычных и порой становились довольно весёлыми. Во-первых, это были военные самолёты, где имелся даже салон для совещаний. И вот летят десять генералов-мужиков, а с ними я, одна женщина... Мне, конечно, уступали этот салон, где находился раскладной диван. Так что спала я по авиационным меркам комфортно.

А на самом космодроме... Климат там жёсткий, пронизывающий ветер сбивает с ног, мы кутаемся в спецстроевские бушлаты, но всё равно пробирает до костей. И в такой непогоде день и ночь работают строители. Скажете, привыкают? Как к подобному можно привыкнуть? Это просто мужественные люди.

Раз пошли с журналистами ночью снимать стартовый стол космодрома. Так было красиво: какие-то фантастические цвета, огни. Лазили там между конструкций, и мой заместитель Ира Маслова – она постоянно жила на «Восточном», хоть и была москвичкой – зацепилась за рельс и порвала связки на ноге. Домой не улетела, осталась работать с прессой. Вот такой «лёгкий» хлеб у пиарщика...

В конце апреля 2016-го на первый пуск прилетел Владимир Путин. Глава «Спецстроя» Александр Волосов должен был выступить перед ним с докладом, а я этот доклад писала. Под неусыпным контролем заместителя директора агентства Александра Загоруйко. Он страшный курильщик, всё время дымил, я задыхалась и пряталась от дыма. Перед приездом президента сидели до двух ночи. Прихожу в гостиницу, а она закрыта. Кидаю камешки в окно, чтобы отворили дверь. В общем, романтика: «И снится нам не рокот космодро-о-ма...» Да, снился совсем не рокот...

Вернёмся к памятнику. Его назвали «Создателям космодрома и космонавтам», а открывали позже, в конце августа 2016-го. Что же получилось? Да всё получилось, все идеи сумели воплотить. Образом первопроходца сначала хотели сделать Ермака, но потом прикинули, что он до этих мест не дошёл, поэтому оставили просто казака. А дальше да – фигуры строителя, инженера, космонавта. Монумент показывает разные эпохи истории дальневосточной России – от казаков-первопроходцев до будущих пилотируемых полётов. В основе композиции кольцо на гранитном постаменте, символизирующее Землю. Есть и элементы строительных конструкций, и летящие к цели космические аппараты, изображены и символы Амурской области. Не забыли про памятные таблички с названиями организаций, участвующих в создании космодрома. Девиз памятника: «Дорога в космос начинается с Земли».

С праздничными речами на открытии монумента выступили великие и причастные: «крёстный отец» Дмитрий Рогозин, генеральный директор «Роскосмоса» Игорь Комаров, губернатор Амурской области Александр Козлов. Само собой – директор «Спецстроя» Александр Волосов.

Потом, как и полагается на праздниках, пела и плясала организованная Светланой культурная программа с артистами из Москвы и местными талантами. Её зрителями / слушателями стали, конечно, не только руководители, а сотни строителей, студентов, волонтеров, без которых ни памятник, ни сам космодром не смогли бы состояться.

А дальше... Вообще-то у нас в стране всегда что-то организовывается, а потом реорганизовывается. Так сказать, вечная борьба глобализации со специализацией. Плюс привходящие моменты, стимулирующие победу одной из сторон. Агентство строителей специального назначения вполне вписывалось в этот тренд: создание – упразднение – воссоздание и так далее по кругу. В 2017-м «Спецстрой» прекратил своё существование в качестве самостоятельной структуры. Для Светланы тоже началась новая страница в жизни. Но памятник на космодроме стоит. А мозговые штурмы за домашним ужином по-прежнему устремляются в космос.

2017. Патрис Лумумба, рейтинг и GR

Каждый из нас много раз слышал глубокомысленную фразу: «Ну, это вещи, не связанные друг с другом». Или из художественной литературы: «Дистанции огромного размера». Или ещё проще, в виде народной поговорки: «В огороде бузина, а в Киеве – дядька».

Однако нет. Потому что. Всё. Вокруг. Связано. Между собой.

Например, кто такой Патрис Лумумба? И какое мне (нам) дело до него? Давайте посмотрим. Патрис родился в 1925 году в бельгийской колонии Конго. Работал на почте, в горнодобывающей

компании. С помощью колониальных властей получил приличное образование и даже был представлен бельгийскому королю Бодуэну I. Но этим не удовлетворился, основал политическую партию «Национальное движение Конго» и вместе с ней боролся за независимость страны. В 1960-м, когда Конго получила независимость, стал первым премьер-министром Республики и публично крикнул в лицо упомянутому монарху: «Мы больше не ваши обезьяны!» А в январе 1961-го, с одобрения президента США Дуайта Эйзенхауэра и при участии американского ЦРУ и британской МИ-6, был расстрелян, расчленён и растворён в кислоте... Славный путь и ужасная смерть.

А нам дело вот какое. В том же году имя Патриса Лумумбы получил расположенный в Москве Университет дружбы народов, равно как и многие другие объекты на территории бывшего СССР. УДН носил его вплоть до 1992-го, потом, в угоду «декоммунизации» и «десоветизации», потерял, а в 2023-м связь уже Российского университета дружбы народов с африканским лидером восстановилась: Министерство образования и науки РФ вернуло РУДН имя Патриса Лумумбы.

Перейдём к следующему звену указанной в названии главы цепочки – рейтингу. Что это вообще за зверь такой? Обратившись к словарям, увидим, что так называется числовой или порядковый показатель, характеризующий важность или значимость определённого объекта или явления. Кому и зачем нужен рейтинг? Рынку, где рейтинг выступает способом установления иерархии его участников. Если у тебя, скажем, место в десятке или хотя бы сотне лидеров – ты в «топе» рейтинга. Если компания или персона расположены ближе к концу рейтингового списка, они – начинающие участники. А коли кого-то в рейтинге нет, то субъект не существует и в природе, несмотря на вроде бы имеющееся физическое присутствие.

Связь РУДН с рейтингом есть, и очень существенная. Мало того что вузы в принципе конкурируют между собой, так во втором десятилетии XXI века родилась масштабная и хорошо финансируемая государством программа «5–100–2020», или проект «5–100». Что за магические цифры «5», «100» и «2020»? Без стакана хорошего ... (что налить – сами решите) или моих комментариев точно не разберётесь. Ну так я и поясню. «5» означает число российских университетов, которые должны попасть в ведущие мировые рейтинги. А как понимать «100»? О-о-о... Не просто попасть, а войти в первую сотню. И наконец, «2020» – это к какому периоду там оказаться, то есть к 2020 году. Круг претендентов государство отобрало довольно узкий – 21 университет, в том числе РУДН. Место в рейтинге определялось такими индикаторами, как число и соотношение преподавателей и студентов, индекс цитируемости научных работ представителей вуза, репутация университета среди работодателей и др.

Кто же из наших попал в желанную «сотку»? Никто. Плохо это? Не совсем, а пожалуй, и нормально, поскольку в соревнованиях по «прыжкам в высоту», с двумя тысячами участников со всего мира, российские вузы существенно приблизились к верхней границе «планки», а РУДН – так и ближе многих других.

Что же касается связи рейтингов с мудрёным и вряд ли понятным с первого взгляда термина *GR*, то она и вовсе очевидна. Остаётся лишь разобраться, что он из себя представляет и какую роль играет в нашем повествовании. А также при чём здесь я сам.

На всякий случай расскажу тем, кто не знает, и напомним знающим некоторую предысторию. 10 лет, с 1996-го по 2005-й, я состоял в штатной должности профессора факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова. Но потом закружили политические и бизнес-вихри, «календарную» преподавательскую деятельность я оставил и следующие годы выходил на университетские кафедры не с плановыми курсами лекций, а лишь с «показательными выступлениями». Так продолжалось до тех пор, пока в 2017-м коллеги не попросили меня прочесть для продвинутых магистров курс с тем самым загадочным названием *GR*. В простой, «народной» интерпретации оно звучит как «лоббизм». Где предлагался курс? Ну, разумеется, в РУДН, коль скоро я о нём заговорил. Рейтинговом вузе имени Патриса Лумумбы. В общем, все звенья цепи соединились, и она замкнулась. Вместе с разомкнувшейся перспективой пиара университета, его рейтинга, а заодно и лоббизма.

РУДН я пиарил бесплатно и от души, радуясь его креативным находкам. Они имели очень важное значение, поскольку стартовые условия для университета были не самыми лучшими. Почему? Ну смотрите. Наш великий МГУ и ряд других известных вузов расположены в центре Москвы, к тому же в исторических зданиях с аутентичной архитектурой. А здесь – юго-западная окраина столицы, куча типовых строений «коробочного» типа, пустая и бесцветная площадь перед центральным зданием.

Но есть и преимущество: РУДН занял целый квартал, и улица Миклухо-Маклая автоматически превратилась в студенческую. Да ещё какую! В XXI веке в университете учились ребята из 150 стран мира и главным образом Азии, Африки и Латинской Америки, что дополняло студенческий колорит ещё и национальным. То есть молодость и краски уже есть, остаётся лишь добавить к ним новые.

Первыми появились фонтаны: много, с водными гладями, альпийскими горками, лавочками – в общем, летом и осенью уходить отсюда просто не хочется. Потом саму площадь замостили разноцветными плитками – в тонах международного студенчества. Затем и на городском пространстве, перед входом на университетскую территорию установили так называемую входную группу: огромные буквы «РУДН», глобус с надписями на разных языках, скульптуры юношей и девушек в типичных для студентов ситуациях беседы с товарищами, чтения, ожидания, занятий спортом. Это не было стилем монументальной «девушки с веслом», напротив, простота и доступность вызывали мгновенную и естественную реакцию: давай здесь сфоткаемся!

А что внутри? Среди новомодных слов отечественного лексикона появился термин «коворкинг». Лично мне он слух никак не улаживает, но язык – дело живое: что естественно виталось в его запасе, то искусственно не выкинешь и не заменишь. В конечном счёте главное заключается в том, что данная лексика выражает. А со значением как раз всё в порядке, потому что под скупым англицизмом *coworking* скрывается... Нет, наоборот, не скрывается, а настойчиво обращает на себя внимание комфортное пространство из залов, комнат, уголков, где много чего можно. Зависнуть над компьютером. Подготовиться к занятиям. Или попить кофе. Встретиться с сокурсниками. Или просто посидеть между парами. Территория «посиделок» перемежается внутренним парком-садом, где цветут растения, текут ручьи, плавают рыбы. И даже ползают черепахи. А однажды я встретил в коридорах РУДН ламу и альпаку... Когда появилась станция метро «Российский университет дружбы народов», упоминание района как «украинного» насовсем ушло в прошлое.

Однако я обещал рассказать о GR-лоббизме. Так и поведаю. Назвать тему сложной будет не совсем правильно. Точнее, определить её как закрытую, «любящую тишину». Кто ещё любит тишину? Верно – деньги. И GR – тоже про деньги и людей, прямо на них выводящих. В общем плане GR трактуют как деятельность по выстраиванию отношений между различными группами общества и государственной властью. С какой целью? Ясное дело – чтобы «решать вопросы». Какие? Да любые! Получить выгодный контракт от государства. Или участок под строительство дома. Или чтобы был принят закон, дающий вашему бизнесу послабления в уплате налогов. Скажете, что это слишком высокий уровень? Да. Но есть и пониже. В пять деревень или даже домов должны провести газ, и вы хотите, чтобы ваш пункт стал первым. Можно решить вопрос? Конечно!

В этом месте большинство наших уважаемых граждан наверняка станут иронизировать: чего, мол, тут непонятного? Надо «занести уважаемому человеку»! Но предмет GR точно не о взятках, а о вещах вполне законных и этичных. Тем более что вера в формулировку «деньги решают всё» является такой же иллюзорной, как благие намерения «с другого полюса» в виде ожидания некой «правды», «свободы» и «справедливости». Они, конечно, существуют, но лишь на уровне глобальных установок, ничего не значащих без конкретного наполнения. Суть GR заключается в другом: достижение цели возможно, когда построен путь к ней, что, в переводе на профессиональный язык, называется «дорожной картой». GR – это наука о том, как создать такую карту и наладить связи с «проводниками» по нужному пути.

Если эти связи прямо ведут к «решению вопроса», мы начинаем говорить о лоббизме. В «казённых» формулировках GR-лоббизм выглядит так: прямое или косвенное воздействие на государственных должностных лиц, политических руководителей или их представителей для влияния на принятие управленческих решений в пользу конкретной группы. А если попроще и применительно к конкретной персоне, то несколько иначе: GR-специалист – это человек, работающий на постоянной основе в подразделении компании, ответственном за связи с государственными органами; а лоббист – лицо, нанятое в разовом порядке или периодически привлекаемое для решения конкретных задач со структурами власти. Впрочем, просветительскую лекцию я здесь читать не собираюсь. Делюсь для-ради интереса и «по жизни».

Однажды я с большим трудом упросил выступить перед студентами одного очень умного и влиятельного человека. Он потратил на вводную часть... пять секунд, куда уместилась следующая фраза: «О лоббировании нужно знать три важные вещи: первая – связи, вторая – связи, третья – связи». Что

ж, ни убавить – ни прибавить, верно! Люди, обладающие «тремя важными вещами», на современном сленге называются «инфлюенсерами». Но кто же это? Иной читатель, видимо, полагает, что они сидят «в глубоком подполье»? Отнюдь! Давайте окунёмся в недавнюю историю.

Известно, что процесс приватизации крупной государственной собственности в 1990-е осуществлялся главным образом представителями номенклатурной бюрократии. Например, «наше всё» – акционерные общества «Лукойл» и «Газпром» – возглавили: одно – бывший первый заместитель министра нефтяной и газовой промышленности СССР Вагит Алекперов, другое – бывший министр газовой промышленности Советского Союза Виктор Черномырдин. Вот они и есть лоббисты-«решальщики», благодаря которым и после распада СССР продолжали функционировать сами сырьевые гиганты и сложившаяся вокруг них система личных, формальных и неформальных, связей.

Представители «старой-новой» номенклатуры, в целях усиления своих ресурсов влияния на государство, инициировали создание общенациональных и региональных объединений предпринимателей – Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), Торгово-промышленной палаты РФ, Союза нефтегазопромышленников России и других; стали депутатами Государственной Думы, сотрудниками Администрации Президента РФ, вошли в состав многих общественных и экспертных советов в органах власти. Например, Александр Василенко – основатель и многолетний руководитель Управления общественных связей (с функциями GR-структуры) «Лукойла» и депутат Государственной Думы РФ VI и VII созывов – стал заместителем председателя решающего многие отраслевые вопросы комитета Госдумы по природным ресурсам, природопользованию и экологии. Свои воззрения на GR лоббист изложил в книге «Пиар крупных российских корпораций».

Как-то это всё банально, а хочется «остренького», правда? Ну, будьте любезны. Даже люди среднего возраста помнят, когда очень неплохие здания в центре Москвы и других городов захватили... казино. А помещения поплоше – залы игровых автоматов. Однако по мере прохождения сложного для страны этапа «лихих 90-х» всё чаще стали поговаривать о необходимости избавления от российских вариантов элитного «Монте-Карло» и массового «дикого Запада». И тут столкнулись интересы очень серьёзных людей. Крупные лидеры игорного бизнеса поступили умно: они поддержали неизбежную ограничительную реформу и выступили за «развитие цивилизованного рынка», выбрав при этом выгодную для себя риторику. Она сводилась к тому, что мелкие игроки не могут вести бизнес честно и профессионально, обирают простых граждан; следовательно, их-то и надо запретить. Крупный игорный бизнес – это «безобидные» развлечения для богатых, создающие рабочие места и приносящие налоговый доход государству, поэтому его целесообразно оставить.

Исходя из этой логики, группа депутатов во главе с председателем комитета Госдумы по экономической политике, предпринимательству и туризму, а в 90-е – председателем Государственного таможенного комитета РФ Валерием Драгановым внесла в 2005 году на рассмотрение парламента законопроект «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и пари». Законопроект предполагал введение барьеров на вход в игорный бизнес в виде собственного капитала не менее 150 миллионов рублей, значительных площадей игровых залов и пр., преодолеть которые могли только состоятельные федеральные игроки.

В поддержку своей идеи Драганов, само собой, задействовал полезные связи. Но не только! Лоббист устроил настоящее «шоу для народа». Заявив, что получает многочисленные обращения от граждан, Драганов провёл «прямую телефонную линию», а её результаты под заголовком «Кому грозят драгановские законы?» опубликовал «Московский комсомолец» – одна из самых тиражных газет России. В ходе разговора «простые люди» жаловались депутату на беды от расположенных прямо в жилых домах «малых форм» – небольших отсеков с игровыми автоматами. Мол, дети воруют деньги, чтобы потратить их на заманчивый выигрыш. Он редок и призрачен, а семья страдает! В ответ Драганов решительно заявлял, что «терпеть эскалацию преступности вокруг игорного бизнеса нельзя» и «пора услышать людей»: оставить крупные («цивилизованные») игорные заведения, а мелкие ликвидировать.

Однако под влиянием и при вмешательстве Администрации Президента РФ такой вариант закона не прошёл, а был принят другой, предусматривающий выведение всего игорного бизнеса в специальные зоны. Думаете, на этом всё завершилось? Как бы не так! Лоббисты решили привлечь на свою сторону крупнейшее объединение предпринимателей – РСПП. Его президент Александр Шохин, в прошлом вице-премьер Правительства России, направил письмо на имя министра финансов РФ

Алексея Кудрина с просьбой смягчить законодательные ограничения. Предлагались поправки к закону, сходные с теми, что ранее декларировал Драганов. Ан не вышло! Лоббисты проиграли: закон не был изменен, и 1 июля 2009 года в России вступил в силу запрет на проведение азартных игр вне специальных игорных зон.

Когда я уже преподавал GR в РУДН, жизнь подбросила весьма экзотический пример, связанный с деятельностью уважаемых и хорошо известных мне коллег по PR-цеху. И так. В стране всегда много проблем. Скажем, в промышленности. И вот президент встречается с ведущими производителями. Или в сельском хозяйстве. И лидер государства выезжает «в поля». А потом – как раз в этом, 2017 году, о котором я и пишу, вдруг встречается в Кремле с представителями... российских мультипликационных студий: на встрече обсуждаются первостепенной важности задачи – развитие анимационной индустрии в России. Ну бывает, обстоятельства так сложились, да? К тому же мультфильмы и вправду полезны – например, для воспитания подрастающего поколения. Кто ж спорит! Всё так, но есть, как говорится, нюанс.

Председателем правления киностудии «Союзмультфильм» и правления Ассоциации организаций индустрии анимационного кино в 2017-м стала Юлиана Слащёва. Ранее она являлась президентом и гендиректором крупнейшего российского агентства стратегических коммуникаций «Михайлов и Партнёры», выполнявшего GR-услуги. До Юлианы управляющим партнёром агентства значился её супруг. Затем он совершил неплохой карьерный бросок и занял должность генерального директора – ни много ни мало – одного из крупнейших информационных агентств мира, ТАСС.

Одной встречей мультипликаторов с президентом дело не обошлось, и вскоре тема анимации получила своё медийное продолжение. На ежегодной большой пресс-конференции 2020-го журналисты «случайно» заинтересовались у Владимира Владимировича ситуацией с «Союзмультфильмом». И он с готовностью подтвердил мысль о том, что внимание к отечественной анимации в целом и данной студии в частности обусловлено тем, что именно на ней воспитывалось целое поколение, причём на любви к Родине, к ближнему, к природе. Отсюда мультфильмы заслуживают большей поддержки со стороны государства, чем это было до сих пор...

В общем, почти к каждому креативному «чуду» имеется дополнительный и не всегда распознаваемый навскидку «GR-ключ» в виде персоны со связями, финансами, а лучше тем и другим. Будь то хоть казино, хоть мультфильмы, хоть РУДН. Таким «ключом» в случае с РУДН был... совсем не я. Интересы университета лоббировал Владимир Михайлович Филиппов – ректор РУДН, потом министр образования Российской Федерации, а потом опять ректор. Имевший связи. И знавший, как получить финансы. Пожелаем ему здоровья.

2018. Как держаться, когда нет денег

Слова «Денег нет, но вы держитесь» прозвучали из уст председателя Правительства России Дмитрия Медведева в 2016-м как ответ на жалобу крымской пенсионерки о маленьком размере пенсии. Фраза сразу же стала мемом и продолжала путешествовать в информационном поле и годы спустя в качестве образца «чёрного», «белого» и разноцветного юмора. Однако основа для неё была вполне серьёзной: страна давно жила, следуя этому «доброму совету», и намеревалась существовать дальше. Вновь дадим немного предыстории.

Ах, «тучные» нулевые! Ах, хорошие цены на нефть! Ах, мирное небо над головой... Когда всё это начало эволюционировать в предания? Очевидно, что в 2008-м, когда по США – самой могущественной экономике мира – ударил кризис, постепенно захвативший большинство других стран. Через год-два кризис докатился до России, а не закончился он, по большому счёту, и к моменту написания нашей книги. То есть вопрос, как держаться, когда нет денег, не сходит с повестки дня и сегодня.

Вслед за «новым» вызовом последовали и до боли знакомые прежде «сакральные» вопросы: кто виноват, что делать и с чего начать? Начали с оптимизма и позитивных обещаний народу. В 2009-м принимается Программа антикризисных мер Правительства РФ. Подчёркивается, что она составлена «с учётом мнений экспертов, граждан РФ, представителей партий, общественных и политических организаций». Мнения, надо полагать, сходились в одном: надо сделать так, чтобы жить стало не хуже, а лучше и веселей. Приоритет № 1 Программы («Публичные обязательства государства перед населением») из этого и исходил: поддержать наиболее пострадавших в период кризиса граждан,

повысить объёмы и качество оказания социальных услуг, улучшить ситуацию с лекарственным обеспечением, сохранить трудовой потенциал и т. п.

Но... минуточку! Денег становится меньше, а вы говорите, что «улучшить» и «повысить». Каким образом? Н-да, и правда, – подумали пытливые русские умы и начали «чесать репу». Процесс интенсификации мозговой деятельности дал результат – в виде извлечённой из архивов мысли о том, что если не можешь дать рыбу, то предложи удочку. Удочкой стал проект Правительства России и Международного банка реконструкции и развития «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». Актуальность мысли об удочке и проекта по её оптимальному использованию подтвердили исследования: только 12 процентов соотечественников правильно назвали организации, способные защитить права потребителей на финансовом рынке. Около 40 процентов граждан признали, что в большинстве финансовых услуг не разбираются. И самое главное: российский обыватель по-прежнему, как и в советское время, надеялся на государство. Наше финансовое дело – складывать деньги в «кубышку», покупать на недобросовестную рекламу, вступать в сделки с мошенниками; а дело государства – нас из этой... ямы вытаскивать. Теперь там, наверху, появился повод сказать: «сама-сама-сама...»

Что же касается моей роли, то она заключалась в экспертной работе по составлению великих планов создания «удочки» с понятной конструкцией. Так я ж не экономист и считать чужие деньги не умею! Правильно. Материальную часть и будут просчитывать экономисты, а вы займитесь вот этим самым – чтобы держаться, когда денег нет. И мы засели. В этом месте, так и быть, раскрою страшную тайну подготовки любого проекта. Он всегда состоит из одинаковых частей. Сначала читать (варианты: смотреть, спрашивать). Потом анализировать, то есть искать ориентиры, на которые выводит прежде прочитанное. Только после этого писать. И наконец, доказывать: то, что ты написал, – не есть «ерунда», «полный бред» и «оторванность от жизни». Откуда возникают последние определения? Оттуда же. Принимающие решения руководители не любят (не имеют времени, желания; и так всё знают и т. д.) читать. Или писать. Или то и другое.

Отсюда становится понятно, почему наша писанина готовилась-читалась-переваривалась-упаковывалась несколько лет, а упомянутая выше программа была принята лишь ближе к концу 2017 года, а начала выполняться в 2018-м.

Документ содержал такие направления, как «Образование», «Информирование населения о вопросах финансовой грамотности и способах защиты прав потребителей финансовых услуг», «Формирование социально ответственного поведения участников финансового рынка», «Подготовка граждан к жизни в старости» и т. д.

И стартовала кампания, выполнявшаяся уже не мной и не моим агентством, а целым рядом ведущих российских PR-структур. Для всеобщего пользования разрабатывались сайт-библиотека «Учебник по финансовой грамотности» и электронный справочник «Финсовет». Для школьников – онлайн-игра «Финзнайка» и сервис управления личными финансами «Монеткины». Весной прошла неделя финансовой грамотности для детей и молодёжи, а осенью – декада сбережений для взрослого населения. Был создан «Фонд хороших идей», призванный отобрать и профинансировать лучшие предложения по проведению тематических кампаний в регионах. Постепенно дельные советы на тему правильного обращения с деньгами стали звучать «из каждого утюга».

Параллельно с просвещением масс, государство «погрозило пальцем» банкам, чтобы вели себя прилично, и жёстче занялось мошенниками.

Остановлюсь с перечислениями финансовых «подвигов» и сразу резюмирую. Народ наши усилия воспринял и стал держаться. Но денег всё равно не было. И надо было их где-то взять. Откуда? Традиционный и ключевой ответ до чрезвычайности прост: с человека. Всё яснее и громче начали звучать очень неприятные слова о «непопулярных мерах». И в 2018-м грянула пенсионная реформа.

Помните, как в фильме «Место встречи изменить нельзя» горбатый главарь банды в исполнении Армена Джигарханяна рисует «засланному казачку» (Владимир Конкин) обнадеживающую перспективу: «Мы тебя не больно зарежем». Так и с реформой. Ничего особенного. Просто предлагается принять Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам назначения и выплаты пенсий». Но мягкое название никого с толку не сбilo, поскольку установка «Денег нет, но вы держитесь» менялась на вслух непроизносимую и гораздо более серьёзную, если

не угрожающую: «Денег нет, поэтому придётся поделиться своими». Кому ж это понравится? Тем более что год на дворе две тысячи, а совсем не тысяча девятьсот восемнадцатый!

Чем загасить потенциальное недовольство? Ясное дело, убеждением. Российский Минздрав убеждал население в том, что в недалёком будущем средняя продолжительность жизни россиян значительно увеличится, а потому изменение возраста выхода на пенсию с 60 до 65 лет вполне логично. Кроме того, работа значительно полезнее для здоровья, чем «лежание на диване», отсюда пенсионную реформу следует расценивать как заботу о здоровье нации. Озвучивались и такие тезисы, как благо государства (общественное мнение называло это «латанием дыр в бюджете»), необходимость заглаживания последствий «демографических ям» («раньше надо было думать»), зарубежный опыт («так у них и зарплата выше»). Иными словами, главное положение реформы – об увеличении пенсионного возраста – вызывало массовое неприятие и отторжение...

Но сработало *другое*. Я ни в коей мере не склонен приписывать себе какую-то заслугу в установлении прямой связи между этим «*другим*» и результатами пенсионной реформы. Но с *другой* стороны...

Четверть века я убил на создание, в кандидатской и докторской диссертациях, научной основы, а затем продвижение прикладных положений отечественной конфликтологии. Книги, многочисленные семинары, десятки реализованных проектов. Всё это, видимо, не прошло даром и теперь давало хорошие всходы. Чтобы понять, о чём речь, позвольте немного теории.

Существует такой термин-механизм, как *депривация*. Под ним понимается состояние большего или меньшего расхождения между ожиданиями целевой аудитории и возможностями их удовлетворения. Если вы формируете некоторые ожидания (завтра будет лучше, чем сегодня) и реализуете их *частично*, люди будут недовольны. Если вы обещаете стабильность, но затем достигаете некоторых улучшений (то есть делаете то же, что и в первом случае), целевая аудитория воспримет это как улучшение в своей жизни. И наконец, третий вариант: вы с сожалением говорите о грядущих потерях и... сохраняете всё на прежнем уровне. Поверьте, люди будут вам благодарны.

Не удержусь и от несколько циничной «народной мудрости»: человеку не нужно делать хорошо – сделайте плохо, а потом верните всё на место. И он будет доволен.

Так и произошло в случае с пенсионной реформой. Внесённый в Госдуму законопроект увеличил депривацию: прежние ожидания от условий выхода на пенсию значительно расходились с новыми возможностями их реализации. Граждане проявляли однозначное недовольство, и оно приобретало всё более острые формы. Вот тут-то и последовало обращение В. Путина к россиянам 29 августа 2018 года, где президент озвучил позиции, позволяющие, по его мнению, максимально смягчить принимаемые решения:

– *Первое. В проекте закона предлагается увеличить пенсионный возраст для женщин на 8 лет – до 63 лет, тогда как для мужчин он повышается на пять лет. Это неправильно. И в нашей стране отношение к женщинам особое, бережное. Пенсионный возраст для женщин не должен повышаться больше, чем для мужчин. Поэтому считаю необходимым уменьшить предлагаемое законопроектом повышение пенсионного возраста для женщин с 8 до 5 лет.*

– *Второе. Пенсионный возраст предполагается повышать постепенно (в проекте Закона предполагалось сразу. – А.Ч.). Чтобы люди могли адаптироваться к новой жизненной ситуации, выстроить свои планы. В этой связи предлагаю для граждан, которым предстояло выходить на пенсию по старому законодательству в ближайшие два года, установить особую льготу – право оформить пенсию на шесть месяцев раньше нового пенсионного возраста.*

– *Третье. Что заботит людей предпенсионного возраста? Они опасаются столкнуться с риском потери работы. Поэтому на переходный период предлагаю считать предпенсионным возрастом пять лет до наступления срока выхода на пенсию. Считаю необходимым установить для работодателей административную и даже уголовную ответственность за увольнение работников предпенсионного возраста, а также за отказ в приёме на работу граждан по причине их возраста... А если человек предпенсионного возраста решил уволиться сам, добровольно и пока не нашёл новую работу... предлагается увеличить максимальный размер пособия по безработице для граждан предпенсионного возраста более чем в два раза.*

– *Четвёртое. Мы должны учесть особые условия жизни и труда людей (в проекте Закона предусматривалась ликвидация большинства льгот. – А.Ч.). Мы уже предусмотрели сохранение льгот для шахтёров, работников горячих цехов, химических производств, чернобыльцев, ряда других ка-*

тегорий. Считаю, что нужно сохранить действующие условия назначения пенсий и для коренных малочисленных народов Севера. Мы должны поддержать и жителей села... и др.

А дальше начала действовать теория «окон Овертона, когда *немыслимое и неприемлемое смягчается сначала до радикального, потом переходит в допустимое, разумное, становится популярным и наконец устанавливается как норма поведения.* В 2018-м и последующие годы Пенсионный фонд России (ПФР, теперь – Социальный фонд России) проводил информационную кампанию на основе именно такой диалектики. Так, на сайте ПФР появились разделы, содержащие исключительно рациональную и оптимистичную информацию о новых пенсионных условиях, соответствующих содержанию поручений президента: повышенная индексация пенсий, льготы и гарантии людям предпенсионного возраста, повышение пенсий сельских пенсионеров; назначение специальной пенсии врачам, учителям и артистам; новые основания для досрочного выхода на пенсию, выплата пенсионных накоплений.

В таком смысловом ключе работали и привлечённые к кампании коммуникационные каналы. Возьмём, например, популярную в народе «Комсомольскую правду». «КП» постоянно писала, что всё произойдёт плавно, пенсии вырастут ускоренными темпами, альтернативных вариантов пенсионной реформы нет, и вообще это общемировая тенденция. Вот как выглядел один из заголовков: «Стало известно, что изменится для нынешних пенсионеров. От новой реформы для них только плюсы – пенсия будет расти вдвое быстрее». Авторы публикации утверждали, что нынешние пенсионеры станут главными выгодоприобретателями от новой системы, потому что они уже на пенсии, которая к тому же вырастет.

В другой статье объяснялось, почему повышение пенсионного возраста неизбежно: «По некоторым расчётам, если ничего не менять, к 2035 году в России будет один работник на одного пенсионера. Ни одна экономика такого не выдержит. Чтобы сбалансировать систему, нужно либо повышать налоги, либо сокращать пенсии, либо увеличивать пенсионный возраст (первые два варианта точно неприемлемы, почти все страны мира идут по третьему пути)».

Ну, и чуть-чуть о кухне. Сообщалось, что тендер Пенсионного фонда на один из этапов кампании ПФР стоимостью около 250 млн рублей выиграло определённое коммуникационное агентство. Ему предстояло размещать аудио- и видеоролики, баннеры о пенсионной реформе на пяти федеральных телеканалах, в эфире радиостанций «Европа Плюс», «Ретро FM», «Дорожное радио»; в газетах «Коммерсантъ» и «Ведомости», на сайтах «Яндекса», Mail.Ru Group, РБК, ТАСС; в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники».

Анализируя кампанию по пенсионной реформе, многие эксперты признавали её неудачной или даже провальной. Однако подобные оценки я считаю чрезмерно эмоциональными. Странно было предполагать, что столь непопулярные меры по отношению к гражданам получают их одобрение. Народ не безмолвствовал. Выходил на пикеты, демонстрации и даже пытался инициировать референдум. Но беззаконие свелось к минимуму, а доверие к власти пошатнулось, но в целом сохранилось. Как это оценить? Как молчаливое согласие с неизбежностью реформы и демонстрацию эффективности работок современной конфликтологии.

И слава богу. Потому что по сравнению с событиями последующих лет это были «цветочки».

PR пермского периода

В истории человечества случались разные периоды. Например, античный и средневековый, дохристианский и христианский. В истории СССР – тоже: как шутили в советское время, исторические этапы подразделялись на допетровский, петровский и днепропетровский (в Днепропетровске начинал свою политическую карьеру Л. И. Брежнев). В России классификация исторических периодов тоже ассоциировалась с личностями: как минимум упоминались «времена Ельцина» и «эпоха Путина». Всплеск интереса к брендингу отечественных территорий вполне может быть обозначен историческим заголовком «PR пермского периода». Будучи экспериментом на уровне одного города и одной области, этот проект символизировал собой одновременно «блеск и нищету» гуманитарных технологий продвижения российских регионов. Вскользь я говорил о Перми в рассказе про Омск и «брендолапу», а теперь «копну поглубже».

Почему отношу этот рассказ к 2018 году, когда проект давно закончился? Потому что как раз тогда вышла отличная книга с этим самым названием – «PR пермского периода», подготовленная талантливыми преподавателями Пермского политехнического университета профессором Светланой Шляховой вместе с доцентами Юлией Лекторовой и Андреем Прудниковым. Я рецензировал книгу, писал к ней предисловие, а потом участвовал в большой конференции, где подробно разбирались опыт продвижения Перми, других территорий России и зарубежья. То есть подводились некоторые итоги. Они позволили понять, что Пермский брендинг получился самым продвинутым в отечественной практике и заслуживающим своего глубокого анализа. Остановлюсь на том, что есть в книжке, а также кое-что добавлю.

Проведённая кампания обобщённо называлась Пермской культурной революцией, закрепившейся в источниках как «Пермский культурный проект» (ПКП). Интересно, что такая революция случилась во второй раз. ПКП-1 совершался в 1920-е годы прошлого века в рамках Пролеткульта – массовой организации пролетарской самодеятельности при Наркомате просвещения. Пермская ветвь Пролеткульта базировалась на движении «Уновис» («Утвердители нового искусства»), созданного автором «Чёрного квадрата» Казимиром Малевичем. Художник-футурист и «уновист» Пётр Субботин-Пермяк появился в Перми с мандатом уполномоченного Наркомпроса и целью «кардинальной перестройки художественного образования на местах». Для культуртреггеров новой культуры П. Субботин придумал слова «инопутисты» (иной путь – для взрослых творцов) и «будхуды» (будущие художники – для детей). Визуальная часть пролеткультовских веяний отразилась в художественных полотнах, архитектуре и скульптуре, театральных декорациях, вывесках и даже в набивке тканей и посудной росписи; событийная – в многочисленных революционных праздниках, постановках, выставках «инопутистов» и «будхудов». В 1928 году в Пермь прибыл и добавил ПКП революционного жара Владимир Маяковский. Поэт читал здесь поэму «Хорошо», а вслед за этим создавались «литмонтажи» и театрализованные представления на его стихи. Однако Маяковский уехал, Субботин умер, а Пролеткульт в 1932-м ликвидировали. ПКП-1 завершилась.

Дело Петра Субботина, представленного на винтажном лубке в качестве «сына коми-народа, председателя земного шара и первого этно-футуриста», продолжил в XXI веке Марат Гельман. Должен сразу сказать, что в «лирическом отступлении» с описанием этого персонажа и его товарища – с ними меня неоднократно сталкивала жизнь – я не испытываю особых симпатий, однако значимость и продуктивность сыгранных этими личностями ролей отрицать не могу. Изначально «сами они были не местные» и не совсем «профильные». В советское время Гельман, уроженец Кишинёва и по первому образованию инженер-связист, интересовался искусством; а Глеб Павловский, выпускник истфака Одесского госуниверситета, изъявлял себя диссидентом. В августе 1991-го оба героя защищали «демократию» Б. Ельцина от «тирании коммунистов». В 1995-м, теперь уже философ-журналист Павловский и галерист Гальман, плотно освоили политтехнологии, создали Фонд эффективной политики и продолжили борьбу с коммунизмом вместе с «законно избранным» с их помощью Борисом Николаевичем, но теперь уже за немалые государственные деньги. В 2000-х посчитали, что коммунисты побеждены полностью и окончательно, и стали самоотверженно работать на президента Путина, превратившись в настоящих кремлёвских пропагандистов. Гельман занял пост заместителя гендиректора Первого канала, а Павловский – ведущего программы «Реальная политика» на НТВ. Однако карьера обоих криэйторов закончилась так себе: их отлучили от Кремля, после чего Павловский занялся издательской деятельностью и в 2023-м умер, а Гельман перебрался в зарубежье и открыл там арт-резиденцию. Что касается политических взглядов, то в третьем десятилетии XXI века друзья перешли к критике российского лидера, выступали «за мир» и против «вторжения на Украину». Гельман засветился с участниками предательского легиона бывших соотечественников «Свобода России», был признан иностранным агентом и объявлен в розыск.

Но вернёмся к теме Пермской культурной революции, теперь ПКП-2. Она началась в 2008 году с выставки современного искусства «Русское бедное» под кураторством Марата Гельмана. Предполагается, что как раз тогда галерист «подбил» губернатора края Олега Чиркунова к развёртыванию ПКП в гораздо более широком масштабе. В 2009-м выставка становится музеем современного искусства PERMM, а его директором назначается Гельман. В этом же году стартует фестиваль «Живая Пермь», где одновременно действует примерно 80 выставок и 30 театральных площадок; в 2011-м – фестиваль

«Белые ночи в Перми» с площадками уличных музыкантов, танцоров, авиационным шоу, книжной ярмаркой и международным симпозиумом «Пермский звериный стиль».

Бетонные заборы города расписываются художниками, что превращается в самостоятельный проект «Длинные истории Перми». Пермский центр развития дизайна устанавливает авангардные автобусные остановки. Создаются объекты стрит-арта, начиная от небольших «красных человечков» до множества разнокалиберных модификаций буквы «П», включая огромные бревенчатые «Пермские ворота». Разрабатывается даже собственный шрифт *Permian*.

Постепенно рождается амбициозный лозунг: «Пермь – культурная столица России». В 2009-м в журнале «Русский репортёр» появляется статья о десяти городах мира, знающих, как продавать культуру. В их числе признанные культурные центры: Вена, Берлин, Париж, Рим, Барселона, Стокгольм, Венеция, Бильбао. И два российских города – Санкт-Петербург и... Пермь. Отвечая на вопрос, что продают в Перми, автор статьи пишет: интригу. Пермь пытается доказать, что культурная жизнь может кипеть и в глубинке. «Несколько лет назад раскрученных культурных брендов у Перми было два-три: пермский балет, пермский звериный стиль, пермские боги. Теперь Пермь продают как self-made город-феномен – этакие Нью-В или Бильбао по-русски».

В 2010-м «Комсомольская правда» свидетельствует дальнейший рост региональных амбиций – Пермь обсуждает возможность стать к 2017 году европейской культурной столицей. Многим сочетание слов «Пермь» и «культурная столица Европы» кажется маловероятным. Но у губернатора Олега Чиркунова другое мнение: не надо воспринимать такое соседство буквально. «Культурная столица Европы» – это проект Евросоюза, направленный на развитие нестоличных городов и привлечение большого числа туристов. Ежегодно тот или иной город избирается центром культурной жизни Европы и автоматически становится местом, куда отправляются желающие расширить своё представление о мире.

В сентябре того же года на межрегиональной конференции партии «Единая Россия» в Нижнем Новгороде Чиркунов знакомит с проектом Путина (тогда премьер-министра). «Россия не входит в ЕЭС, а потому в проекте “Культурная столица Европы” не участвует, – рассказывал потом губернатор. – Нам надо, чтобы изменились правила ЕЭС по вхождению стран в проект. Об этом мы поговорили с премьером Владимиром Путиным. Он нашу идею приветствовал и прямым текстом сформулировал: “Считаю проект хорошим, надо переговорить с Дмитрием Анатольевичем Медведевым по вопросам дипломатической поддержки”. В ближайшее время будет заключаться новый договор России и Евросоюза. Очень хотелось бы, чтоб в этом договоре был пункт про участие России и Перми в проекте».

«Гладко было на бумаге», – гласит первая часть русской поговорки. Да, бумаги прописали качественные! Да и бюджеты для ПКП-2, как отмечала автор книги «PR пермского периода» Светлана Шляхова, «выделялись астрономические». Они позволяли развивать проект в течение целых пяти лет, причём не под «распил», а так, чтобы все люди могли видеть креативный результат хоть вооружённым, хоть простым глазом.

Вторая часть поговорки остужает: «да забыли про овраги». Видеть-то граждане видели, но воспринимали по-разному. Одни восхищались продвинутыми культурными инновациями, другие ворчали: «Лучше бы на эти деньги построили детские садики...»

Жёстким оппозиционером по отношению к ПКП и лично Чиркунову и Гельману выступил известный российский писатель Алексей Иванов, сам пермяк, уралец и претендент на роль главного имиджмейкера края. «Надо игнорировать их “культурную” деятельность, ни в коем случае не участвовать в их мероприятиях, не пытаться с ними договариваться», – заявил автор романа «Сердце Пармы» и многих других произведений по региональным сюжетам.

Получалась вечная смесь кислого с пресным. Но это бы ладно – редкий подобный проект получит всеобщее одобрение народа, а тем более творческой элиты. Да и кто интересовался этим одобрением, когда в 2012 году тогдашний президент России Дмитрий Медведев освободил Олега Чиркунова от должности «по собственному желанию». Тот уехал во Францию, а Марат Гельман – в Черногорию. Последующие руководители края от «творческого наследия Чиркунова-Гельмана» стали решительно избавляться. К 2018 году, когда мы итожили обе Пермские культурные революции, ряды букв «П» и «красных человечков» на улицах города существенно поредели. Что касается перспективных отношений с Европой и вхождения в число её культурных столиц, то тут, думаю, и объяснять ничего не надо.

Революция закончилась. Но хочется сказать как в финале фильма «Особенности национальной охоты»: «А хорошая была охота. Нормальная».

2019. Тамбовский волк нам товарищ, или Предпоследний «Патриот России»

Как я уже писал в этой книге, с 2005 года Международный пресс-клуб вёл Всероссийский конкурс СМИ «Патриот России», последовательно превращая его в самое массовое и популярное журналистское событие государственного уровня. Участвовали все регионы страны и практически все медиа всех видов из «высшего эшелона», то есть федерального и областного (республиканского, краевого) значения. Тысячи поступивших материалов и сотни победителей ежегодно. «Патриот России» входил во все государственные программы патриотического воспитания населения.

В начале 2019-го заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (Роспечати) и постоянный куратор «Патриота» Владимир Козлов сообщил мне три новости-2020 – про себя, про Агентство и про конкурс; не очень хорошие, не очень плохие, а, скорее, проблемные: «Первая новость: в следующем году я уйду на пенсию. Вторая: Роспечать прекратит своё самостоятельное существование и вольётся в Минцифры. Третья: “Патриот России” не войдёт в очередную госпрограмму и будет проведён в последний, 19-й раз».

Так и случилось. Важно пояснить, что финал конкурса мы организовывали каждый раз в новом городе – столице одного из субъектов РФ, в основном поздней осенью. Причём город этот спускался не «сверху», а скорее «свыше», то есть возникал как-то сам собой, путём стечения творческих мыслей и жизненных обстоятельств.

От такой информации я не столько погрузился в грусть, сколько начал думать о том, где и когда провести... последние «Патриоты». Или слово «последние» у нас произносить не принято? Лучше «крайние», да? Но всё-таки они были последними. Завершал конкурсный марафон в 2020 году Архангельск. С печальными нотками, да ещё в условиях ограничений, связанных с пандемией коронавируса. Посему расскажу о предпоследнем «Патриоте» – летнем, красивом, ярком и душевном.

Началась его история так. Среди участников конкурса прошлых лет были литературно-исторический журнал «Александръ» (в честь А. С. Пушкина) и его главный редактор Анатолий Труба, впоследствии один из секретарей Союза писателей России. Он-то и обратился с предложением провести «Патриот-2019» «у нас». Где же находится это «у нас»? Оказалось, что в Мичуринске. Честно скажу: об этом городе я знал тогда только то, что здесь жил великий садовод Иван Мичурин. Ходила шутка о выращенной им клубнике такого размера, что сам автор эксперимента упал с неё и разбился. И конечно, знал, что Мичуринск – точно не столица субъекта Федерации. То есть я усомнился в готовности Роспечати принять наше предложение о Мичуринске как столице «Патриота-2019».

Но Анатолий Сергеевич не отставал:

- Главный город субъекта рядом. Это Тамбов. Съездим и туда. А потом в Мичуринск.
- Принято, – сказали в Федеральном агентстве.

В конце июля журналисты съезжались в Мичуринск. Что ж, давайте поближе познакомим читателей с этим чудесным местом.

До Мичуринска Тамбовской области с числом жителей около 100 тысяч человек можно комфортно доехать всего за четыре часа на аэроэкспрессе «Москва – Воронеж». Основан населённый пункт в 1635 году под именем Козлов. Почему так? Думается, из-за обилия коз, коих и сейчас в достатке. В 1932-м переименовался в Мичуринск. Разумеется, в честь реального И. В. Мичурина. Его называют «учёным», но мне кажется, что лучше будет так: «селекционер-самоучка», талантливый «кулибин» от садоводства, хотя и со званиями доктора биологии и почётного члена Академии наук СССР.

Дом-музей И. В. Мичурина, построенный по его собственному проекту, – одна из главных достопримечательностей города, где сохранились костюм и знаменитая шляпа Ивана Владимировича, его рабочее место, рукописи и технические изобретения. В 1922 году дом и сад посетил председатель Центрального исполнительного комитета РСФСР Михаил Иванович Калинин.

В 1931 году по инициативе И. В. Мичурина в городе организован институт селекции плодовых культур. Сегодня это Мичуринский государственный аграрный университет (ГАУ), один из крупнейших вузов аграрной специализации в России. В 1934-м в Мичуринске создаётся Централь-

ная генетическая лаборатория, в настоящее время она стала Федеральным научным центром имени И. В. Мичурина, где работает более 500 учёных.

Интенсивное развитие Мичуринска как бренда новой России относится к нашему веку. В 2003-м город получил статус наукограда, при этом Мичуринск – единственный в стране наукоград аграрного направления. Его экономической начинкой является разработка и реализация огромного количества проектов по выращиванию и производству сельскохозяйственной продукции с применением новейших технологий. Для знакомства с опытом, приобретения семян и саженцев сюда едут специалисты из регионов России и других стран мира.

Ведущим и признанным символом города стала не гигантская клубника из анекдота, а яблоко, выросшее до уровня ежегодной Всероссийской выставки «День садовода» и Фестиваля Мичуринского Яблока с участием десятков тысяч человек. Жители Мичуринска и других городов России участвуют в конкурсах на лучшую яблочную арт-зону, создание декоративной яблочной фигуры; яблочном фотоконкурсе.

На площади Мичуринск-Уральского вокзала установлены арт-композиции: пятитонное яблоко из гранита и памятник сидящему на скамейке садоводу. В качестве носителей «яблочной» социальной рекламы используются различные объекты городской инфраструктуры: ступеньки, тротуары, клумбы, мусорные корзины, стены жилых домов, ограждения.

Менее известное, но совершенно замечательное место в Мичуринске – мемориальный Музей-усадьба уроженца города народного художника СССР Александра Герасимова, первого президента советской Академии художеств. В музее представлена самая большая коллекция оригинальных работ А. М. Герасимова: знаменитые картины «Тройка», «Март», «Баня»; портреты В. И. Ленина и И. В. Сталина. Художник проектировал Мичуринский драматический театр – ныне действующий памятник истории и архитектуры, один из старейших театров России.

Здесь-то и проходил финал конкурса «Патриот России». В театре собрались и получили награды около 100 лучших журналистов из 40 субъектов Российской Федерации.

На этом, пожалуй, закончу с «официальной частью» и перейду к «душевному». Действие развивалось как на свадьбе – в два дня. С утра дня первого мы, небольшими группами, сходили на местный рынок и попробовали. Настоящего. Натурального. Домашнего. Козьего молока. В память о старинном городе Козлове.

Потом поехали в официально утверждённую столицу области и на всём 70-километровом пути познакомились с... тамбовским волком. Он что, до сих пор бегаёт? А то! Мем «Тамбовский волк тебе товарищ!» родился из ситуации конца XIX века. Тамбовский край был сельскохозяйственным, после завершения сезонных работ мужики уезжали в другие районы за приработком, по дешёвке брались за любое дело, чем составляли конкуренцию местным кадрам. Те недовольно ворчали: «Опять тамбовские волки по дворам рыщут, цену сбивают».

Постепенно «тамбовский волк» превратился в хорошо известное словосочетание, вызывающее у людей определённые эмоции. Пик использования фразы в устной речи наблюдался после советского фильма 1955 года «Дело Румянцева». Шофёр грузовика с «подброшенным» краденым грузом пытается убедить милиционера в своей невинности: «Товарищ милиционер, товарищ милиционер, я же не знал...» А тот отвечает: «Тамбовский волк тебе товарищ!» Так волк стал «плохим товарищем». Однако на протяжении веков и даже тысячелетий в мировой мифологии формировался другой образ волка – как сильного, умного, благородного животного. Волк считается родоначальником домашней собаки. Он замечательный семьянин, моногамен по природе, живёт одной устойчивой парой и помогает воспитывать потомство. Наконец, образ волка лишён «гладкости», сопряжён с понятиями скорости, риска, азарта, что, несомненно, привлекает многих людей. Всё сказанное и мотивировало предпринимателей Тамбовской области на возвращение волку «доброе имени».

Теперь он исключительно хороший. На кружках-магнитах-пакетах-амулетах-памятниках с волком ныне располагаются совсем другие слова: «Тамбовский волк – наш (нам) товарищ!», «Тамбовский волк – надёжный товарищ!», «Когда ты людям радость даришь – тамбовский волк тебе товарищ!» Под торговой маркой «Тамбовский волк» выпускаются шоколадные конфеты, пиво, сигареты, водка в бутылке в виде литой фигуры волка, шампунь и мыло.

А в центральной части Тамбова стоит памятник тому самому мужику-конкуренту, сбивающему цену на рынке. А недалеко... бронзовая фигура пышнотелой дамы с бюстом десятого номера. Кто это? Я провёл мини-исследование среди проходящих мимо тамбовцев. Все 100 процентов уверенно ответили: «Там-

бовская казначейша». На следующий вопрос, откуда она взялась, менее половины назвали одноимённую поэму Михаила Юрьевича Лермонтова. На вопрос заключительный, приходилось ли гражданам читать эту поэму, большинство сказали «нет», а меньшинство «да, но содержание не помню». Ну тогда вот, прямо из поэмы, написанной в момент, когда поэт проезжал через Тамбов в своё родовое имение Тарханы:

... И впрямь Авдотья Николавна
 Была прелакомый кусок.
 Идёт, бывало, гордо, плавно –
 Чуть тронет землю башмачок;
 В Тамбове не запомнят люди
 Такой высокой, полной груди:
 Бела как сахар, так нежна,
 Что жилка каждая видна.
 Казалось, для нежной страсти
 Она родилась. А глаза...

Состоялось и ещё одно очень познавательное историческое знакомство с персоной, о которой и сам я до сей поры не слышал. После приёма журналистов в губернаторской резиденции и «круглого стола» с подведением итогов конкурса, начальник департамента информационной политики областного правительства Татьяна Самотойлова подарила мне статуэтку бородатого человека с умным и строгим ликом, книгой и надписью: «Св. архиепископ Лука. Выдающийся хирург В. Ф. Войно-Ясенецкий». Архиепископ и хирург? Как это сочетается?

В 1944–1946 годах Лука служил на Тамбовской кафедре Русской православной церкви. И параллельно проводил операции в военном эвакогоспитале. Не буду пересказывать непростой жизненный путь Войно-Ясенецкого и скажу лишь о том, что меня сильно зацепило. Смотрите, какой противоречивый набор: три ареста, одиннадцать лет ссылки за антисоветскую деятельность в сталинский период и... Сталинская же премия I степени за выдающиеся достижения в хирургии. Впечатлила и запись допроса Луки известным чекистом Яковом Петерсом.

Я. Петерс: – Скажите, поп и профессор Ясенецкий-Войно, как это вы ночью молитесь, а днём людей режете?

Отец Валентин: – Я режу людей для их спасения, а во имя чего режете людей вы, гражданин обвинитель?

Я. Петерс: – Как это вы верите в Бога? Разве вы его видели, своего Бога?

Отец Валентин: – Бога я действительно не видел, гражданин обвинитель. Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил...

К вечеру мы вернулись в Мичуринск и поплавали в тихой речке с романтическим названием Лесной Воронеж. А на следующий день состоялась церемония награждения победителей «Патриота». Действо в театре прошло, как это принято говорить с советских времён, на высоком идейно-политическом уровне. Призы вручали члены жюри конкурса – мои друзья, коллеги и партнёры. Во многом разные, но в одном – сходные. Они были журналистами исключительно в высоком значении этого слова. Не потому, что могли сочинить красивый текст. Или снять / озвучить интригующий сюжет. Или найти во все времена желанный эксклюзив. Хотя, несомненно, могли и это. А потому, что хорошо понимали, *зачем* нужно первое, второе и третье. И в своих выступлениях перед почтенной пресс-публикой говорили как раз об этом.

Егор Серов. Сначала победитель в радишной номинации «Патриота», а потом и член жюри. Если формально, то он – журналист, писатель, теле- и радиоведущий, актёр озвучения. А если шире, то «золотой голос России», прочитавший в эфире сотни книг. Продюсер, автор концепций, ведущий таких известных радиостанций, как «Культура», «Спорт FM» и «Сити FM», «Детское радио» и «Звезда», руководитель и голос проекта «Рассказы о России» и, наконец, главный редактор радио «Книга». Конкурсная «служба» с Егором переросла в жизненную дружбу. Мы вместе парились в бане, собирали груши в его саду и варили из них варенье. Егор выступал перед моими студентами, журналистами и пиарщиками. О работе на радио. О правилах устной речи. О русском языке. Вручая награды на сцене, он выразил очень близкую мне мысль о патриотизме: «Патриотизм не исчерпывается любовью к действующей власти. Власть любить необязательно. Нужно любить Родину».

Нашим товарищем на многих финалах был Владимир Кикнадзе, капитан первого ранга, доктор исторических наук, основатель и главный редактор сайта и электронного журнала «Наука. Общество. Оборона». Он боролся, я не подберу иного слова, за историческую правду и против её конъюнктурных фальсификаций. Разумеется, в интересах своего Отечества, а не «этой» страны. Диапазон борьбы обозначен в названиях книг Владимира: от «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Историческая правда о ключевых событиях и явлениях в вопросах и ответах» до «Спецоперация. Украинский фронт войны против России». В связи с написанной уже в 2022 году книгой В. Кикнадзе «Сила V правде. Защита исторической памяти как стратегический национальный приоритет» уместно вспомнить следующего, по меньшей мере уникального персонажа – Александра Малькевича.

Журналист, политтехнолог, депутат, председатель медийного комитета Общественной палаты России – таких характеристик будет мало. Представьте себе: главный редактор популярного питерского телеканала «ВОТ» («Ваше общественное телевидение») перемещается на ту же должность в «Новгородском областном телевидении». Затем едет в Карачаево-Черкессию, чтобы сделать там стартап круглосуточного спутникового телевидения «Архыз-24». Решив эту задачу, летит в Сибирь на должность генерального директора ГТРК «Омск». И возвращается в родной город главным редактором ГТРК «Санкт-Петербург». Круг, казалось бы, замкнулся. Но до этого, как видно, далеко: в последние годы – за пределами повествования-2019 – А. Малькевич работает над созданием телеканалов новых российских территорий: запорожского «За! ТВ», мариупольского «Мариуполь-24» и херсонского «Таврия». Он берёт на себя и заведование кафедрой журналистики и медиакоммуникаций Херсонского государственного университета. О степени остроты и опасности современной деятельности говорит награждение Александра орденом Мужества. Не фунт изюма!

И вот почему я «привязал» А. Малькевича к труду В. Кикнадзе «Сила V правде». На презентации этой пронзительной книги в Москве присутствовал помощник президента РФ Владимир Мединский, доктор исторических наук, профессор и вообще ответственный за историческую политику страны. Малькевич выступал на презентации дистанционно и выходил на связь прямо из прифронтовой зоны. Половину своей речи он «взывал» к властям: какую же ошибку вы сделали, что исключили «Патриот России» из государственной программы – это нужно исправить...

Когда все они произнесли со сцены Мичуринского драматического театра положенное, а также неофициальное и сокровенное; когда журналисты поблагодарили жюри за награды и поделились наболевшим, осталось только поднять бокалы. Их и подняли в двух специально оборудованных в театре местах: массовом журналистском в фойе и отдельном «генеральском» в гостевой комнате. Среди достойных людей Мичуринска оказался очень серьёзный военный – целый генерал армии, в прошлом главнокомандующий Внутренними войсками России и заместитель министра МВД, а затем постпред президента РФ в Сибирском федеральном округе Николай Рогожкин. Генерал родился в Мичуринске, объехал по службе полстраны и побывал в зарубежье, а выйдя в отставку, прибыл на жительство в родные места.

Звание генерал-лейтенанта имел и заместитель руководителя Роспечати Владимир Козлов. На генеральской должности начальника управления государственно-патриотического воспитания Министерства обороны РФ служил ранее и давний партнёр конкурса полковник Николай Акбердин. Обязательно назову и нашего, журналистского полковника (капитана первого ранга) и начальника отдела военных СМИ Минобороны Василия Фатигарова.

Генерал Рогожкин солировал. Чеканя фразы, перелистывал истории военно-боевого пути. Вспомнив о чеченской кампании, предложил выпить за «вот таких пацанов» (указывая при этом на присутствующих полковников), которые, не щадя своих жизней, сражались за Родину. Генерал Козлов, сам участник боевых действий в Чечне, тоже решил пространно поделиться фронтовыми историями. Но «старший начальник» вскоре прервал его: «Слишком длинно говоришь, генерал, помолчи». Что до «пацанов-полковников», то они благодарно внимали армейскому небожителю. Мне же, старшему лейтенанту запаса, постоянно хотелось встать по стойке «смирно» и доложить о выполнении всех поставленных Родиной задач. Подготовленные в «комнате президиума» стулья не понадобились. Генерал армии стоял – и все стояли. Генерал армии присел – другие военные... остались в прежних позициях. Прочие гражданские, как и было завещано императором Петром I, старались иметь вид «бравый и придурковатый». Такая она, генеральская магия.

Если кто-то из героев или читателей считает, что изображено всё как-то не так, не обижайтесь, пожалуйста! Я по-доброму.

Арагат. Армянский дневник

В начала лета 2019-го позвонил Евгений Гусев – с ним мы в начале 2000-х ходили на Эльбрус, Монблан и в базовый лагерь Эвереста.

– Слушай, – говорит, – а как тебе тема Арарата? Пятитысячник как-никак.

– В принципе, нормально, – отвечаю. – Один нюанс: тяжёлый рюкзак на подходах до штурмового лагеря мне тащить уже неохота. Есть ли возможность нанять носильщиков?

Изучили проблему и выяснили, что такой вариант существует: армянское трэвел-агентство «ГУР-АМ», с которым мы завязались, обещало и мулов для груза, и погонщиков с функциями походных поваров. Подписали в команду Анатолия Рябова, моего товарища по восхождениям на протяжении тридцати с лишним лет, оформили бумаги и 18 августа вылетели из Москвы.

Как вообще называется жанр, где люди рассказывают о своих путешествиях? Правильно, путевой дневник. С появлением и развитием Интернета и соцсетей он в большинстве случаев преобразовался в формат трэвел-блога. Вёл такую штуку во время поездки и я, а теперь, следуя тренду, воспроизведу посты-записи здесь.

18 августа. Прилетели в Ереван, поселились в приличном и недорогом, по сравнению с Москвой, отеле «Силлачи». Прошлись по улицам города туда-сюда. Красиво, вечером на площади Республики пели фонтаны и прогуливались весёлые люди. Больше посмотреть ничего не успели, поскольку прямо ночью планировался выезд.

19 августа. Группой в 16 человек выехали на микроавтобусе к армяно-грузинской границе. Несмотря на то что расстояние по прямой от Еревана до подножья горы Арагат составляет около 40 километров и саму гору в ясную погоду хорошо видно из города, наш пятитысячник и символ Армении давно находится не в этой стране, а в Турции. Между Арменией и Турцией, разумеется, установлена граница, однако автомобильных погранпереходов нет. Так что единственно возможный вариант – транзит через Грузию. Всего же нам предстояло проделать натуральный квест и преодолеть аж около 700 километров.

О таком длинном пути мы узнали, только когда сели в автобус, и поначалу скривили недовольные рожи. Но скоро, быстро преодолев довольно неинтересную часть Грузии, оказались в *другой* Турции. Что значит «в другой»? Объясню. Если вы спросите любого россиянина, практикующего отдых за рубежом, бывал ли он в Турции, то наверняка получите положительный ответ: да-да, в Анталье, Аланье, Бодруме, Кемере... А в Западной Армении? Тут, скорее всего, последует иная реакция: а где это? Почему так? Потому, что там нет моря. Но есть интереснейшая и огромная, превосходящая собственно Армению, территория древнего армянского государства, волей исторических судеб ставшая Турцией. В августе, конечно, в «сухой» части этой страны стоит невероятная жара, и окунуться в водную стихию было бы неплохо, но это можно пережить, чередуя осмотр достопримечательностей с пробегами в авто с кондиционером и прохладительными напитками.

По дороге к Арарату мы остановились в Ани, городе 1001 церкви и столице Армянского царства Багратидов в X–XI веках. Потом Ани многократно переходил в разные «руки», разграблялся, разрушался и к XVIII веку опустел. Однако части древних построек сохранились, имеются планы по их консервации и восстановлению. И турки и армяне сегодня почитают этот город, а последние даже выпускают коньяк «Ани» – среди знатоков он считается женским.

Вечером прибываем в город Догубаязит. Гостиница скромненькая, и вообще мы не успеваем разобратся, что это за место, поскольку пора спать.

20 августа. Есть такая песня: «А в чистом поле системы “Град”. За нами Путин и Сталинград». Мы её переиначиваем. Роль «Градов» играют военные базы НАТО, расположенные рядом с нашей горой. Вместо «Сталинграда» вставляем «Арагат», вместо «Путина» – «курды» и поём:

В турецком поле системы «Град»,
За нами курды и Арагат!

Почему курды? Потому что именно они живут в турецком Догубаязите, откуда мы будем заходить на вершину. Курды не признают турок как правителей своего государства, а турки не признают права курдов на его наличие. Отсюда вопрос об отношении одних к другим лучше не задавать: услышите, как в фильме «Бриллиантовая рука», «непереводимую игру слов».

Курды у нас в проводниках, а дело русских – сторона; делить с турками и курдами нечего, поэтому наши отношения складываются вполне по-дружески. Рядом и гиды, друзья-армяне, само собой.

До начала маршрута 25 километров, нас сюда подвозят, это на высоте 2200 метров. Загружаем на мулов тяжёлую поклажу, а сами пешком, с телескопическими палками и лёгкими рюкзаками, набираем километр высоты и разбиваем первый палаточный лагерь. Хотите услышать о трудностях восхождения? Так нет никаких трудностей: для обычного, физически здорового человека пятичасовой переход до 3200 метров с привалами – это так, размяться и пропотеть.

21 августа. Чудесный завтрак с кофе, чаем, кашами, йогуртами, фруктами и овощами. А что – мулы несут! И ещё один переход с набором высоты в тысячу метров, до 4200. Здесь уже есть о чём поговорить. В группе присутствуют новички, для которых такая высота – первый опыт. Они, конечно, начинают ощущать высотность на подъёме. Разбиваем второй лагерь в камнях, обедаем-ужинаем и залезаем в палатки. Ветер, лёгкая, но всё же нехватка кислорода, и практически всем спится плохо. Хотя какой особенно сон? В час ночи подъём, перекус – и вперёд!

22 августа. Вот ту-то и начались проблемы и даже риски. Чтобы было понятно. Восхождение сразу планировалось как стрёмное. Потому что без акклиматизации. С трехкилометровым набором высоты за двое суток. С ночным выходом. Теперь уже высотность давала себя знать, да и путь был не совсем простым. Сначала длинный и крутой серпантинный подъём по тропе и без таковой. Каждый час смотрели на высотомер и пессимистично фиксировали, что деления на приборе меняются как-то слишком медленно. Однако мы пытались улыбаться и, подбадривая друг друга, кричали: «Херня осталась!»

Потом вышли на снег и фирновый (очень плотный снег, почти лёд) купол. На одних палках идти страшновато – пришлось надевать «кошки». Фирн скрипит, холод пробирает, сердце бьётся учащённо, дыхалка подводит. Подъём тянется уже не 4–5, как на подходах, а 8–9 часов. И вот пяти-тысячная вершина. Ясное утро. Солнце, великолепные виды. Но... то, что происходило на пике Арарата (5165 метров), можно назвать ветровым шоком. Ветер дул такой силы, что мог снести самих восходителей, не говоря уже о предметах снаряжения. Мы стали фоткаться, но съёмка носила лихорадочный, даже панический характер: нажал кое-как на кнопку гаджета – и бегом вниз по снегу и льду. Да-да, бегом, на «кошках» или без них – кто смелый.

Пару слов о группе. Большая часть участников – мужики в возрасте 30 и более лет. Половину из них составляли армяне, причём ни одного из Армении! Ребята из разных уголков России просто хотели взойти на эту очень значимую для них вершину. Бизнесмен Мгер и авиадиспетчер Тигран из Москвы, оба явно с лишним собственным весом, шли с трудом. Плюс вес дополнительный: они загрузились коньяком, намереваясь распить его на вершине, да не вдвоём, а чтобы на всех хватило. Ребята стали реально погибаться, и я думал, что повернут назад. Но они не сдались. Зашли на вершину двумя часами позже остальных, но коньяк достали и, несмотря на ветер, выпили. Суровые армянские парни!

Трое из группы вообще не пошли – остались в базовом лагере.

Потом был экстремальный спуск к исходным рубежам, так как сбросить за один день три километра высоты – много по любым альпинистским меркам. Кровь приливает к большим пальцам ног, ногти чернеют, а потом слезают... Закончили спуск в темноте.

23 августа. Человек так устроен: вчера помирал от ветра, льда и усталости, а потом перекусил, поспал – и опять как огурец, готов к новым подвигам. А также к восприятию не относящейся к восхождению информации. И мы, наконец, разобрались, что такое Догубаязит, где и провели свои пред- и постараратские ночи. Он оказался тем самым Баязетом, о котором многие знают из одноимённого романа Валентина Пикуля, а затем и телесериала.

В реальности дело было так. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов наши войска перешли границу и предприняли наступление на крепость, возведённую в XIV веке султаном Баязитом. Русские ставили перед собой цель перекрыть путь турецким войскам на территорию России.

Турки покинули цитадель, и её занял батальон Ставропольского полка с командой казаков из нескольких сот человек.

Но позже турки вернулись, окружили крепость, закрыли доступ к воде и продовольствию. Началась очень драматичная 23-дневная оборона. В какой-то момент часть осаждённых не выдержала и вывесила белый флаг. Однако он был немедленно сорван более стойкими товарищами. Более того: отряд из 128 «охотников» сделал вылазку за пределы крепости. В схватке полегла треть храбрецов, но туркам дали понять: сдачи не будет. Закончилось всё тем, что на помощь казакам пришло подкрепление, и турки были разбиты. Смысл и итог «Баязетского сидения» заключался в том, что маленький гарнизон отвлек крупные силы турок, предотвратил нападение на Эриванскую губернию России и Северный Кавказ в целом.

Крепость работала как музей, содержалась в хорошем состоянии, и мы с удовольствием делали снимки возле неё.

В этот день мы снова возвращались в Ереван длинным путём и сумели посмотреть много чего любопытного. Напоминаю, что это формально Турция, а по сути и впечатлениям – до сих пор Западная Армения.

Древний город Ван был в X веке столицей другого армянского царства, Васпураканского. В большом и красивом озере Ван водится чудная рыбка тарех. Откушав её, плывём на остров Ахтамар. По легенде, он называется так потому, что один юноша тут утонул. Уходя на дно, произнёс имя своей возлюбленной: «Ах, Тамара!»

Церковь Святого Креста на острове Ахтамар в течение семи столетий являлась резиденцией армянского православного патриарха. В XXI веке храм восстановлен и включён в список объектов культурного наследия ЮНЕСКО. На фасаде храма расположены барельефы с библейскими сюжетами: историями Адама и Евы, Давида и Голиафа, Авраама и Исаака; святого Георгия, убивающего дракона; Мадонны с Младенцем.

Ещё не забыли про женский коньяк «Ани»? Но в Армении делают и коньяк «Ахтамар» – он мужской.

Однако больше всего запомнились ванские кошки! Пара слов об их истории. Дьявол решил испортить плавание Ноева ковчега и отправил туда мышь, чтобы она прогрызла дырку в Ковчеге и утопила его. Но на корабле жила белая кошка, и ей Бог велел изловить вредителя. Кошка справилась с заданием, и будущее человечества было спасено! Бог, в качестве благодарности, коснулся кошки рукой. Так появилась особая порода ванских кошек, которых сегодня разводят в прибрежном турецком Ване.

Эти кошки нежны и дружелюбны. Они любят плескаться в воде и умеют плавать! Обожают, когда их носят на плечах. Расцветка у ванских кошек белая, с голубым, янтарным, медным оттенками. Нередко встречаются особи с разным цветом глаз: чаще всего один глаз голубой, а второй – светло-зелёный...

Хотелось привезти ванскую кошку домой, но это влекло за собой разные таможенные проблемы. Живых кошек покормили, а домой взяли их фарфоровые фигурки.

24–25 августа. Возвращение в Ереван, поездка на озеро Севан. Ну, о них вы можете и без меня прочитать.

Окончание следует.

Проза

Юлия Ростовцева

Юлия Ростовцева – кандидат филологических наук, автор двух поэтических книг, одной книги художественных рассказов, лауреат Международного конкурса современной духовной художественной литературы «Молитва» в номинации «Проза» (2022), номинант поэтической Премии им. Сергея Есенина (2021), редактор православного библейского портала ekzeget.ru.

ПРОПОВЕДЬ

Рассказ

Стоял декабрьский вечер, метель металась в городе как заблудившаяся. А в это время в небольшой комнате, слабо залитой электрическим светом, среди божественных книг и икон в позе чахнувшего над своим златом скупого рыцаря сидел и что-то старательно писал угловатый молодой человек в подрыснике. Комната принадлежала приходскому домику Храма Нерукотворного Спаса при городской семинарии, а молодой человек был учащимся этой семинарии. Звали молодого человека Кирилл Моземчук. Моземчук был из во всем правильных и вообще, как говорил ректор, подающих большие и светлые надежды умов. Он много и охотно подвизался на разных послушаниях: от пения на клиросе до чистки семинаристского коровника, обладал добрым нравом и примерным прилежанием, и не было ничего удивительного, что наступил тот день, когда ему поручили прочитать воскресную проповедь. Надо сказать, что отношение к проповеди у Моземчука было особое. Он свято верил, что каждый священник призван своим словом, как мечом обоюдоострым, отделять дух от души в своих прихожанах, сотворяя из них в одночасье новых людей. Ревнителю, которые умели жечь оледенелые сердца людей своим глаголом, получали в мыслях семинариста самые лестные эпитеты, в то время как «леностные глашатаи Истины» уподоблялись едва ли не бесплодной смоковнице. Именно поэтому к делу написания проповеди Моземчук приступил со всем присущим его летам и пылу энтузиазмом, благо и повод был отнюдь не пустяшный. На завтра выпадала память праведного Филарета Милостивого – святого, который не пожалел для ближнего последней меры пшеницы и потом так чудесно был вознагражден за своё милосердие. «Здесь уж надо не прогадать, вложить в свои слова всю мощь и силу святости», – думал Моземчук, и на щеках его играл лихорадочный румянец. Одно смущало будущего пастыря: от природы он был немного картавый, а это сильно могло помешать благотворному эффекту проповеди. Не зная, что лучше придумать, проповедник стал репетировать, проговаривая слова, которые вот-вот должны были сорваться с его карандаша на бумагу.

– Что такое милосе-г-дие, вдумайтесь, б-г-атья и сест-г-ы! – выдал он с чувством и инстинктивно посмотрел на своё отражение в дверце лакированного шкафа. – Это то, что отличает нас от хищничества животных и бездушия полевой т-г-авы. Полевой т-г-авы... Хм... Так-так. Хо-г-ошо. Если же наше се-г-дце жестоко и ст-г-опотно, будем делать дела любви хотя бы и без любви. Какие же это дела, до-г-огие б-г-атья и сест-г-ы? – Задавая пустоте комнаты этот риторический вопрос, Моземчук тут же пометил в своём листке: «оглядеть взором всех присутствующих». Потом подумал и надписал сверху: «Пристальным». – Одним из таких дел является величайшее дело милостины. Многие, быть может, из вас слышали о таком святом – п-г-аведном Фила-г-ете Милостивом. Так вот, он был такой же человек, как и мы...

Далее находчивый семинарист красноречиво распространялся на тему того, как много общего было между его русскими современниками и святым, жившим в VIII веке в Малой Азии, и наконец перешёл к тому самому глаголу, которым должен был прожечь людские сердца.

– Не зак-г-ывай две-г-и милосе-г-дия, – проговорил, закусив жидкий ус, Моземчук, его рука с карандашом величественно повисла в воздухе над квадратом исписанной бумаги. В этот момент

настойчиво постучали в дверь. Каждый день, около восьми, заступал на вечернюю смену сторож «Осипович», который был большой охотник до разговоров. Но можно ли было переключаться на пустые речи, когда на кону было спасение многих людей? Моземчук счёл вражьем искушением обращать внимание «на сторожей» и с упоением продолжал:

– Не зак-г-ывай две-г-и милосе-г-дия твоего, когда в них стучится убогий, п-г-ося о помощи... ибо так об-г-етёшь сок-г-овище там, где некогда была одна г-уда – на глубине души твоей. И это сок-г-овище будет ходатайствовать за тебя пе-г-ед Ца-г-ём Славы, помогая откупиться от вечной гибели и наследовать часть со святыми в г-аю.

Не зак-г-ывай две-г-и милосе-г-дия даже тогда... Да что же это такое? – в нетерпении воскликнул Моземчук: в дверь опять настойчиво постучали. Что-то дерзкое, входящее в разрез со всем его возвышенным устроением показалось семинаристу в этом стуке. Он подошёл к дверному проёму, волевым движением закрыл вторую дверь наглухо, ухмыльнулся мысли: «Теперь стучи не стучи – слышно не будет», и самозабвенно вернулся к письменному столу.

– Даже тогда, когда ты занят, по-видимому, благочестивыми делами, не затво-г-яй две-г-и милосе-г-дия и удели нищему хотя бы пятак. Если нет пятака – г-аздели с ним ужин, если нечем отужинать, отдай половину платья. Ибо и он, сей нищий, – есть об-г-аз Х-г-иста, голодного, холодного и всеми отве-г-женного. Так поспеши же упокоить Спасителя твоего хотя бы в малом. Ибо сказано: «Понеже сотво-г-исте единому сих б-г-атий Моих меньших, Мне сотво-г-исте».

Проговорив это, Моземчук в упоении смолк. Его собственные слова показались ему такой сермяжной правдой, что он чуть не заплакал. Всё естество его тотчас потребовало людей, общества, быстрым движением он распахнул двери на улицу и только сейчас вспомнил, что да... ведь не так давно кто-то стучал. «Кто это был? Сторож? Свечница? Вот бы хотя бы отчасти передать им смысл завтрашней проповеди! Ведь каких истин сподобил Господь!» Голову кружило от предвкушения.

Через минуту улыбающийся Осипович, зябко кутаясь от хлёткого, игольчатого ветра в тёплый полушубок, рассказывал в красках:

– Да бож какой-то приходил. Я ему говорю: здесь семинария, а не богадельня. А от своё: «Здесь люди милостивые, здесь люди милостивые». Поест просит, но я как его лицо красное увидел – понял сразу: на грех просит. И как правильно, Кирилл, что ты... А чего ты ему не открыл-то? – Осипович устремил на юношу простецкий взгляд из-под обледенелых бровей. – В окно, что ли, увидел, кто есть кто?

– Я п-г-оповедь писал, завт-г-а память святого Фила-г-ета Милостивого, – потупив глаза, безжизненно проговорил Моземчук. Никогда ещё он не казался самому себе таким лживым и жалким одновременно. Казалось, с души слетел весь напускной блеск, вся мишура, и праздник жизни предстал теперь таким несвоевременным и незаслуженным. Сквозь пелену печальных мыслей слышалось, как Осипович одобряюще приговаривал:

– А, ну это дело святое, это дело святое... И только ветер вздымал вверх серые тучи вертящихся снежинок и уносил неизвестно куда.

СИЛА ЛЮБВИ

Рассказ

Больше всего Игорь уважал в людях силу. Он и православным-то стал, когда столкнулся с тем чудесным исполинством духа, которое может являть в себе православный священник. От него, коренастого и широколобого, только и слышно было: «Как постится отец Феодор! Сила! Как молитвы поёт дьякон Иоанн! Мощь!» Всё отзывалось в широком сердце молодого человека: молитва за врагов, полагание жизни за други. Но чего никак не мог он принять, это когда мужик шёл на поводу у бабы. Свою Машку он держал в ежовых рукавицах, и не столько из любви, сколько для порядка напоминал ей, что она «немощный сосуд». Машка послушно улыбалась, прятала получку в сервант и не без огонька хлопотала по дому. А что? Игорь хоть и грубоват, зато живёт по совести и копейки даром не потратит. Цветов по праздникам не носит, зато стол ломится от яств.

Был у Игоря друг во Христе. Вихрастый Иннокентий, Кеша, эдакий «юноша бледный со взором горящим». В общем, душою – поэт, а по жизни неумеха: ни кран починить, ни построить семейные отношения. Свою «Галюсю» он не то что любил или боготворил, он её жалел. Галюся – красотою жар-птица – каждый вечер исчезала, словно феникс. Только птица-феникс имела обыкновение воскресать, а о жене Кешиной такого сказать нельзя было, поскольку всё больше и больше скатывалась она в пучину разврата. Кеша всё терпел, каждый раз принимая помятую супругу холодными утрами из разверстой ночной пасти, и, казалось, имел атрофию человеческого самолюбия. Во всяком случае, его бледное, с правильными чертами лицо не выражало ни доли обвинения, ни тени упрёка, одну только беспредельную жалость.

– У тебя что? Чувства собственного достоинства нет? – чеканил в таких случаях Игорь, до кончиков мясистых ушей наливаясь краской гнева.

Кеша вздыхал, рассеянно подливал остывший кипяток в чай и потом ещё долго молча смотрел на танец снежинок за окном. Больше от него ничего нельзя было добиться.

– Верёвки она из него вьёт, использует как пороговый коврик, а он!? – распаялся от праведного гнева Игорь зимним семейным вечером, и посуда, подпрыгивая, звенела от удара его кулака о стол. – Он ей, видите ли, всё прощ-а-а-а-ет... Где сила-то патриархальная? Где мощь?

– Ты думаешь, легко ему вот так терпеть-то? – с опаской глядя на мужа, говорила Машка. – Но Бог терпел и нам велел, как говорится...

– Цыть, баба! Бог слушаться заповедал жене мужа. Но муж для этого характер должен иметь, понимаешь? Ха-рак-тер! – уже не выдерживая, кричал Игорь, и во всей квартире вдруг отчего-то становилось неудобно, необжито.

Был он человек души широкой, вольной, которой тесно было в узком теле и гнусно от окружающей несправедливости. Но за своё правдорубство, Бог свидетель, пришлось ему вскоре заплатить. Стоял зимний пасмурный день. Снегопад завешивал улицу своим белым сползающим пологом, Игорь шёл и с наслаждением слушал, как поскрипывает под ногами свежий рыхлый снег. Он знал, что ещё несколько устланных белой пеленой улиц, и он окажется рядом с домом Кеша, этого рубахи-парня, этого всепонимающего философа. «Эх, Кешка, Кешка! Твоей бы силе всепрощения правильное русло задать!» Вот и заветный дом, второй этаж, налево: «Кешка, я иду, ставь пузатый чайник», – мысленно говорил Игорь. Но что это? Дверь открыта настежь, на пороге валяются брошенными какие-то женские тряпки. В середине комнаты, как единственный выживший после ужасного урагана, стоит Кеша.

– Ушла. Вынесла всё самое дорогое и ушла, – грустно констатировал он, и черты лица его показались от этих слов ещё более правильными, точёными. – Вот, – едва шевельнул повисшей плетью руки покинутый муж, – записку оставила...

Резким движением вырвав листок, Игорь закричал что есть силы: «Что?! Извини, прощай, наша встреча была ошибкой?!»

Кеша посмотрел на друга влажными глазами, он едва сдерживал рыдания, тело его сотрясалось.

– Олух ты! Не мужик! Тряпка! – Пробежав записку, Игорь тут же разорвал её в клочья и бросил под ноги товарищу.

Кеша крепился из последних сил, лицо его выражало непреодолимую муку, безраздельное страдание.

Не выдержав такого взгляда, Игорь процедил: «Видеть тебя не хочу», и скрылся в дверях.

Одним мигом он преодолел две-три заснеженные улицы и оказался дома. В квартире тепло струился электрический свет, на кухне хозяйничала жена, бурлило содержимое кастрюли, вкусно пахло жареным луком. Оглядев эту уютную атмосферу, Игорь на мгновение проникся чувством собственного достоинства. Всё-таки сумел он построить бабу, всё у него чин по чину, не то что у других... Но тут же им овладела какая-то неслыханная тоска с доселе небывалым беспокойством. Кое-как поужинав, встал на правило: слова молитвы глухо отозвались в сердце, как в опорожнённом сосуде. Но он старался бодриться: «Разбередил душу, вот и...» Однако червячок сомнения всё же подтачивал основание спокойствия. К полуночи измученный и раздосадованный Игорь задремал. Ему приснилась внутренность какого-то двора, залитая дневным светом. Каменные узорчатые стены не выражали собой ничего, были холодны и пусты в своей серости. А пол. Пол был обгагрён кровью. Присмотревшись, спящий увидел, что та сосредоточена в одном месте, у небольшого столба, рядом

с которым всё ещё лежит верёвка, которой, очевидно, связывали кому-то руки. Неподалёку стоял воин в железном панцире и серой тунике, с кровавой тростью в руке. Всей своей широкоплечей мускулистой фигурой он являл собой величие силы, могущество доблести. Но что-то было с ним не так. Приглядевшись, Игорь увидел, что этот мощный исполин... Он... Безутешно плачет. Плачет и пытается сквозь слёзы что-то сказать. Ещё мгновение, и можно было разобрать: «Я, как ты... Я, как ты... Сегодня я ударил Христа во время его страданий». В памяти спящего вдруг встали полные боли глаза друга и его собственные колкие слова: «Олух! Тряпка! Не мужик!» Каждое было словно удар по окровавленному сердцу.

Проснувшись, Игорь не стал дожидаться рассвета, а прямо ночью, когда метель хлестала в глаза, покрывая всё серой шуршащей крупой, побежал к другу. Ещё поворот, другой... Как ноют от холода пальцы рук... Эх, и угораздило впопыхах оставить дома рукавицы! Вот и заветное окно с розовой шторой, помнится, тогда, несколько лет назад, эту штору Галюся подарила Кеше на день рождения. Уже тогда она думала только о себе. Прости ей, Господи. Игорь позвонил, несмотря на горящий в квартире свет, никто не открыл. Только спустя несколько минут по ту сторону раздалось неловкое шуршание и клацнул замок в двери. В проёме показался Кеша, бледный и измождённый, почти мертвец, ничего не говоря, он как-то неуловимо, одними глазами пригласил друга последовать за собой. Кухня была залита едким электрическим светом, от которого все предметы казались гипер-трофированно громоздкими, грубыми. На голом столе стояла непочатая бутылка водки и большая красная кружка, из которой Кеша обыкновенно пил чай.

– Ты что? Не вздумай! С твоею язвой! – взмолился Игорь.

– Всё равно... – Кеша болезненно мотнул головой, вся его фигура, казалось, выражала собой слова: «Оставьте меня, не мучьте...»

– Друг! – Игорь взял обмякшего товарища за плечи и начал трясти, словно пытаясь вдолбить в него искру мужества. – Друг! Ты – сила! Ты – мощь! Ты – мощь всепрощающей любви! В который раз Бог взывает к твоей способности прощать ближнего! Этот ближний – я! Молю тебя, прости!

Что-то неясное, похожее на радость пробежало в глазах Кеши. Повернувшись спиной к плите, он чиркнул спичкой и заботливо произнёс: – Раздевайся, сейчас чай будем пить, озяб, поди, весь с дороги...

Проза

Эвелина Азаева

Эвелина Азаева – журналист. Родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. Является лауреатом премии КП «Лучший дебют», номинировалась на звание лучшего собкора. С 1998 года живёт в Канаде. 14 лет издавала газету «Комсомольская правда в Канаде». Являлась корреспондентом «КП» в этой стране. В 2018–2020 годах издавала в Торонто газету на английском языке. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде, – «А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие». Печаталась в журналах: «Нева», «Наши современники», «Дружба народов» и др. Дипломант I-й степени литературного конкурса «Мгинские мосты» (Санкт-Петербург, 2021), спецприз издательства «Вольный странник» (2022), третье место на долатовском конкурсе «Вы Долматов? – Приблизительно!» (Санкт-Петербург, 2021).

ВСЕМ ДОЛЖЕН

Рассказ

Игорь Петров ехал в поезде из командировки вторые сутки, и ему было скучно. Попутчица попалась неразговорчивая. Девушка принесла с собой кучу женских журналов и активно их «поедала» – один за другим. Поедала – это потому, что она читала их, как заметил Игорь, от корки до корки. И даже что-то подчёркивала.

Ему не хотелось читать дамские издания, но Интернет не работал, и мужчина, смущаясь, спросил, можно ли ему взять то, что попутчица уже прочла. Она разрешила. Кипа журналов переключивалась на его полку.

До сего дня нейрохирург челябинской больницы Петров не читал таких журналов. Потому принялся за дело не без любопытства. Страницы с рецептами очень понравились – блюда оказались несложными, но выглядели красиво и аппетитно. Страницы моды не произвели впечатления. Модели были слишком худые, с лицами инопланетянок. Героиновый взгляд, голубые губы, лысина.

Однажды Петров видел модель вживую. Он сидел за столиком в кафе, а девушка прошла мимо. Точнее, прошли ноги в капроновых, телесного цвета колготках. Большие, мощные ноги. Как у жирафа. На эти ноги все посетители уставились – головы так и повернулись, но не от их красоты, а оттого, что голое тело в морозы всегда обращает на себя внимание. Уставились и потому, что ноги были необычные – как столбы, которые проносятся мимо, когда едешь в поезде.

Когда Петров учился в школе, высокие девушки не считались красивыми. Таких обзывали каланчой или оглоблей. Красивой считалась Венера Милосская, у которой всё пропорционально. И по сей день, в свои сорок восемь лет, Петров считал, что главное в фигуре – пропорциональность. Мера. Чтобы не высокая, не низкая, не худая, не полная. Est modus in rebus. Всею есть мера.

Рассмотрев картинки, Петров принялся за чтение. И оказалось, что во всех журналах главной темой является – как охмурить мужчину и как его удержать. Петров даже не подозревал, что женский пол так агрессивно настроен на охоту. Что она составляет суть бытия. Мужчина в статьях преподносился как олень. Дичь. Которая не имеет ни своего вкуса, ни мнения, а легко управляется по тем или иным законам, как машинка на дистанционном управлении. Рассказывалось, на какие кнопки нажимать.

Некоторые советы были неожиданны. «Если страсть мужчины поутихла, нужно разнообразить сексуальную жизнь. Перед тем как он придёт с работы, снимите трусики, наденьте короткое платье и на коленях мойте пол. Оставьте дверь незапертой, чтобы, когда он войдёт, ему предстали ваши ягодицы...»

Петров оторвался и посмотрел в окно. Если бы кто-то его увидел в этот момент, то потом хвастался бы, что видел человека с глазами на лбу. Петров представил. Что входит в квартиру, а там его супруга, историк, кандидат наук Мария Николаевна Петрова, на карачках, без трусов, пол моет. Мысли забегали. Первое, что возникло в душе врача, это неестественное для представителя его профессии желание схватить Машу за волосы и шибануть головой о стену... Потому что – а вдруг первым в дом вошёл бы шестнадцатилетний сын? С друзьями.

Нет, наверное, он подумал бы, что Машка сошла с ума. Такое бывает. Когда в человеке дремлет душевная болезнь и он находится всю жизнь в пограничном состоянии. Если жизнь складывается благополучно, так и проживёт всю жизнь здоровым. А если начнутся испытания, тяготы, то человек нередко выпадает туда, за черту, на больную свою сторону.

Читая дальше, Петров узнал, что не так тяжело соблазнить мужчину, как удержать. Потому что он изначально настроен на бегство. Полигамен, и точка. А потому женщине «в борьбе за это» нельзя ни спать, ни есть, уверяли журналы. Утром женщина должна проснуться пораньше, чтобы мужчина не увидел её без макияжа и с нечесаными волосами. Надо умыться, накраситься, почистить зубы и лечь рядом. Чтобы любимый думал, что ты всегда такая... Утром и в течение дня есть не следует. Ну, или можно съесть морковку, сырую овсянку (запарив её в воде), на ужин – листик салата.

Как женщина будет работать на этом топливе, журналисты не сообщали. Из статей как-то так получалось, что женщины не работают, а ходят по спа, занимаются йогой и медитацией.

Утром спать нельзя, но и ночью тоже, учили журналы. Ты спи, но не до конца. Потому что в течение ночи надо прижиматься к партнёру «невзначай» выпуклыми частями тела. Чтобы к утру он сделал своё мужское дело и уходил на работу равнодушным к сексуальным сигналам других женских особей. Домашняя одежда, объясняли журналы, должна быть призывной. Непременно купите тапочки на каблучке, с помпонами, и прозрачный пеньюар.

С этим Петров согласился, но вздохнул: не по климату совет. Не Калифорния, чай. А мохеровых пеньюаров в Челябинск не завезли... Он вон в перестройку ковёр со стены снял, так как СМИ ухаживались над коврами на стенах, и с тех пор жена спит, прижавшись к холодной стене. Точнее, одеялко колбасой свернёт и кладёт между собой и стеной. Их квартира – угловая. А как раньше, при СССР, хорошо было – стена тёплая, ковровая, лежишь – узоры разглядываешь. И никакой тебе бессонницы, под это разглядывание непременно уснёшь.

Далее журналы уверяли, что невыспавшаяся, голодная, встретив мужа без трусов и на карачках, женщина ещё и не должна говорить с ним ни о чём неприятном. И не просто не говорить о неприятном, а – говорить о приятном. Рассуждать на темы, которые ему нравятся. Для этого заранее следует изучить рыбалку, охоту, футбол, хоккей, коллекционирование монет, конструирование самолётиков, узнать всё о машинах... И вот только он поел приготовленное тобой (но не попробованное! Ты на диете) «мясо по-царски», а ты к нему сразу с предложением:

– А давай футбол посмотрим!

А на следующий день:

– А что это ты давно на мальчишник не ходил? Пора, пора...

Но при этом, предупреждали журналы, «нельзя себя терять в любви к нему», потому что мужчины любят не только ухоженных, но и самодостаточных. И если мужчины-коллеги (а-а-а, так всё-таки предполагается, что читательницы работают!) оказывают тебе знаки внимания, не следует уклоняться от флирта, он стимулирует.

Сразу после этого совета в журнале шла статья «Как сказать партнёру, что у вас генитальный герпес». О, это была статья познавшего жизнь человека! Журналистка предупреждала, что в первую очередь надо правильно выбрать время и не говорить в лоб. То есть нельзя позвонить мужчине на работу и выпалить: «А между прочим, у меня генитальный герпес!» Или заявить ему об этом среди шумного бала – на 23 февраля или на День десантника. Надо выбрать такой день, советовала автор статьи, чтобы у обоих было свободное время и спокойный настрой. Не плохое настроение, но и не очень хорошее (чтобы партнёра кондратий не хватил от перепада температур).

Лучше всего, говорилось в статье, не сообщать плохую новость на его территории. Но и на своей тоже – не лучшее. Хотя на своей лучше, чем на его. Потому что (это Петров уловил между строк) на вашей территории вас хоть с лестницы не спустят, а с проклятиями удалятся. Но всё же, рассуждала журналистка, лучше новость о герпесе сообщать в общественном месте. В кафе, парке – там, где вас могут спасти. А как сообщать? Начните издали, советовала сотрудница редакции. Петров представил, как он издали начинает...

«Знаешь, к нам в больницу сегодня приезжала делегация из Германии. Долго мы с ними говорили, опытом обменивались... Телевидение нас снимало... А потом я почувствовал, что голова болит, и жжение какое-то в половых органах, отёчность... и подумал: а не генитальный ли у меня герпес? Ну, конечно же, нет... Ведь это заболевание, которое передаётся половым путём, так что какое это имеет ко мне отношение? Никакого... Но провериться тебе надо бы».

А учитывая, что Маша – историк, можно было бы начать не просто издали, а из глубины веков.

«А знаешь ли ты, Машенька, что у вирусов тоже есть история? Знаешь ли ты, что про генитальный герпес есть упоминания у Геродота и Гиппократов? Болезнь также упоминается в источниках семнадцатого века, как свойственная парижским проституткам». И тут, не давая Маше передохнуть, надо безмятежным голосом сказать:

– И у меня, ха-ха, как у Геродота...

После всего этого женщина, как учили журналы, не должна ревновать. То есть не случай с герпесом имели в виду, а вообще призывали никогда не ревновать. «Ревность – путь к разрушению брака, – писали они чёрным по белой глянцево-бумажной бумаге. – Ревностью вы убиваете доверие, а без доверия – не жизнь. Если вы заподозрили своего возлюбленного, не надо за ним следить. Следите за собой. Потому что от ухоженной женщины муж не уйдёт».

В общем, предполагалось, что в ответ на Геродота и герпес Мария Николаевна Петрова улыбнётся и купит себе абонемент в фитнес-центр.

Далее Петров просмотрел статьи на темы: как отбить мужа у любовницы; как отбить мужа у его мамы; как отбить мужа у его друзей; как заставить женатого любовника жениться на вас; как подружиться с бывшей женой своего мужа; как снять порчу; как действуют заговоры-«присушки» и заговоры-«отеушки»; что делать с «венцом безбрачия»; как найти любовника на выходные; как избавиться от любовника; «Чакры и яйца-тренажёры» (яйца подразумевались каменные, из малахита или оникса); «Что делать, если он спит с твоей подругой», «Что делать, если тебе нравится его друг?», «Как поднять самооценку», «Как спуститься с небес на землю», «Почему я всё ещё не жена миллионера?», «Зачем нужен муж?».

Последнюю статью Петров прочёл до конца. Там всё было – мудрей не скажешь. Говорилось, что глупые женщины ждут от мужчин детей, отцовства, денег, защиты и всего такого прочего. А это неправильно. Потому что, когда мужчина не даёт ни того, ни другого, ни третьего, женщина ощущает себя обманутой и разводится. А не надо хотелок! Мужчину надо любить «за то, что он есть». Безусловно. Тогда, если он полку прибьёт – радость, если осеменит – зайдёте в восторге. Если содержать будет – счастьем не будет предела.

Петров хмыкнул и подумал: интересно, а западных женщин тоже учат минимализму? Потом представил себе этот рай. Что никто с него дома ничего не спрашивает. И он, как пёс в мультфильме «Бобик в гостях у Барбоса»: «Хочу – котлеты ем, хочу – кисель пью, хочу – на транзисторе играю».

– Н-да, – в задумчивости сказал Петров и тут же спохватился и замолчал. Собрал журналы в аккуратную стопку и, поблагодарив, положил перед попутчицей.

* * *

– Понравилось? – спросила девушка.

Петров замешкался, потом взглянул в глаза:

– Нет.

– А почему? – заинтересовалась попутчица. Петров уже рассмотрел её: на вид лет двадцать восемь, ухоженная. Стрижка – каре чёрного цвета. Свитер с воротом почти до носа – девушка в него утыкалась, читая. Длинные рукава, закрывающие кисть почти до середины. Длинная юбка. Деревянные украшения.

Петров не доверял женщинам, на которых деревянные украшения. У них всегда революции в голове. Коллонтаевщина. Свободная любовь. Феминизм. Но самое страшное – это украшения кожаные. От таких женщин можно ожидать даже склонения к перемене пола.

– Они аморальны, эти журналы.

– Что именно?

– Всё, кроме рецептов. Пошло, вульгарно и вредно. Вы не обижайтесь, их же не вы писали...

– Вы ошибаетесь, их писала я. Работаю в одном из этих журналов, но под псевдонимами пишу ещё для нескольких.

Петров усмехнулся:

– Ах, вот оно что! Надеюсь, про генитальный герпес написали не вы...

– Какая именно статья вам показалась вредной? – не унималась попутчица.

– Вредно общее направление. Но, хорошо, давайте разберём. – Петров поёрзал, устраиваясь поудобнее. – С вашими «венцами безбрачия» – чёрт бы с ними... Но ведь у вас там и серьёзное есть... В паре журналов я встретил пропаганду идеи «никто никому ничего не должен». В последнее время она активно навязывается через СМИ. Вы внушаете её женщинам, девушкам. Но разве же это утверждение – правда? Нет. Мы все друг другу должны, и вы это прекрасно знаете. Я должен заплатить за билет на поезд и вести себя в нём хорошо, не буянить и не мусорить. Проводница должна принести мне завтрак и выдать чистую постель. Вы должны сдать своему журналу статью, он должен вам её оплатить. Но, конечно, пропаганда «отсутствия долгов» была затеяна не с целью формализации отношений пассажира и проводника... Это работа по разрушению семьи.

Девушка закатила глаза и улыбнулась.

– Да, да, – улыбнулся в ответ Петров. – Ваши журналы печатаются на неизвестно какие деньги... Разных НКО, фондов с сомнительным доходом, каких-то воров, которые настреляли людей в девяностые и теперь стали издателями... Ну, некоторые, конечно, на рекламу живут. Не самые роскошные.

– Да вы коммунист! – воскликнула попутчица. Она улыбалась, но большие, тёмные, похожие на перезревшую вишню глаза смотрели пристально и почти враждебно. – Ещё про скрепы расскажите!

– Ах, вы не любите патриотов, – кивнул Петров. – Но куда деваться, мы есть... Можете называть меня коммунистом, если угодно, хотя я не коммунист. Вот у вас в статье доказывается, что родители не должны детям, а дети – родителям. Вы стыдите матерей, которые на старости лет хотят, чтобы дети о них заботились. «Вы же не для себя их растили, не для своих эгоистических целей», – внушаете вы. Но это же демагогия! Да, растили детей не для того, чтобы они кормили в старости, но значит ли это, что дети должны бросить немощных родителей, наплевать на них, сбежать?

Вы рвёте связи поколений! И делаете это умышленно. Чтобы выросло хладнокровное поколение, которое считает, что оно никому не должно – ни родителям, ни Родине, ни супругу. Вы разрушаете семью. А вместе с семьёй разрушится страна. Потому что человек, идя на войну, в первую очередь думает о защите близких, потом – своего двора, города. И народа в целом. А вы внушаете, что он «никому не должен». Читай: ни родне, ни Родине. Ни коллективу, в котором трудится. Вот обучило меня государство хирургии бесплатно, а я – никому не должен! Лежит передо мной на операционном столе пациент, мне доверившийся... А я ему – не должен!

Петров рассмеялся и хлопнул себя по обтянутым джинсами ляжкам.

– Так ведь и родитель, по-вашему, не должен ребёнку! – продолжил. – Вы призываете не следить за сыном или дочерью, отпустить на все четыре стороны.

– Вы неправильно поняли, – холодно пресекла его девушка. – Мы имели в виду, что родители слишком вмешиваются в жизнь детей, мы призываем к тому, чтобы дать детям столкнуться с последствиями их ошибок, чтобы дети сами поняли, что были неправы...

– Да, я читал. Как журналистка описывала, что она позволяет своей шестнадцатилетней дочери уйти когда угодно и куда угодно, дружить с кем угодно, делать что угодно... С чем вы хотите, чтобы девочка столкнулась? С сексуальным насилием в подворотне? С ребёнком, зачатым спьяну на молодёжной гулянке? Родитель не просто должен, а обязан контролировать жизнь ребёнка! Как ангел приставлен к человеку, так и мать с отцом приставлены к своему чаду. Это – семья. А вы рвёте эти связи, толкаете ребёнка к непослушанию, а родителей – к равнодушию.

Дверь открылась, появился проводник. Он бросил взгляд на Петрова и спросил девушку:

– Всё в порядке?

Видимо, Петров говорил слишком громко.

– Да. У нас тут митинг коммунистов, – отозвалась она.

– Чаю принесите, пожалуйста, – попросил Петров.

Проводник скрылся.

– Вы простите, что я так прямо и, может быть, слишком горячо. Не умею облекать слова в дипломатические одежды. Точнее, не считаю нужным. Слишком мало времени. Не у нас с вами, а вообще. Жизнь коротка.

Петров замолчал.

– В невинной фразе, что никто никому ничего не должен, вы видите вражий умысел? – спросила собеседница. – Может, и в масонов верите?

Петров проигнорировал вопрос. Верит, конечно. И не просто верит, а знает: своими глазами видел масонские клубы, когда ездил за границу. Да и в Петербурге на зданиях то всевидящее око, то циркуль и молоток.

– Во всём мире сейчас идёт борьба с семьёй, – продолжил он. – Её разрушают, подменя моральные ориентиры. Например, из обихода пытаются выкинуть слово «стыд». Стыда-де нет, есть только комплексы. И этот постулат, что ничего не стыдно, – трамплин, посредством которого человек должен взлететь к разврату. А где разврат – там нет семьи. Если стыда нет, значит, всё можно – изменять, участвовать в оргиях, рожать детей и бросать их в детдомах, спать с отцом, братом, другом мужа, сдавать родителей в дом престарелых. Детям в школе можно рассказывать о чём попало...

– Так, я не поняла, – тряхнула волосами девушка. – О'кей, мы зовём к разврату...

– К разврату и анархии. К хаосу. Чтобы каждый делал что хотел и никого не слушал. Чтобы для человека не было авторитетов...

– И такие выводы вы делаете только из-за невинной фразы «никто никому ничего не должен»?

– Она не невинная. Она разрушительная. А ещё у вас там есть другое активно внушаемое заблуждение: «Полюби себя». Причём, я заметил, глупым женщинам оно особенно нравится.

– Глупым? – переспросила собеседница, и Петров почувствовал сарказм.

– Я не имел в виду, что все женщины – глупые. Просто эти слова обычно повторяют недалёкие женщины... Это «полюби себя» талдычат в сериалах, в ток-шоу. Я полгода назад был в санатории, посмотрелся телевизора... Казалось бы, что общего между «полюби себя» и «никто никому не должен»? Общее – отрицание русского уклада жизни, в котором главное – общинность.

– Вы националист? Черносотенец... как же я сразу не догадалась...

– Нет, – удивился Петров. – Я просто рассуждаю... Перестаньте навешивать ярлыки. Эк вы меня... Итак, мы – коллективистский народ. У нас общественное выше личного, потому что наш народ всегда работал на земле, пахал и сеял. А на земле в одиночку мало что сделаешь. Так вот, если мы поставим личное выше общественного, то не соберём урожая, не выиграем войн, то будет... да вот то, что случилось в девяностые, и будет! Когда десяток ушлых наворовал, а остальные, глодая корку, сидели и слушали пропаганду, что права индивида превыше всего и «уважение к частной собственности – главное условие для развития успешного, демократического общества».

Девяностые – большое место в душе Петрова. Это его молодость, но он почти не вспоминал те годы. Как будто закрыл за ними дверь и опечатал. Настолько они были горькими. Иногда лишь вспоминал, что в операционных внезапно гас свет и много было пациентов с огнестрельными ранениями. Помнил, как ходили на рынок за одеждой, а, поскольку жульё резало сумки, деньги клали в стеклянные банки, и только потом в сумку. Попробуй вырежь! «У нас – самые надёжные банки», – смеялись.

К счастью, прошло это время. Но некоторые проблемы, им порождённые, остались.

Петров видел, что девушка к нему плохо относится и ей не нравится, что он говорит, но ему хотелось до неё достучаться. Ну не может же журналист не интересоваться мнением читателя? Должна же «дорогая редакция» слушать народ...

– У нас издревле общественное выше личного, – сказал Петров. – И любить надо ближнего своего. И жизнь отдать за други. На том, простите за пафос, стояла и стоит русская земля. И сейчас полно примеров, когда люди исповедуют эти постулаты и побеждают. Не они лично, а страна – благодаря им! Александр Прохоренко, например... Да многие, многие... И не сосчитать, сколько у нас героев!

Ежедневно совершаются подвиги, которые не попадают в СМИ. Человек отдаёт другому почку... Омоновец накрывает гранату террористов своим телом. Водитель подставляет под удар себя, чтобы спасти пассажиров. Да, вот такие мы! Считаем свою жизнь копеечкой, по сравнению с десятками или сотнями жизней. А вы внушаете: «Полюби себя»... То есть не падай на гранату. Не вызывай огонь на себя. Не говори правду, даже если она поможет многим.

– Что вы такое говорите? Мы пишем для женщин. Чтобы они заботились о себе, ухаживали за своим телом! Это просто... гламур! Лоск, красота!

– Тогда так и пишите: «Мойте лицо перед сном! Мажьтесь кремом!», но не пишите: «Полюбите себя». Потому что себялюбие – грех. Себялюбие – путь к отчуждённости. Любовь – это ведь... – Петров протянул вперёд руки, сложенные ковшиком: – Любовь – это ведь сгусток энергии, тепла и света. Это божественное. И вы можете отдать этот сгусток сыну, можете отдать мужу, можете поделить на них двоих. А если вы заберёте сгусток себе, то им уже ничего не достанется.

– Но почему бы не поделить этот сгусток на троих?

– На троих любовь не делится, – мрачно ответил хирург. – Любовь – не бутылка водки.

– Любовь к себе – это не любовь, – через некоторое время добавил он. – Если я буду любить себя, то не буду делать бесплатных операций, а перейду в частную клинику, а на моё место придёт молодой и неопытный и пополнит кладбище своим браком. Если я буду любить себя, а не жену, то она уйдёт и заберёт сына. И сын будет расти безотцовщиной, а жена будет, по вашим советам, бегать по женатым мужикам и думать о том, как не подхватить генитальный герпес. Любить себя – это извращение...

Он сказал это почти зло.

– Совок останется совком, – заключила собеседница, которую в темноте Петров уже почти не видел. – Судите всех...

– Вы ещё скажите: «Не судите, да не судимы будете». У нас либеральная интеллигенция страсть как любит эти слова. Как их судить начинают, сразу вспоминают. А как они других – так забывают.

– Почему вы считаете, что ваша жена без вас бегала бы по женатым мужикам? – вызывающе спросила девушка. В вопросе чувствовалась феминистическая нотка: дескать, вы считаете себя таким пупом, что помимо вас ваша женщина не нужна будет никому?

– Потому что у нас в стране женщин на 12 миллионов больше, чем мужчин, – ответил Петров. – Не знаю, насколько правдива цифра, но такую увидел в газете. Это значит, что 12 миллионов девушек и женщин не выйдут замуж. Что же им остаётся? Встречаться с женатыми. Отбивать. По вашим рецептам. Причём несчастных будет не 12 миллионов, а в два раза больше. В три! Считаю: сама незамужняя девушка плюс её женатый кавалер плюс жена кавалера. Итого 36 миллионов страдающих. И вот отбить не удалось. И девушка бежит к другому женатому... И делает ещё двоих несчастными... Вы спросили насчёт моей жены... А куда ей деваться в сорок с лишним лет, если бы она ушла от мужа? «Замуж поздно, сдохнуть рано». Остаётся довольствоваться женатыми. Я не злорадствую. Я сострадаю. Это всё-таки женщины моего народа одиноки.

Оба молчали. Ехали так долго, слушали стук колёс. Потом включился свет, проводник принёс чай, стали ужинать. Ели молча и мирно, подвигая друг другу снесь.

Потом улеглись.

– Знаете, что я о вас думаю? – вдруг спросила девушка.

– Что?

– Вы ненормальный. И я бы не хотела попасть к вам на операцию.

– А зря, – весело ответил Петров. – Я хорошо оперирую. У меня куча студентов. И студенток. И некоторые даже в меня влюблены.

– Они вас плохо знают.

– А вы прямо хорошо узнали...

– О, да! Для меня ваше сердце – как на ладони.

– Заигрываете? Напрасно. Я не трачу силы на интрижки.

– Потому что вы зануда.

– Потому что сексуальная энергия, не найдя выхода, трансформируется в творчество, – засмеялся Петров. – А операции – это творчество. Хотя и кажется, что они похожи друг на друга.

– Но жена же у вас есть...

– Жёны оставляют мужчине часть своей энергии. А любовницы высасывают её.
– А зачем вы мне рассказали про 12 миллионов одиноких женщин?
– Чтобы вы в своих журналах решали эту проблему, а не несли ахинею про венец безбрачия.
– И как её решить?
– Страна должна заняться здоровьем мужчин. Да! Всё время говорится о здоровье матери и ребёнка – это, конечно, правильно. Но теперь надо заняться здоровьем мужчин. Чтобы они не погибали от алкоголя и наркотиков до тридцати лет. Чтобы на производстве соблюдалась техника безопасности... А то... вы видели, как рабочие на крышах четвёртого этажа работают? Я видел недавно. Без тросов, в тапках! За границей на стройку не пустят без каски, страхующего троса и ботинок с железными носками. Чтобы, если кирпич упал, ноге ничего не было. А у нас рабочие падают, ломают позвоночники, лежат в коме... И всё списывают на несчастный случай, никто не виноват... Пропаганду против курения надо вести повсеместно и вырезать, не жалея, из фильмов куски, на которых положительные герои закуривают. И наливают... Правда, тогда от фильмов останутся рожки да ножки... У нас ведь – вы не заметили? – постоянно в кино закуривают и наливают. С горя, с радости, в раздумьях...

– Удаться с вами можно от скуки, – сказала девушка. – Вы хоть пьёте или совсем положительный?

– Пью. Спирт. Мы все пьём. Работа стрессовая.

– Ну, хорошо. А то я думала, вы совсем...

– Это вы так за мою любовь к Родине? Претит она вам?

– Такую родину не за что любить! И всякий образованный человек это понимает. Такую родину надо разрушить и отстроить заново. Но надо, чтобы сначала динозавры вроде вас вымерли. Со своими советскими штучками. «Америка – враг, западные ценности – лживые, деньги – зло», – передразнила кого-то девушка. – Вы не умеете жить, умеете только страдать! За родину, «за други», за Сталина.

– Но ведь жизнь и есть страдание, – задумчиво произнёс Петров. – Если б вы видели то, что вижу я... Одно сплошное страдание. И священники видят то же самое... Причём не только у нас, а и в Америке тоже. Там тоже муки сплошь и рядом. Нет, можно, конечно, жить дураком и не замечать...

– А я вижу радость и гламур. Богатство и счастье. О чём думаешь, то и будет.

– Сперва гламур, потом рак мозга. Лёгкий прыжок от вас к нам.

– Не хочу вас слушать.

– Не слушайте. Просто любите нашу страну. Это неестественно – не любить родину. Девиантное поведение. Ненормальное.

– Пошла она... У меня грин-карта, я скоро уеду.

– Вот и хорошо... Там и учите всякой ерунде.

И оба сразу уснули. А поезд нёсся, и стучал колёсами, и даже изредка гудел, но ни мужчина, ни женщина ничего не слышали. Они ехали по огромной, тёмной, освещённой луной стране, которая для кого-то – мрачная и угрюмая, а для кого-то – единственная и неповторимая, и за которую один из них готов был отдать жизнь, а вторая не дала бы и ломаного гроша. И страна выталкивала её, как женский организм на ранних стадиях выталкивает неправильно развивающийся плод. Так было нужно для её, страны, женского выживания. Выкинуть урода.

* * *

К обеду следующего дня, выспавшись, Петров приехал в больницу. А там – суматоха. В пригороде случился пожар. И какой-то парень вытащил из огня троих детей. С последним малышом его придавило балкой. Ребёнка удалось спасти, парень – в тяжёлом состоянии. Обо всём этом вкратце рассказала ассистентка.

Петров шёл на операцию и пытался не слишком сострадать. Сострадание к больному – не к добру. Лучше не воспринимать его как личность. Это знают все хирурги – что с обезличенным больным работать спокойнее. Шансов на волнение, а значит на ошибку меньше.

Он вошёл в операционную и превратился в механизм – тонкий и опытный человекоприбор по проведению операции на головном мозге. Всё оказалось не так плохо. Жить пациент будет и, скорее

всего, будет и ходить, говорить. Конечно, гарантий никаких, но шансов на нормальное развитие событий – много. Как оно и что – станет ясно через несколько часов.

* * *

– Игорь Олегович, Ларин глаза открыл, динамика положительная. Понимает, что говорим, закрытием глаз отвечает, – радостно сообщила медсестра о прооперированном герое. Она сидела за столом в больничном коридоре. Рядом с ней – с воспалённым взором, напряжённая, с красным от слёз лицом, видимо, мать парня.

– Вы не представляете, как мы вам благодарны, – женщина приложила руку к груди и замерла, не в силах найти слова.

Петров кивнул ей и попросил медсестру:

– Сообщите мне через три часа, как его дела. Я домой...

...Он ехал по чистой, умытой дождём улице, по бокам которой стояли, как медсестры у операционного стола, тонкие берёзки. Сквозь открытое окно в машину входил нежно и незаметно, словно анестетик, воздух, полный запаха трав и деревьев. Петров остановился у маленького базарчика, на котором четверо пенсионерок торговали соленьями, яблоками, ягодами и грибами, и купил у каждой всего помаленьку. Покупал и чувствовал, что любит их – этих бабок-пересмешниц, которые, торгуя, беззлобно подкалывают друг друга. Одна из них когда-то давно, в девяностые, когда из магазинов исчезла туалетная бумага, продавала её здесь, сидя на чурбачке.

– Мягкая? – взял тогда в руки рулон Петров.

– Ага, всю ночь для тебя мяла, – хихикнула бабка. Все вокруг засмеялись, и он, Петров, громче всех.

Вот и сейчас пенсионерки попрекали друг друга несуществующими «амурами» и смеялись.

Мимо пробежала собака, и Петров, проводив её взглядом, почувствовал, что и её любит, эту собаку. Животные пошли какие-то... как люди. Плачут, спасают друг друга, обнимаются... Сын иногда показывает ему такие видео из Интернета. Игорь вспомнил слова прабабушки, которая говорила, что «перед последним концом всё перемешается, и звери, которые охотились друг на друга, будут друг друга любить». Так ей священник рассказывал. Ещё батюшка говорил, что к тому времени «девки будут бесстыжими, юбки будут по колено носить».

А уж давно носят куда короче. Выходит, мы перед самым что ни на есть распоследним концом.

Ну и ладно. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. А сегодня Петров рад. Потому что больной жив и есть большая надежда – выздоровеет. И как же хорошо, что все друг другу должны! Ларин, идя мимо горящего дома, должен был спасти детей, а он, Петров, должен был сохранить жизнь парня. И сейчас он придёт домой, и Маша должна ему – непременно! – соорудить наилучший ужин и обеспечить покой. Нет, в обществе, где друг другу должны, жить намного удобнее!

* * *

...Через три часа ему сообщили, что больной Ларин в порядке, осложнений не предвидится.

Проза

Лиана Мусатова

Лиана Мусатова (Чемерис) – член Союза писателей ДНР, член Союза писателей России. Автор 17 поэтических книг и 13 прозы. Город Донецк.

АИСТНИК БЕКЕТОВА

*Отрывок из романа
«Дети Дикого поля» – 2-й части дилогии «Степняки»*

- Жалко, Юля, что ты нас только осенью собрала, – посетовал Данил. – Теперь мы теряем год.
- Зато вы за этот год разберётесь, что к чему, и осознанно поступите на факультет, который вам необходим для будущей работы. Хорошо, что ректорат призвал нас осваивать по две специальности: одну – очно, вторую – заочно. Мы получим знания, необходимые для осуществления намеченной цели. Не у всякого так выходит – не метаться, а твёрдо идти по намеченному плану, вооружившись соответствующими знаниями.
- Я посмотрел, что я буду изучать на факультете экологии и химической технологии. Так вот, кафедра природоохранной деятельности готовит специалистов по направлению «управление природопользованием».
- Это как? – поинтересовалась Лиля. – Кем же я буду после окончания?
- Вот смотри, – Данил открыл страничку факультета, – здесь написано, кем ты можешь быть. Тебе остаётся только выбрать.
- Лиля уткнулась в ноутбук.
- Читай вслух, – попросила Вика.
- Слушайте и определяйте свой жизненный путь, – торжественно продекламировала и назидательно продолжала Лиля: – Это священная минута выбора пути!
- Наступила напряжённая тишина. Все собрались у ноута, заглядывали Лиле через плечо, желая увидеть, а не только услышать написанное.
- Юля, а ты кем будешь? – спросила Вика.
- Шестая строчка.
- Науку я не потяну, а вот инженером-экологом на металлургическом предприятии в самый раз.
- А я раз менеджментом занимаюсь, то на менеджера природоохранной деятельности и пойду... да ещё и в международных проектах, – с таким апломбом заявила Лиля, как будто уже была в команде крутого проекта.
- Ты давай сначала поступи, а потом нос задирать будешь, – охладил пыл Данил.
- Да нет, не когда поступит, а через семь лет, когда остынет, – поправила Вика.
- О-о-о! Семь лет?!
- Да, если на магистра, а на бакалавра – пять. Но это же заочно. На занятия ходить каждый день не надо, только два раза в году на сессии, – объяснила Юля. – Вот я первый семестр отучилась и не заметила даже, зато предметы интересные. Узнала то, о чём не имела ни малейшего представления. И знаете, что я поняла, что каждый человек живёт в своём особом мире, созданном своей профессией. Она определяет и круг знакомых, и круг мыслей, интересов, разговоров. Попади я в круг интересов медиков, я и слова там не скажу. И буду выглядеть самой последней тупицей, хотя в своём мире я человек преуспевающий.

– А что же ты там такое проходила, что у тебя даже представление о человеческом обществе поменялось? – спросила Катя, молчавшая до сих пор, поскольку как раз и училась на факультете экологии, только ДонНУ. – Мне почему-то такое в голову не пришло.

– Потому что Юля у нас философ-аналитик, – пояснил Данил. – А что мы там изучать будем, сейчас посмотрим. Кстати, я тоже выберу, как и она, научную работу. В ней широкое поле деятельности, поиск нового, неизведанного, никому доселе неизвестного, а ты будешь «открывать Америку». Вот смотрите, что мы будем изучать.

– Будущую специальность выбрали, с предметами ознакомились, а теперь займёмся делом. Нам надо подготовить вопросы для интервью с ректором. Я с ним договорилась о встрече. Что бы вы хотели от него услышать и что о нём узнать? Я думаю, более десяти вопросов задавать не надо.

* * *

Сегодня Катя шла на сборы «степняков», так ребята назвали свои встречи, не с пустыми руками. Она несла аннотацию к очень интересной статье и хотела выводами Вернадского заинтересовать друзей, а главное, подтолкнуть их к изучению его научных работ. Была уверена, что им это обязательно надо знать, если они серьёзно собрались заниматься экологией.

Вспомнила, как сама пришла к пониманию этого, с чего начинала. А начинала с цветочков. С рождения жила в частном доме, где дача начиналась сразу за порогом. Бабушка заведовала клумбой, иногда ей помогала мама, а Таня всегда была рядом с бабушкой, как только начала ходить, а, когда не ходила, бабушка была рядом с ней. У Тани была своя детская лопаточка и ведёрочко с песком, из которого она насыпала песок в лунки, чтобы цветочки лучше росли. Бабушка говорила: «для питания», вот она и не жалела, чтобы цветочки не голодали. Потом радовалась первым листикам, свёрнутым трубочкой и ею пробивающим почву. Первые листочки её приводили в восторг, и она с нетерпением ждала бутоны, если это были цветы. Ей очень хотелось потрогать руками упругую зелёную трубочку, но она боялась её поранить. А когда появлялись первые бутоны, предела не было её восторгу. Каждое утро пристально всматривалась в изменения формы бутонов, изнемогая от нетерпения, ожидая полного расцвета цветка, когда лепестки вырвутся из объятий неведомой, но видимой сжимающей их силы и отдадутся простору и гуляющему по нему ласковому ветру.

Ещё в дошкольные годы бабушка купила ей собственный огородный инвентарь, и Таня стала заправской огородницей. Растения открывали для неё мир. Через них она познавала жизнь. Придя со школы, даже не пообедав, бежала к бабушке в огород и что-нибудь делала, пока ещё пустой желудок не отягощён пищей, и только потом шла обедать.

– Агрономом, похоже, будешь, – говорила бабушка.

– Ботаником, – поправляла Таня, после того как на уроке увидела под микроскопом инфузорию-туфельку. В школе тоже были грядки и клумбы, и она, как самый активный член кружка «Юный эколог», не пропускала ни одного занятия.

Постепенно её влечение становилось образом жизни, что, собственно, происходит со всеми, кто предан своему увлечению душой и сердцем. Ещё в 9-м классе она пошла в университет на День открытых дверей, чтобы увидеть своими глазами то, о чём мечтала с детства, чтобы утвердиться в своём выборе. А вдруг она что-то пропустила и неправильно понимает? Осталось два года до окончания школы, и надо уже определяться в своём выборе. Переходя из аудитории в аудиторию, знакомясь с лабораториями и стендами, растерялась. Столько интересного! Но впереди ещё два года, есть время определиться. Но уже тогда она отметила кафедру ботаники и экологии. Там проводили научные исследования, и именно это её привлекло. Она не видела себя учителем, а только исследователем, создателем новых видов растений, изучением их поведения при различных условиях. Она понимала, что для жизни человека необходима растительная среда, а значит, надо искать пути правильного поведения для того, чтобы ей не вредить.

Два года пролетели быстро, и, окончив школу, она поступила на биофак и выбрала специализацию на кафедре ботаники и экологии. Первый год – год эйфории! Год открытий и восторгов! Её впечатляли научные исследования, которые проводили на кафедре, и она включилась в эту работу, возможность регулярно узнавать о последних научных достижениях, отражающихся в курсах и научных статьях, работа с научной литературой и совершенствование своих исследовательских навыков.

Как-то случайно попало в сети к очередной годовщине об И. В. Вернадском: «Он пришёл к выводу, что ноосфера – это доселе неизвестная новая форма существования человеческой цивилизации. Она является, по его мнению, общепланетарным сознанием, которое вобрало в себя все полевые структуры. Таким образом, считал Вернадский, ауры всех земных существ сливаются в общее информационное поле Земли. А это уже глобальное хранилище информации, в котором заключено прошлое, настоящее и даже будущее».

Заинтересовало. Стала искать, что же такое эта ноосфера.

«Сфера взаимодействия общества и природы. Гипотетическая сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития» (Википедия).

Задумалась. Значит, и её разумная деятельность участвует в процессе развития не только в своей стране, но и на всей планете, а значит, и во Вселенной. И всё, что она подумала, что сказала, как поступила, какую сторону приняла, всё отражается в ноосфере, всё идёт наверх! Её слово, доброе и злое, обдуманное и высказанное случайно, сгоряча, которое уже не вернуть, ведь оно «не воробей». Не зря предки предупреждали: «Слово не воробей, вылетит – не поймаешь». Наверное, так же фиксируется и каждый жест, ведь это работа, значит, энергия – частота колебаний, а каждый шаг, и не просто твой физический шаг, а шаг – выбор направления в морали, мировоззрении, политике, идеологии. Там записывается в общий банк памяти, а потом... что потом? Ясно, что собранная сумма по всей планете работы разумов отдельных людей приводится к общему знаменателю. Но как знаменатель реагирует и как поступает? Может, не он поступает, а передаёт кому-то или куда-то. А кому и куда? И какой ответ приходит на планету Земля и живущему там человечеству. Ответ обязательно должен быть, раз от разумной жизни человечества развивается вся система. И стала дальше читать книги Вернадского, благо в библиотеку ходить не надо. И каждую свободную минуту от уроков можно использовать дома, сидя за письменным столом. Подружки звали на дискотеки или просто во дворе поиграть, с мальчиками пообщаться. Даже каток пропускала, жертвуя любимым занятием ради утоления любопытства. Но любопытства здорового, как поняла она это позже.

Ворвавшись в аудиторию, а она всегда врывается, неся что-то новое и интересное, потрясая журналом со статьёй Сафонова.

– Вот! Знай наших! Здесь статья нашего завкафа ботаники и экологии Сафонова Андрея Ивановича!

Аннотация. В работе отмечено, что положения о биосфере, функциях живого вещества, биогенных миграциях атомов и другие темы из фундаментального наследия В. И. Вернадского являются методологической основой для реализации научной и образовательной деятельности в Донецком государственном университете и системе высшего образования Донбасса в целом. Научная составляющая рассмотрена на примере выполнения государственных бюджетных тем на кафедре ботаники и экологии в тесном творческом сотрудничестве с кафедрой аналитической химии. Элементы учения В. И. Вернадского о биосфере являются неотъемлемой частью программ учебных дисциплин по экологии, биологии, биогеографии и химии на разных квалификационных уровнях подготовки специалистов в университетах Донецкого региона. Проводимая студенческая олимпиада по учебной дисциплине «Экология» для 15 вузов республики с 2015 по 2023 год всегда включает в базу вопросов отдельные факты из жизни и научных достижений В. И. Вернадского. Систематизированы данные специальных библиотечных указателей об экологической ситуации в Донбассе за последние 23 года. По публикациям (более 10 тыс. источников) проанализированы рубрики с тематической направленностью по учению о биосфере в библиографических кадастрах. Внедряемые технологии фитоиндикации и мониторинга на современном этапе отражают специфику выполнения индикаторной и информационной функций биосферы. Данные о сукцессионных процессах в нарушенных местообитаниях, в том числе в результате повышенного техногенного воздействия, рассматриваются как пример средообразующей функции живого вещества. Особенности накопления (гипераккумуляция, фитосорбция, элементы рекультивации) некоторых технофильных элементов в растениях связаны с концентрационной функцией биосферы. Доказано, что системы концентрирования отдельных токсичных веществ в растительных организмах сопряжены с их структурно-функциональными трансформациями. Это отражается в проявлении аномаль-

ного морфогенеза и тератообразования у растений. Поэтому антропогенно усиливаемые потоки вещества обуславливают изучение одновременного выполнения нескольких процессов живым веществом: от концентрационной посредством средообразующей к индикационной и информационной функциям. Вопросы научного наследия и прогрессивных экологических идей являются частью просветительской программы семинаров «Наука – первокурснику», регулярных заседаний студенческого научного общества биологического факультета Донецкого государственного университета. Идеология движущих биологических компонентов в эволюции природных систем во многом предопределяет направления в организации научной работы студентов при выполнении выпускных квалификационных работ. С 2023 года инициирован вопрос о присуждении специальных стипендий имени В. И. Вернадского студентам за выдающиеся успехи в области наук о жизни (как это было традиционно).

Ключевые слова: В. И. Вернадский, функции живого вещества, фитоиндикация, Донбасс, экологическое образование, мониторинг окружающей среды.

– Я так понимаю, что и о Вернадском ты кое-что знаешь. Познакомь нас сейчас кратко, а потом каждый для себя решит, насколько углубиться, – попросила Юля.

Хотя Катя не ожидала, что ей сразу предложат разговор о человеке, который определил смысл её жизни и благодаря которому утвердилась в правильности выбранной специальности, готовиться специально к этому не надо было. О Вернадском она могла говорить без всякой подготовки в любой день и в любое время дня и ночи.

Выслушав её рассказ, решили пополнить его и покопаться в Интернете, а потом обсудить тему на сборах, как это делали не один уже раз.

* * *

Автобус миновал городские окраины, которыми стали сёла, со временем войдя в черту города, поскольку, разрастаясь, город приблизился к ним. За окнами потянулись поля, зеленеющие свежими побегам. Ребята немного утомнились, переговорив обо всём насущном на сию минуту, и Юля посчитала, что можно завести разговор, к которому она подготовилась.

– Девочки-мальчики, хочу поделиться с вами тем, что вчера в Сети попалось на глаза. Это связано с Вернадским! Мы уже с вами с ним познакомились... немножко. А это ещё больше расширит ваш кругозор. А разговор пойдёт о ноосфере и биосфере... и про нас с вами. Надеюсь, вы уже читали о Вернадском. Мы, конечно, не такие мудрые, но стремимся к этому. Моё внимание привлёк анализ отечественной литературы на волнующую нас тему, сделанный Лидией Довыденко, редактором журнала «Берега». Я решила кое-что из её статьи сохранить для себя, да и для вас. Вам тоже не помешает это знать. На сайте «Русская Народная линия» Лидия Довыденко пишет:

«Национальная катастрофа в образовании, медицине, науке, культуре, искусстве, угрозы цифровизации и роботизации человечества – это следствие перевеса на планете Земля искусственного над живым, следствие гибели биосферы Земли, не дождавшейся ноосферы, в которой совесть и нравственность, гуманное сознание человека играют решающую роль. Катастрофические скорости исчезновения живой почвы, духовное оскудение, расчеловечивание и вопросы, кто и что за всеми этими кризисами стоит, – со всей остротой встали перед человечеством. Русские писатели с неослабным вниманием относились к теме сохранения жизни на земле и предупреждали своих читателей о губительности для человечества позиции: “Природа не храм, а мастерская” (И. С. Тургенев). А. П. Чехов говорил о том, что с убытием в природе, “убывает в человеке” человечности и социальной справедливости в обществе. Искусственный мир на Земле превышает сегодня природный, живой, и это превышение ускоряется.

Адский плавильный котёл, в котором из живого (невосполняемые природные ресурсы) варится неживое (техника, транспорт, гаджеты, спутники и другие материальные предметы, нацеленное на краткосрочное потребление), всё больше пожирает кислорода, воды, энергоносителей, заваливая планету ядовитыми отходами, уничтожая плодородный покров земли. Мы находимся на грани гибели, собирая остатки биологического вещества. Наука должна направить исследовательские институты на изучение этого явления и поиска выхода общественного развития в условиях катастрофы на планете в сохранении того, что ещё осталось».

– Самое интересное, что многие, и мы с вами, до недавнего времени не замечали не только размеров этой катастрофы, но и её саму, не думали об «адском плавильном котле», ничего не сравнивали и ничего не анализировали. И как же хорошо, что в нашем универе мы можем получить две специальности и работать сразу в двух направлениях. Эта её статья адресована прямо нам и таким, как мы, кто собирается посвятить свою жизнь защите дикой природы. Об этом и у Довыденко о романе киргизского писателя Чингиза Айтматова:

«Его роман “Плаха” призывает к ответственности за природу на земле. Он рисует катастрофические сцены бойни сайгаков. Рядом мчатся тигр и леопард – у них одна общая беда – человек. Технически вооружённый дикарь, манкурт обрекает природу, а значит, и себя на уничтожение.

Нужны высокодуховные, мудрые люди, герои, которые заставят проснуться человечество от летаргического сна технического прогресса. Ракетный обруч вокруг Земли – это тот же манкуртовский обруч вокруг головы человека, не помнящего родства, корней, Божественных заветов, материнских песен, отцовского тепла, земли Отечества, чести и достоинства. Спасти Землю и небо вокруг неё от тысячи ракет – это значит обрести свою родовую память, силу рассудительности, мудрость Святых всех религий – высший цвет человечества, и это призвание не только писателей, но и учёных.

...Сегодня почти не осталось на Земле места, где не было бы разрушительных для неё следов человеческой деятельности. Загажены ядовитыми отходами промышленности не только реки, озёра, моря, но и океаны, выхолощены и истощены бывшие плодородные поля, засорён даже космос оставленными и сломанными спутниками и ракетами. Биосфера, а это всё живое на земле, – подбирает остатки».

– Эти слова подтверждают, что мы на правильном пути, что моя задумка не местная затея, что об этом думали великие писатели и «сеяли зёрна» в восприимчивые души. К сожалению, я этой книги не читала. Но мне в душу зерно упало, наверное, с неба, когда я увидела наши города под смогом и рядом цветущие заповедные земли. А было это на Зуевской земле.

Результатом той поездки стало серьёзное размышление. Я не переставала восторгаться красотами, но и понимала, что вся эта красота недолговечна. Именно там посетила меня эта мысль. Именно там, вышагивая вдоль русел рек, наступая на упругий травяной ковёр, ощущая свою малость перед величественными отвесными стенами Зуевских скал, ощутила и величие Природы, и её уязвимость, восторги, прикасающихся к ней и алчность и злобность, уничтожающих её. И в сердце поселилась тревога, тревога за будущее Земли. Я никогда не задумывалась над тем, что деятельность человека приносит вред Земле. По дороге смотрела на терриконы, припудренные угольной пылью посёлки, мрачные запылённые здания заводов и ТЭЦ и думала, как среди этой сети индустрии ещё держатся заповедные островки.

Промышленность губит природу, а без неё человек не выживет, вот и развивает промышленность, несмотря на то что на планете перестают существовать условия, необходимые для продолжения жизни не только человечества, но и растений и животных. Получается какой-то заколдованный круг: мы убиваем планету и самих себя. Именно наши действия приведут к сведению на нет условий существования, и наша беда кроется в нас самих, а у Земли ещё будет не одна геологическая эра, чтобы вылечить себя и породить другие формы жизни.

– Почему же так происходит? – задумалась Лиля.

– Экологи оберегают заповедники, а получается, что надо оберегать человека от него самого, – заключила Вика.

– Прежде всего, в лечении нуждается наше отношение к природе, наш взгляд на мир, – ответила Юля. – Как же изменить этот взгляд? Как изменить сознание человека? А лечение окружающей среды станет естественным следствием этого. Если этого не произойдёт, человечество само себя убьёт. А пока экологи, как могут, помогают и Земле и человеку.

– Вот об этом и у Довыденко написано, – подтвердила Катя. – А ещё она призывает «обрести свою родовую память, силу рассудительности, мудрость Святых всех религий». Это обширная программа, и для её выполнения потребуется много времени, и заниматься этим будет не одно поколение, но мы начинаем. Мы с ними, и молодец ты, Юля, что собрала нас. И спасибо Лидии Довыденко за эти слова, за то, что дала нам возможность утвердиться в своих начинаниях и определила программу

действий. А давайте напишем ей об этом. Юль, тебе, как нашему лидеру, поручаем отослать ей письмо с благодарностью.

– Это ещё не всё. Я тут о биосфере и ноосфере взяла: *«Сегодня многие учёные обратили свой взгляд к учению В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере. Ноосфера – это мыслящая оболочка Земли, это сфера разума и науки, взаимодействия природы и общества. Наряду с огромной потребностью – сохранения биоресурсов, не менее важно понимание, что самый большой урон биосфере наносит массовое технократическое мышление, формирующее глобальную городскую техносферу, техногенную, губительную среду обитания человека и живых организмов ради прибылей и сверхприбылей отдельных людей и государств».*

– Мы родились с вами в городе. Наши мысли текут в том же русле, каково оно у окружающих нас родителей, соседей, учителей, наставников. Мы родились с этим. С рождения видим заводы и шахты, но нам и в голову не приходило, что они приносят вред, – рассуждала вслух Вика. – На заводе работали бабушка и дедушка, хорошо зарабатывали, в отпуск по бесплатным путёвкам в санаторий ездили. Бабушка рассказывала, что в санаториях их и лечили бесплатно. Больница была при заводе бесплатная и много всего другого. Кто же откажется от такого завода и скажет, что он что-то там портит? Оно же не видимо и не ощутимо. А кто от цифровизации откажется?.. от смартфонов и Интернета... ведь удобно же всё стало, и времени сколько сэкономишь!

– Несомненно, быстрее человечество в могилу закопаем, – подтвердила Лиля. – Я всегда думала: «Неужели правда про Вавилонскую башню?» Сейчас не просто думаю, а нутром ощущаю, что сами себя гробили и не понимали этого. А зачем такое неразумное человечество Богу нужно? Неужели неудавшийся эксперимент? Страшно становится.

– Шансы ещё есть исправиться, пишут же понимающие, – попыталась успокоить разволнованных друзей Юля и продолжала читать: *«Некоторые из учёных, например Э. С. Демиденко, доктор философских наук, создатель философской школы в Брянске и Всемирной Информ-Энциклопедии в Калининграде, предупреждает об омертвлении биосферных пространств уже в 22-м веке. Это уведёт землян в города, в которых будут выживать на биотехнологических процессах питания и оздоровления. Чтобы не допустить этого, предстоит восстановительная работа – массовая, трудная, если люди осознают масштабы работ, чтобы избежать омертвления Земли».*

Следует учитывать, – пишет социальный философ и эколог Э. В. Гирусов, – что времени остаётся очень мало для проведения подобной работы, т. к. биосфера находится на пределе своих возможностей саморегуляции, которые уже превышены человеком более чем в 10 раз, он ставит вопрос о жёстком научно-обоснованном государственном контроле использования земных ресурсов.

Нам необходимы “духовное мужество”, “духовная внутренняя напряжённость”, и нам необходим диалог между цивилизациями земного шара.

Для сохранения биосферы и биоресурсов нужно преодолеть острые разногласия между ведущими государствами мира, чтобы объединить их для решения жизненных вопросов. Только сообща возможно открыть пути к научно-рациональному решению не только экологических проблем, но и сохранению биосферной жизни на Земле и её совместимости с миром искусственным, но рационально построенным на биосферном фундаменте.

Вопрос сохранения остатков биосферы напрямую связан с духовным и культурным оскудением человечества. О Вечности и её непознанной тайне, о преодолении духовного скатывания к мещанскому потребительству – эти вопросы поднимали ещё в первой половине 19-го века славянофилы. Они открывали своим учением горизонты вселенского масштаба. Сегодня графомания планктоном выстелила землю так, что плодоносящему дереву негде бросить семена, чтобы этому семечку прикинуть к почве и пустить росток. Талантливый мыслитель – именно это плодоносящее дерево, в то же время он часто ощущает себя инкогнито в мире, где уже давно не слышали о том, что поэты и философы заклиная человека “не спать разумом”. Это сыновья и дочери побед духа, они могут научить, “что делать”, “как не бояться”, потому что поняли свой удел – несение креста, изо всех сил любя и прорастая “готовностью целовать уникальную планету Земля”» (https://ruskline.ru/news_rl/2023/03/11/nano_i_bio_kto_kogo).

Эти слова взволновали присутствующих, и несколько минут они сидели молча, обдумывая услышанное.

– Как же сильно сказано, – Катя первая осмелилась нарушить тишину, – «сыновья и дочери побед духа!» Не знаю, сможем ли мы полностью соответствовать этим дочерям, но свою лепту в спасение Земли внесём. И мы не случайно все здесь собрались. Господь при рождении нам дал задание, нас готовили к этому, иначе быть не могло. Если мы слепые, не видим, что творится с Землёй, то высшие нас по разуму это прекрасно понимают.

– А я благодарна Богу за то, что он меня надоумил собрать вокруг себя вас – единомышленников... и наше число растёт. Сейчас нас десять. Если каждый из нас пробудит ещё одну душу, нас станет двадцать, а те – по одной, нас станет сорок. Помните, Катя приносила цитату Циолковского: «В Золотой век войдут люди, которые научатся объединяться. И объединение имеет тоже свой закон: две ауры усиливают друг друга в 7 раз, если люди – единомышленники, волна одинаковая, в одну цель направлена. 3 человека – в 7 в квадрате, то есть в 49 раз. Если 4 человека – они усиливают друг друга в 7 в 3-й степени – в 343 раза! Поэтому чем больше людей, тем ценнее каждый следующий, он умножает силу во много раз. Коллектив – великая сила»?

– Ой! – вскрикнула Вика. – Мне только сейчас стукнуло в голову, почему в советскую эпоху развивали коллективизм. А мы, дураки, за свободу одиночника глотку рвём!

– Сейчас пишут в сетях, что нэп Ленина был лучше коллективизации Сталина, и это доказал Китай. Нэп более живучий, а СССР распался, – сомневалась Ира.

– Потому что у Китая был лидер хороший, а у нас после смерти Сталина не нашлось такого лидера, который бы повёл страну к высотам, – ответила Юля.

– А я читал мнение, что Китаю Америка подсунула методичку и помогла, наверное, хотела Китай против России натравить.

– Получается, что не живуч сам по себе коллективизм, – в раздумье произнесла Юля. – Такого быть не может. Чтобы мы нашли правильный ответ, надо хорошо знать историю и политику, что мы с вами о себе сказать не можем... сейчас, во всяком случае, но надо спросить у тех, кто это изучал. Помимо всех наших обязательных дел, давайте займёмся и этим. Всё спрашивайте у старших и узнавайте, записывайте ответы. Я думаю, надо будет по группам бросить клич, и организуем конференцию, пригласим историков, философов, политиков. Я считаю, каждый должен знать правильный ответ. Может, так надо было Стране Советов, народ проверялся на достоинство перейти на высшую ступень. Значит, не выдержали экзамен, теперь пробираемся сквозь тернии. В одной из бесед с Наталией Александровной, а она была о распаде, правда, ни о коллективизме, ни о нэпе мы не говорили, она сказала: «Не знаю, сколько лет пройдёт, но снова все объединятся. Я это видела сразу, ещё тогда, когда разделились. В моей голове прозвучали слова: “Наиграются царьки, натешатся, намыкают горя в одиночестве и соберутся вместе”».

Узик поворачивал, чтобы съехать с трассы на Васильевку. Папа Лили работал на маршрутке. Сегодня у него был выходной, и он согласился отвезти компанию. Внимание пассажиров переключилось на пейзажи за окном. Их привлекли красивые красные скалы, протянувшиеся неровным шнуром вдоль берега.

– Юля, что дают заповедники, кроме как побродить, полюбоваться, повосторгаться и расширить свой кругозор? – спросила Аня, новенькая, пришедшая в группу только на прошлой неделе, одиннадцатиклассница одной из городских школ.

– Особенно в нашем промышленном крае они необходимы. В зонах нетронутой природы сохраняются в естественном виде почвы, грунтовые воды, растения и животные. Эти места являются эталоном растительных и животных групп. Ведь их равновесие и устойчивость формировались на протяжении нескольких тысячелетий.

– А в Зуевке? Там ведь парк создан человеком! Я была там с родителями.

– Природа-то там заповедная, а человек нанёс косметические штрихи, слегка облагораживая эти места... тот же колодец, мосток и прочее, отметил границы заповедника: вот тут копать можешь, а тут и плюнуть не смеешь, ибо заповедное со времён создания планеты.

– А война всё перепахала, – посетовала Лиля.

– Навредила много. И не только перепахала, но и отравила, – добавил друг Ани, которого она взяла с собой, с разрешения Юли, в эту поездку.

Юля приветствовала появление школьников в группе не только потому, что это будущие защитники природы, но и будущие студенты универа.

– Да, – подтвердила Юля. – Сколько радиации в земле. Там, – Юля указала рукой на запад, – поля изувечены воронками от снарядов, срезаны лесополосы, и нашему поколению всё это восстанавливать. А сегодня главная наша цель – познакомиться с единственным на земле цветком, который отметил нашу землю своим проживанием. И называется он аистник Бекетова, поскольку этот Бекетов его и нашёл, и описал. Бекетов мог бы вообще ничего не делать. Чтобы прославиться, ему достаточно было быть дедушкой Александра Блока, – рассказывала Юля. – Итак: «Аистник Бекетова. Кальмиус. Заповедное урочище “Васильевка”, узкоареальный эндемик, который встречается на каменистых склонах только вдоль берегов Кальмиуса в ДНР». Энциклопедия.

Аистник Бекетова (*Erodium beketowii Schmalh.*) – редкий эндемический вид с узким ареалом из семейства гераниевых. В пределах Донбасса изредка встречается на обнажениях Приазовского гранитного кряжа, по коренным берегам Кальмиуса (Васильевка, Гречкино, Старая Ласпа).

– А ты откуда узнала? – спросила Вика.

– Я имею привычку читать всё, что выкладывает Роман Кишкань. Вот у него и узнала, и захотелось мне на него (не на Кишканя, а на цветок) посмотреть. Едем. Посмотрим.

– Зачем дедушке Блока надо было бродить в наших краях? – поинтересовалась Лиля.

– Потому что он был... сейчас прочту... я здесь выписала, чтобы не ошибиться:

«Андрей Николаевич Бекетов был ректором Императорского Санкт-Петербургского университета с 1876 по 1883 год; организовал издание первого русского чисто ботанического журнала “Ботанические записки” (*Scripta Botanica*);

с 1892 по 1897 год состоял редактором отдела биологических наук в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона;

в 1861–1863 годах Бекетов редактировал “Вестник Императорского Русского географического общества”;

по инициативе Бекетова при Санкт-Петербургском университете был устроен ботанический сад; автор первого в России полного систематического учебника ботаники и учебника по географии растений;

разрабатывал многие вопросы экологической географии растений;

дед поэта А. А. Блока, друг Менделеева, учитель Тимирязева и Вернадского».

Подробнее: <http://www.penzahroniki.ru/index.php/spravochnik/147-..>

– Ух ты! Одни знаменитости! А мы, простофили, живём и не знаем, – посетовала Ира.

* * *

Завидев молодёжную компанию издалека, Степанида Никифоровна встревожилась. Не хотелось ей, чтобы эти, для неё особые места, даже можно сказать сакральные, были осквернены атрибутикой нынешней молодёжи: кострами, бутылками энергетиков или алкогольных напитков и прочего непотребства.

Проходя мимо молодёжной компании, отметила, что молодёжь ведёт себя не развязно, не пересыпает свою речь матами, как стало приемлемо последние годы, а весьма серьёзно о чём-то рассуждает. Она замедлила шаг, даже приостановилась, как будто поправляя ботинок, и до её уха долетело слово «аистник Бекетова» О! Ей, бывшему учителю ботаники, очень даже хорошо известен этот цветок. Она обернулась и присмотрелась. День был солнечный, и оно хорошо пригревало, радуя первую зелень и молодёжь своим вниманием. На многих были расстёгнуты куртки, и она на футболках увидела надпись «степняки».

Это должна быть не просто хорошая молодёжь, а выдающаяся. И она, в прошлом учитель ботаники, решила подойти к ним поближе, уверенная, что может им рассказать интересное. Что о Бекетове они знают, поняла... но засомневалась: произносить – это ещё не значит знать смысл. Она сошла с тропинки и направилась к компании. Увидев её, идущую по траве, одна из девушек, крикнула:

– Бабушка, осторожно! Не ходите по траве, на лепесток можете наступить.

– Какой лепесток, деточка?

Но девушка уже подбегала к ней, внимательно всматриваясь в траву под ногами.

– Это такие маленькие мины. У нас их полный город. При обстреле кассетные снаряды разбрасывают.

– До нас они не достают. Нет тут у нас таких, а вот Докучаевску и их соседям достаётся от иродов проклятых. А вы откуда будете?

– Из Донецка. Приехали на аистник Бекетова полюбоваться.

– Бекетов был первый ботаник, заметивший этот цветок. И надо же, не вывелся, не пропал, растёт и цветёт до сих пор, причём в единственном месте на земном шаре. Всевышний отметил им важное место на Земле, чтобы мы обратили на него внимание и изучали. В этих местах мог зародиться океан, здесь сохранился палеовулкан. Эти знания и ещё, которые откроют учёные, очень нужны человеку в будущем. На Земле нет ничего случайного. А где учитесь или работаете, и почему у всех одинаковые футболки?

– Мы из разных университетов и институтов, но объединяет нас любовь к природе, и мы озабочены её сохранением.

– И есть среди вас ботаники, биологи?

– Есть, – отозвалась Катя.

– Я всю жизнь проработала учителем ботаники в Васильевке. А почему себя степняками называли?

– Всё началось с Хомутовской степи. Я приехала в заповедник и влюбилась в степь, – объяснила Юля.

– Ты не единственная. В неё нельзя не влюбиться. Приглашали меня и в Донецк на работу, и в другие города... нет! Лучше этих просторов, – она, развернувшись и поведя рукою, как бы показывая окружающую природу, продолжала: – ничего прекраснее нет. И никто лучше Чехова о ней не сказал. Если читали его повесть «Степь», если смотрели фильм Бондарчука, не могли не читать и не слышать. – Она помолчала, всматриваясь вдаль, в тот прошловековой пейзаж, который видел Чехов, глубоко вдохнула целебный воздух ещё той, чеховской, степи с волшебными переливами ковыля и тихо продолжала: – «Перед глазами ехавших расстилалась широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется справа от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь, едешь и никак не разберёшь, где она начинается и где она кончается». И особую красоту летней степи придаёт цветущий ковыль. Под порывами ветра его соцветия – метёлки серебристого цвета – создают впечатление волн, катящихся по степи. Завораживающее действие производит степь. И хочется, чтобы так было всегда, чтоб в этом году, и в следующем, и потом, и всегда эти серебристые волны катились по нашей земле, уводя человека в чарующий мир природы, вызывая у него раздумья о вечном и сиюминутном. Так он и не переведётся – Господь об этом позаботился: его плоды снабжены волосками, направленными вверх, и особой остью, которая далеко разносит их, даже на сотни метров от материнского растения. Обязательно летом приезжайте на заповедные степи, не пожалеете. И я уверена, скажете: «Волшебство и только! Права была Степанида Никифоровна. Вот где вечность протягивает руку помощи сегодняшнему человеку». И я уверена, что уйдёте с этого поля полные сил, здоровья и радости. И по-другому посмотрите на жизнь, на то, что происходит в городе здесь и сейчас и чему отдавала предпочтение вечная Вселенная, и приблизитесь к пониманию задумки Всевышнего.

Молодёжь, удивляясь памяти бабушки, наперебой говорили ей комплименты.

– Даже в созвучии «степь» есть уже нечто чарующее, наделённое Богом силой, терпением и неиссякаемой энергией, которой она делится не только с флорой и фауной, но и с человеком, её населяющим, и даже со случайным путником, потому что она привыкла противостоять стихиям: сильным и холодным ветрам зимой, палящим лучам солнца и пыльным бурям, и знает всему этому цену. Степь, – помолчав, продолжала: – она разная. Где-то – один ковыль, где-то перемешан с яркими цветами, а где-то – полынно-типчаковая. Степи занимают обширные равнинные пространства, и произрастают на них только те растения, которые приспособились к засушливому климату. В натуральной степи деревьев не бывает, разве только возле рек или прудов. А вот те зелёные посадки, что вы видите вокруг, насадил человек, помогая и себе и природе. Мы знаем и видим только кусочек степи, а евразийская степь растянулась от Венгрии через Среднюю Азию до Маньчжурии. На востоке горные хребты разрезают её на отдельные участки. Вот эта степь, самая удобная для жизни, является колыбелью человечества, она и взрастила его. И степняки, выросшие на ней, питающиеся её соками, обладают теми же свойствами. Они обстоятельны, искренни, тру-

долгобивы, выносливы, способны противостоять губительным ветрам перемен, которых почище любая пыльная буря. Но ветер утихнет, пыль уляжется, пройдет дождик, унеся её вглубь, снова выглянет солнце, и засияет степь под его лучами разноцветными искрами растительности. – Степанида Никифоровна замолчала, повернувшись к западу и показывая рукой: – Там, где идут бои, все посадки выкошены снарядами, как трава косой. Видела по телевизору – одни пеньки остались да голые палки торчат. А ведь деревья специально насаждались, чтобы нас не донимали пыльные бури. Высаживают уже и сейчас, я слышала, что привозят из России посадочный материал и высаживают в тех местах, куда враг уже не вернётся... но это ж сколько лет пройдет, пока саженцы вырастут в огромные деревья.

– Какое счастье было дано детям – быть вашими учениками, слушать вас. Мы так благодарны вам за рассказ и уверены, что в кладовых вашей памяти есть много интересного. Расскажите, пожалуйста, нам, – попросила Юля.

– Почему человек проходит мимо этих базальтовых красивых и таинственных скал, мимо цветущего на них аистника? Из-за своей ограниченности, из-за незнания. То, чего человек не знает, то, во что он не вникает, то есть не имеет интереса, то он считает ему ненужным. Глядя на этот яркий сиреневый ковёр, раскинувшийся на вершине скал красного гранита, всегда удивлялась: как можно пройти мимо такой красоты равнодушным. Как можно пройти мимо ярких цветов, сохранившихся в этом, единственном месте на Земле... на всей планете аистник не нашёл лучшего места. Хоть что-то должно дрогнуть у человека, увидевшего неповторимую красоту, это хоть что-то должно подсказать человеку, заставить его задуматься, остановиться, присмотреться и к цветкам, и к месту, выбранному ими. И ведь это не простое место. Не зря эти геологические явления называются обнажениями. Перед нами во всей первозданной наготе предстаёт древний мир первых времён, когда планета выстраивала свои недра в удобоваримое для неё состояние. Когда я смотрю на эти скалы, мне кажется, что это руки, протянутые к нам из недр Земли, от самого её сердца, для рукопожатия, это весточка из самого первого времени всем поколениям землян. Они же прямо на виду, на открытом месте, подходите, прикоснитесь к истории своего Дома, приложите ладонь, почувствуйте токи Земли. Тот, кто погладит эти суровые скалы и почувствует доброту и земную любовь к нам, никогда не посмеет осквернить Землю, принести вред. – Степанида Никифоровна замолчала, переведя свой взгляд ниже, к зелёному бархату побережья вдоль Мокрой Волновахи.

Воспользовавшись паузой, Лиля спросила:

– А вы думаете, что нас любит Земля, таких злостных вредителей, которыми являются люди на сегодняшний день?

– Если бы не любила, давно бы сбросила. Наверное, к этому всё и идёт. Неразумное человечество, похоже, перешло все пределы, нарушило все дозволенные отклонения и, «закусив удила, летит в пропасть». Но это отдельный и серьёзный разговор. А я смотрю вот туда. – И все повернулись, куда она показывала рукой. Там, внизу, у подножия скал, была братская могила. – Там лежат те, кто любил её больше себя, те, кто отдал жизнь за неё. А недалеко от неё археологи, ведущие раскопки в разные времена, обнаруживали древние артефакты. Здесь с древних времён селились люди, и они нам оставили следы своего пребывания на планете – это и бронзовые изделия, и предметы Средневековья. Чуть ниже к югу от урочища, в хорошо известном миру Васильевском кургане, обнаруженные археологами предметы рассказали о быте людей своего времени и бытовыми предметами, и орудиями труда и охоты, и украшениями. Я своих учеников возила в областной краеведческий музей, чтобы они всё это посмотрели и имели представление о том, что люди, жившие на этих землях, не были дикарями. А это знание много значит для развития мировоззрения и отношения к земле не только как к саду-огороду, а как к планете, к нашему Единому Дому, в котором мы поставили свои домики. Если кто-то из вас ещё не был в этом отделе краеведческого музея, зайдите, познакомьтесь. Уверенна, вы найдёте нечто удивительное для вас. У меня сегодня праздник, и этот праздник сделали вы, любознательные дети своей родной земли. Мне очень приятно с вами общаться, но время обеденное и мне пора травку пить перед обедом. Я уйду и приглашаю вас на деревенский обед. Живу одна, и борща у меня мало, а вот картошкой, салатом и молоком могу угостить. Выбирайте: отварить картошку и залить салом с луком или поджарить.

– Отварить и полить жареным салцом с лучком, – почти единогласно проголосовали проголодавшиеся к этому времени путешественники. – У нас и с собой есть бутерброды. Мы и вас угостим.

Вся компания спустилась к машине, восторгаясь и рассказом Степаниды Никифоровны, и всем, что увидели сегодня.

Обед прошёл в шумной и радостной обстановке. Каждый пытался высказать своё мнение и свой восторг по поводу услышанного, просили Юлю летом организовать поездку в Хомутовскую степь, просили Лилю уговорить папу их отвезти, надеясь, что к этому времени укропов отгонят подальше и снимут пост, пропускающий в том направлении только по пропускам по причине военного времени. После обеда пошли за грибами.

– Я знаю грибные места. Это далеко от жилья, но стоит того, чтобы там побывать и посмотреть на это апрельское чудо. Грибы – в апреле! У кого есть такая красота?! А у нас, степняков Донбасса, это есть! Не знаю, как вас, а меня всегда радуют не только первоцветы, но все ростки, которые пробиваются из земли. Это такое торжество жизни, уничтожающее все мысли о конце света. Никогда не будет конца света. Мы не будем, а свет на Земле будет. И что ещё интересно: многие не любят запах полыни, её горечь, а вот сморчкам она по вкусу. Там они и селятся. Сами убедитесь – на ярко-зелёном бархате нежной короткой полыни бежево-коричневые шляпки, несмотря на то что по диаметру они небольшие, но в высоту сантиметров двадцать будут, а то и больше. Взрослые весят до двух килограммов. Наверное, потому и любя ему полынные степи, что он ярко на них выделяется. Степной сморчок похож по форме тела на цветную капусту.

Хотя Юля и знала, что сморчки уже проросли, и приготовила этот сюрприз на закуску, и надеялась их собрать, теперь понимала, что без Степаниды Никифоровны они бы поляну эту не нашли. Дома думала, что они прямо под ногами растут, а к ним ещё порядочно надо было проехать. Высадился городской десант «степняков» и онемел от увиденного: такая красота! И хотя бабушка и рассказала им и про бархат полыни, и про расцветку шляпок, но увидеть это воочию для них было неожиданно. Зелёная густая полынь уже покрывалась кое-где белёсыми мазками, а на ней важно восседали оттеняющими шляпками сморчки, словно художник – природа специально выбирала для них места. А шляпки? Это изящное нагромождение коричневых оборок с бежевыми и кремовыми краями, присобранными вместе вокруг предполагаемого центра, являли утончённое украшение. И правильно! Девчонки тут же примеряли эти живые шляпки, прикладывая их к головам и, кокетничая, задавались друг перед другом своим предметом роскоши. Жалко, что не было ребят с ними. Они были призваны и ушли на передовую в первые дни специальной военной операции.

– А между прочим, сморчок степной – Красная книга Донбасса... если официально, то ДНР. Хотя она народная больше по названию, чем на деле, но, думаю, всё только начинается. Я и радовалась, когда наши ребята ОГА брали, и сомневалась, что у них что-то получится, ведь эти жирные и жадные олигархи, в прошлом такие же, как и все, не отдадут награбленное народу, кстати, тому, у кого грабили. Но, похоже, получится, раз и Россия пошла в этом направлении, и раз у нас в Донбассе есть такая молодёжь, как вы.

– Да мы такие же, как и все, – пыталась убедить бабушку Катя. – Мы ничем не отличаемся от других.

– Отличаетесь, даже от наших деревенских, где мораль всегда была строже, чем в городе. Если говорить коротко: у вас есть стыд, а значит, совесть, а это много значит. У вас это слово не звучало в словах, но оно звучало в вашем отношении к миру и в ваших действиях. Об этом говорит даже ваш наряд. Поехала я однажды в город. Еду в трамвае, и возле меня стала девушка. Между мелкими джинсами и топилом серый прыщеватый живот. Мне плохо стало! Я не могла ей сказать при людях об ужасе её бесстыдства, а просто встала и ушла, многозначительно посмотрев на её срам с презрением, надеясь, что она задумается. Сейчас перестали стыдиться. Не стыдно нарушать правила морали, не стыдно показывать голое прыщеватое пузо, не стыдно врать и обманывать, не стыдно подличать и предавать. Были и раньше такие люди, но это были единицы. Сейчас среди молодёжи – почти поголовно. Редко встретишь таких, как вы, поэтому я и обрадовалась. Глядя на вас, и другие подтянутся. Я своих правнучек школю. Они иногда обижаются на меня, но всё равно любят. Я им часто повторяю слова Сократа: «Сладкую еду, богатые одежды, всякую роскошь – вы называете счастьем. А я думаю, что ничего не желать – это самое большое блаженство, и для того, чтобы приблизиться к этому высшему счастью, надо приучить себя нуждаться в немногом».

– Это они у вас убирают?

– Конечно. У меня четыре внуки. По очереди приезжают каждую неделю убирать и мыть полы, стирают, а я стараюсь сильно не мусорить. Всё зовут в город, а я упираюсь. Понимаю, что, если свалюсь, придётся подчиниться, но молю Бога, чтобы мгновенную смерть послал. Я люблю своё подворье, деревню, которая уже превратилась в посёлок городского типа. Здесь мне всё дорого и мило, а в городе – чужое. Я там маяться буду.

Восторженные от общения с природой, с полными пакетами грибов в апреле, чем удивят всех друзей и знакомых, возвращались в город уставшие, но довольные.

Юля, вдохновлённая удачной поездкой, с радостью отмечая блестящие глаза «степняков», думала о следующих вылазках. Столько интересного в донбасских краях и с точки зрения флоры и фауны, и с точки зрения истории. Здесь и самая древняя в истории Европы стоянка, и костыще, здесь, и курган Саур-Могила, в котором, по легенде, спит бог древних русичей Сварог, и многое другое. Зимой удалось проехать в мини-каньон Скелевой балки, прикоснуться к Булавинской истории, к восстанию, возглавленному им. Вспомнились прошлогодние поездки с Андреем. Жалко, его нет с ними, он бы рассказал, и она решила поведать свои знания «степнякам».

– Кто из вас знает, что мы живём на дне океана, ходим по дну океана?

Все на неё посмотрели с удивлением.

– Да. В глубокой древности, которая исчисляется десятками миллиардов лет, здесь шумели волны океана. Он отделял Европейский и Сибирский континенты от Африканского и Индостана, соединяя Тихий и Атлантический океаны. Учёные его назвали Тетис. Она была дочерью Урана (Неба) и Геи (Земли).

– Как интересно. А что с ним стало?

– Что вообще происходит в природе? Земля же живой организм, а не закаменевшее безжизненное тело. И внутри неё, и в корке всё время происходят какие-то процессы. Этот океан просуществовал миллиарды лет, меняя свои очертания, в связи с изменениями в планете, с движением тектонических плит и дрейфа континентов. Земли поднимались, вода стекала. Потом океан превратился в Сарматское море, объединившее в себе, как мы теперь понимаем, Чёрное и Каспийское. А Крым и Кавказ возвышались над водами островами.

Возвращались в город, напившись вольным духом ароматной апрельской степи и налюбовавшись её красотами, говорили о том, что хотелось бы почаще выезжать на природу, но опасно, можно попасть под обстрел. А когда война закончится, никто не знал.

Поэзия

Станислав Федотов

Станислав Петрович Федотов – член Союза писателей СССР с 1973 года. По высшему образованию физик-радиоэлектроник (Томский университет). Работал на оборонных предприятиях, учился в аспирантуре, писал стихи и пьесы. Публиковался в журналах и альманахах. Путёвку в большую литературу получил от Ярослава Смелякова и Егора Исаева. Первая книжка стихов – 1965 год, первая постановка пьесы – 1976-й (Томск). Автор 12 книг стихов, 2 романов, 1 повести, книги драматургии. Лауреат международных премий – им. В. Пикуля и «Рукопожатие». Награждён знаком Минкульта РФ «За достижения в культуре», медалью Ивана Бунина «За верное служение русской литературе», медалью «За вклад в литературу России XXI века», медалью «За заслуги перед городом» (Томск).

НА ЛИНИИ ОГНЯ

Лирический репортаж

1.

Мне подарил её Александр Шумилкин, народный художник республики. Для нашей небольшой комнаты картина была великовата, но я всё же повесил её так, чтобы при входе она сразу открывалась глазам. На полотне была осень – на крутом яру над зеркальным плёсом золотились берёзы и рдели осины. А на переднем плане стояли и лежали чёрные остовы деревьев и холмики песка покрывал сероватый снег. Это я тогда подумал: снег – и только потом понял, что это – пепел...

Спасибо, Саша, за подарок.
Он страшен,
Твой «Сгоревший лес»!
Пожар,
безумствующе жарок,
Не преступил воды урез.
Ушёл...
А с ним ушло и лето.
Остались сполохи беды –
Деревьев чёрные скелеты
У чёрной мертвенной воды.

Пожар ушёл, но яр высокий,
Волной взлетевший к небесам,
Огня сжигающие соки
Впитал
И полыхает сам.
Цвета безжалостно сминая,
Застывшим пламенем слепя,
Горит,
Кого-то обвиняя...
Быть может, нас?
Меня?

Тебя?

Да что считаться –
Всех, пожалуй
(кто даже мух не обижал!), –
За все прошедшие пожары,
За каждый
будущий пожар.

...Вина,
Она неотвратима!
По крайней мере, для меня:
Как часто проходил я мимо
Опасно тлевшего огня.
Он, зачинавшийся несильно,
Когда вокруг – бездумья сушь,
Сулил не гибель древесины –
Утрату человеческих душ.
Могло движенье или слово
Унять,
Утишить,
Уберечь... –
Но – мимо!

И пылала злоба!
И горе рвало чью-то речь!
И подлость не щадила старых!
И поднималась ложь в цене!..

Спасибо, Саша, за подарок:
Он не даёт покоя мне.

2.

– Салманов... Салманов... Клешнин вызывает Салманова...

– Салманова нет, Коля. Вертопрахов на связи. Что, пожар?

– Запиши, Борис: квадрат 241, верховья Лисицы.

– Большой?

– Пока два-три гектара. Низовой.

– Записал. Салманов летит, будет минут через двадцать. Решим, что делать. Людей нет, все на пожарах. Осталось человек пять...

Как цветущая сарана,
Гроздь радиоантенн.
Лесоавиаохрана –
Три клетушки,
Десять стен.

В сборной – главной комнатухе –
Печь да скамьи (можно спать),
Стол тесовый,
доминушки,
Чтобы время коротать.
Бак с водою в уголочке...
У радиста за стеной,
Как пожара отголоски –
Треск эфира,
свист и вой.

У начальства в кабинете
(площадь – два на три шага)
В закодированной сети
Подопечная тайга.
Топи, дебри – жуть несмелым!
Территория – не люкс,
Но такая по размерам –
Спрятать можно БеНиЛюкс.

Сколько ж надобно народу,
Чтобы, сроки сжав в горсти,
Эту дикую природу
От напасти упasti!
Здесь труды – не для хорала.
Туш не взбадривает глушь.

Лесоавиаохрана –
Сорок пять – всего-то! – душ!
Сорок пять!
(А надо б – триста.
Из деревьев, что ль, тесать?!)
Двадцать два парашютиста,
Два летнаба и – десант.

А пожары, а пожары
Чуть не всю тайгу пожрали.
Людам отдыха – ни дня:
Все – на линии огня.

Что останется потомку?
Где-то вновь дымится бор,
И последнюю пятёрку
Вертолёт берёт на борт.
Хоть меня и робость гложет,
Я прошусь, её гоня:
– Я ведь должен... с вами тоже...
Быть на линии огня.

Слышу речь свою чужую:
– Коль на базе просижу,
Разве правду напишу я?
Правду разве расскажу?
(Боже мой! Кольнуло жалом:
Сколько раз – не сосчитать! –
Не лицом к лицу с пожаром
Правду
я не смог сказать.

Трезво, не сжигая моста –
Грош цена, когда в гульбе, –
Причиняя беспокойство
И начальству, и себе.
Объяснение простое
Находил, махнув рукой:
В стенку биться лбом не стоит,
Разве я один такой?)

И сказал летнаб неспешно:
– Да, от правды вам, конечно,
Уклоняться не к лицу.
Собирайтесь!
Я лечу?!

Я – лечу!!!
Мороз по коже:
То восторг знобит, пьяня.
Я лечу!
Я должен тоже
Быть на линии огня.

3.

СПИСОК на вертолёт Ми-4 № 66890
Белый Яр – верховья р. Лисица

1. Гагаев
2. Коркин Л.
3. Коркин П.
4. Иванов
5. Терентьев
6. Федотов

Ст. летнаб Салманов.

Вертолёт раздулся: он набит битком.
(Нас за перегрузку лётчики честили.)
Врезываясь в север нимбом-ободком,
Тарахтит архангел типа Ми-4.

Воздух сизо-жёлтый, как плохой портвейн.
Духота струится, иссушая тело.
Но летнаб Салманов достаёт портфель:
При любой погоде «состоится дело».

Стар брезент портфеля: с края – бахромит,
Ремешки-застёжки не сильны здоровьем...
Но из пластилина штампик хоронит
То, чего не должно ведать посторонним.

Вдруг да разудалый сыщется мастак
До чужих секретов – уследи за ним-ка...
А в портфеле – карты, и такой масштаб,
Что видна без лупы каждая заимка.
Их из рук, наверно, выпускать нельзя,
А смотреть – с оглядкой:
Не подкрался ль ворог...

Говорит Салманов:
– Есть у них изъян:
Съёмка устарела лет почти на сорок.
И теперь под нами многое не так:
Изменились реки,
Вся-то жизнь лесная...
И цена тем картам – красная! – пятак,
А другие будут, скоро ли – не знаю.

Лётчик-наблюдатель вновь к листам приник,
На таблице сложной что-то вычисляя...

Будто на пожар,
Мы мчались напрямик.
На пожар –
и вправду! –
Мать моя честная!
Над землёй, которой знать никто не мог,
О которой даже устарели слухи!..

Где горит – пилоты целят на дымок.
Если много дыму – уповай на случай.
Есть шестое чувство – по нему следи.
Если заблудился – ничего, мужайся...

Но когда *такое* не с тайгой – с людьми,
К их беде дорогу не найти – ужасно!

4.

Десантники сняли энцефалитки, рубахи и сидят обнажённые по пояс, расслабившись перед будущей тяжёлой работой.

Они чертовски красивы, мои новые неожиданные товарищи!

Старший десантник Яша Гагаев (его ещё называют Янисом, а по-настоящему он – Ягфар), высокий девятнадцатилетний татарин из Бузулука, устроившись на рюкзаках, уткнулся в книжку. Он по-юношески угловат, стеснителен, оторванный от родного дома, видимо, скучает по нему, и товарищи относятся к Яше ласково, заботливо.

Коренной белоярец Слава Иванов, белоголовый, весь какой-то подобранный, подтянутый, чувствует себя совершенно свободно. И то сказать: сколько за семь лет он совершил этих полётов-бросков на пожары, чего волноваться!

Дядька и племянник Коркины – полная противоположность друг другу. Петя (Петька – назвался он при знакомстве) тяжеловат, кряжист, молчалив. Леша лёгок, даже изящен, поговорить не прочь, пошутить над Петей. Оба молодые, и не поймёшь, кто из них кто. «Мы и сами не разберёмся», – смеются Коркины.

По-особому красив пожилой уже Терентьев Афанасий Ефимович, дядя Афоня, как называет его молодёжь – сухой, поджарый, с тёмным, как будто основательно прокопчённым лицом, изрубленным глубокими морщинами. Он по-отечески опекает ребят и весь как-то светлеет, разговаривая с ними.

Разные они и чем-то схожи. Может быть, внутренней сосредоточенностью, укрытой внешним спокойствием. И так же, как они, спокойно сосредоточен старший летнаб Салманов Владимир Матвеевич, тоже молодой – чуть больше тридцати, – высокий светлолицый и светловолосый человек с негромким уверенным голосом и мягкой хитровой улыбкой. Он – наш начальник. Он высадит нас на пожаре, даст указания и улетит – проверять старые пожарища, засекают новые очаги. И до самого конца он будет отвечать за все наши действия, за каждого из нас.

Раньше я в кино пожары видел:
Так пылало – плавился металл!
Но почти всегда, из зала выйдя,
Я про них мгновенно забывал.

Отчуждённость правды той, экранной,
Не когтила сердце: «Помоги!»

...Тут пожар – кровотокающей раной
На груди беспомощной тайги.
Дымно-красным кровь кипит фонтаном
И ползёт, распространяя боль...

Даже с высоты, из-под винта нам
Страшно эту увидеть юдоль.
(А потом десятилетия шрамы
Будут зарастать – быстрее невмочь!
И бессильна в этом им помочь
«Неотложка» авиоохраны.)
Мы кружим над ранюю.
Диагноз
Ставим, чтоб решать наверняка...

Раньше думал: зверь – тайга!
Ты ж – агнец
Перед поджигателем, тайга.
На него тебе бы обозлиться,
Закружить,
В болоте утопить...

Кто он,
Безымянный и безлицый,
Жизнь не научившийся любить?
Тот,
Кому свой край родной не дорог, –
Кто такой?
Рыбак?
Турист?
Геолог?
Молод?
Сединою убелён?
Пусть твердит, что в Родину влюблён,
Он – её предатель, злобный враг
И убийца беззащитных – ОН!!!

Из газет: статистика показывает, что девять из десяти лесных пожаров происходит по вине человека.

5.

Нас высадили на болоте, километрах в двух от пожара – ближе не было безопасной площадки. Увязая почти по колена в мутно-коричневой

жиже, путаясь в прошлогодней и молодой осоке, мы таскали на сухое место своё снаряжение. Лётчики и Салманов выбрасывали его из чрева ревущей машины прямо в наши руки – рюкзаки, спальники, вёдра, лопаты... Скорей, скорей! – пока колёса вертолёта не успели погрузиться в болото полностью.

Всё! Салманов послал нам воздушное рукопожатие, дверца захлопнулась, и тёмно-зелёный металлический головастик умчался наискось вверх, в дымное небо.

Мы оставили Яшу оборудовать стан и, захватив лопаты и эрлоушки (так десантники называют РЛО – ранцевые лесные опрыскиватели), двинулись на разведку.

Мы шли по янтарному бору
В немыслимой той тишине,
Какая, наверно, бывает
На фронте предвестьем боёв.

Как порох,
Сухой беломошник
Скрипел под резиной подошв,
Но некого было тем скрипом
В бору помертвевшем спугнуть.

Оставлены птицами гнёзда,
И горенки белок пусты,
И шишку догрызть не успевший
Куда-то исчез бурундук.

Вскопычена лосями грива –
Ристалище битв за любовь,
Но нет победителей гордых
И нет побеждённых нигде.

...Оранжево солнце дымилось.
Сгущавшийся воздух синел.
И вихри, как сизые вспышки,
Слетали с размашистых рук.

Мы шли впятером на разведку.
Мы были вооружены:
У нас две лопаты-штыковки
И два РЛО – без воды.

Я думал: ну кто мы такие –
Титаны иль боги? –
Увы!
Взялись извержение вулкана
Лопатками остановить.

Есть грозное где-то оружие:
Взрывчатка и мотоплуги,
Летающие цистерны,
Кассеты химических бомб.
Есть танки пожарные,
Пушки,
Стреляющие водой...
Нас – пять!
И поблизости нету
На сто километров людей.

...Он двигался, цепко хватаясь
За мох, за траву, за стволы,
И тысячью пастей зубастых
Прожёвывал с хрустом тайгу.

За ним оставался крошечный,
Пропитанный пламенем ад.
Там стоны ворочались тяжко.
Там землю удары трясли.
То падали наземь деревья,
Чьё сердце не вынесло мук.
Мир гибнул там, точно такой же,
Как этот, за нашей спиной.
Безмерно могучий и слабый,
Покинутый всеми, он ждал
Великого чуда – спасенья...

И с ходу мы ринулись в бой.
Мы глотку врагу засыпали
Песком,
Мы топтали его,
Ветвями хлестали по жадным
Размноженным злом языкам.
Мы плакали потом горячим,
Мы дымом дышали хрипя.
И было невмочь размахнуться,
Чтоб снова удар нанести.
Воды бы!
Но речка Лисица
Свилънула куда-то хитро,
И две эрлоушки без пользы
Валялись в тылу под сосной.
И дядя Афоня промолвил,
Закончив скупой перекур,
Что нужен, мол, «главный пожарник»,
Не справимся, мол, без дождя.

Не сможем!
Нас пятеро только
На тысячу метров огня!..
Но мы поднимаемся снова –
Свой долг человеческий отдать.

6.

– Слава, что тебя привело к пожарным?
Слава Иванов, прикуривая, поднимает на меня
недоумевающие глаза, потом, поняв, усмехается:

– Не деньги. Я в другом месте больше бы за-
работал. Романтика? Кто её знает... Просто – ин-
тересно.

– Что с ним-то будем делать? – басит Петя Кор-
кин, кивая на копошащийся в нескольких метрах
от нас огонь.

– В шмарник его надо загнать, – Слава жадно
затягивается папиросой. – Тушить, конечно, труд-
ней, зато ночью приостановится, а утром порань-
ше, часиков в шесть, перехватим.

Афанасий Ефимович поясняет мне:

– Шмарник, вон он – мелколесье разное: оси-
на, берёза, хвойники... А понизу – мох, чернич-
ник, багульник. Этот здорово горит – смолистый!
Ну и гниль разная, колодник...

– А ночью почему пригасает? – интересуюсь я.

– Дак роса, холодный воздух придавливают...
Бывает, вообще остановится, тлеет, а чуть солнце
пригрело – пошёл пластать!

– Минполосу надо делать и встречный пу-
скают, – подаёт свой голос Лёша Коркин.

Я уже знаю, что минполоса – это минерализо-
ванная полоса, то есть линия очищенной от мха
земли. За неё не проникает низовой пожар. И от
неё пускают встречный огонь, чтобы остановить
основной...

Мы всё же отступили, чтоб успеть
Минполосу надёжней проложить.
Деревьев сотню отдали на смерть,
Чтоб тысячи других остались жить.
Тактический приём не так уж плох,
Коль враг почти в тиски тебя зажал...

Расшвыривал я сапогами мох,
А кедрики до слёз мне было жаль.
Доверчиво-лохматой малышней,
Толпясь, они глазели на меня...
А к ним уже за дымною клешней
Тянулась жгуче-красная клешня.

В сравнении неправ я, может быть,
Но мне казалось:
Так же на солдат,
Отдавших часть земли,
Чтоб победить,
Глаза детей
Оставленных
Глядят.

От сил моих, от выдержки моей
Зависело, как ляжет полоса,
И сколько я смогу спасти детей,
И скольким я смогу посмотреть в глаза.
Десантники, товарищи, друзья,
Видавшие стократ оскал огня,
Мне показалось, что вас понял я,
А вы, уверен, поняли меня.

...Песчаную сверкая белизной,
От шмарника сбежала под уклон
Минполоса,
И ей народ лесной
Был на живых и мёртвых поделён.
Вот Слава чиркнул спичкой и поднёс
К сухой траве несмелый огонёк,
А через миг
Свирепый рыжий пёс
К пожарищу со всех помчался ног.
За ним – другие...

Сосенок семья,
Почувя жара бешеный нажим,
Вдруг заметалась:
«Помоги, земля!
Пусти!..
Ещё не поздно!..
Убежим!..»
Нет, поздно!
Два потока огневых
Схлестнулись,
и – взлетел ревуший столб!
И вместо сосен,
тоненьких,
живых –
Скопление многоярусных крестов.
Да, не бывает всё-таки чудес.
Прости, тайга,
что мы не сберегли...

Недаром с полотна
сгоревший лес
Кричит об этом
людям всей земли.

7.

Мы остановили пожар почти на полутора километрах по беломошнику, а весь второй день сражались с ним в шмарнике. На стане по-прежнему орудовал Яша. Он очень хотел быть с нами, но по общему решению остался.

Часа в четыре прилетел Ми-8, посадил на флангах ещё семнадцать человек – десантников и мобилизованных из населения. Часть мобили-

зованных разбрелась по тайге и долго блуждала, ругаясь и аукая.

– Толку от них, – сплёвывает дядя Афоня. – Сидят и пьют. «Вам, – говорят, – за тушение платят, вот и вкалывайте, а мы на средне-сдельной». Не все, конечно, но есть ещё сволочи!

А в двух шагах дымится горельник, в глубине его пламя неторопливо, с жутковатой деловитостью догрызает пни. Выгорело гектаров сто-полтораста, а не два-три, как предполагалось вначале.

– Занижают площади пожаров, – говорят десантники.

– Почему?

На меня смотрят, как на маленького.

– С одной стороны, по головке не погладят, коли много выгорит, с другой – премии у нас в зависимости от площади. Вот и смекай.

Они говорят об этом незлобиво, даже снисходительно-понимающе, а я думаю, что за спиной у каждого из них по пятнадцать-двадцать пожаров за сезон, работа без праздников и выходных. («Дожди – самые наши праздники», – улыбается Яша Гагаев.)

Им занижают цифры, чтобы меньше платить. Тоже экономия! А кто-нибудь, хотя бы ради любопытства, посчитал, сколько каждый из этих людей – летнабов, десантников, парашютистов – и какой ценой спас прекрасного леса! И сколько ещё спасёт!

Окончен трудный бой.

На передышки

Отводятся часы и на войне...

По линии огня ползут дымишки:

Колоды тихо тлеют в глубине.

Они коварны по своей природе:

Пожар потушен –

тишь и благодать,

Но прячется огонь в гнилой колоде –

Момента ждёт,

чтоб вырваться опять.

Вернулись птицы, угнанные страхом.

Но на минуту бдительность умерь –

Воспрянет он,

безумствующий зверь,

И мир цветущий обернётся прахом.

...Взгляни-ка:

Вот уже он, мал и скорчен,

Мелькнул в траве, неслышно семена,

Напоминая нам,

что бой не кончен

И надо быть на линии огня.

Поэзия

Валерий Черкесов

Валерий Черкесов – автор 25 книг поэзии, прозы, публицистики, произведений для детей, изданных в Москве, Белгороде, Благовещенске, Воронеже, Хабаровске. В 2016 году выпустил книгу статей и очерков о писателях и литературе «Данники русского слова». Стихи и проза печатались во многих центральных и региональных антологиях, альманахах, сборниках, журналах, в том числе в «Нашем современнике», «Москва», «Знамя», «Дружба народов», «Нева», «Аргатак», «Подъём», «Дальний Восток», «День и Ночь», «Север» и других.

В Союз писателей СССР, теперь России, был принят в марте 1991 года. Лауреат Всероссийской литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова», Международной литературной премии «Прохоровское поле», литературной премии имени Леонида Завальнюка, дипломант IV Международного литературного форума

«Золотой Витязь». За литературную деятельность награждён медалями «Патриот России», «За вклад в отечественную культуру», «За заслуги перед землёй Белгородской» 2-й и 1-й степеней. Живёт в Белгороде.

* * *

Грозный гул самолётов
доносится издалека,
они летят
над бескрайним
русским полем.
И покалывает слева –
это гены отца-фронтовика
отзываются болью.

Мой век – от войны до войны,
от неё не схоронишься где-то.
Успеть бы дожить до победы!..
А мы победим.
Мы – должны.

28 июня 2022 г.

* * *

Когда просыпаешься
не от солнечных лучей,
ласкающих лицо,
а от гула военных самолётов,
то понимаешь,
насколько хрупок наш земной мир.

28 августа 2022 г.

БЕЛГОРОД

Приземистые дома из красного кирпича, неведомо как уцелевшие в Великую Отечественную, с заштукатуренными и покрашенными ранами от немецких бомб и снарядов, разрушены украинскими ракетами.

А памятник русскому Слову
около библиотеки –
выстоял!..

Не в него ли целили
новоявленные фашисты?..

3 июля 2022 года

* * *

Когда пушки говорят, музы молчат.

Крылатое выражение

17 июля Мариупольская филармония дала первый после освобождения города от ВСУ концерт.

Из новостей

Молчите, пушки! Музы говорят.
Они – как весть из дома для солдат,

как матери улыбка, как жены
далёкий голос, как поклон страны
за то, что берегут её, за то,
что Родину не покорит никто.

И никогда.

24 июля 2022 г.

СЕГОДНЯ

Рыбачим.
Клюют караси величиной с ладошку.
Невесело.

За горизонтом грохочет.
Это не гроза. Война.
Там гибнут люди.
Больно.

Рыбачим...

12 августа 2022 г.

БЕЛГОРОД. РАБОТАЕТ ПВО

Разрывы ракет в синем небе
похожи на разлетающиеся лепестки ромашек.

Жутко красиво.

20 сентября 2022 г.

ОСКОЛОК

Этот ещё тёплый кусочек металла,
упавший в песочницу,
мог бы стать игрушкой,
к примеру серебристым самолётиком,
и радовать детей,
а не быть осколком снаряда,
несущим смерть.

28 сентября 2022 г.

ВЯЗАНЫЕ НОСКИ

Тёплые носки
лишними не бывают,
когда зима
и в тебя стреляют.
Да и ты стреляешь,
стараясь врага поразить,
хотя понимаешь:
нам всем предназначено жить.

А потом в землянке
носки шерстяные наденешь –
и на мгновенье
война отступит,
и веришь, отчаянно веришь:
для тебя смерти не будет.

Носки связаны
женщиной незнакомой,
а надел – и словно
оказался дома.

31 марта 2023 г.

НА РУБЕЖЕ

Створки небесных врат
настежь открыты...
Окопы затем вырыты,
чтоб не взликовал враг.

Не дам ему повода радоваться –
не устаёт мой АК.
Занемела рука...
Ворота не закрываются...

30 июня 2023 г.

* * *

Удача – честно получить
на поле боя в сердце пулю.

Из юношеского стихотворения

Пулю не получил. Может быть, пока?
Может быть, это временная отсрочка?..
Взрывы доносятся издалека
днём и ночью.

Вздрагивает израненная земля,
небо до боли прозрачное.
Наверно, зажился неудачник я,
но есть ещё шанс стать удачником.

* * *

Забирает война сыновей,
самых лучших из лучших.
Почему? Для чего?
Разве только Никола Святой,
Ратный, может ответить.
Молчит он, мрачней чёрной тучи.
И скорбящую Родину
крестит дрожащей рукой.

28 июля 2023 г.

РАССКАЗЫВАЕТ ШТУРМОВИК

Когда враги сдаются в плен,
то забывают украинскую мову,
а говорят на русском языке,
и это бьёт по мозгам –
словно воюю с родным братом.

2 августа 2023 г.

БЕЛГОРОД. БЛОКАДНИЦА

Пережившая девчушкой блокаду в Ленин-
граде,
она, услышав вой воздушной тревоги,
истово крестится и говорит:
– Вот и детство моё вернулось...

2 января 2024 г.

* * *

Пожалеть ещё есть кого.
Потому, пожалуй,
о своих невзгодах я не говорю
никогда никому.
А вокруг пожары
пожирают землю мою.
И снаряды тупые ложатся близко –
им всё равно, чьи жизни отнять.
И словно солдаты, стоят обелиски,
готовые снова страну отстоять.

11 августа 2023 г.

* * *

Когда увидишь из окна,
как разлетелась тишина
обломками ракеты вражьей,
услышишь, как она рычит
зловеще, то один есть щит –
Иисуса образок бумажный.

Жизнь, может быть, не сбережёт,
но от неверия спасёт.

30 декабря 2023 г.

БОЕЦ

После ночной смены
он – боец территориального полка.
В руках автомат, в подсумке – гранаты.
Не то чтоб герой, но знает, пока
враги точат когти на Родину, надо
защитить – нет дорожке страны.
Он любит её, и очень.
А ещё, чтобы видела только мирные сны
малая, вся в папу, дочка.

4 февраля 2024 г.

* * *

15 февраля 2024 г. в Белгороде
при ракетном обстреле погибло семь
человек, в их числе один младенец.

Из новостей

Девочка. Годик всего.
Маленький земляной холмик.
...И больше не будет у неё ничего,
а мы будем помнить.

Чувствую сердцем невольно
и свою вину.
Какое нужно ещё горе,
чтобы остановить войну?..

* * *

Нацизм –
раковая опухоль на теле человечества.
Терапия бесполезна.
Только – скальпелем,
но лучше – «Солнцепёком».

3 января 2024 г.

Поэзия

Виталий Даренский

Виталий Юрьевич Даренский – родился в 1972 году в Луганске. Философ, историк, поэт, публицист. Доктор философских наук, профессор Московского университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского. Автор поэтических сборников «Тропа у обрыва» и «Притяжение неба». Лауреат конкурса к 60-летию журнала «Москва». Член Союза писателей России.

ПОЭЗИЯ

Когда приходит это снова –
Огнём и трепетом в душе,
Ум никогда не ищет слова –
Оно само идёт уже.

Всё не замеченное нами
Вдруг станет нам всего важней –
Жизнь, околдованная снами,
Нам достоверней серых дней.

И свет вечернего заката,
И дрожь рассветной тишины –
Всё, пережитое когда-то,
Как дальний свет иной страны.

Весь мир вмещает простота
В тот миг тоски и изумленья –
И отступает суета,
И пишется стихотворенье.

* * *

Господь послал нам испытанье –
Войну на долгих девять лет..
За что нам это наказанье? –
Всем хочется узнать ответ.

Господь напрасно не накажет,
Дана нам кара за грехи,
Которых мы не знаем даже
И к покаянию глухи.

Даны нам эти испытанья –
Как свет надежды, а не страх:
Для мужества и покаянья,
И сердце – в Божиих руках.

Жизнь коротка, как вдох и выдох;
И если раньше – что жалеть?
Забудешь всё, что раньше было,
Когда научит жизни смерть.

Ведь так когда-то создавался
Народ Христов – Святая Русь!
Один он праведный остался,
И я теперь в него вольюсь.

* * *

Живи, как ветер, – не гадай,
Что будет и чего не будет;
Путей себе не выбирай –
Как Бог пошлёт, как Он рассудит.

Свободы свет в твоих очах
Тогда навеки не погаснет;
Уйдут тревоги, ложь и страх,
И всё, что будет, – будет счастьем.

Как легковесна эта жизнь!
Она – трава и тень могилы;
И лишь слова слагают в гимн
Её рассеянные силы.

Слова молитвы и труда
Души пред Богом предстоящей –
Да укрепят они тебя
Своею силою горящей!

ОСЕНЬ

Как осени торжественна печаль!
Мне в эту ночь опять приснилась юность –
Она опять во мне проснулась,
Хотя мне прошлого совсем уже не жаль.

Не жаль – но пусть
Опять наступит грусть
И вспомнится забытое былое,
Словно вчера то время золотое,
Где нам по кайфу, дуракам,
Всю ночь летать по кабакам
И до утра не хочется нам спать.
И до утра нам хочется гулять
И говорить о разном бесконечно,
Как будто в сердце наступила Вечность,
Как будто время покатилося вспять...

Снова назад покатится оно,
Когда смотрю задумчиво в окно,
И молодость мне в сердце постучится,
А жизнь уже к закату мчится.

FINIS ENIM PROPE EST

«Какая осень в лагерях!» –
Рыдает музыка в маршрутке:
Среди житейских передряг
Застынет сердце на минутку.

В словах простых есть тайный знак
Парадоксального восторга:
Есть в этом мире только крах
Всего того, чем он нам дорог.

Какая осень за окном,
Какое пасмурное небо!
Стекают слёзы за стеклом
О том, кем был я и кем не был.

Стекала жизнь, как этот дождь,
Слезой случайной и прозрачной;
И ничего уже не ждёшь
Душой усталой и невзрачной.

«Какая осень в лагерях!»
Какая радость тьмы осенней,
Когда в твоей душе горят
Огни совсем иной вселенной!

ВЛАДИВОСТОК

Город далёкий,
Станный, жестокий –
Владивосток.
Мучат немного,
Просто и строго,
О нём всего несколько строк.

«Серая лошадь»,
Вокзалы и площадь
И Океанский проспект.
На острове Русском
В кампусе грустном
Любил я смотреть на рассвет.

Помню над морем тихую птицу,
Остров, и сопки, и сон.
Помню, но снова печально приснится
Долгий сибирский вагон.

Но не забыть мне серые ветры,
Чёрные сопки и грусть!
Хватит, наверно, скитаться по свету.
Вот я уехал, и пусть!

Будешь мне сниться своими мостами,
Тихой морскою волной...
Пусть так случилось, что мы расстались,
Город любимый ты мой!

СИБИРЬ

Тихим вечером зимой
Вдруг опять запахнет сказкой.
Что ты делаешь со мной,
Ты обман или подсказка?

Эта томская зима
(А в Луганске бабье лето)
Вдруг свела меня с ума,
Как восьмое чудо света.

Эта новая зима
Всё такая же, как прежде, –
Пробуждение от сна
И дыхание надежды.

В этой звонкой тишине –
Всё дыхание вселенной
Отзывается во мне
Силой необыкновенной.

НАБОКОВ

В родных узорах языка –
Всё та же пушкинская нежность;
И глубина её легка –
Благословенная небрежность.

В чужом далёком далеке
Ему Россия только снилась –
И так навечно сохранилась,
Бессмертная в его мечте.

Далёкой девочкой, как сон
Души, грехами обнажённой,
Весь этот мир увидел он –
Как дар любви преображённой.

Увидел он чудесный мир,
Его волшебное движенье –
И русской речи ювелир
Творил его преображенье.

ПСАЛОМ 50

Помилуй, Боже Милосердный,
По многой милости Твоей,
По щедрости Твоей безмерной
Смой беззаконие мое!

Очисти грех мой окаянный
И беззаконие омой,
Которые я вижу, знаю –
Они стоят передо мной!

Тебе Единому я грешен,
Ложь пред Тобою сотворил,
И вот я ныне безутешен –
Ты меня правдою судил.

Я в беззаконии зачатый,
Уже рождённый во грехе –
Но, страстью к Истине объятый,
Тайну премудрости узрел.

Кропи иссопом благовонным
Плоть беззаконную мою,
Омой глаголом благовонным –
И паче снега убелюсь!

Услышу радость и веселие –
Смиренная ликует кость,
И даруй мне грехов прощение,
Очисти беззаконий злость!

Созижди сердце во мне чисто
И правдой просвети мой дух!
Пред ликом Твоим буду близко,
Не отыми Твой Святой Дух!

Подай мне радости спасения
И Твоим Духом утверди!
И беззаконных поколения
Я научу путям Твоим.

Избави мя от кровей, Боже,
Боже спасенья моего!
Язык мой радоваться сможет
Правде глагола Твоего.

Господь, уста мои отверзи,
И возвестят хвалу Тебе!
Принёс бы я сожженных жертвы –
Но не нужны они Тебе.

Дух сокрушённый – жертва Богу,
Сердце, смиренное пред Ним;
Он любит и не судит строго
Духом спасительным Своим.

Пошли от горнего Сиона
Благоволение на нас,
И стены вечного Закона
Созидутся в наших сердцах
Во образ Иерусалима –

И будет жертва возносима
В образ заклания тельца –
Душ наших праведная сила
В алтарь Небесного Отца.

Поэзия

Евгений Харитонов

Евгений Николаевич Харитонов – родился и живёт в Белгороде. Член Союза Белгородских литераторов. Автор двух поэтических сборников: «Абрикосовая осень» и «Мотыльки». Лауреат Международной литературной премии «Форпост» памяти поэта Сергея Короткова и литературной премии «В поисках правды и справедливости» партии «Справедливая Россия – За Правду». Стихотворения автора регулярно публикуются на страницах периодических изданий в России и за рубежом.

НА МОГИЛЕ СОЛДАТА

Скоро май, и знамёна парада
Растекутся по русской земле.
Мне припомнилась нынче ограда
На могиле солдата в селе.
    Неприметная вроде бы с виду.
    Проржавела. А дед говорил:
    «Если рыжая, значит, обиду
    На кого-то солдат затаил».

А солдат, как нарочно, весной
Прикрывает могилу травой,
Чтоб его обошли стороною.
Не тревожили сон вековой.
    Чтоб не клали на холмик конфеты,
    Рукава перед тем засучив.
    Лишь кукушка лесная всё лето
    Прилетает к нему и молчит.

За Отчизну отдавший все силы,
Не просивший взамен ничего!
...И шагает парад по России
В честь Великой Победы его.

В ЗЕМЛЯНКЕ

Разрывы с каждым днём становятся всё ближе.
Укрылись под землёй и просто ждём рассвет.
Пригревшийся у ног щенок консерву лижет,
Как будто до войны ему и дела нет.

Буржуйка горяча. Кипит походный чайник.
Товарищ у стены сопит который час.
Пугливый мотылёк, прибившийся случайно,
Притих на потолке, уставившись на нас.

Не хочется вставать, гнетёт усталость тело.
Вот так бы и сидел в землянке на пенёчке.
Да только есть приказ, а по-простому – дело,
Которое решит лишь палец на курке.

Допит горячий чай, докурена махорка.
Прижат бронжилет застёжками к груди.
И слышно, как рассвет, коснувшийся пригорка,
Невольно говорит: «Ну что, боец, иди!»

Не встретишь на войне судьбы своей афишу
И нечем усмирить волнение в душе.
Сползают небеса от боя к бою ниже,
Да так, что их рукой касаешься уже.

* * *

Между мною и войной –
Меньше часа по прямой.
От войны и до меня –
Залп ракетного огня.

Здесь, на западе страны,
Сёла в коконе войны.
И с разорванным лицом
Хата матери с отцом.

КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ ВОЙНА

В тот самый день, когда закончится война,
В веках восславив подвиг русского солдата,
В календаре возникнет Памятная дата,
А вместе с ней родится горькая вина –

За то, что мать давно смирилась с сединой,
За тех друзей, кому война сомкнула веки.
За вдовий плач соседки где-то за стеной.
За хмурый взгляд из глаз прохожего-калеки.

За то, что мы сирот упрятали в приют.
За каждый дом, от рук фашистов пострадавший.
И за торжественный над площадью салют,
Когда в стране немало без вести пропавших.

Засыплет время все воронки во дворах,
И сердце рваное с утратами смирится.
Как вдруг в сознание ворвётся дикий страх,
Что это всё однажды может повториться.

ВТОРАЯ ОСЕНЬ

Шагал сентябрь по выгоревшим тропам,
Звучал ветров унылый контрабас.
Как вдруг волна промчалась по окопам –
Снаряд взорвался где-то возле нас.

Зажглась свечой трофейная «Буханка»,
Накрыла пыль позицию плащом.
И вновь снаряд из вражеского танка
Вцепился в землю огненным клещом.

Седой старлей отстреливался матом,
Не веря в то, что взвод наш обречён.
Гуляла осень в платье желтоватом.
Вторая осень... Сколько их ещё?

ГЛЯДИТ РОССИЯ В ПЕРЕКРЕСТЬЕ

За то, что не осталось чести,
За то, что враг наполовину,
Глядит Россия в перекрестье
Который год на Украину.
Уже давно шамальнуть бы надо,
Согнав нацистских кур с насеста.
А мы всё пробуем прикладом
Поставить им мозги на место.

* * *

У костра бойцы сидят,
Разговор не клеится.
Поутру был жив бурят,
А теперь... Не верится.
Разгорается в груди
У солдат пожарище.
Хоть буди, хоть не буди –
Крепок сон товарища.
Что ни день, то на краю –
Так всегда с разведкою.
Сколько он спасал в бою
Верной пулей меткою.
А теперь в одном строю
Павших в ополчении.
Нынче даже не поют
Соловьи вечерние.
Хоть огонь костра погас,
Парни не расходятся.
За бурята, за Донбасс
Тихо Богу молятся.

МАЛЬЧИК

Танки без устали твердью
Жалят извилистый луг.
Мальчик, не тронутый смертью,
Плачет, глотая испуг.

Всюду глазницы воронок.
В огненном зареве лес.
Мальчик погибших сестрёнок
Просит спуститься с небес...

В папиных стареньких берцах
Он в неизвестность пойдёт.
Жалости в маленьком сердце
Больше никто не найдёт.

ЛЮДИ МОЕГО ВРЕМЕНИ

Не всё мы в этой жизни видели –
Планету всю не обойти.
А значит, многих не обидели
На том не пройденном пути.
Мы людям боль несём по глупости,
Не знаем даже, как любить.
И столько в нас скопилось грубости,
Что взглядом можем удавить.

* * *

Село на краешке Руси.
Обычный дом. Печурка. Столик.
Мужик жене: «Не голоси!
Вернётся наш сынишка Толик.

Чего расклеилась с утра?
Приснилось, может, что, дурёха?
Налить водички из ведра,
Пока опять не стало плохо?

Ну хватит, милая, сполна!
Услышат местные “сороки”.
Да тьфу... Подумаешь, война –
На пару месяцев мороки.

Придёт, и женим наконец
Его на Зинке из аптеки.
Наваришь к свадьбе холодец...
Давай, суши на щёчках реки.

Успеешь, милая, внучат
Утешить ночью в колыбели.
Они ещё перекричат
Всех нас у новогодней ели!»

Не слыша слов, рыдала мать,
К своей груди прижав иконку,
Не зная даже, как сказать,
Что им прислали похоронку.

Поэзия

Андрей Яковлев

Андрей Викторович Яковлев – родился в Москве в 1959 году. Окончил в 1983 году филологический факультет МГУ. Кандидат филологических наук, второй секретарь 1-го класса, член Союза писателей России с 1994 года. Выпустил четыре книги. Автор стихов, научно-фантастической повести «Дальняя связь», рассказов, публицистики. Участник обороны Дома Советов в 1993 году. После окончания МГУ и аннулирования рекомендации в аспирантуру работал грузчиком, разнорабочим, гардеробщиком, старшим научным сотрудником, преподавал языки и два авторских спецкурса, в том числе в Литинституте, временно замещал вакантные дипломатические должности в Посольствах России в Намибии и Алжире. Поставил преподавание бурского языка, ранее в СССР не преподававшегося.

СТИХИ К ЕЛЕНЕ КРЮКОВОЙ

Лёгкий ветер упруго обнял меня,
Его поцелуи нежны.
Я послал в галоп молодого коня
По полям далёкой страны.

Позади оставив село Милянфан¹,
Я на север теперь поскачу,
Где бескрайни степи, где Казахстан
За спокойной рекой Чу.

И боль и тоска от меня ушли,
И светел печали прилив,
Как облачко, тающее вдали,
В чистом небе у кромки земли.

И сердце, что правит мой жизненный путь,
Пусть без страха стремится меня,
Как я сквозь ветер, веющий в грудь,
Стремлю моего коня.

* * *

За жизнь, что вместе не сложилась,
Но и раздельно не легла.

Вадим Шуляковский

Звенит незримая струна
Вдали от сутол'ки московской,
И оживают имена –
Волошин, Грин и Айвазовский.

Гроза за горизонт летит
Мерцанием карминно-резким,
И гул подхолмных волн облит
Голубоватым лунным блеском.

И мысли вновь летят к тебе,
Внимая твоему призыву,
Созвучные твоей судьбе –
И мы опять друг другом живы.

Мечты так чисты и легки
У пенной полосы прибоя,
И зачинаются стихи,
Одушевлённые тобою.

Карадаг

ВОЕННЫЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ СБОРЫ ПЕРЕВОДЧИКОВ. КОВРОВ, 1981

Вспоминаю прозрачный лучистый простор.
Был июль. Я командовал взводом на марше.
Мы тонули в пыли. (Я, пожалуй, с тех пор
Стал немножко грустней и –
нисколько не старше.)

By the way², это было довольно давно.
Я запомнил присягу, июль, воскресенье;
Я не ведал, что пропасть раскроется вновь
И что бурская речь обернётся спасеньем.

¹ Милянфан – Долина Риса (дунганск.).

² By the way (англ.) – между прочим, буквально – «по пути».

Переводчик ЦК комсомола в Москве
И потом – переводчик в поездке под Курском;
Я запомнил филфак, отражённый в Неве,
Я – ещё не слышавший ни слова по-бурски.

Это будет потом – и ЮАР, и беда,
И – простите за стёртое слово – коварство;
Только мысли мои улетали тогда
К Алатау¹ – в моё Тридевятое царство.

Лена Крюкова в Горьком. У края земли –
Боланд². («Боланд» – *совсем* незнакомое слово.)
Взвод на марше. В июле. В просторе. В пыли.
И Афина Келевтия³ мне благосклонна.

ЕЛЕНЕ КРЮКОВОЙ

...И московская гордая осень
Расправляет за нами крыла.

Е.К.

Позови тот январь, позови,
Растворившийся в нашей крови,

Тот январь, пролетевший над нами,
В наших жизнях прорвавшийся вдаль,
Закрутивший крутыми снегами
Две судьбы в роковую спираль.

И как звуки органа взлетают
И, взмывая, взвеваются ввысь,
Нас Несбывшееся посещает
И ПРОВЕТРИВАЕТ нашу жизнь.

И над крышами гулкая просинь
Зажигает глаза-зеркала,
И московская гордая осень
Расправляет за нами крыла.

МЕТЕЛЬ НА САДОВОЙ ТРИУМФАЛЬНОЙ

Елене Крюковой

Вздывается снег перелётный.
Снежинками – тысячью тел –
Твой голос, лучистый и плотный,
Мятежной метелью взлетел.

И голос чужой раздаётся:
Поёт площадная пурга
О том, что тебе остаётся
До славы четыре шага.

Тебе выпадает на долю
Мятежный огонь бытия
И след сохранит ли надолго
Метельная память твоя?

ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ СТИХОТВОРЕНИЯ ЕЛЕНЫ КРЮКОВОЙ «ОРГАН»

...И со страниц сбегающий клавир –
Энергии, покоившейся втуне,
Открыв пути – он наполняет клир
Многоголосьем стали и латуни.

И, как под ветром гнущийся аир,
Встаёт орган, поющий по-латыни,
Большой, живой – оживший! – и отныне
Живущий в память всех умолкших лир.

И ты стоишь, пронизанный эфиром,
И звуки повторяешь, как в каноне,
И весь огнём пронизанный эфир

В стозвонном стоне – в высь зовущем звоне –
Собрав, художник возвращает в мир
Гармонию, утраченную миром.

* * *

Узнаю твой стремительный почерк,
И в душе так странно встаёт
Чёрной розы надменный очерк,
Белой птицы плавный полёт.

Мы хранили, мы не забыли
Всё, чему густые снега
Потаённым быть присудили,
И от глаз укрыла пурга.

Но теперь в переулках тёмных
Мчатся вихри нездешних гроз.

Мы войдём в целый сад огромных
Отцветающих чёрных роз.

¹ В Алатау автор бывал в лингвистических экспедициях в 1978, 1979 и в августе 1981 года.

² Боланд («Верхняя Земля») – побережье Южной Африки с запада до реки Кей, место этногенеза буров.

³ Афина Келевтия – в эллинской мифологии покровительница дорог.

Поэзия

Галина Яковлева

Галина Григорьевна Яковлева – живёт в посёлке Приморский, Большая Феодосия, член Союза русских писателей Восточного Крыма.

* * *

Чужие радость и страданье
Я сплавлю с опытом своим,
Пройду сквозь годы, расстоянья,
Воспоминаний горький дым,
    Услышу чутким ухом слово,
    И песню волн, и птичий свист,
    Зерно очищу от половы
    И строчкой положу на лист.

* * *

В зелёный лес вошла я словно в сказку,
Что соткана из света и любви,
Я каждой ёлке говорила: «Здравствуй!»,
Рябине тонкой – «Долгий век живи!»
    Зелёнокосые, в холщовых сарафанах,
    Вели берёзы долгий хоровод,
    И на румяных солнечных полянах
    Плыл воздух, как душистый майский мёд.
Мне этим воздухом вовек не надыхаться,
Полян медвяных этих не забыть.
Леса России мне доньше снятся.
Не разорвать любви и света нить.

БЕРЁЗЫ

Я замерла у полотна:
Берёзы – песнь России,
Моя любовь, моя страна.
Мой край под небом синим,
Мне помнятся твои леса,
И реки, и просторы,
И васильков во ржи глаза,
Певучесть разговора.
Нас отрывали от тебя,
Кромсали по живому.
Россию всей душой любя,
Спешу к родному дому,

К берёзам русским над рекой,
Щекою к ним прижаться
И непритворною строкой
В любви своей признаться.

* * *

Когда над крымскою землёй
Бандеровская власть нависла,
Надежды наши, наши мысли
Связали мы с тобой одной,
Россия!
    Нам нужен мир, мы все равны
    Национальностью и верой,
    Нам чужд фашизма сумрак серый.
    Мы правдою своей сильны,
    Россия!

А правда на земле одна:
С тобой отныне и навеки.
И в каждом русском человеке
Пульсирует: моя страна –
Россия!

О РОССИИ

Когда говорю о России,
Я вижу почти наяву
Под небом распахнуто-синим
Тот край, где я сердцем живу,

Берёзовый лес и поляны,
Холсты на росистой траве,
Тропинку в полях, дождь неожиданный
И розовый майский рассвет.

Россией гордился мой предок.
Я Русь по-дочерни люблю.
Как радостна наша победа,
А беды я перетерплю.

Ведь главное: вместе навеки,
А трудностей я не боюсь.
Как в море вливаются реки,
Так сердцем вливаюсь я в Русь!

Поэтическая седмица

Иерей Владимир Петров

Настоятель церкви Рождества Пресвятой Богородицы, г. Тюмень. Литературным творчеством начал заниматься в 2014 году. Первой публикацией является сборник «СМС-ки 2014–2018 гг.», опубликованный издательским отделом ТООО «Общество русской культуры» в 2019 году. В декабре 2020 года сборник отмечен дипломом регионального конкурса «Книга года – 2020» (Тюмень) в номинации «Лучшая поэтическая книга». Второй сборник «Соло для шарманки с оркестром», изданный ИП Сайфуллин Т. А. в 2024 году. Живёт в Тюмени, женат, воспитал троих сыновей и дочь.

* * *

Друг ты мой, ровесник строгий,
Я заочно полюбил
Изб скрипучие пороги,
Старых брёвен серый спил.
Выцветшая, не цветная,
На России кутерьма.
Слава Богу, что живая –
Пошумит ещё сполна!
Так слобилось, так сложилось,
И от Бога нам дана
Та, что в сердце поселилась,
Приютилась как смогла.

* * *

Неужели конец холодам?
Снега рыхлого серая проседь.
Капли звонко стучат: трам-там-там,
Их на лица прохожих относит.
Как же так, что дожил до весны?
Неужели по Милости Божьей
Зимних месяцев белые сны
Мне опять предстоит подытожить?
Раньше было: шумит вороньё,
Громко каркая, греясь от стужи,
А теперь, забыв про неё,
Греет перья и смотрится в лужи.
Как же так, неужели весна?
Неужели опять ниоткуда
День вступает в святые права
Как великое, светлое чудо.
И хоть где-то сидит холодок,
Колкость снега и даже простуда,
Ненадолго хрустящий ледок,
Будет солнце, и будет повсюду!

* * *

Перелески и серые рощи,
Пятна снега, весенний простор.
Поневоле становишься проще
В тех местах, где отсутствие гор.
Поневоле задумчивым взглядом
Провожаяшь кусты ивняка
И берёзку, что кажется рядом,
Приласкал бы, и дрогнет рука.
Строй осинки в таинственной грусти,
Елей тёмных колючий пробор,
И приходит нежданно по-русски
С Богом Вечным простой разговор.
Он о том, где берётся начало,
Что случилось и кто виноват...
И давно ли здесь совесть молчала
Или плакала, может, сто крат?
И забудешься вдруг полусонно,
И очнёшься: на небе луна,
Шум мотора плывёт монотонно
И звезда на востоке видна.

ПОХВАЛА БУДНЯМ

Кончились праздники, выползли будни:
Утра, вечера, полудни:
Котлеты, борщи, студни,
Выеденное яйцо.
Всё на одно лицо.
Вы скажете – скучно,
Серо, беззвучно,
А я, выражаясь научно,
Выскажу тезис важнейший:
Слава рутине дальнейшей!
Велик её мерный ход
В паутине хлопот и забот

И, может, наоборот,
Без резких движений
В умеренной лени.
Слава молчанью и не случившимся
катастрофам!
Сна безмятежного выпавшим крохам!
Слава спокойным и ровным строфам
Не призывающим никуда!
Слава тому, что в кране вода!
Слава неоголтелому времени,
Где нога не торчит в стремени,
При отсутствии всякого бремени
Там не кричат: души и бей,
Выше, дальше и быстрее!
Зачехлённым стволам слава!
Слава пехоте в казармах и слева и справа,
Для которой одна забава:
Досыта наиграться в шашки и
Мечтать о своей милашке!
Слава мирному атому – и военному тоже!
Если их друг на друга умножить,
Никто ничего уже сделать не сможет.
Слава бездействию на любых просторах!
В том числе политических спорах.
Слава однообразным рассветам, закатам
И всевозможным пространствам заплатам!
И регулярным слава зарплатам,
От минимума до триллиона!
Слава закону Исаака Ньютона!
Припоминая оный, наверняка смекнёшь,
Что много с собою не унесёшь,
Тем более, когда померёшь!
Так согласитесь, милейший:
Слава рутине жизни дальнейшей!

* * *

Сегодня водка, как вода.
Дойдя до философской точки,
Вопросы жизни и стыда
Я разбираю в одиночку.
Сегодня снег в вечернем поле,
Он будет сыпать до утра.
А я, застыв в обидной боли,
В непонимании Добра,
Всё спорю, множу и итожу,
Пытаясь вычерпать до дна
Иль святость, или рожу с кожей.
Ну а выходит – ерунда.
Замру, не двигаясь, в молчанье
И задержу движенье уст:
Чтоб не терзать себя печалью,
Я закажу Сорокоуст.

* * *

Итак, весна. И луж застывших глянец,
Опровергая истину с утра,
К обеду, как досужий иностранец,
Съезжает с постоянного двора.
Итак, капель, хрусталь сосулук тонких,
Снежинки с мокро-бледным серебром,
Базары воробьёв скандально-звонких,
Ручьи, бурлящие повсюду напролом.
Итак, тепло в сплетенье серых веток,
Оттаявших на солнечном ветру,
И почек, торопливых малолеток,
Сжимающих зелёную листву.
Итак, живём! Не ждём вестей тревожных,
Как мартовский облезлый рыжий кот,
Который уплетает осторожно
Заброшенный к помойке бутерброд.

ПАСХА

Три женщины, им всем за пятьдесят,
Два бывших зека и седой попишка,
В притворе маленьком смиренно голосят
О Воскресении Христа по красной книжке.
А за окном ни звука, ни души.
Полиция дежурит в переулке.
И в воздухе витает: Не дыши!
Лишь сонный сторож курит в караулке.
«Христос Воскресе!» – бережно летит
Сквозь стены по глухим просторам.
Весенний ветер в голых кронах спит,
И сквозняки молчат по коридорам.
Внезапная всемирная беда
Пришибла, придавила повсеместно
И сёла, и большие города
И сгинет ли, пока что не известно.
А в церкви маленькой раскрылся
Светлый Гроб!
Три женщины поют с особой силой,
И «Мирную» кричит осипший поп,
Два бывших зека в стихарях красивых.

2020 г.

* * *

Справедливость войны – погребсти всех солдат
В землю добрую – ближним забота.
Справедливость войны – вспоминать, не устать,
Не забыть невзначай хоть кого-то.
Справедливость войны – даже самую малость
Пощадить, не убить, хоть закончилась жалость.
Справедливость войны – тяжелей всех работа –
Должен выполнить ты, а не избранный кто-то.

Берега юбилеев

Геннадий Сазонов

Геннадий Алексеевич Сазонов – поэт, прозаик, публицист. Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Отработал в печати более 40 лет, в том числе собкором газет «Правда», «Труд» – на Южном Урале (Оренбурге), в Вологодской, Новгородской, Архангельской областях, республиках Карелия и Коми. В настоящее время издано 35 книг поэзии, прозы, публицистики. Публиковался в журналах: «Берега», «Север», «Москва», «ЛАД вологодский», «День и ночь», «ДОН новый», «Врата Сибири», «Пятницкий бульвар» и других. Лауреат ряда литературных премий и конкурсов: лауреат журнала «Берега» за 2022 год (номинация проза), Международной литературной премии Главы Республики Карелия «Во славу Отечества» им. Г. Р. Державина за 2022 год (номинация литературоведение), лауреат Филофеевской литературной премии за 2022 год за книгу прозы «Яблоки небесные» (Архиерейская Грамота Митрополита Тобольского и Тюменского Дмитрия, медаль Святителя Филофея).

«ЛЕСНЫХ КЛЮЧЕЙ И СОСЕН ЗВОН...»

К 140-летию со дня рождения великого русского поэта Н. А. Клюева

Путешествие по клюевским местам

Из тумана забвения

...Будто наяву попал я в давно забытую сказку. Дверь отворилась, взору предстала светлая горница в три окна. С этажерки свисали плетёные лапти, каких уже нигде не увидишь. На широком столе царствовал краснощёкий самовар. Поодаль манил своей тайной старинный, обвитый оковкой сундук с изображением птицы Сирина. Казалось, лишь позови, и взмахнёт она крыльями, и взовётся в поднебесье. Тут же звал к себе вместительный дорожный саквояж, напоминая о путешествиях хозяина. В углу стоял ещё не расстеленный персидский ковёр, хотелось раскатать его и сесть отдохнуть, почаёвничать...

И вот почудилось, что за окошком мир с его смартфонами и войнами, торжеством торгашей и зловещими пандемиями, нескончаемым восхвалением олигархов и несчастьем угнетаемых растворился в бездне времён, исчез, словно дым от ветра. А здесь душу заполняла сказочность, где всякая вещь была весьма значимой. Она могла кое-что поведать о том, кому принадлежала...

Выходило почти так, как в стихах Александра Блока про сонную бухту, где «спала зелёная вода»:

*Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, – и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.
Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран –
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!*

Певца Петербурга вспомнил я не случайно. Он лично дружил с хозяином предметов, упомянутых выше. Мы – в литературном музее известного поэта Николая Клюева, в старинном деревянном доме в центре достопамятной Вытегры на берегу Онежского озера. Мало кто из любителей стихов

Бер - Николай Клюев

Клюева верил в открытие музея, а пролетело уже три десятка годов. К тому моменту подоспели и другие неординарные события. В Петербурге впервые вышли в свет две наиболее полные творческие биографии поэта. А в Вологду, опять же впервые, из Томска передали архивные материалы бывшего КГБ (Комитета государственной безопасности СССР), раскрывающие «тайну» трагедии писателя. Под грифом «секретно» бумаги пролежали в спецхранах более полувека. Обычным же советским гражданам официальная пропаганда представляла Клюева, настоящего патриота России, непременно «врагом народа»...

Так началось возвращение людям наследия выдающегося художника слова. И я, дорогой читатель, предлагаю окунуться в истоки творчества Клюева, мысленно пройти по местам, где он слагал первые строки, где мужал его талант.

Отшельником не был

...Олонецкое небо, чистой, нежной голубизны, одаривало последним мягким теплом. Ветерок играл в верхушках деревьев, редкие побуревшие листья, казалось, позванивали, будто колокольчики. Бывший Воскресенский проспект Вытегры, святясь осенними красками и утопая в тишине, быстрой стрелой улетал куда-то далеко-далеко...

Главная улица города моряков как бы терялась в Прионежской тайге, в неведомой озёрной глуши. Здесь не ощущалась лихорадка современных событий. Но стоило только прикрыть глаза, отдаться во власть времени – и представлялось, будто начало и конец столетия сомкнулись на нешумных улочках, наполняя их будоражащим азартом перемен.

Чудилось: перестав колдовать над листом бумаги, оставив пышущий самовар, оторвавшись от вековой книжицы «Поморские ответы», из углового зелёного дома выйдет сам хозяин. Коренастый, широкий в плечах, с окладистой бородой и пронизательным взглядом, он скорой походкой зашпешит по улице. И, ощутив обращённые к нему, ждущие истины взгляды, перешагнёт зарок не выступать, отринет ледяной, унижительный опыт ареста, встанет перед людьми ради единственного – поведать им правду. Так было в 1918 году, так было и раньше – в 1906 году.

Сам хозяин – Николай Клюев. Даже столь малая деталь разрушает культивированный «официальной идеологией» образ лапотника-мужичка, скитского затворника, отшельника в краю Олонецком. В реальности было нечто другое. Экспозиции музея – в том самом зелёном домике, откуда, увы, никогда не выйдет поэт, но куда к нему идут и будут идти новые поколения, подтверждают это. Николай Алексеевич едва ли не с юных лет был и оставался позже активной – и социально и творчески – личностью. Чуждый лжи и равнодушия, он страстно желал счастливой доли для каждого человека, но прежде всего – для крестьянина. В пору первой русской революции (1905–1907) он угодил в «острог», сперва в Вытегре, а позже в Петрозаводске. Когда освободили, выступая на митинге, он признался: «Я шесть месяцев просидел в тюрьме только за то, что сказал крестьянам, что есть лучшая жизнь на земле, что есть средства бороться с тиранией» (газета «Олонецкий край», 1906 г.).

Сохранились воспоминания о Клюеве как о блестящем ораторе, который глубоко воздействовал на публику. Одновременно он являлся и столь же искусным публицистом. Приведу только два факта. Клюевские размышления о жизни крестьян и народной культуре под названием «С родного берега» до глубины души потрясли известного поэта Александра Блока в Петербурге.

Статья Николая Алексеевича «В чёрные дни (Из письма крестьянина)» оказалась настолько острой и злободневной, что цензура закрыла «Наш журнал», который рискнул её напечатать. Главный редактор В. Миролубов, ещё ранее уехавший из России, не мог вернуться домой и вынужденно жил за границей, пока не «рассеялись тучи». Он приехал на Родину в 1913 году.

Что же так перепугало петербургского цензора?

«С сердцем полным тоски и гневной обиды пишу я эти строки, – так начинал свою исповедь Клюев. – В страшное время борьбы, когда все силы преисподней ополчились против народной правды, когда пущены в ход все средства и способы изошрённой хитрости, вероломства и лютоści правителей

страны, – наши златоусты, так ещё недавно певшие хвалы священному стягу свободы и коленопреклонённо славившие подвиги мученичества, видя в них залог великой вселенской радости, ныне, сокрушённые видимым торжеством произвола, и не находя оправдания своей личной слабости, дерзают публично заявлять, что руки их умыты, что они сделали всё, что могли для дела революции, что народ – фефёла – не зажётся огнём их учения, остался равнодушным к крестным жертвам революционной интеллигенции, не пошёл за великим словом – Земля и Воля.

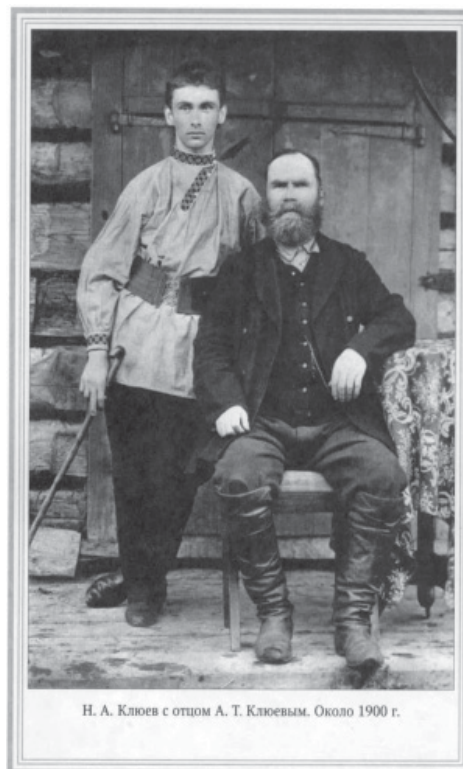
Проклятие вам, глашатаи, – ложные!»

Резкое негодование цензора и Судебной палаты вызвал сам тон публикации и позиция автора, что они расценили как «признаки преступного деяния».

Тираж номера «Наш журнал» (№ 4, 1908 г.) был полностью уничтожен.

Публицистика Клюева – не известная широкому читателю, не исследованная, несомненно, представляет общественный интерес и ждёт своего часа. Но она – только прелюдия, только присказка к главному и корневому духовному наследию – поэзии.

А откуда взялось нечто чудесное, которое вдохновляло автора?

Н. А. Клюев с отцом А. Т. Клюевым. Около 1900 г.

«Сосны молятся, ладан курия...»

Грунтовая дорога бежала в сторону Карелии. Где-то совсем рядом плескало барашковыми волнами неоглядное Онежское озеро – сакральное для здешних мест. С лесистого холма, куда мы въехали, взгляду предстали пронзительные пейзажи, сердце затрепетало. Слава богу, всемогущий человек ещё не стёр их с лица земли. Оглядываясь окрест, невольно я вспомнил строки Николая Клюева:

*В златотканые дни сентября
Мнится папертью бора опушка,
Сосны молятся, ладан курия,
Над твоей опустелой избушкой...*

Какие чистые, проникающие до глубины души созвучья!

Они как бы рождены самой природой Заонежья. Научиться подобно чувствовать и понимать вряд ли возможно, этим овладеешь, лишь слившись воедино с окружающим тебя мирозданием.

Вдоль речки Андомы рассыпались деревеньки поселения Макачёво – отчего приюта поэта, где прошли детство и отрочество. Сюда вскоре после рождения сына Николы 10 (22) октября 1884 года, третьего ребёнка, семья Алексея Тимофеевича Клюева, бывшего урядника, переехала из села Коштуги. Оставив службу, хозяин занялся на новом месте торговлей. Лавка помещалась в доме, разделив его наполовину. Деревенька прозывалась Жевлачёво.

...И вот я стою возле останков родного гнезда поэта. Сам дом, где он появился на свет, давно перевезли на центральную усадьбу колхоза, частично реставрировали, разместили там детский садик. Грустно, конечно, что не сберегли. Эту грусть немного скрашивали живописные окрестности. Северная олонецкая природа, бесспорно, сыграла исключительную роль в духовно-поэтическом становлении Клюева. Он, опять же вопреки расхожему трафарету, не был, как и отец, крестьянином в прямом смысле, хотя всегда подчёркивал, что крестьянин. На противоречие обратил внимание в 70-е годы прошлого века первый биограф поэта – журналист и краевед из Петрозаводска Андрей Грунтов. На мой взгляд, по большому счёту, противоречие всё же формальное. Будущий поэт рос в крестьянской среде, впитывал её. Неизгладимый след оставила в его душе мать Прасковья

Андрей Грунтов с жителями деревни Макачёво

Вытегра музей Клюева

Дмитриевна – сказительница, плакальница, знавшая и фольклор, и церковные песни, и народные обычаи.

Слово! В нём – ключ ко многим «тайникам» стихии народной. По слову, а вернее – через слово, коли глубоко вдуматься, коли воспринять равнодушным сердцем, можно и должно познать обычаи, культуру, этические народные заповеди. Мы же многие слова по-настоящему давным-давно позабыли. Наше общество, взвихренное социальными потрясениями когда-то в начале прошлого столетия, а теперь – и подавно, теряет, будто дорогие бусинки из бесконечного ожерелья, неповторимые особенности родного языка, а вместе с тем – немалую часть культуры.

Николай Клюев был одним из тех, кто пошёл поперёк процесса потерь. Он подбирал драгоценные янтари – слова, которые с новой, необычной силой заискрились в его поэзии.

*На распутьях дальнего скитанья,
Как пчела медвяную росу,
Соберу певучие сказанья
И тебе, родимый, принесу...*

Певучие сказанья! Какое точное, неповторимое выражение!

Не только из самой Природы, понимая её голос, но и из родников фольклора щедро черпал поэт, выражая собственные чувства и помыслы.

Грустно и горько, что потомки тех, кто вспоил его песенное творчество, в частности, жители Макачёва, отдалённо, как бы понаслышке знают о знаменитом земляке, о его прозрениях и болях. Не удалось здесь сберечь могилы отца и матери. По преданию, они были похоронены возле Верхнепятницкой церкви, ныне своим разрушенным видом она напоминает иллюстрацию к какой-нибудь картине о походе татарских полчищ Мамай на Нижегородскую Русь...

Нет, ни в коей мере я не упрекаю вытегорцов, что было бы нелепо. К «отсечению», к «отстранению» Николая Клюева не только от земляков, но и от всего русского народа приложили нечистые руки «сильные мира сего», и глухой звук от этого рукоприкладства долго летел над страной через десятилетия... Не исключаю, что одной из причин могла быть обыкновенная зависть к яркому, самобытному таланту.

В русскую литературу Клюев вошёл стремительно, сразу подтвердил оригинальность своего дара. Знакомый с бытием народа, он радостно, доброжелательно встречал революционные перемены, надеясь, что произойдёт улучшение положения крестьян не только в родной Олонецкой губернии, но и во всей России. Его, очевидно, сообразуясь с внешним видом, относили тогда, да и теперь часто относят к «новокрестьянскому» направлению в русской поэзии. Ох уж эти разделения по «школам», не говоря уже о том, что общекрестьянские обычаи и традиции испокон веков были в России и общенародными. Удивляюсь, как до сих пор вещего Бояна, по мнению некоторых исследователей, одного из авторов древнерусского «Слова о полку Игореве», не причислили к какому-то «направлению»...

Столь же не подходят рамки и для Клюева. Это был «людской» писатель, выражавший духовные поиски народа – разбуженную временем волю и энергию, жажду лучшей доли. Притом Клюев являлся как бы заглавной фигурой, «коренником», за ним тянулись (конечно, с долей условности)

Участники Клюевских чтений у памятника поэту

Сергей Есенин, Сергей Клычков, ещё некоторые авторы. Да и в определённой мере и сам Александр Александрович Блок, которого привлекало в Клюеве то, чего самому не хватало – цельное православное мировоззрение.

Без «братского царства»

Бурная эпоха утекала, будто вода сквозь пальцы. По инерции История ещё сопротивлялась уготованной ей узде. Но с каждым новым днём поэт всё больше ощущал в себе самом, в окружающем мире нарастающую противоречивость, неопределённость, крушение надежд. В себе: был членом партии, но за религиозность его исключили. В окружающем: усиливалось противостояние между избой, то есть укладом народной жизни, и железной поступью времени. В эпохе: требования крестьян, за которые Клюев боролся ещё с 1905 года, – управление не чиновников, а выборных от народа, передача земли без выкупа, обязательное бесплатное обучение, свобода слова, союзов, собраний, печати и т. д. – отступили куда-то, как бы размылись. Вроде бы близкая «обетованная земля» уходила из-под ног, родимая почва колебалась, вместо братского царства правители забирали круто в сторону, не считаясь ни с кровью, ни с жертвами, ни с голодом.

Всё это предопределяло и внешний кризис для Клюева.

Писатель, умудрённый творческим и житейским опытом, признанный ведущими литераторами России, он почувствовал себя «инородным телом» в создаваемых наспех пролеткультовских структурах для литературы. Правившие в них «неистовые ревнители» старательно выискивали «извивы» в судьбе и творчестве поэта. Круг изданий, где он мог печататься, сужался до крохотной ледяной полыньи. Фактически он остался без заработка – традиционный удел многих больших писателей России. Но в груди на зло всему горел «огонь аввакумовский», на бумагу ложились пронзительные строки.

*Мы тонули в крови до пуза,
В огонь бросали детей.
Отчего же небесный кузов
На лучи и зори скупей?*

Если бы «железные Феликсы» больших и малых рангов не вмешивались в художественное и любое другое творчество...

Но, увы, вмешивались!

В октябре 1922 года Лев Троцкий (Бронштейн), на тот момент являвшийся председателем Реввоенсовета, опубликовал в одной из центральных газет статью, где представил собственные размышления о поэтике Н. Клюева. Позже эта публикация вошла в его книгу «Литература и революция», изданную в Москве в 1923 году. «Если отнять у Клюева его крестьянство, – считал Бронштейн, – то его душа не то что окажется неприкаязной, а от неё вообще ничего не останется. Ибо индивидуальность Клюева находит себя в художественном выражении мужика, самостоятельного, сытого (*выходит, добродетельным может быть только голодный?* – Г. С.), избыточного, эгоистично-свободолюбивого. Всякий мужик есть мужик, но не всякий выразит себя. Мужик, сумевший на языке новой художественной техники выразить себя самого и самодовлеющий свой мир, или, иначе, мужик, пронёсший свою мужицкую душу через буржуазную выучку, есть индивидуальность крупная – и это Клюев... Клюев учился. Где и чему, не знаем, но распоряжается он знаниями как начётчик и ещё как скопидом... Клюев – поэт замкнутого и в основе своей малоподвижного мира, но всё же сильно изменившегося с 1861 г. Клюев не Кольцов: сто лет прошло не даром. Кольцов простоват, покорен, скромн. Клюев много сложнее, требовательней, затейливей, и новую стихотворную технику он вывез из города, как сосед вывез оттуда граммофон... Стихи Клюева, как мысль его, как быт его, не динамичны...»

Характеристики у Бронштейна, прямо скажем, уничижительные. Надо полагать, что Троцкий, как человек далёкий от русского крестьянства и русской литературы, выразил собственное, как бы внешнее и довольно примитивное, понимание поэзии Николая Клюева. А если выразиться точнее – собственное непонимание его творчества. Если бы автор был сотоварищем по литературному цеху, критиком – куда ни шло. А тут – едва ли не главная административная фигура в государстве! За такими его высказываниями проглядывала политическая подоплёка – узкий классовый подход к явлениям литературы.

Каковы же выводы Троцкого?

«Клюев приемлет революцию, потому что она освобождает крестьянина, и поёт ей много своих песен, – продолжал «чёрный демон» революции. – Но его революция без политической динамики, без исторической перспективы... Золотые деревья Свесят гроздьями созвучья, Алконостами слова Порассядутся на сучья. Медный кит...»

Вот поэтика Клюева целиком. Какая тут революция, борьба, динамика, устремление к новому? Тут покой, заколдованная неподвижность, сусальная сказочность, билибинщина: «алконостами слова рассядутся по сучьям». Взглянуть на это любопытно, но жить в этой обстановке современному человеку нельзя... Каков будет дальнейший путь Клюева: к революции или от неё? Скорее от революции: слишком он уж насыщен прошлым. Духовная замкнутость и эстетическая самобытность деревни, несмотря даже на временное ослабление города, явно на ущербе. На ущербе как будто и Клюев...»

Что можно сказать об опусе Троцкого, сочиняя который, он претендовал на лавры литературного критика? На первом месте у него – политическая тенденциозность. В приведённых «размышлениях о поэтике» Н. Клюева на самом деле нет и попытки понять огромный поэтический мир Николая Алексеевича.

Это был, скорее, не анализ творчества, а приговор автору от одного из ведущих деятелей «большевистского кагала», большого «любителя русской крови». Красноречиво признание Лейбы Бронштейна: «В годы войны в моих руках сосредоточилась власть, которую практически можно назвать беспредельной...»

Ослеплённый вот этой безграничной властью, Троцкий смотрел на русского национального гения как на человека «второго сорта». И, думаю, не сомневался в выводах, что последуют за его «оценками». Ведь вещал властитель с «Лениным в башке, с наганом в руке», его намёки воспринимались челядью весьма определённо. Готовилось широкое наступление «на кулака». И все, кто мешал изгнанию из деревни умеющего работать мужика, а Клюев своим творчеством именно мешал, должны были быть изолированы...

Так Троцкий обозначил линию преследования крестьянских поэтов, выразивших в своём творчестве чаяния русского народа. А сами поэты не имели ни права, ни возможности возразить, дать отпор лидеру международного сионизма.

«Большое видится на расстоянье...»

В то же время, спустя год после выхода упомянутой книги «кумира большевиков», друг и единомышленник Клюева – поэт Сергей Есенин – сочинил стихотворение «Письмо к женщине». В нём он старался осмыслить страшные события, происходившие в России, и своё место в них.

*Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В разворочённом бурей быте,
С того и мучаюсь, что не пойму,
Куда несёт нас рок событий.
Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянье.
Когда кипит морская гладь –
Корабль в плачевном состоянии.*

Если Сергей Есенин «склонился над стаканом, чтоб, не страдая ни о ком, себя сгубить в угаре пьяном», то его старший товарищ и наставник Николай Клюев искал и находил опору в истории Руси, её народных обычаях и обрядах, в песнях и преданиях и, конечно, в православной вере во Христа.

Это была твёрдая, непоколебимая почва!

Она-то и вызывала скрытую ненависть, переходящую в бешенство, у Троцкого и его окружения. К тому же председатель Реввоенсовета был крутой масон, а их справедливо относят к «клану человекоподобных нелюдей».

Ныне, с высоты минувшего – а это целый век, мы ясно видим: столкнулись два мировоззрения, две идеологии. Русская, национальная, человеколюбивая – в лице Клюева, и интернациональная, еврейско-сионистская, русофобская – в лице Троцкого. Совместить их в той реальности было невозможно.

«Человек, как высшее Божие творение, должен отражать в себе Бога, стать как бы совершенно прозрачным для благодати – нетварного Фаворского света, – писал современный богослов, епископ Питирим. – Таково христианское осмысление любого творчества – через призму духовного».

Именно к этому и стремился Николай Клюев, а Лев Троцкий – к кровавой «политической целесообразности».

...Холод, нужда, изоляция от читателя. Казалось бы, Николай Клюев деморализован, разбит, сломлен. Но мы видим как раз обратное, своего рода чудо – сила духа не изменяет ему, воля к творчеству не ослабевает, а возрастает. Думаю, в определённой мере это было связано с тем, что он чуть раньше отрёкся (по крайней мере, в душе!) от символизма, имажинизма и прочего новаторства, сохраняя «духовный реализм». Показательна полемика с Константином Бальмонтом, который в стихотворении «Оттуда» писал:

*Я обещаю вам сады,
Где поселитесь вы навеки,
Где свежесть утренней звезды,
Где спят нешепчущие реки...*

А вот ответ Николая Клюева, который он так и назвал – «Вы обещали нам сады»:

*Вы обещали нам сады
В краю улыбочиво-далёком,
Где снесь – волшебные плоды,
Живым питающие соком.*

*Вещали вы: «Далёких зла,
Мы вас от горестей укроем,
И поражённые тела
В ручьях целительных омоем».*

*На зов пришли: Чума, Увечье,
Убийство, Голод и Разврат,
С лица – вампиры, по наречью –
В глухом ущелье водопад.*

*За ними следом Страх тлетворный
С дырявой бедностью пошли, –
И облетел ваш сад узорный,
Ручьи травой потекли.*

*За пришлецами напоследок
Идём неведомые Мы, –
Наш аромат смолист и едок,
Мы освежительней зимы.*

*Вскормили нас ущелий недра,
Вспоил дождями небосклон,
Мы – валуны, седые кедры,
Лесных ключей и сосен звон.*

...Обращаясь к эпическому жанру, но оставаясь верным фольклорной манере, Клюев переживает, пожалуй, наивысший творческий подъём. Он создаёт крупные поэмы (можно их назвать повестями в стихах) – «Погорельщина», «Песнь о великой матери», «Разруха». По глубине понимания предстоящей судьбы Родины поэму «Погорельщина» трудно с чем-либо сравнить. В ней с потрясающим пророчеством предсказаны вымирание русских деревень и фактически наше нынешнее состояние – уже как следствие этого вымирания. Картина гибели деревни Сиговый Лоб (Сигвец, Великий Сиг) проходит через всю поэму, олицетворяя и народную долю: «Так погибал Великий Сиг, / Заставкою из древних книг, / Где Стратилатом на коне / Душа России, вся в огне, / Летит ко граду, чьи врата / Под знаком чаши и креста!»

И ещё одно признание:

*Разбиты писанные сани,
Издых ретивых коренник,
И только ворон на-заране,
Ширяя клювом в мёртвой ране,
Гнусавый испускает крик!*

Казалось бы, поклониться надо было поэту в пояс, прислушаться к его тревожному голосу. Куда там! Вместо понимания и благодарности – арест.

Вместо признания – ссылка в смертные нарынские снега в далёкой Сибири.

Сбывались, так сказать, «пророчества» Троцкого.

Но если мы вернёмся к формуле Есенина «Лицом к лицу лица не увидать», то очевидна ценность одного и другого. Николай Клюев – большое явления в русской и мировой культуре, Лев Троцкий – чёрное, смердящее пятно в русской истории, не более того.

«Отражает кулацкую идеологию»

Не имея компромата, Клюева арестовали в Москве в начале 1934 года. Некто Шиваров, оперуполномоченный ОГПУ, ему поручили вести дело, приписал модную мотивировку: «Активно вёл антисоветскую агитацию путём распространения своих контрреволюционных произведений». На допросе поэт не скрывал убеждений: политика коллективизации и индустриализации в том виде, в котором проводилась, – трагедия, гибель для миллионов русских людей, разрушение основ и красоты народной жизни. Да, Николай Алексеевич говорил правду, как когда-то говорил её в 1906-м. Но трудно

поверить, будто он сам признал, что его “Погорельщина” – “поэма с реакционным направлением, отражает кулацкую идеологию”». Это, скорее всего, как и сам беспочвенный арест, – фальшивка тех, кто вёл допрос.

Итак, Сибирь, конвой, долгие ночи и страшные дни.

Ныне о ссылке, о пребывании поэта в Колпашове, а потом в Томске достаточно известно. Там Николая Алексеевича арестовали во второй раз в июне 1937 года, якобы как одного из руководителей монархической контрреволюционной организации. Ну, чушь полная! У поэта отобрали девять книг и десять школьных тетрадей рукописей. Уже позже, в 1965 году, из Центрального государственного архива литературы и искусства в Томск сделали запрос по поводу рукописей, ответ последовал: «Сведений о них нет».

Как и три года назад, сценарий обвинения Клюева продумали до «мелочей», ни одного факта компромата или изобличающего материала не предъявили. Всё построили на «показаниях» ссыльных, которые, опять же, не приводили реальных фактов. Никакого суда не было. Клюев не признал себя виновным. Тем не менее «тройка» УНКВД Западно-Сибирского края приговорила поэта к расстрелу 13 октября 1937 года. Примерно через 10–12 дней палачи привели приговор в исполнение. Великому русскому поэту было всего 53 года.

Жить бы и жить да творить!

Могила Клюева неизвестна.

Невозможно без внутреннего содрогания и омерзения читать протест военного прокурора Сибирского военного округа П. Орлова, направленный 22 июня 1960 года в военный трибунал Сибирского военного округа. Там говорится, что Клюев не был агентом японской и других иностранных разведок, а монархической организации в крае не существовало, материалы о ней сфабрикованы органами УНКВД...

Вскоре постановление «тройки» по Новосибирской области по делу Клюева отменили – за «отсутствием состава преступления».

Итак, спустя двадцать три года после казни безвинного, оклеветанного, униженного поэта справедливость вроде бы восторжествовала – его реабилитировали. Но неприятный осадок остался. Никто из палачей не понёс никакого наказания, даже морального. Ни один представитель государства не принёс извинение русскому народу за злодеяния над поэтическим гением. «Надменные потомки» – сказал о подобных людях Михаил Лермонтов.

Так и есть!

Воскресшая молитва

Да, потребовалось ещё почти три десятилетия, чтобы наступила фактическая реабилитация поэта Николая Клюева. «Точка отсчёта» – литературные чтения в связи со столетием со дня рождения, проведённые в Вытегре. Инициативу проявил краевед Сергей Иванович Субботин. Всё же, каким бы тяжёлым не было «табу на поэта», оно не ослабило тягу людей к личности и творчеству самобытного творца. Может, с риском для жизни журналист Н. Архипов сберёг стихи своего друга из Вытегры и записи бесед с ним, а позже передал в Пушкинский Дом в Петербурге, где они и хранятся.

Другой поклонник творчества Клюева журналист из Петрозаводска Александр Константинович Грунтов, проведя большие архивные исследования, написал подлинную биографию поэта, а также стал вдохновителем создания музея в Вытегре. Начинали с «нуля». В 1969 году жительница Вытегры принесла музейщикам книгу «Песнослов» с дарственной надписью Клюева доктору Минорскому. В семье тверского поэта Сергея Клычкова, с ним дружил Клюев, хранились личные вещи Николая Алексеевича – дорожный самовар, ковёр и другие, их передали в музей. Много сил приложили к созданию музея первый директор Т. Макарова и сотрудники. Теперь такому собранию могут позавидовать и в столице. Все, кто был неравнодушен к Клюеву, мечтали о памятнике.

Известный учёный-литературовед Александр Михайлов предложил скульптору Сергею Алипову подумать о создании монумента. Тем более что у того уже был опыт скульптурных эскизов Сергея Есенина, Анны Ахматовой, Бориса Пастернака... Над воплощением идеи Сергей Алипов и архитектор Леонид Беркович работали более 10 лет. В 2016 году памятник Николаю Клюеву торжественно открыли на Красной Горке в Вытегре.

...Отраднo, что постижение художественного мира Клюева продолжается и в наши дни. Своего рода откровением стала книга «ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО в творчестве вологодских писателей» профессора Вологодского университета, известного литературоведа и прозаика Людмилы Григорьевны Яцкевич (21.11.1944–26.01.2022).

Клюеву в ней уделена главная часть. «Русская поэзия является высшей формой выражения национального сознания, – уверена автор. – В годину лихолетья, в смутное время человек обращается к ней как к источнику духовных сил, необходимых ему для преодоления тёмного хаоса безвременья и последующего возрождения.

Давно замечено, что русская культура имеет прерывистый характер в силу трагического течения её истории. Творчество Н. А. Клюева связывает “цепь времён”, прошлое и будущее России в единое целое. В этом заключается великая созидательная сила его поэзии.

Нередко масштабы личности поэта и его творчества неправомерно сужают в социально-культурном плане, включая его в группу новокрестьянских поэтов, ограничивают в географическом плане, называя его олонецким поэтом, и наконец, в плане духовном – связывая своеобразие его творчества исключительно с расколом и сектантством. С другой стороны, поэтическое наследие Н. А. Клюева пытаются оторвать от исконно русских корней. Так, парижский исследователь Эммануил Райс начинает свою статью с обобщения: “От всего облика Клюева веет каким-то холодком. Он как бы всем чужой”.

Однако это лишь субъективное впечатление.

Сам Клюев, словно возражая парижанину, писал о своей сердечной связи с Россией и её святынями:

*Сердце, сердце, русской удали жильё,
На тебя ли ворон точит лезвиё,
Чтоб не пело ты, как воды в ледоход,
Чтобы верба за иконой не цвела,
Не гудели на Руси колокола...*

Заметим, что слова *сердце, душа, Русь, Россия* относятся к самым частотным в поэтическом словаре Клюева. Слово *сердце* употребляется 190 раз, *душа* – 240, *Русь, Россия* – 170».

«Поэзия Клюева – не развлекательное чтение, – заметила одна из сотрудниц музея, – её нельзя навязывать, каждый должен прийти к ней сам...»

Пожалуй, верно!

Когда-то Клюев сказал: «Изба – святилище земли». Ныне понимаешь: его перевитое музыкой творчество – святилище души. У вологодского поэта Юрия Леднева в триптихе, посвящённом Николаю Клюеву, есть строки:

*Диковинный стих среди ора и пьяни
Воскресшей молитвой горит неспроста...*

Да, горит!

Непогодь, бури века не в силах его погасить.

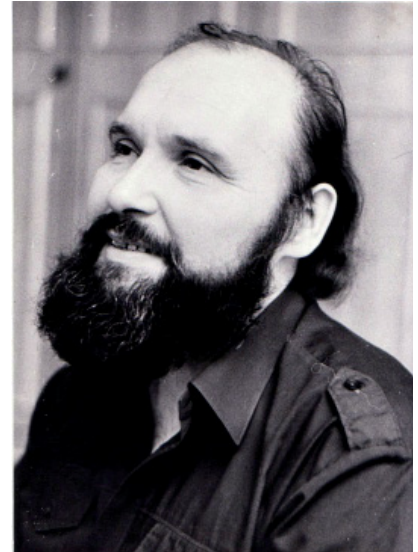

Берега памяти

Юрий Конецкий

Юрий Валерьевич Конецкий (25.05.1947–04.03.2014) – поэт, переводчик, академик Академии поэзии, заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России (СССР). Родился в семье фронтовика, участника освобождения Вены. Окончил Высшие литературные курсы в Москве. Первое стихотворение напечатал в 1961 году в газете «Серовский рабочий». После окончания школы переехал в Свердловск, работал на Уралмашизаводе. За книгу «Скрижали» и Свод исторических поэм «Уральский временник» выдвигался на Государственную премию России, попав в «короткий список». Лауреат Всероссийских премий им. П. П. Бажова, Л. К. Татьянической, Б. П. Корнилова.

Юрий Конецкий был энциклопедически образованной личностью, знатоком не только мировой поэзии, но и истории, философии, живописи и др. Им собрана и издана антология. «Поэзия Урала XVIII–XX веков в 3-х томах». Он известен не только как эпический поэт своими историческими поэмами и балладами, но и как автор книг для детей и сатирик, а также прекрасный переводчик и проникновенный лирик. В 2006 году вышло в свет Собрание сочинений поэта в трёх томах. Он навеки – член известной в России Семьи трёх Поэтов (мать, отец, сын): Любовь Ладейщикова, Юрий Конецкий и Арсений Конецкий.

Поэма Юрия Конецкого «Жемчужина» – горька и отрезвляюще целебна, как противоядерная вакцина для перегревшихся мозговых реакторов... Ощущая трагический пульс взрывоопасных времён, – я решила, что Час Поэзии настал, – сражаться и побеждать в схватке с сатанинской нечистью и циничной деградацией части человечества...

Мыслящие и неравнодушные мои современники! Благодарно чувствую, что поэма Юрия Конецкого, созданная 40 лет назад, сегодня вновь вызывает духовный всплеск и солидарный протест в чутких сердцах и возмущённом сознании...

Поэма Юрия Конецкого «Жемчужина» (или 13 комментариев к слайд-фильму) – написана ещё в 1983 году, но будоражит душу и протестующий разум и сегодня... Поэт, упреждающим художественным Словом, рисует разрушительные «термоядерные картины», грозящие гибелью человеческой Цивилизации – «Жемчужины Вселенной».

Публикацию подготовила Любовь ЛАДЕЙЩИКОВА

ЖЕМЧУЖИНА

Поэма

(13 комментариев к слайд-фильму. 1983)

Боже, сохрани святую Русь
от всяких говен, падающих с неба...

Бабкина молитва

Иронический

Вихри термоядерного взрыва
На картинках выглядят красиво
И гигиенично... Под грибами
Не пойдут скорбящие с гробами,
Ибо в плазме смерчевой утробы
Скопом сгинут люди и микробы,

Растворятся в инфернальной бездне
Вместе с человечеством – болезни...
Ожидая погребальный стронций,
Ненадёжно нежится на солнце
Шар Земной – жемчужина Вселенной
В раковине жизни тонкостенной.

Первый ночной

Я вдруг проснулся от стука сердца
В невероятнейшей тишине:
Беззвучно «Першинги», взмыв со старта,
Скользили тенями по стене...
И я затаивался сторожко,
Комочек жизни, в глухой ночи,
И волны ужаса мозг пронзали,
Как будто стронциевые лучи,
И электроны, с орбит срываясь, –
Насквозь! – прокалывали меня...
(Справка: Ночью мозг перерабатывает
информацию, накопленную в течение дня.)

Эсхатологический

В окне – миры соседние,
Бессчётных солнц пыланье...
А может, мы – последние...
Последние земляне?
Нормальные и гении,
Тихони и задиры,
Уйдём в одно мгновение
Из мировой квартиры, –
История окончится
Простым нажатием кнопки...
Живьём сгорая, корчиться
В радиоактивной топке?
Вверху – миры соседние,
Бессонных ламп пыланье...
Неужто, мы – последние,
Последние Земляне?..

Космический

...К нам – слышали? – прилетали энлэонцы, –
Покружили для начала возле солнца –
Межпланетного космического буя...
И увидели планету голубую.
И, меняя курс, к Земле скользнули разом,
Обнаружив – невзначай! – начальный разум.
Видят: с бомбами летают самолёты,
Подо льдом плывут подлодки-кашалоты...
Загляделись на военные объекты
По-земному не учёные субъекты...
А из штаба шла угрюмая шифровка:
Дескать, враг над нами! Влез в тарелку ловко,
Но спасти его не в силах маскировка...
Братья... Звёздные... Контакты наводили...
...Говорят, что над Бермудами их – сбили...

Второй ночной

Я живу, люблю, брожу по свету,
Проявляю к людям интерес... –
На меня нацелены ракеты
Противостоящих ВВС.

И собой пятная небосклоны,
Как дурные зенки колдуна,
Шарят сверху спутники-шпионы:
Чем сильна бесстрашная страна?

Штатский

Это был армейский тир.
Журналисту, и поэту
Выдал ротный командир
На руки по пистолету,
И над полом, в том конце,
Как врагов возможных тени,
Танцевали сквозь прицел
Чёрно-белые мишени.
С непривычки нелегко
Нужный миг укараулить...
И летели в «молоко»
Мною пущенные пули.
Попадая чаще в лист,
С пистолетом встав сутуло,
Бил удачней журналист
Из «макаровского» дула.
И спокойно командир,
Вроде бы без напряженья,
Пробуровил кучу дыр
В центре вздрогнувшей мишени! –
Так, мол, боремся за мир,
Если надо – урезоним...
Это был обычный тир
В зауральском гарнизоне.

Второй штатский

На военном аэродроме
Истребители в полудрёме
Остроносы, как воробьи.
На крылечко выходит лётчик,
А в руке у него – кулёчек,
И от солнца в глазах рябит.
Он – в небесном комбинезоне,
Он – дежурный по мирной зоне.
Щурясь, скинул свой лётный шлем.
Воробьишек азартных племя
Ест подсолнуховое семя.
Он доволен, что хватит всем.
Он такой сейчас беззаботный...
Но – одетый в костюм высотный,
За три звука рванёт от птиц...
В грозный миг не стихи поэта,
А под быстрым крылом – ракета
Стережёт тишину границ...

Информационный

Летели гуси над Канадой,
Себя спасая от снегов,

А их встречали, как не надо,
 А их встречали, как врагов.
 И, электронный провокатор,
 Уже который раз подряд
 Разведку уверял локатор,
 Что это – русские летят...
 ...И, нажимать на кнопку труся
 В непредсказуемый момент,
 Не понимал, что это – гуси,
 Американский президент.
 Грозил России издалёка
 Ракетно-ядерный удар.
 Из-за сверхдидительного ока
 Едва земной не лопнул шар...
 Кружили б факельные смерчи
 Над обезжизненной Землёй,
 И затихало эхо смерти
 Под остывающей золой...

Апрельский

Я улыбку Гагарина помню.
 Русский парень рабочих кровей,
 Он прошёл по апрельскому полдню
 Невеликой планеты моей.
 Он увидел её небольшою,
 Как жемчужину, из корабля,
 И воскрикнул, светлея душою:
 – Ты прекрасна, планета Земля!

Майский

Девятого мая отец надевал ордена
 И шёл по рабочему городу в общем движеньи
 Туда, где клубился огонь, не суля воскрешенья,
 А надписи плит золотые хранят имена.
 Прошёл он Европу... Вернулся домой на Урал.
 Ему повезло, если начисто вычесть раненья.
 Их мало вернулось, мальчишек его поколенья,
 Но был перед ними бессилён германский металл...

Сентиментальный

Ах, одноклассница была пугливою, как ящерка,
 От бабки знала сто молитв – мать рано умерла...
 На днях столкнулись с нею мы возле
 завода-«ящика»
 У самой строгой проходной: «Вот встреча!» –
 «Как дела?»
 «...А помнишь, как спешили в лес
 с плетёною корзинкою?»
 «А помнишь, как нашли птенца, как бегали
 в кино...» –
 Она стояла, заводской повязана косынкою:
 «Да, да, – кивала головой, – не виделись давно...»

«Живая бабка-то?» – «Жива».
 «Всё молится?» – «Всё молится».
 «О чём?» – «О мире на земле».
 «А ты?» – «Да недосуг –
 Работа в цехе у меня с молитвами не сходится,
 И понимаю так, что мир – изделие наших рук...»
 И фотографию «своих» из редикульца вынула –
 Два симпатичных пацана смотрели в объектив,
 И безмятежное тепло от их мордашек хлынуло,
 И я одобрил: «Хороши!» – душой не покривив.
 «Вот только б не было войны, – вздохнула
 озабоченно
 И улыбнулась, – а твоим идёт который год?» –
 И сняв косынку с головы, махнула мне с обочины,
 Через вертушку в проходной ушла на свой завод...
 Я вспомнил сразу же и дочь,
 и сына-старшеклассника...
 О том подумал я, что жизнь должна быть
 без конца,
 Что мы – участники её стремительного праздника,
 Что слишком рано своего я схоронил отца.
 Но он бы мог остаться там, на фронте,
 лейтенантиком,
 И нерождённые: и я, и внук легли бы с ним...
 Всё так... Всё так могло и быть – ведь никакой
 гарантии –
 Он жил, как всякий на войне, – случайностью
 храним.

Но на Земле, как на войне, жить в леденящем
 трепете,
 За жизнь любимой и детей бояться, что вот-вот
 В глазах погаснут облака, сгорят в полёте лебеди
 И молча сделает Земля последний поворот?..

Третий штатский

Я читал стихи в ракетной части –
 О любви просили и о счастье.
 Не пугало нас, что рядом – Кнопка.
 За окном в тайгу бежала тропка,
 Часовой топтался с автоматом...
 Я читал улыбчивым солдатам
 Обо всём, о чём они просили:
 О любви, О счастье, О России,
 О Земле – жемчужине Вселенной
 В раковине жизни тонкостенной...

Ювелирно-космический

Говорят,
 Чтобы определить подлинность жемчуга –
 Его бросают в уксус...
 Настоящая жемчужина – растворится...
 Но к чему так жестоко испытывать
 Нашу Землю?

Берега истории

Роксолана Жигон

Роксолана Юрьевна Жигон (dr. Roksolana Zigón) – кандидат экономических наук, доктор политических наук, политолог, эксперт в сфере геополитики и глобальной дипломатии, сотрудник Женевской школы дипломатии и международных отношений (Швейцария), старший советник фонда «Тиллотом» (Индия), президент и основатель АНО АРФАИМ «Новое Просвещение».

ЖЕНЩИНЫ В ДИПЛОМАТИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

«Есть многое на свете, друг Горацио,
что и не снилось нашим мудрецам».
Но если сильно поразмыслить,
то должно обратиться к праотцам.
Сколь слаб сатрап, столь жалок его дух вне истин,
Трепещущий пред ликом перемен.
Все бы в истории легло как козырь в рукаве игривой кисти,
Коль не винули бы во всех грехах **la femme fatale**.

Роксолана Жигон

Невзирая на внешние ограничения и общественные предубеждения, эти дамы творили историю в изысканных стенах своих светских салонов, на балах, в объятьях монархов и самых передовых умов своей эпохи.

Женщины и дипломатия

В плеяде ярчайших представительниц той поры блистали герцогиня Вильгельмина Саган, княгиня Екатерина Багратион – известные в Европе «светские львицы», а по совместительству – успешные «агентессы влияния» и шпионки.

Немецкая герцогиня Вильгельмина (урождённая Екатерина Петровна) де Саган, любовница Меттерниха и сестра любовницы Талейрана – внучка Эрнста Бирона, фаворита российской императрицы Анны Иоанновны. Современники называли её «Клеопатра Курляндии».

Екатерина Павловна Багратион, урождённая Скавронская – дочь Екатерины Васильевны Энгельгардт, племянницы и любовницы всесильного временщика Григория Потёмкина. Екатерина Скавронская в возрасте 17 лет была выдана замуж за 35-летнего генерала Петра Багратиона. В 1805 году она сбежала от своего прославленного, но «скучного» мужа в Европу, где и жила до конца своей жизни. Умерла в Венеции. Внучатая племянница князя Потёмкина была известна под прозвищами «Русская Андромеда», «Lebelangenu» («Обнажённый Ангел») – за пристрастие к прозрачным платьям) и «Chatteblanche» («Белая кошка»). Детей от Багратиона у неё не было. Зато в 1810 году она родила дочь от Меттерниха, которая, по приказу Александра I, была записана как Мария Клементина Багратион.

На фоне споров о женской природе и качествах женственности (*querelle des femmes*), начатых ещё в XIV столетии французской писательницей Кристиной де Пизан и ставших одной из тем для дискуссий в салонах – новых социальных институтах, появившихся в Париже, а затем и в других европейских столицах в течение XVIII–XIX веков, в сердце культурного и дипломатического умиро-

Княгиня Д. Х. Ливен

Вильгельмина де Саган

Екатерина Павловна
Багратион

творения между Россией и Европой, появился исключительно незаурядный и блистательный образ княгини Дарьи Христофоровны фон Ливен, светской львицы первой половины XIX века, тайного агента русского правительства в Лондоне и Париже, прозванной современниками «дипломатической Сивиллой».

Но кем на самом деле была княгиня Ливен?

Княгиня Ливен – «дипломатическая сивилла» Европы

Дарья, или Доротея Христофоровна Бенкендорф, родилась 17 декабря 1785 года в Риге. Чистокровная немка, лютеранка, она принадлежала к прибалтийскому дворянскому роду, происходившему из Бранденбурга. Её предки вели родословную от Иоанна Бенкендорфа, старшего бургомистра Риги, приобретшего этой должностью дворянство согласно шведскому закону 1660 года. Отец – Христофор Иванович Бенкендорф (1749–1823), генерал от инфантерии и кавалер ордена Александра Невского. Его мать, бабушка Дарьи Христофоровны, была любимой фрейлиной императрицы Екатерины II, оказывавшей Христофору Ивановичу покровительство и назначившей его военным губернатором Риги. Родная сестра А. Х. Бенкендорфа, супруга князя Христофора Андреевича Ливена, видного дипломата, посла Российской империи в Пруссии, затем, на протяжении двадцати двух лет, в Великобритании.

К сожалению, имя княгини Ливен известно лишь крайне узкому кругу специалистов-международников; в российской исторической науке её жизнь и деятельность до сих пор не являлась предметом серьёзного исследования, несмотря на то что фигура княгини Ливен никогда не ускользала от внимания западных исследователей начиная с конца XIX, когда стало доступно обширнейшее документальное наследие первой женщины-дипломата в истории Российской империи.

Одной из первых книг, посвящённых деятельности Ливен, явилась работа французского исследователя Э. Доде «Жизнь посланницы прошлого века. Княгиня Ливен». Это исследование охватывает весь период жизни и деятельности княгини Ливен и до сих пор не потеряло своей научной значимости. «Английский период» её жизни, связанный с пребыванием в Лондоне в 1812–1834 годах, оценивается в целом весьма позитивно как пик её карьеры и влияния.

По мнению известного английского исследователя Х. Темперли, «она была признанным лидером в английском обществе в течение почти двадцати лет, и никогда ещё иностранка не получала сведения об английском обществе из первых рук и не обладала бы большим влиянием в нём».

В 1920-е годы автор имел возможность работать в советских архивах и впервые ввёл в научный оборот большой массив документов, озаглавленных «Дневник» княгини Ливен, охватывающий период с 1825 по 1830 год. Французский исследователь Ж. Ганото, опубликовавший переписку К. Меттерниха с Д. Ливен, отмечал её неизменную преданность российским интересам, называя её очень русской женщиной, в высшей степени привязанной к своей стране. Что касается следующего этапа

её жизни, который можно назвать «французским» (1836–1857), то он в отечественной и зарубежной исторической науке освещён гораздо меньше.

Оценка деятельности Ливен в Париже также весьма противоречива. Так, крупный французский исследователь М. Кадо в работе «Россия в интеллектуальной жизни Франции 1839–1856 гг.» пришёл к заключению, что Ливен не сыграла большой роли в русско-французских отношениях тех лет и её вряд ли следует рассматривать как влиятельную политическую фигуру.

Кроме того, учитывая активные контакты Ливен с англичанами, Кадо полагал, что *«неизвестно, в чьих интересах – английских или российских, действовала княгиня»*. С подобным мнением вряд ли можно согласиться. Покинув в 1835 году Россию после смерти двух младших сыновей и решив обосноваться в Париже, Ливен оказалась в немилости у российского императора, опасавшегося её активной политической деятельности в столице Франции. Однако, несмотря на нерасположение Николая I, княгиня продолжала служить российским интересам. Не облечённая официальным статусом, не обладая официальными полномочиями, она смогла сохранить своё политическое влияние, а её салон стал одним из самых влиятельных, куда стремились попасть ведущие французские политики и европейские дипломаты. Как отмечал английский дипломат Ч. Гревилл, *«её присутствие в Париже... должно быть очень полезным её двору, поскольку такая женщина всегда умеет найти интересную и полезную информацию»*.

Стоит также отметить ряд современных зарубежных авторов, посвятивших теме великого женского пробуждения в политике и дипломатии Европы, таких как Гленда Слуга и Кэролин Джеймс, издавших в 2016 году монографию «Женщины, дипломатия и международная политика, начиная с XV в.». В сборник статей вошло достойное особого внимания исследование биографии и дипломатической деятельности княгини Ливен в Великобритании и Франции. Книга издана на английском языке и не известна российскому читателю, что в очередной раз наводит на мысль о необходимости возрождения лингвистической культуры и переводческой деятельности в России, так как это самым наилучшим образом препятствует разрушению культурных связей между Россией и Западом сегодня. В России научными и дипломатическими кругами длительное время отсчёт «женской дипломатии» вёлся с появления на исторической авансцене Александры Михайловны Коллонтай (1872–1952) – российской революционерки, первой женщины-дипломата и женщины-министра в истории. Идеология прошлого не давала возможность отдать дань справедливости и воздать достойные почести княгине Ливен как первопроходцу в истории формирования женского образа дипломатии, блистательно соединившей лучшие традиции и просветительские идеи Европы и России. Лишь в 2009 году вниманию российских читателей была представлена первая изданная на русском языке полная биография княгини Дарьи Христофоровны Ливен «Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия», и представленная российским историком, специалистом по истории Франции XIX века Татьяной Петровной Таньшиной.

Княгиня Ливен, обладая удивительно прозорливым умом, исключительными аналитическими способностями, редким даром предвидеть события, предвосхищать возникновение наиболее удачных политических и дипломатических комбинаций в отношениях между великими европейскими державами, создавать настроения и мнения в интересах русского правительства, на полях своих светских салонов в Париже и Лондоне, где она восседала на троне нетитулованной королевы европейской дипломатии, внушала любовь и страсть ведущим европейским политикам и дипломатам, августейшим особам, в круг которых входил король Англии Георг IV, австрийский канцлер К. Меттерних.

Дарья Христофоровна Ливен была в дружеских отношениях и постоянной переписке с ведущими английскими политиками – лордом Ч. Греем и лордом Дж. Г. Абердином; на протяжении последних двадцати лет своей жизни являлась спутницей ведущего французского политика, министра иностранных дел Ф. Гизо.

Среди современников Ливен оценка её личности и деятельности была неоднозначна. Соотечественники её, мягко говоря, недолюбливали, считая иностранкой и порой характеризуя весьма односторонне как шпионку, сбежавшую из страны. Иностранцы, как правило, были иного мнения о политической деятельности княгини Ливен. *«Мужчины и женщины, тори и виги, важные персоны и светские денди, все стремились заполучить её для украшения и престижа своих салонов, все высоко ценили честь быть принятыми ею»*, – писал о её лондонском салоне Ф. Гизо. *«Отличаясь мужским умом и женской чувствительностью, она держала под своей властью монархов и государственных*

людей и благодаря этому имела политическое влияние, редко доступное женщинам», – отмечала влиятельная английская газета. *«Эта женщина необычайно умна, необычайно остроумна, умеет быть очаровательной, когда этого хочет... Ничто не сравнится с изяществом и лёгкостью её разговора, усыпанного блёстками самого тонкого остроумия, а её письма – это шедевры»*, – писал о ней Ч. Гревилл. Не все иностранцы, однако, были восторженного мнения о ней. *«Женщина с длинным неприятным лицом, заурядная, скучная, недалёкая, не знающая иных тем для разговора, кроме пошлых политических сплетен...»* – писал о ней Ф. Р. де Шатобриан. Эти негативные оценки вполне объяснимы. Княгиня Ливен была слишком заметной и незаурядной фигурой на политическом и дипломатическом небосклоне Лондона и Парижа. Кроме того, не менее важным является и то, что сеть её контактов была максимально подчинена тем интересам, которым она решила служить. Её интересовали, прежде всего, политические пристрастия того или иного человека и польза, которую он мог оказать ей и стране, чьи интересы она представляла. Талейран, отмечая в своих воспоминаниях, что она была достаточно переменчива в своих политических симпатиях, писал: *«...она почти всегда была в лучших отношениях с министром, который находился у власти, чем с тем, который сошёл с Олимпа»*.

И несмотря на кривотолки и колкости, которыми щедро награждали княгиню Ливен недоброжелатели, она продолжала привлекать пристальное внимание лучших умов своей эпохи, внушать почтение, любовь и благоговение, вдохновлять литераторов и поэтов на создание бессмертных шедевров. Союз Ливен и Гизо, по мнению Доде, лёг в основу новеллы Бальзака «Гайны княгини Кадинан». Исследователи биографии княгини зачастую приписывают пробуждение в ней устойчивого интереса к политике её связи с Меттернихом, начало которой относится к 1818 году. Между тем существуют свидетельства, подтверждающие её внимание к политическим проблемам ещё до конгресса в Аахене. Об её увлечении политикой уже в первые годы пребывания в Лондоне свидетельствуют её собственные записки о визите Александра I в английскую столицу летом 1814 года. Этот документ говорит о её наблюдательности, остроумии, умении точно подмечать важные детали и подтверждает её изначально важную роль при английском дворе.

Ливен и русско-английское сближение

Ливен неофициально становится одной из центральных закулисных фигур в европейской дипломатии. Именно ей неоднократно поручались важнейшие дипломатические миссии. В 1825 году Ливен была вызвана в Санкт-Петербург для выполнения особо важного задания Александра I: она должна была содействовать русско-английскому сближению. Сам факт, что именно Ливен, а не её мужа вызвали в Петербург, показателен. Нессельроде хорошо знал о её истинной роли в российском посольстве, ценил её ум, политические способности, её связи и контакты в Англии.

Миссия Ливен была успешной; она произвела очень сильное впечатление на царя, который после первого разговора с ней заметил её брату Александру Бенкендорфу: *«Ваша сестра покинула нас молодой женщиной; сегодня я нашёл её государственным деятелем»*. В то же время этот визит показателен и в другом плане: несмотря на то что Ливен всегда была неизменно предана интересам России, служить отечеству она могла только за его пределами. По складу ума она стала совершенно западным человеком; она отнюдь не страдала чисто русской болезнью придворного раболепия и, несмотря на радость оказаться на родине, весьма тяготилась «этим невыносимым придворным этикетом». Она писала: *«Я видела это зрелище прежде, но я не думала о нём; сегодня же оно меня поразило... Эти занятия пустыми делами; эта важность, которая придаётся мелочам; эта манера каждого русского спешить, чтобы потом долго ждать; это абсолютное самоуничтожение и подобострастность к персоне суверена. Всё это разительно отличалось от страны, откуда я приехала»*. Княгиня Ливен стала англичанкой по привычкам, вкусам, образу жизни. Редкие поездки, которые она совершала в Россию, только укрепляли её в любви к Англии. Хотя при российском дворе ей оказывался благосклонный приём, она всегда с радостью возвращалась в Лондон, в ту среду, в которой она себя чувствовала комфортно; возвращаться «домой» означало для неё возвращаться в Англию. Княгиню зачастую обвиняли в шпионаже, что не отвечало в полной мере ни масштабу её личности, ни дипломатической миссии, ни интересам, в хитросплетения которых был посвящён лишь узкий круг доверенных лиц, окружавших её.

«Симпатические чернила Ливен»

О сношениях Ливен с российским двором было хорошо известно французскому правительству и дипломатическому корпусу. Сама княгиня не скрывала этой переписки, напротив, умышленно говорила о ней, стараясь показать, что она не заслуживала обвинений в шпионаже. А вот брату она часто писала зашифрованные письма так называемыми «симпатическими чернилами», которые проявлялись при нагревании. Поскольку почерк княгини был очень неразборчивым, что усугублялось ещё и прогрессирующей катарактой, зашифрованный текст был написан под её диктовку. Этот второй текст содержал детальные сведения, касающиеся, как правило, актуальных внешнеполитических вопросов, без каких-либо замечаний Ливен личного плана, психологических зарисовок, вообще-то ей очень свойственных. Авторитет имени княгини Ливен в европейской дипломатии и политике был очень высок. Её даже упрекали в непосредственном влиянии на принятие политических решений. В Париже говорили, что во Франции было два министра иностранных дел – Гизо и Д. Ливен. Кроме того, было широко распространено мнение, что княгиня, обладавшая несомненным авторитетом в европейской дипломатии, по-прежнему оказывала заметное влияние на дипломатический корпус. Как отмечала герцогиня Дино, в Париже *«много говорили о том, что княгиня назначает и отзывает послов»*, что вызывало раздражение дипкорпуса.

Ливен и русско-французские отношения

Пребывание княгини Ливен в Париже явилось в определённой степени фактором, стабилизировавшим весьма непростые отношения России и Франции в годы Июльской монархии. Это было связано с негативным отношением Николая I к произошедшей во Франции Июльской революции и приходу к власти Луи Филиппа Орлеанского, которого он считал узурпатором престола. Ливен, понимая, что сближения между Россией и Францией достичь невозможно, прилагала усилия, чтобы сформировать объективное представление об этой стране как о равном партнёре европейских держав, как о стране, обуздавшей революцию и не вынашивавшей планов территориальной экспансии в Европе. Она находилась в тесном контакте с поверенным в делах России во Франции Н. Д. Киселёвым (с 1841 года послы были взаимно отозваны). Весьма вероятно, что продуманные, умеренные донесения русского дипломата создавались не без влияния княгини Ливен.

Февральская революция 1848 года вынудила Ливен уехать в Англию под именем супруги английского художника Робертса. В платье Ливен были зашиты золото и драгоценности. В начале марта она встретила в Лондоне с Гизо, бежавшим в Англию на несколько дней раньше своей подруги. Вскоре они переехали в Ричмонд, где жили в уединении, не зная, что предпринять. *«Я не могу решиться оставаться в Англии, – писала Ливен Баранту 29 мая 1848 года из Ричмонда... – А между тем у меня нет надежды, чтобы я могла скоро вернуться во Францию или чтобы я даже хотела этого, так как ваша страна навела на меня какой-то ужас. Между тем лондонский смог и вообще лондонская жизнь так мне ненавистны, что я бежала сюда и останусь здесь; сюда ко мне может приехать всякий, кто захочет. Я буду ездить иногда в Лондон, чтобы повидать друзей. Я отдыхаю, но мне скучно»*. Вскоре из Ричмонда Ливен и Гизо переехали в Брайтон.

Всё это время княгиня не прекращала переписки с императрицей Александрой Фёдоровной, постоянно информируя её о событиях, разворачивающихся во Франции. Писала примерно раз в неделю, иногда – чаще, сообщая все новости о Франции. Она была в переписке с Барантом, герцогом де Бройем, с другими французскими политиками, сообщавшими ей сведения о внутреннем состоянии Франции. Копии этих писем, адресованных ей и Гизо, княгиня также отправляла в Санкт-Петербург. Ливен так отзывалась о политической ситуации в Париже и в целом во Франции: *«Пройдут от диктатуры к борьбе, чтобы вновь оказаться во власти диктатуры. Горячий жар или смиренная рубашка – но что в итоге?»* – писала она 20 июля (1 августа) 1848 года. Вернулась в Париж Ливен только осенью 1849 года. В годы Второй империи княгиня надеялась на франко-русское сближение и полагала, что к тому были предпосылки.

Однако её надеждам на сближение России и Франции не суждено было сбыться; напротив, ей предстояло пережить войну между двумя столь любимыми ею странами. Она искренне надеялась,

что войны удастся избежать, и именно эту надежду и видел Николай I. Но сама Ливен сохраняла трезвость мысли и способность к объективному анализу.

В начале февраля 1854 года Ливен была вынуждена уехать в Брюссель. Княгиня очень тяжело переносила своё пребывание в Брюсселе, как писал Гизо, страдая «от этой неопределённой жизни, от отсутствия собственного жилья и от жёсткого климата, оторванная от своих друзей, от привычного образа жизни». Вернулась в Париж Ливен только 1 января 1855 года. С этого времени и до конца своей жизни она оставалась в столице Франции: доктора объявили ей, что она не перенесёт обратного путешествия. В январе 1857 года княгиня заболела бронхитом и умерла в ночь с 26 на 27 января на руках Гизо и сына Павла. Согласно завещанию, Ливен была похоронена в Курляндии, в родовом имении Мезотен близ Митавы в семейном склепе рядом с сыновьями.

Княгиню Дарью Христофоровну Ливен можно по праву считать первой русской женщиной-дипломатом, ключевой фигурой европейской закулисной политики и дипломатии первой половины XIX века. Политика наполняла её жизнь особым смыслом и энергией, которая окрыляла и вдохновляла передовые умы эпохи и формировала невидимые внешнему взгляду пути свершений.

Фатальный XIX век, фатальное переплетение судеб и политических интересов великих европейских держав, и в центре всех этих перипетий – *la femme fatale* европейской дипломатии и политики, оставившей неизгладимый след в истории международных отношений и великого пробуждения Женщины.

Берега истории

Вадим Новожилов

Вадим Александрович Новожилов – родился в 1954 году в городе Риге. Окончил ЛГУ им. П. Стучки, историко-философский факультет. Место жительства: Калининград – Рига. Член Союза писателей России. Автор четырёх поэтических сборников. Поэт, сценарист, автор-исполнитель.

ПУТЕШЕСТВИЕ РОССИЙСКОГО ЗОЛОТА, ИЛИ ПЛАКАЛИ НАШИ ДЕНЕЖКИ

История золотых запасов государств, кочующих по закромам предприимчивых «союзников», со второй половины XX века плавно перетекла из сферы государственных споров в анналы истории и стала рядовой для дотошных историков. Главное, что бросается в глаза в этом вопросе: до правды докопаться можно, но справедливости не жди. Что касается России, так тут, после ознакомления с темой, не остаётся и тени сомнения в справедливости слов Александра III: «Во всём свете у нас только два верных союзника – наша армия и флот».

С началом Первой мировой войны, для обеспечения военных поставок, русское золото отправилось в путешествие в Англию, США, Швецию и Японию. В 1914 году через Архангельск в Лондон было отправлено 75 млн рублей золотом. В 1915–1916 годах 375 млн рублей золотом укатило по железной дороге во Владивосток, а затем на японских военных кораблях переехало в Канаду (часть Британской империи) и упокоилось в хранилищах Банка Англии в Оттаве. Однако союзники, получив наши деньги, поставили в Россию только от 2 до 25 % заказанного.

С октября 1914 по январь 1917-го в «Бэнк оф Инглэнд» отправили в залог золота на 60 млн фунтов стерлингов, или на 637 млн тогдашних рублей. Планировалось, что под него Россия получит кредит в 200 млн фунтов на закупки боеприпасов. Британцы надули, кредит не предоставили. Тогда царское правительство перенаправило часть заказа и залога в США, но и американцы исполнили обязательства к 1917 году только на 10 %. Никто залогового золота не вернул. Союзники, используя известные события 1917 года, нас банально «кинули», и плакали наши денежки.

Но не будем расслабляться. Это всего лишь присказка. Устроимся поудобней и продолжим.

Как только началась Первая мировая война, встал вопрос о сохранении золотого запаса Империи, который находился в Петрограде. Решили схоронить сокровища в Казани и Нижнем Новгороде, куда с началом 1915 года несметные богатства и переправили. Тут бы и сказке конец, но грянула Февральская революция 1917 года, в стране началась смута, и золото потекло в Казань из Воронежа, Тамбова, Самары, Курска, Могилёва и Пензы. В итоге в городе на берегу реки Казанки сосредоточилось более половины золотого запаса России. А золотой запас России накануне Первой мировой войны был самым крупным в Европе и составлял около 1337 тонн.

Здесь бы и перекурить, но не тут-то было. Беда не приходит одна. Вслед за Февральской революцией, в апреле того же года к Финляндскому вокзалу в Питере подогнали броневик, с которого Ульянов-Ленин объявил о приватизации большевиками всей России и её золотого запаса в том числе, а в октябре этот тезис был реализован.

Буржуи возмутились. Недолго думая, они сколотили белую армию и двинулись на большевиков. Да так стремительно, что уже к весне 1918 года большевики готовились уносить ноги. С целью обеспечения рискованного вояжа с насиженных мест, они издали декрет о вывозе ценностей из городов, которые могут быть захвачены белыми, в безопасные места. И снова в Казань потекли золотые реки из Тамбовского отделения Народного банка, Воронежского, Елецкого, Курского, Могилёвского, Сызраньского, Пензенского, Самарского и даже Козловского. И скопилось в Казани-городе (вместе с дореволюционным) на 600 млн рублей золотом, а ещё серебром на 200 млн. А это почти половина

золотого запаса Империи. А 440 млн рублей золотом же, не считая серебра и разменной монеты, осело в закромах Нижнего Новгорода.

Между тем наступление белых никак не удавалось остановить, и большевистское правительство приняло решение эвакуировать золотые горы из Казани в кремлёвские погреба. Заготовили пароходы, подогнали трамваи к хранилищам, но только открыли закрома, как прогремел пушечный выстрел, и в ночь с 6 на 7 августа сводный русско-чешско-сербский отряд под командованием полковника В. О. Каппеля дерзким броском с Волги и суши захватил Казань, а заодно и 30 563 пуда золотого лома. Плюс к этому серебро, платина, ценные бумаги. Страшно подумать, какие деньжища! 645,4 млн золотых рублей по курсу того времени! Недолго думая, каппелевцы погрузили добычу на баржи и отправили в Самару, где находился Комитет членов разогнанного большевиками Учредительного собрания – Комуч. Комуч, в свою очередь, тоже был не лыком шит, понимая, что в Самаре несметные богатства со всех сторон подвержены, они быстренько снарядили несколько эшелонов и отправили их вглубь... в Омск-город, в хранилище местного отделения Госбанка. В Омске же Верховным был воспетый ныне (не без основания) А. В. Колчак. Ознакомившись с результатами подсчёта богатств, чудесным образом свалившихся на Омск, Александр Васильевич позволил союзникам, главным образом англичанам, уговорить себя возглавить борьбу с большевиками. И 18 ноября ему был присвоен титул Верховного правителя России. А Комуч, хоть и переименовал себя в Директорию, так и остался не при делах. Ещё бы! 505 тонн золота – это вам не фунт изюма. Тут лишний рот только помеха. Деньжища действительно громадные. К примеру, большевики, против которых выступил А. В. Колчак, смогли вывезти из Казани лишь 100 ящиков с золотом на сумму 6 123 796 рублей. Но вернёмся к нашим «запасам». На вооружение и обмундирование А. В. Колчак потратил 68 млн рублей; 128 млн были размещены в зарубежных банках. Что с ними стало, неизвестно. Будучи человеком принципиальным и достаточно честным, он не позволял правительству использовать золотой запас для укрепления финансовой системы и борьбы с инфляцией, что препятствовало расхищению и нецелевому использованию средств. Это огорчало союзников по Антанте, к тому же боевые действия Колчака не были успешны. И в этой связи, а заодно и с принятием решения о переносе столицы из Омска в Иркутск 31 октября 1919 года золотой запас был погружен в 40 вагонов и, вместе со штабным вагоном и Верховным, под охраной чешского корпуса, отправлен в Нижнеудинск, куда и прибыл 27 декабря того же года. А вот там уже представители Антанты вынудили Александра Васильевича подписать отречение от титула Верховного правителя, заявив при этом, что поезд адмирала и эшелон с золотом принимаются под охрану союзных держав, то есть Антанты, и передали золотой запас и его самого под контроль чешского корпуса.

Эта драматическая история очень печальна и лицемерие союзников по Антанте проявилось в ней весьма отчётливо. Но это тема отдельного разговора.

Чехам очень хотелось домой, к Гашеку и Швейку, и 7 февраля 1920 года они передали 409 млн рублей золотом большевикам в обмен на гарантии выезда из России, а самого Колчака ещё 15 января выдали эсэровскому Политцентру, который беспринципно и предательски выдал мятежного адмирала всё тем же большевикам. Летом 1921 года Наркомфин РСФСР подсчитал и выдал справку, что золотой запас при Колчаке сократился на 235,6 млн рублей, или на 182 тонны. А ещё 35 млн рублей из золотого запаса пропало уже после передачи его большевикам, при перевозке из Иркутска в Казань. Впрочем, нас сегодня такими скромными цифрами не удивить.

А где остальные деньги? – спросите вы. Да всё там же, не в России. И хотя Россия выступила правопреемницей Российской империи, СССР и временных правительств, в том числе и А. В. Колчака, никто нам ничего возвращать не собирается, мало того, эти ненасытные «союзники» считают, что мы им должны... всегда и вечно. Одно слово «партнёры».

...

И что, кто-то ещё надеется на 300 миллиардов наших замороженных?

Брестский мир

Над всеми противоречиями, существующими в сегодняшнем мире, преобладает противоречие между войной и миром. Сегодня на мировой арене доминируют те же государства, что и сто лет тому назад. И сегодня человечество балансирует на грани войны и мира, а России противостоят те

же силы, что и в начале XX века. Карта России очень напоминает карту после заключения Брестского мира, с той лишь разницей, что новые государства к сегодняшнему дню обрели историю и традицию. Поэтому для верного анализа международных отношений и правильного их понимания необходимо чётко представлять, как начинали формироваться эти отношения, видеть историческую связь между корнями и современностью.

Одним из главных лозунгов, с которым большевики пришли к власти в России, был лозунг немедленного заключения «справедливого» мира без «аннексий» и «контрибуций», лозунг, обоснованный и соответствующий требованиям времени. Вполне были готовы к заключению мира и противоборствующие союзы держав: Германский блок (Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария) и Антанта (Англия, Франция, Россия, с 23.05.1915 – Италия, с 23.08.1914 – Япония, с 04.1917 – США). Поражение Германского блока к 1918 году стало очевидным, и окончательная победа Антанты была лишь вопросом времени. Всё смешал захват власти в России большевиками.

К слову сказать, большевики не кучкой заговорщиков пришли к власти. Они имели поддержку (на тот момент ещё в тесной коалиции с радикально настроенными революционными партиями Империи) в самых широких слоях населения России, особенно в промышленных районах. Подтверждением тому может служить специальная нота послов Англии, США, Франции и Италии в России, которую 26 сентября 1917 года они вручили Временному правительству. Смысл ноты сводился к требованию принятия «решительных мероприятий» против нарастающих революционных действий. В противном случае послы угрожали прекращением военных поставок, поставок продовольствия и кредитов. Кстати, именно тогда Временное правительство, а не большевики, как считают многие, приняло решение о переезде в Москву.

Так или иначе, но в октябре 1917 года к власти в России пришли люди, которые не просто удержали эту власть в условиях жесточайшей разрухи, голода и международной изоляции, но сумели в кратчайший исторический период построить дееспособное государство с населением, интеллектуальный потенциал которого позволил преодолеть кризисы 1941–1945 и 1985–1991 годов. Однако вернёмся в 1917 год.

Мало было захватить власть. Её нужно было удержать. Два важнейших фактора определяли политику большевиков на данном этапе: борьба с внутренней контрреволюцией и выход из войны, причём вопрос о внешней политике обозначался как самый главный, где основным вопросом был вопрос о мире. Стратегия борьбы (именно борьбы) за мир была детально разработана в Декрете о мире. Это был долговременный программный документ внешней политики Советского государства.

Для прекращения мировой войны большевики предложили всем воюющим народам и их правительствам начать переговоры о прекращении войны и заключении справедливого демократического мира. Война в декрете называлась империалистической и объявлялась тягчайшим международным преступлением. Декрет провозглашал принцип равенства больших и малых наций при решении различных международных вопросов, принцип невмешательства в дела других стран и народов. В Декрете о мире было разработано и сформулировано понятие аннексии, провозглашалось исключение всякой тайны при предложении условий мира, отмена тайной дипломатии и обнародование всего хода переговоров. Помимо провозглашения общих принципов, Декрет о мире содержал конкретные предложения о прекращении войны и начале переговоров. Правительство большевиков заявляло, что оно согласно рассмотреть всякие другие, отличные от своих условия мира, которые будут предложены, и что оно готово на переговоры в любой форме, лишь бы они велись открыто. В Декрете предлагалось всем воюющим странам заключить перемирие не менее чем на три месяца, с тем чтобы в течение этих месяцев можно было начать и завершить переговоры о мире с участием всех стран, втянутых в войну.

Таким образом, в Декрете о мире были сформулированы и заложены основные принципы международных отношений, на базе которых сегодня строится, а точнее, декларируется внешняя политика цивилизованных государств.

Декрет о мире был опубликован в газетах и постоянно передавался по радио. Одновременно Советское правительство приступило к опубликованию тайных договоров, заключённых царским и Временным правительствами. С ноября 1917 по январь 1918 года было опубликовано девять выпусков текстов этих документов.

В течение двух недель ни союзники, ни противники России в войне не откликнулись на Декрет о мире. Тогда 21 ноября 1917 года представителям США, Англии, Франции, Италии, Бельгии и Сербии от имени Народного комиссариата по иностранным делам (НКИД) была вручена официальная нота, первая в истории советской дипломатии. В ней иностранные представители уведомялись, что Декрет о мире должен рассматриваться их правительствами как официальное предложение перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров. Через два дня НКИД обратился с нотой к дипломатическим представителям нейтральных стран и просил довести советские предложения до сведения «неприятельских правительств» (Германии и её союзников). Ответом на эти предложения было молчание. Одновременно большевики обратились к рабочему классу ведущих буржуазных государств и к порабощённым или колониальным народам с призывом включиться в активную борьбу за прекращение империалистической войны.

В ночь с 21 на 22 ноября Совнарком направил главнокомандующему русской армией генералу Духонину, ставка которого находилась в Могилёве, предписание с требованием безотлагательно сделать формальное предложение перемирия всем воюющим странам, как союзным, так и находящимся во враждебных действиях.

Однако ещё раньше, 10 и 11 ноября 1917 года, начальники военных миссий стран Антанты в коллективной ноте главнокомандующему выразили протест против заключения какого-либо перемирия с Германией и Австро-Венгрией. А 11 ноября пришло сообщение из Вашингтона, в котором говорилось, что США прекращают поставки «военного снаряжения и продовольствия в Россию». Гарант возобновления поставок – отстранение от власти большевиков. Одновременно правительства воюющих держав стали официально заявлять о непризнании ими Советского правительства. Таким образом, мотиваций для невыполнения предписания Совнаркома у Духонина было более чем достаточно, и он попытался сделать всё, чтобы повернуть армию против большевистского руководства.

Совнарком сместил Духонина. На его место был назначен нарком по военным делам Н. В. Крыленко, который 20 ноября прибыл в Могилёв и вступил в должность Главковерха. А уже 26 ноября по его распоряжению в расположение германской армии были направлены парламентёры с обращением к высшему командованию германских войск с предложением прислать своих уполномоченных для открытия немедленных переговоров об установлении перемирия на всех фронтах воюющих стран «в целях начала затем мирных переговоров».

Учитывая положение на фронте и внутри страны, где недовольство войной вызывало бурное негодование народа, 27 ноября германское правительство заявило о своём согласии начать переговоры о перемирии. Ведение переговоров было возложено на начальника штаба Восточного фронта генерала М. Гофмана. Окрылённый ответом германского правительства, Совнарком 28 ноября выступил с обращением к правительствам и народам всех воюющих стран, где сообщалось о предложении Н. В. Крыленко отсрочить переговоры на пять дней, чтобы снова предложить союзным правительствам определить своё отношение к мирным переговорам. Но союзники твёрдо придерживались курса непризнания Советского правительства. Более того, 28 ноября на Пражской конференции Верховного совета Антанты было решено установить контроль над развитием русской внешней политики (!). А в декабре 1918 года между Англией и Францией был заключён договор о разделе зон интервенции в России (!). Впрочем, к этому вопросу мы ещё вернёмся.

Советское правительство вынуждено было пойти на отдельные переговоры с Австро-Германским блоком о заключении перемирия. Для ведения переговоров Совнарком назначил специальную делегацию в составе А. А. Иоффе (руководитель делегации), Л. Б. Каменева, Г. Я. Сокольников – от большевиков; А. А. Биценко и С. Д. Масловского-Мстиславского – от левых эсеров. В делегацию были включены представители всех слоёв трудящихся России (рабочий Н. А. Обухов, крестьянин Р. Н. Сташков, матрос Ф. В. Олич, солдат Н. К. Беляков), а также группа военных консультантов, состоявшая из старших офицеров бывшей царской армии. Делегация прибыла в штаб германского Восточного фронта в Брест-Литовск 3 декабря 1917 года.

4 декабря, на первом заседании, советская делегация предложила принять декларацию о целях мира и обратиться от имени конференции ко всем воюющим странам с призывом принять участие в переговорах о перемирии на всех фронтах. Предложение не было принято. Тогда советская делегация представила следующие условия перемирия:

1. Перемирие заключается на шесть месяцев.

2. Запрещаются переброски немецких войск с Восточного фронта на Западный.
3. Немцы оставляют острова Моонзунда.

Но и эти предложения были отклонены. А. А. Иоффе 4 декабря телеграфировал из Брест-Литовска, что переговоры находятся под угрозой срыва, а 5 декабря внёс предложение объявить перерыв на семь дней и перенести переговоры в Псков. Гофман принял предложение об объявлении перерыва в переговорах, но категорически отказался от их переноса в Псков. В этот же день стороны приняли решение о приостановке военных действий на русско-германском, русско-австрийском и русско-турецком фронтах. Разрешались лишь переброски войсковых соединений (не менее дивизии), распоряжения о которых были сделаны до 5 декабря. Используя перерыв, НКВД, стремясь привлечь к переговорам страны Антанты и США, обратился к послам Англии, Франции, США, Италии, Китая, Японии, Польши, Румынии и Сербии и проинформировал их о ходе мирной конференции. Ответом было привычное молчание.

13 декабря переговоры возобновились, а 15 декабря был подписан договор о перемирии между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой. Согласно договору, перемирие устанавливалось на 28 дней – с 17 декабря 1917 года по 14 января 1918 года. Отказ от перемирия какой-либо из сторон допускался не ранее, чем за 7 дней до окончания срока перемирия.

Итак, первый этап борьбы Советского правительства за заключение мира завершился. Чтобы представить, в каких условиях большевикам удалось удержать власть и в итоге заключить мир, позволим себе небольшое отступление.

Помимо внешней угрозы со стороны Четвертого союза, нависла угроза вооружённого вмешательства в дела России США, Англии и Франции. Так, 21 декабря 1917 года военный кабинет Англии – для предоставления французскому правительству – принял меморандум, в котором говорилось о необходимости поддержки антибольшевистских сил в различных районах России и о разделении сфер влияния между Англией и Францией. 22 декабря на совместном англо-французском совещании в Париже меморандум был одобрен. А 23 декабря было подписано соглашение о совместной интервенции и разделе сфер влияния в России под названием «Условия конвенции, согласованной в Париже 23 декабря 1917 года». По этому соглашению зоны влияния распределялись так:

- английская зона: территории казаков и Кавказа (Армения, Грузия, Курдистан);
- французская зона: Бессарабия, Украина, Крым.

США поддержали этот план. А в канун Нового, 1918 года президент США Вильсон с трибуны Конгресса обратился к народам и правительствам всех стран с программой будущего мира, известной под названием «14 пунктов президента Вильсона», где центральное место отводилось «русскому вопросу», смысл которого был раскрыт в комментариях, составленных советником президента полковником Э. Хаузом. Сей документ предусматривал:

- признание временных правительств, которые создавались или предполагалось создать в различных районах России;
- предоставление помощи этим правительствам и через эти правительства.

Наряду с этим предполагалось рассматривать Кавказ как часть Турецкой империи; в отношении Средней Азии – предоставить одной из ведущих держав «ограниченный мандат для управления ею на основе протектората»; по поводу Сибири – создание там отдельного от Великороссии правительства.

Следует уточнить, что комментарий был написан в октябре 1918 года. Имелось, однако, и другое мнение по «русскому вопросу», сформулированное Робертом Лансингом, экспертом и советником президента США Вудро Вильсона, занимавшим в 1915–1920 годах пост госсекретаря США. Это мнение отражало точку зрения госдепартамента: в будущем Россия должна стать конфедерацией, но единой и неделимой, что противоречило англо-французским планам. Однако уже с начала 1918 года в Лондоне и Париже приступили к активной разработке планов общей интервенции, а в середине января английский военный кабинет поставил на обсуждение вопрос о возможном участии Японии в интервенции на Дальнем Востоке.

Но если внешнеполитические условия были угрожающими, то внутри страны они граничили с катастрофой. С Дона наступал атаман Каледин, с Южного Урала – генерал Дутов. Антибольшевистские силы накапливались в Закавказье, на Кубани, в Сибири, в Поволжье и на Украине, где в Киеве власть удерживала Украинская Рада.

Линия перемирия пересекала самые важные экономические районы России и протянулась от Рижского залива до Чёрного моря. Солдаты покидали окопы и уходили с фронта. Ведущие отрасли металлургической и топливной промышленности охватил кризис. Остановились текстильные и пищевые предприятия, не было транспорта, не хватало продуктов питания. Многочисленные инженеры, служащие, чиновники отказывались работать и саботировали распоряжения новой власти. В таких условиях большевики ради сохранения власти были вынуждены пойти на отдельные переговоры с Австро-Германским блоком.

Мирная конференция открылась 22 декабря 1917 года в Брест-Литовске. Помимо России и Германии, участие в ней приняли союзники последней: Австро-Венгрия, Болгария и Турция. На первом же заседании российская делегация огласила свои принципы и цели и предложила шесть пунктов, которые, по её мнению, должны были заложить основу переговоров.

1. Не допускаются никакие насильственные присоединения захваченных во время войны территорий. Войска, оккупирующие эти территории, выводятся оттуда в кратчайший срок.

2. Восстанавливается политическая самостоятельность народов, лишённых её во время войны.

3. Национальным группам гарантируется возможность свободно решать вопрос о своей принадлежности к тому или другому государству или о своей государственной самостоятельности путём референдума, причём обеспечивается полная свобода голосования для всего населения.

4. По отношению к территориям, населённым несколькими национальностями, право меньшинства ограждается специальными законами, обеспечивающими ему культурно-национальную, а при возможности и административную автономию.

5. Ни одна из воюющих стран не обязана платить другим странам так называемые военные издержки. Взысканные уже контрибуции подлежат возвращению. Возмещение убытков частных лиц производить из особого фонда, образованного путём пропорциональных взносов всех воюющих стран.

6. Колониальные вопросы решаются при соблюдении принципов, изложенных в пунктах 1, 2, 3 и 4. В дополнение к этим пунктам Российская делегация предлагает... признать недопустимыми какие-либо косвенные стеснения свободы более слабых наций со стороны наций более сильных.

Понятно, что Германию с её союзниками такая декларация устроить не могла, но и отвергнуть её открыто было опасно, так как всё, что происходило на переговорах, российская сторона публиковала в прессе и передавала по радио. А в германских окопах, как и в самой Германии, давно разгуливали идеи равенства и братства. Тогда, 25 декабря, статс-секретарь (министр иностранных дел Германии) фон Кюльман от имени союзников заявил, что основные положения русской декларации могут быть положены в основу переговоров о мире, но при том условии, что Антанта и США их примут. Это фактически означало отказ от согласия с декларацией советской делегации. В ответ российская делегация предложила объявить перерыв в работе конференции на 10 дней, чтобы ещё раз попытаться привлечь к переговорам Англию, Францию и США. Предложение было принято.

Перед большевиками встала неразрешимая задача. Войну продолжать невозможно. Мир заключить нельзя. В этих условиях Совнарком принял 31 декабря резолюцию, которую решено было не публиковать. Суть её сводилась к следующему. Необходимо проводить усиленную агитацию против аннексионизма немцев, настаивать на перенесении мирных переговоров в Стокгольм и противодействовать их форсированию; принять меры по реорганизации армии, обороне Петрограда, проводить пропаганду и агитацию за необходимость революционной войны.

9 января 1918 года переговоры в Брест-Литовске возобновились. В первый же день фон Кюльман заявил, что делегации Четвертного союза поставили обязательность принципов переговоров о заключении мира «в зависимость от того, чтобы все без исключения ныне участвующие в войне государства в продолжение определённого срока и без всяких оговорок обязались к точнейшему соблюдению условий, а так как 10-дневный срок истёк и ни одна из остальных держав не присоединилась к мирным переговорам, то прежнее заявление Четвертного союза можно считать недействительным».

В добавление ко всему в Брест-Литовск прибыла делегация Украинской Рады, которая 10 января выдвинула свои принципы для ведения переговоров и клятвенно заверила представителей Четвертного союза в том, что Рада ни при каких обстоятельствах не признает власть Совета народных комиссаров в России.

Следует уточнить, что на тот момент на Украине Рада не могла контролировать значительные территории, где была провозглашена власть Советов (Харьков, Донбасс и др.). Ситуация тогда во многом напоминала сегодняшнюю. Впрочем, и в России большевики контролировали далеко не все районы. Попытки советской делегации выступить с делегацией Рады на переговорах единым фронтом провалились, и тогда Троцкий, возглавлявший российскую сторону, выступил с заявлением о признании полномочий делегации Рады.

11 января фон Кюльман довёл до сведения договаривающихся сторон, что Германия не собирается оставлять аннексированные области Литвы, Латвии, Польши, Эстонии и Белоруссии. А 18 января Гофман от имени представителей Четвертного союза представил советской делегации карту с отторгаемыми от России территориями площадью более 150 тыс. кв. километров, куда были включены Польша, Литва, значительная часть земель, населённых украинцами и белорусами. Расчленилась территория Латвии, от Эстонии отторгались острова в Балтийском море. Стало очевидным, что Россия стоит перед выбором: либо согласиться на грабительские условия мира, либо продолжать войну. Затягивать переговоры больше было нельзя, и разногласия в руководстве большевиков по вопросу войны и мира обострились до предела.

Опустим коллизии внутрипартийной борьбы, приведём только одну мысль Ленина: «Положение дел с социалистической революцией в России должно быть положено в основу всякого определения международных задач нашей Советской власти»!!! В итоге было принято решение всемерно затягивать переговоры, но если представители Австро-Германского блока предъявят ультиматум, мир подписать немедленно.

Тем временем, не допустив к переговорам представителей Советской Украины, 9 февраля (27 января) Германия и Австро-Венгрия подписали мир с украинской Центральной Радой. В тот же день немцы заявили: «Настало время решений». Это ещё не был ультиматум, однако 10 февраля (28 января) на заседании политической комиссии в Брест-Литовске Троцкий заявил, что Советская Россия мир не подпишет, но воевать не будет.

Послав телеграмму ставке с предписанием издать приказ о прекращении состояния войны с державами Австро-Германского блока и демобилизации армии, Троцкий покинул Брест-Литовск. Крыленко, получив телеграмму Троцкого, распорядился прекратить военные действия и приступить к демобилизации армии. Однако Совнарком отменил это распоряжение.

Немцы, так и не дождавшись от российской стороны никакого ответа, 16 февраля заявили о том, что они возобновят военные действия 18 февраля в 12.00, и такое наступление в полдень 18 февраля действительно началось. Тут же 19 февраля за подписями Ленина и Троцкого в Берлин полетела радиограмма с предложением немедленного заключения мира. Ответа не последовало.

20 февраля на совещании в здании военного министерства Крыленко сообщил, что на Западном фронте произошло соединение немецких и польских войск. Немецкие разъезды заняли Минск. На Юго-Западном направлении оккупированы Луцк, Дубно, Лунинец, Сарны и Ровно; фронт проходит по линии железной дороги Киев – Жмеринка – Одесса. Было принято решение отвести войска на линию Нарва, Псков, Жлобин, Бердичев, Одесса. Не исключались и бои в Петрограде.

К исходу 23 февраля, когда создалась угроза захвата противником Пскова, в Петрограде был получен ответ из Берлина на предложение «заключить мир» на новых условиях, которые были тяжелее прежних. Германия требовала от России отказа от прав на всю территорию Курляндии, Лифляндии и Эстляндии. России предлагалось заключить мир с Центральной Радой и Финляндией, способствовать возвращению Турции её анатолийских провинций, демобилизовать свою армию, согласиться на право Германии на свободный и беспошлинный вывоз руды и предоставить ей право наибольшего благоприятствования в торговле до 1925 года.

Условия предлагалось принять в течение 48 часов, подписанный мир ратифицировать в течение двух недель. На заседании ЦК Ленин при обсуждении условий высказался так: «Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через три недели». В Брест-Литовск была направлена новая делегация, которую возглавил Сокольников.

В этот же день пришли первые успехи на фронте. Удалось остановить продвижение немцев под Псковом и Нарвой. В свою очередь петроградский Совет объявил 23 февраля «Днём защиты Социалистического отечества». По всей России в этот день было проведено массовое зачисление «добро-

вольцев» в Красную армию, а 19 февраля 1919 года «23 февраля» был объявлен днём празднования годовщины формирования Красной армии.

24 февраля 1918 года ВЦИК принял резолюцию о заключении мира. Бывшие союзники по коалиции попытались склонить большевиков к продолжению войны с Германией, предлагая оказание помощи, но безуспешно. Тогда 27 февраля большая часть послов Антанты выехала из Петрограда в Вологду, а 9 марта 1918 года англо-французский и американский десанты высадились в Мурманске.

Утром 1 марта 1918 года в Брест-Литовске возобновила работу мирная конференция. После непродолжительной дискуссии в 5 часов 5 минут 3 марта 1918 года мирный договор между Советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией – с другой, был подписан. 15 марта 1918 года Четвёртый Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов большинством голосов проголосовал за мир. Договор был ратифицирован. Вряд ли стоит отягощать любознательных перечислением статей и положений мирного договора, отметим только, вслед за Лениным, что мир для России был «грабительским», «унизительным» и «похабным».

А 13 ноября 1918 года, в связи с революционными событиями в Германии, ВЦИК РСФСР объявил Брест-Литовский договор уничтоженным.

Не навязывая каких-либо выводов и оценок действий сторон, смеем надеяться на то, что любителям анализа и сравнений по мере сил предоставляется возможность не только анализировать и сравнивать, но и проводить аналогии с днём сегодняшним.

Позволим себе заострить внимание лишь на одном: в полной международной изоляции, без единого союзника, в условиях экономической разрухи, политической анархии и разброда в армии, в отсутствие единства взглядов в руководстве на проблему большевики не только сохранили власть, но и построили могучее государство.

Берега истории

Вячеслав Ложко

Вячеслав Фёдорович Ложко – поэт, прозаик, публицист, общественный деятель, член Союза писателей России, заслуженный деятель искусств Республики Крым, лауреат Международной премии «Поэзия-2000», Всероссийской литературной премии им. Николая Гумилёва, Всероссийской литературной премии «Традиция». Автор 65 книг поэзии, прозы, публицистики и многочисленных статей. Книга стихов «Избранное» была отмечена литературно-общественной премией «Золотая осень» им. С. А. Есенина с вручением одноимённого ордена. По инициативе В. Ф. Ложко установлен первый на постсоветском пространстве памятник Н. С. Гумилёву, он инициатор установления памятника М. Волошину в Коктебеле. В. Ф. Ложко – основатель Международного Гумилёвского поэтического фестиваля «Коктебельская весна». Является создателем первого в мире Поэтического Знака, посвящённого Всемирному дню поэзии. Награждён Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации (2015) и медалью Госдумы РФ «За особый вклад в книжное дело» (2016). Председатель Организации возрождения культуры п. Коктебель. Дипломант 12-й Международной литературной премии им. П. П. Ершова за произведения для детей и юношества (2017).

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ НЕЗНАНИЕ ИСТОРИИ

Украина несётся с бешеной скоростью по пути саморазрушения. Пропасть впереди уже видна. А политики в хаосе, накрывшем Украину, видят одно. Сорвать побольше и спрятать за кордон. А чтобы скрыть свои истинные планы, ведут борьбу с инакомыслием, с русским языком, с русской культурой. И совсем не знают истории – вечной учительницы.

Правящая верхушка на Украине выступает в роли Иванов, не помнящих родства. Русский язык на Украине – объект гонения. Филологи, учёные говорят и пишут: «С точки зрения филологической науки нападки на русский язык выглядят абсолютно безграмотными». Исторически русский язык не принадлежит одной России. Или, как в старину говорили, великороссам.

Русский язык – детище трёх славянских народов: великороссов, белорусов и малороссов, законное достояние трёх братских народов, принявших участие в создании великого и могучего, внесших свою лепту и поэтому считающих его своим.

Ярый сторонник независимости Украины Д. И. Дорошенко писал: «Даже если бы украинцы и поставили себе такую странную цель – искусственно отмежевать себя в области культуры от всего русского, этого достичь было бы совершенно невозможно, ибо узы общности происхождения, религии, векового сожительства дают, и всегда будут давать себя чувствовать. Но, кроме того, такое отмежевание было бы равносильно отречению от всего запаса культурных ценностей, накопленных при участии украинских сил и относящихся к украинской истории, филологии, этнографии и т. д. Всего невозможно перевести на украинский язык из того, что писали Максимович, Костомаров, Потебня, Антонович и много других украиноведов на русском языке».

Надо заметить, что писал это Дорошенко ещё в 1928 году, находясь в эмиграции. Как утверждают историки и филологи, Украина имеет на русский язык особые права. Филологи утверждают, что в период формирования, а это происходило в конце XVII и начале XVIII века, общерусской культуры и соответственно единого русского языка именно южнорусской (малороссийской) ветви языка и культуры был отдан приоритет.

Причины этому явлению были разные. Это, прежде всего, стремление закрепить воссоединение России и Украины, попытки через Украину ускорить процесс сближения с Европой. Слово «приори-

тет» на практике означало чрезвычайно суровые действия по утверждению Киевского государства, редакции церковнославянского языка взамен московской школы, силлабических полонизированных виршей взамен великорусских песен в народной традиции, риторики Могилёвской академии, ссылки на Феофана Прокоповича и Стефана Яворского взамен старой традиции проповедничества, коим владел протопоп Аввакум. А в итоге получается следующее: «Та культура, которая со времён Петра I живёт и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской украинской культуры». Так утверждал профессор, сторонник государственного величия России князь Н. С. Трубецкой в 1927 году, находясь в эмиграции.

Учёные утверждают, что именно украинскими филологами устанавливались окончательные нормы синтаксиса и стилистики русского языка. Надо вспомнить о том, что при Петре I во главе всех архиерейских кафедр в России, кроме одной, были поставлены украинцы.

Украинизация великорусской культуры не стала последней точкой её развития. Параллельно шёл процесс преодоления специфических провинциальных черт, которые несла в себе культура Малороссии. Это было явное подражание всему польскому. От него нужно было избавиться.

Государственное величие России требовало постоянного развития её языка и культуры, их дальнейшего обогащения путём приобщения к богатствам других языков, всей мировой культуры. Эту титаническую работу взяли на себя деятели науки и культуры России разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, немцы, французы, евреи, англичане, татары. Составителем «Толкового словаря живого великорусского языка» был уроженец Малороссии, датчанин по происхождению Владимир Иванович Даль.

Русский язык, по-особому родной для Украины, получил в образованных кругах украинского общества самое широкое распространение. Полтавские помещики 20–30-х годов XIX века, мечтавшие о самостоятельности Украины, по запискам мемуаристов, изливали своё недовольство «москалями» на русском языке. Никакие курсы русского языка не посещал в Петербурге юный Гоголь. Он приехал в столицу и начал писать на русском языке свои «Вечера на хуторе близ Диканьки».

А Евгений Гребёнка преуспел в поэзии. Он подарил России знаменитые песни: «Очи чёрные» и «Помню, я ещё молодухой была». Т. Шевченко стихи писал на украинском языке, а драмы и прозу – только на русском. Он собственный дневник вёл на русском языке. Оставаясь наедине с собой, Т. Шевченко думал и писал только на русском.

Нынешнее преследование русского языка – это преследование и украинской истории и культуры. Получается, что внуки отрекаются от наследия отцов и дедов. В своё время Т. Г. Шевченко писал:

Доборолась Україна
До самого краю.
Гірше ляха свої діти
Її розпинають.

Украинским националистам не мешало бы вспомнить об этом и не душить духовный стержень страны – русский язык. Выдающиеся сыновья Украины всегда показывали важность единения с Россией. Сто пятьдесят лет назад Н. В. Гоголь писал: «Скажу вам одно слово насчёт того, какая у меня душа, хохлацкая или русская. . . На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином.

Обе природы слишком одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой – явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им не похоже одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершенное в человечестве».

А вот что писал в своей статье выходец из русской дворянской семьи итальянского происхождения, уроженец города Одессы, профессор Софийского университета им. Св. Климента Охридского – эмигрант Пётр Михайлович Бицилли. Статья была помещена в 1929 году и называлась «Нация и язык». Вот что она гласила: «Преступно и безумно всякое насилие, учиняемое одним народом ради того, чтобы ассимилировать себе другой. Но столь же безумно – ставить преграды процессу свободной ассимиляции народов».

В 20-х годах XX века на Украине прокатилась первая волна насильственной «украинизации». Учёные-эмигранты осмыслили негативные последствия этой волны. Время показало, что опыт учёных не пошёл впрок никому. Многие задаются вопросом: Почему так живуч вирус «самостийности», «изоляционизма», «суверенизации». Кому всё это выгодно? Что питает это явление?

И вот что по этому поводу говорят учёные и специалисты. Такая сила есть. Удивительно, но она не имеет классовой, социальной или профессиональной специфики. Её сторонники всегда в гуще народа. А имя ей – посредственность. Логику поведения посредственности в наше жуткое время предательства всего и вся много лет назад предсказали Н. С. Трубецкой и П. М. Бицилли: «Ограничение поля единой культуры может быть желательным только для бездарных или посредственных творцов, желающих охранить себя против конкуренции. Такие люди и будут главным образом выступать против общерусской культуры и за вполне самостоятельную украинскую культуру. Они сделаются главными адептами и руководителями новой культуры и наложат на неё свою печать – печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности и мракобесия, и, сверх того, дух постоянной подозрительности, вечного страха перед конкуренцией».

А ведь ясно, что новое государство – это множество новых возможностей: депутатских кресел, дипломатических постов, министерских портфелей. Скромный гимназический учитель в новой столице может рассчитывать на звание академика, ротный командир – на место начальника генерального штаба. Искусственная выделка нации, при неизбежном на первых порах безлюдье, всегда на руку слабым, неудачникам, в масштабе прежнего большого государства не преуспевавшим.

Эти же люди, конечно, постараются всячески стеснить или вовсе упразднить самую возможность свободного выбора между общерусской и самостоятельно-украинской культурой: постараются запретить украинцам знание русского литературного языка, чтение русских книг, знакомство с русской культурой. Но и этого окажется недостаточно: придётся ещё внушить всему населению Украины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати, литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и попраiania собственных национальных святынь. Ибо если украинцы не будут ненавидеть всё русское, то всегда останется возможность опирания в пользу общерусской культуры.

Однако нетрудно понять, что украинская культура, создаваемая в только что описанной обстановке, будет из рук вон плоха. И главными двигателями той культуры будут не настоящие творцы культурных ценностей, а маниакальные фанатики, политиканы, загипнотизированные навязчивыми идеями.

Это неминуемо поведёт к лихорадочной подражательной работе: чем создавать заново, не проще ли взять готовым из заграницы (только бы не из России!), наскоро придумав для импортированных таким образом культурных ценностей украинские названия!

В этой культуре демагогическое подчёркивание некоторых отдельных, случайно выбранных и, в общем, малосущественных элементов простонародного быта будет сочетаться с практическим отрицанием самых глубинных основ этого быта, а механически перенятые и неуклюже применяемые «последние слова» европейской цивилизации будут жить бок о бок с признаками самой вопиющей провинциальной ветоши и культурной отсталости; и всё это – при внутренней духовной пустоте, прикрываемой кичливым самовосхвалением, крикливой рекламой, громкими фразами о национальной культуре, самобытности и прочая. (Из книги Н. С. Трубецкого «История. Культура. Язык», с. 373–375; гл. 5, с. 134.)

К сожалению, опасения, высказанные Н. С. Трубецким и П. М. Бицилли, приведённые в одной общей цитате, полностью подтвердились.

Рижские берега

Олег Озернов

Морской инженер-механик. Скоро полвека, как живу в Риге (Латвия). Последние тридцать из них – вынужденным чужаком. Душа в России, родной Одессе, той, моей... Она – боль... Принять гражданство могу. Не пытался и не хочу. Матерей «на переправе не меняю». Перо, не для подписей и резолюций, а души для взял в руки лет двадцать назад. Это у меня один из способов выговориться в пустоту, крошение хлебных строчек белым голубям чистых страниц. С возрастом, в хроническом дефиците собеседников и растущей потребности высказать себя, остро добавляется желание быть услышанным. Так писательство окончательно зашло в жизнь, добавило в неё на избегае смысла, целей и надежд. Как без этого... Связал авоську по рыбацкой памяти, складываю туда весь этот гамуз (<http://www.ozernov-oleg.ru/>). Когда началась Последняя Отечественная, мои стихи ушли на фронт.

ПОСЛЕДНЯЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Пришла опять, не заблудилась, давно её готовил враг,
Тот самый, сдавшийся на милость не так уж много лет назад,
Под тем же знаменем фашизма, под тот же злой звериный вой –
Вставай, любимая Отчизна, пришли опять к тебе с войной!
Забыли падлы сорок пятый, собрали сопли все в кулак,
Решили русского солдата по новой испытать на страх.
На брата брата натравили за дурь, посулы и бабло,
На флагах свастика и вилы, в обломках душ скрежещет зло.
Ну что ж, то ваш последний выбор, финал известен небесам –
Воздастся по цене ошибок, по вами пролитым слезам.
У Бога всё извечно в силе, и помолясь, и мир любя,
Сосредоточилась Россия, теперь пеняйте на себя!

НЕДЕЛИМОЕ УМНОЖЕНИЕ

Справедливость есть, справедливость бред?
Кто там прав, неправ, в разбомблённом рассвете?
Чьи дорожки безвинно убитые дети?..
Женщин и стариков не забудьте в ответе
И умножьте на те восемь лет.
Страх за близких под громы летящих ракет
И осколки снарядов в пути на работу,
Смерть и ужас, идущие рядом проглотно,
Гарь руин и воронки в садах беззаботных...
Всё умножьте на те восемь лет.

Неизвестность примерьте. Дурной рикошет,
Только мигом одним подводящий итоги,
Тем, кто ненависть встретил в обычной дороге,
И погиб, не за так, по желанью убогих...
Всё умножьте на те восемь лет.
Крики «Слава!» под вой санитарных карет,

Речи пьяных вождей под оркестры бомбёжек,
По подвалам детей сосчитать ведь не сложно,
Промокнуть лоскутами разорванной кожи
Ту цифирь и умножить на те восемь лет.

Вы не плачьте, в себе поищите ответ.
Скиньте бронежилет без вины виноватых.
Вам никто не грозил «Москалей на гиляку!»,
Жаждой вас не морил, не считал за горбчатых.
Умножайте на те восемь лет.

Вы – игрушки в раскладах заморских калек.
Слишком долго дышалось вам ядом измены.
Вам не мстят, не ломают вас через колено.
Тащат вас из геенны, и мир этот бранный,
Так и не поумневший за тысячу лет.

С ВИДУ – ГРУЗ 400, А ДУШОЙ – ДВУХСОТЫЙ

Переправы, ледоставы, дроны слева, дроны справа,
Снизу стоны, сверху матом, и убитые солдаты.
Пулемёты, миномёты, недалёты, перелёты.
И арта с утра не дремлет – пашет жизни, пашет землю.
У орудий стёрлись дула от снарядного разгула,
А обслуга, знай, стреляет – служба у неё такая.
Снайпера – не новобранцы, приглашают смерть на танцы.
Сутки в лёжке или двое иль в дуэльном зверобое
Перебежки, перестрелки, целят целко, не по белкам.
Танки месят лесополки, ТОСы сыпят многостволко,
Выжигают дурь и лечат расплодившуюся нечисть.

Вишни срезаны разрывом, не зацвествь весною вишням.
На войне всё шито криво, но бывают передышки:

Дом – блиндаж с двойным накатом, у войны нехитрый быт.
Спят усталые солдаты, позывной «Старик» храпит.
Спит подобранный котик, остывает автомат –
Настрелялся, видно, слишком под уместный в драке мат.
Спит на полке Паустовский, рядом старенький Дюма –
Томикам на жёстких досках узость полки не тесна.
Красный угол под иконой, зрит с иконы лик святой,
Бережёт от похоронок, смерть отводит стороной.
На бревенчатой на стенке листик белый – «Нет войне!»,
Красный флаг, где в белом круге сам Георгий на коне
Бьёт копьём врага-дракона на погибель Сатане.
На другой – пяток рисунков неумелых детских рук,
Тихо дремлет шестиструнка, копит впрок волшебный звук.
Горячо гудит буржуйка, вся в работе горяча,
Помогает тусклым светом ей окопная свеча.

Аты-баты, спят солдаты, охранение не спит,
Утром в бой пошлют комбаты,
Бог не выдаст, всех простит.
Вот такой вот антураж – русский фронтовой блиндаж.
Жизнь окопная – такая, на войне как на войне.
Полночь дань свою собирает откровений в тишине:
Сидят в блиндаже двое русских, единого разные части.
Один – нараспашку в разгрузке, другой – в паутине из свастик.
Один – офицер боевой, комбат ополченской пехоты,
Комроты «Азова» – другой, пленённый «четырёхсотый».

– Садись, наливай себе чай! Ну что, перетрём по-живому?
– Судьба собрала невзначай, у каждого по позывному.
– Смотрю, парашют на плече, что, тоже крещён Дядей Васей?
– Был в списках, известной в/ч...
– Что здесь позабыл, на Донбассе?
– Да чёрт разберёт! Занесло. Я ж только стрелять и умею.
Единственное ремесло, тупею без портупей. Сам родом откуда?
– Донецк. Шахтёр в тридевятом колене.
Дед, прадед, прапрадед, отец, все в угольных шахтах седели.
А ты из каких будешь мест?
– Одесса, слышал про такую?

– Ну да, ты один не балбес, а все остальные дуркуют. Чечня?..
 – Был такой тарарам. Случаем не пересекались?
 – Ну, если скакал по горам, всем горным баранам на зависть,
 И духов душил не духами, то, может, и виделись там.
 – Тогда мимо кассы базар, я больше ходил городами.
 Копил от пожаров загар подругам на долгую память.
 – Мой дед брал Берлин, а твой?
 – Мой – Прагу и Киев, Варшаву, в пехоте погиб старшиной. Твой жив?
 – Мой на́ небе и не генералом. Летёхой Победу встречал,
 Преставился в сорок девятом.
 От ран как-то быстро устал, доби́ли болячки солдата. Семья?
 – До сих пор никого. Бродяги у женщин не в моде.
 Шагал по земле широко. Наёмник – бобыль по природе.
 А сам, ребятишек завёл?
 – Сын. Вымахал до потолка, воюет в соседнем окопе.
 Совсем не обстрелян пока, но фору даст ср...ной Европе.

Булькнул спирт в стакан из фляги.
 На войне без спирта тяжко,
 Если струны в перетяге, он первейшее лекарство.
 Опрокинули не морщась,
 И на выдохе чуть слышно прохрипел солдат в пригоршню:
 – Дочь... Была... Совсем малышка. Их с женой накрыло разом.
 Прилетело в прошлом годе, утром, в спящих...
 Ваши «Градом» развлекались на восходе.
 Я тогда который месяц не вылезал из окопов.
 В том очередном замесе навалились укры скопом.
 Не с понтами, как обычно все последние два года,
 А нахраписто, по-бычьи, подсобрав чужого сброда
 Из заморских побирušек со всего дурного света,
 Делегация уродов в «Абрамс»-бренды разодетых.
 Мать девчонок хоронила без меня и без оркестра.
 Через день сошла в могилу, вслед за внучкой и невесткой.
 Сын седой, я и подавно. Нам теперь одна дорога –
 За убитых и державу мразь двухсотить в списки к Богу.
 Что глаза упёрлись в берцы, проглотил язык, приятель?
 Покопайся в своём сердце, где герой там, где предатель.

Смотрит в пол мужик напротив. Расставляет ночь акценты.
 Взгляд затравленно-животен, совесть продана за центы.
 Выжжено, что было свято, скурены в дыму отравы
 Честь, присяга, дружбы, клятвы под гудёж гулянок бравых.
 В наркотическом угаре братство воинов забыто,
 Замер в прошлом русский парень у разбитого корыта.
 Не подняв глаза от пола, не меняя жалкой позы,
 Прорычал людской осколок:
 – Слышь, брательник, дай мне дозу!
 Подыхаю, нету силы, всё, что хочешь, всё, что знаю,
 Мне без дозы – к горлу вилы, выручай, брат, умираю!

– Я не брат тебе, запомни, братом ты мне был когда-то,
 Ты – убийца вероломный, вырись, сшедшая на брата!
 Расскажи о своих муках тем, кого убил по пьяни,
 Тем, кого живыми, сука, хоронил в глубокой яме.

Мамкам расскажи, что деток собирали на асфальте
По частям в обломках веток! С выражением, пожалуйста!
Расскажи о тяжкой доле не проснувшимся в обстрелах
Старикам, по вашей воле, вдруг услышат. Будет дело!
Пожалеют, вынут грошик из сгоревшего кармана,
Чтоб собрать последних крошек для святого наркомана.
Обещаю, доза будет, полной мерой по заслугам.
И тебе, и всем без веры, заблудившимся тварюгам.

В просвете бойницы рассвет. Команда – «Конвой, уведите!».
И пишется дальше сюжет, и пишет его Победитель.

ПУШКА УДИВИЛАСЬ ПТИЧКЕ НА СТВОЛЕ

«Заблудилась, видно, птичка на войне», –
думалось той пушке посреди зимы
в отдыхе привальном, миге тишины.
И смотрел на птичку молодой танкист.
«Пенье птички лучше, чем снарядов свист», –
думалось танкисту, вспоминался дом,
дом, в котором с братом рос он пацаном.
Дом, в котором с братом слушал пенье птиц
в крае, где когда-то не было границ.
В крае, где когда-то жили как в раю,
хором песни пели про страну свою.
Но беда случилась, нет теперь страны,
разбросало братьев по краям войны.
В разные присяги, каждый в свой окоп.
Целят в полушаге друга дружке в лоб.
Думалось танкисту: «Как такому быть?
Может мой же выстрел братана убить!
Как смогу я после матери в слезах
на сыром погосте посмотреть в глаза!»

Брат в чужом окопе думал о другом.
Брат родного брата записал врагом,
дом забыв и песни, Родину, дедов,
стал в ворожей стае худшим из врагов.
Обкурился братец бесовской травы,
расписал по коже знаки сатаны.
Бьёт из «Градов» братец женщин и детей,
в череде парадов трусости своей.
Заливает страх свой кровью без стыда.
И таких у смерти тучные стада.

Дум окопных сырость, сверху смотрит Бог.
Что кому приснилось, кто чего не смог...
И сродни окопам глубина могил,
Двум братьям в привале белый свет не мил.
Братья отдыхают, воинский уют...
Пушки убивают, птички гнёзда вьют.
Птичке мало дела до хлопот войны,
птичка лапки греет баловнем судьбы –
ствол у пушки тёплый после злой пальбы.

НА ФРОНТЕ НЕ БЫЛ

Вживую на фронте не был – годы давно не те.
С душой ничего не поделать, там она, на войне.
Там, где грохочут взрывы, льётся слеза и кровь,
Бьются с нечистой силой Вера, Надежда, Любовь.
Там постигаю скорби, пробую вкус побед,
В грязных окопах горблюсь, слыша разрывы ракет.
Там я бываю ранен, плачу среди руин,
Видя убитых в храме, «мирных» в разрывах мин.
Там я спасаю друга и подношу снаряд,
Флягу пускаю по кругу среди своих ребят.
Там я пушкарь и пекарь, штурм, и сапёр, медбрат,
Малость служу поэтом, русский простой солдат.
Я из пехоты слова – добрый, в атаке злой,
Просто один из многих, не выбравший позывной.

ЗВОНОК С ФРОНТА

Мамуль, прости, что долго не звонил!
Война у нас, здесь на звонки запреты.
На передышку вывели нас в тыл,
Звоню, держась за краешек планеты.

Так уж вышло, мама, так уж вышло,
я ушёл в поля не сеять хлеба,
объяснить, что есть святое, пришлым,
защитить страну и наши вербы.

Вспомни деда, был меня моложе
в день, когда война пришла на землю.
Он ушёл с винтовкой в бездорожье,
покрещённый в спину всей деревней.

Так уж вышло. И прости, родная,
не для пули ты растила сына!
Родину, мамуль, не выбирают,
собирает Родина дружину!

Ты сама меня всегда учила –
за любовь и Родину не страшно
не жалеть ни живота, ни чина,
если бой случится рукопашный.

Не могу смотреть, как убивают
женщин, стариков и ребятишек.
И вконец осатанел хозяин
этих тварей, со снесённой крышей.

Дома мне не жить спокойно, мама!
Нет на свете ни одной причины
мне бояться шантрапы и шрамов.
Просто потому, что я – мужчина.

Кто, кроме нас! А значит, нам и должно
Сделать эту грязную работу.
Справлюсь, мама, нам Господь поможет,
Господу – наш молодой комроты!

Я вернусь, как разберусь с бандотой.
Береги себя, сестрёнку, нервы.
Не «двухсотым», мама, не «двухсотым»,
тысячным вернусь из самых первых.

Всё, мамуль, труба зовёт, сбегаяю!
Мне пора идти закончить войны.
Береги себя, люблю, родная,
за меня и дом наш будь спокойна!

МОЙ ПАПА УШЁЛ НА ФРОНТ

Мой папа ушёл на фронт.
Я в фильмах видел такое,
Там был вокзальный перрон,
Семья провожала героя.
Там плакали мать и сестра,
Как-будто прощались навечно,
Горели прожектора
И дождик ложился на плечи.
И в том чёрно-белом кино
Был мальчик, обнявший папу
Уткнувшись в шинели сукно,
Сынишка того Солдата.

Он долго потом смотрел
Вослед огонькам вагона,
Пока в тишине пустел
Закат на краю перрона.
Потом там была война,
Сражался отец с врагами,
Там встала на бой страна
За чистое небо над нами.
Победный звучал салют,
Вернулись солдаты с фронта,
А с ними – покой, уют
До самого горизонта.

Три раза смотрел до конца
Тот фильм, затаив дыханье...
На фронт проводил отца,
Как тот пацан на экране.
Всё тот же к нам рвётся враг,
Его молодые потомки,
И снова фашистский флаг
Достал он из-под обломков.
Победе его не бывать!
Мой папа, Серёжкин, Марата
Собрались в святую рать,
Как наши деды когда-то.

Не будет пощады врагам.
Отцы наши знают дело,
Чужим не дадут сапогам
Топтать нашу землю смело.
Теперь буду за мужика –
Защитник, помощник маме.
У папы в тылу, пока
Он бьётся в войне с врагами.
За правое дело горой,
Мой папа за нас спокоен.
Герой! Значит, сын – герой,
И мама – жена героя.

Рижские берега

Владимир Соляр

Владимир Соляр – поэт, публицист, историк, бард, продюсер. Автор четырёх сборников стихов и многочисленных публикаций в изданиях Латвии, Литвы, Эстонии, России, Белоруссии, Украины, Узбекистана, Франции, Швейцарии, Чехии и США. Автор пяти дисков собственных песен, лауреат поэтических и песенных фестивалей в Латвии и за рубежом, в том числе: «Грушинского фестиваля», в интернет-версии, гран-при чешского фестиваля «За туманом» (Прага – Усти-над-Лабем), почётный гость фестиваля «Балтийская уха» (Балтийск, Калининградская обл.), белорусского фестиваля «Большая бард-рыбалка» (Быхов, Могилёвская обл.), тартуского фестиваля «Музыка листопада» (Тарту, Эстония) и других... Две песни добавлены в золотой фонд «Грушинского фестиваля» авторской песни. Постоянный член жюри поэтических конкурсов «Под небом Бал-

тики» (Таллин, Эстония), «Славянская лира» (Полоцк – Минск, Белоруссия) и различных бардовских фестивалей. Член Союза писателей России, Союза русских писателей Латвии и международного общества рижских литераторов «Светоч». Живёт в Риге.

ФАНТАСМАГОРИЯ

Повисла ночь,
и сдавлен стон,
исторгнутый волной дыханья,
и чуткий, фрагментарный сон
стал размышлений основаньем.
И еле теплящийся свет
смягчил и контуры, и краски.
Ночь – обезличенный предмет,
где нет людей, а только маски.
Кто в полудрёме, кто во сне,
те, доля чья иной не будет,
они – бредущие во тьме –
до смерти умершие люди.

Но нет.
Я вовсе не о том...
Среди потерь и обретений
я заполняю спящий дом
сюжетами из сновидений.
И вереницей, без конца,
мерещатся мирские страсти:
то пламень жаркого лица,
то вечное –
в чём смысл и счастье?!
Но
обесточен проводник,
и на экране – угасанье,
и только полка старых книг –
как доступ к тайнам мирозданья...

Хотелось жажду мне унять,
завесу тайны приподнять.
Казалось явное неясным,
а непонятное – опасным...
Плутал...
Участия искал,
учился чтению по лицам,
и перелистывал страницы,
и вот – от поисков устал...
И, не открывшись никому,
в себе замкнулся и, отчасти,
обрёл нечаянное счастье –
побыть немного одному.

МОЕЙ ЗВЕЗДЕ

Умолял я:
– Только свети,
ведь кому быть, как не тебе,
и внезапной вспышкой в судьбе,
и Звездой негасимой в пути...
Отвечала:
– Накала нет,
как у лампочки в тридцать ватт...
Но твоей я способности рад
излучать и тепло, и свет.
Мне предать, повернуть нельзя,
если взят на Звезду курс,
ведь не пройдена мной стезя
и не выработан ресурс...

И вольфрама, и жизни нить –
 что им стоит перегореть,
 а хотелось бы долюбить,
 додышать, дожелать, допеть...
 Но темнеет к исходу дня,
 я же всё прошу:
 – Дажь мне днесь...
 Если света нет у тебя,
 у кого же тогда он есть?

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Чтоб встретить золотой рассвет,
 я выйду к морю утром рано:
 в тот кинозал билетов нет,
 где служит небосвод экраном.
 Отбросив утреннюю лень,
 не дав и шанса укоризне,
 я встречу самый первый день
 ещё не прожитой мной жизни!

* * *

Полуодин ополоумел.
 Звать, чувствовать, желать тебя...
 Твой шёпот различая в шуме,
 лист календарный теребя.
 Всё ждать – вот-вот откроешь двери,
 через порог и напрямик...
 Ты – вечная моя потеря
 и обретение на миг.

ОДИНОЧЕСТВО

Проживает со мной одиночество –
 квартирует угол за так.
 Одиночество, ваше высочество,
 я во всём непрактичный простак,
 а у вас – ни имени-отчества,
 лишь немое присутствие есть,
 и давно мне роднее прочих став,
 вы и совесть моя, и честь.
 В стороне от большого общества,
 от торгов его и оков,
 нам надёжнее с одиночеством
 без советчиков и врагов,
 без заступников с их могуществом,
 коим – что проклясть, что воздать...
 Но бесспорное преимущество –
 в том, что некому нас предать.

Из судьбы своей, словно прочь с листа,
 удалить бы порочную грязь
 и прощения у одиночества
 попросить, ничего не стыдясь,

не спешить оправдаться дочиста,
 а покаяться во грехах
 и, найдя исцеленье в творчестве,
 исповедоваться в стихах...
 Так бок о бок живём с одиночеством
 и давно не ждём перемен,
 а совместное наше зодчество –
 возведение призрачных стен.
 Я не верю давно в пророчества,
 но одна мысль преследует вновь –
 мне даровано одиночество –
 как единственная любовь.

НОКТИУРН

В полночь я выхожу на балкон,
 где рождаются стихотворенья.
 Ночь – бездонный чернильный флакон,
 в нём я черпаю вдохновенье.
 Там отчётливо звёзды видны,
 их бессонница где-то включает
 и лимонную дольку луны
 подаёт мне к вечернему чаю.
 Млечный Путь напорошил снегов –
 и мерцают кристаллы в граните...
 Эту звёздную россыпь стихов
 забирайте с собой и храните.

МУЗЫКА ФЕВРАЛЯ

Она жила. Она цвела
 узором на февральских окнах,
 писала вязью на полотнах
 заиндеветшего стекла.
 Она хрусталиками льда
 похрустывала в хрупких лужах,
 в них, наспех застеклённых стужей,
 ещё вчера была вода...
 Метель замаялась уже
 метаться в пляске ми минора.
 В портал продрогшего собора
 вмерзали льдинки витражей.
 Пурга кружилась в кураже,
 в органных трубах выла вьюга.
 То ли соната, то ли fuga
 вещала песней ворожей.
 И вот, войдя в ажиотаж,
 во двор, под арку, проскользнула,
 но не умолкла, не уснула,
 а поднялась на мой этаж;
 и притаилась в тишине,
 и в скрипе половиц в прихожей,
 как оторопь, была похожей
 на дрожь – ознобом по спине...

Озябших клавиш белизна
и пальцев нервное касанье
не нарушали допоздна
её прихода ожиданье.
А звук, рождаясь, замирал,
хоть тишины и не боится,
как в дом влетающая птица,
в холодной комнате дрожал,
и в разлинованных листах,
томящихся в плену дремоты,
где птицами на проводах –
ещё не сыгранные ноты...

ОЖИДАНИЕ

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя вёсла по озёрам,
А Русь всё так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

Сергей Есенин

Пишут мне на бересте берёзы¹,
души доверяя письменам,
и берёзового сока слёзы,
как по лицам, льются по стволам...
В чём неистощимых мук причина?
В чём слезы загадочная грусть?
И какая скорбь печаль-кручина
одолела сказочную Русь?

Может, солнца луч померк навеки
и не ворожит былинный лес,
помутнели родниковы реки
и голубоглазый взгляд небес?
Не взмывают соколы, как прежде,
не выводят трели соловьи;
или нету веры и надежды,
как высокой, жертвенной любви?!
Чернозёмом не вздыхают пашни,
не блистает позолотой рожь,
и не пахнет корочкой домашней,
и по бездорожью не пройдёшь...
Буреломы, топи да болота,
и тому конца и края нет...
Всё по злему умыслу кого-то
или по велению планет?!

И когда исполнятся заветы,
и когда наступит благодать?!
Кто руками разведёт все беды,
сможет защитить, а не предать?!

Отделяя быль от небылицы,
разожжёт огонь на алтаре...

ПЕСНЬ СЛАВЯНСКАЯ

В прогноз конца и скорой смерти
Не верьте, русские, не верьте.
В ряды невидимые стройтесь,
Не бойтесь, русские, не бойтесь.
От сна и ужаса очнитесь, –
Молитесь, русские, молитесь.
И вновь – доспехи одевайте,
Вставайте, русские, вставайте!

Людмила Щепехина

Что случилось с тобой, Россия,
отчего встрепенулся мир?
Истерия, сменив эйфорию,
взорвала весь фальшивый эфир!
Те, кому мы давно – костью в горле,
предлагали нам плен и тлен,
но испытывать будут доколе
несгибаемость наших колен?!

Прозорливы, мудры были предки,
завещав нам – держаться гуртом,
но не вняли советам детки –
каждый сам себе выстроил дом.
Стали жить за высоким забором,
иноземцев пустили во двор,
поддались сладким их уговорам –
подписали себе приговор:
позабыли героев могилы,
песни, сказки, былины свои,
растеряли великие силы
и свернули с родной колеи...
А иуды готовили тризну
и врагу, чем смогли, – помогли:
за копейки скупали Отчизну,
чтобы перепродать за рубли.
Вот и снова во вражеском стане
зреют планы, как Русь погубить...
Хватит ссориться, братья-славяне,
хватит общие земли делить!

Триколор развевайся державный,
золотой занимайся восход!
Поднимайся, народ православный,
отправляйся в великий поход!
Третий Рим – вековая Россия,
а Москва – величаявая мать.
Завещал нам Спаситель-Мессия,
что четвёртому не бывать!

---

¹ Три берёзки в поле – три сестрицы –
в ожиданье трёх богатырей...

Берега Абхазии

Артавазд Сарецян

Артавазд Сацэрян – поэт, прозаик, публицист, переводчик. Член Союза писателей Абхазии и Армении. Ответственный секретарь газеты «Республика Абхазия». Автор 12 книг прозы и поэзии. Отмечен высшей наградой Абхазии – орденом «Честь и слава», медалями «Уильям Сароян» и «Посол родного языка».

* * *

НАИРИ¹

Я склонился над картой былого:
Вижу кровь, что сочится из ран,
Слышу рык иноземного бога
И звенящий в ночи ятаган.
Эта кровь воскресила Маштоца²,
Чей бессмертен в веках Алфавит,
Мы готовы со смертью бороться,
И нам песня Бессмертья звучит.
Пусть в ушах «Плач» Мовсеса³ не стихнет,
Слышит их «антуни» Комитас⁴.
Его лира подвигнет на битву,
И Григор⁵ молит Бога за нас.
Наша кровь загустела от соли,
Тайный смысл её в лоне веков,
Мир построен на жертве и боли,
На вселили данных нам слов.
И опять я у карты былого:
Там остался не спущенный стяг,
Нас по свету рассеяно много,
Мы сожмёмся в единый кулак.

Целой жизни не хватит, пожалуй,
Боль изжить, что скопилась во мне,
Пламень в сердце былого пожара
Ярким факелом светит во тьме.

Перевёл с армянского Сергей Воробьёв

Что знаешь ты про давнишний мой день —
Единственный, где сердце трепетало?
Оно в себя всю жизнь мою вобрало...
Не знаешь – в нём играла светотень...

Ты знаешь, как обугленный я стыл
И гнал тоску в глубины подсознанья?
И частый пульс мне прерывал дыханье...
Не знаешь ты, как рушатся мосты...

¹ Наирй – древнее название Армении.

² Месроп Маштоц (362–440) – создатель армянского алфавита.

³ Мовсёс Хоренацй (ок. 410–490) – историк 5-го века, написавший «Историю Армении», которую завершает глава «Плач о Стране Армянской» об утрате царства.

⁴ Комитас (1869–1935) – композитор. «Антуни» – песня скитальца, одно из основных произведений Комитаса. Антуни – дословно: бездомье.

⁵ Григор Нарекацй (951–1003) – святой, автор знаменитой поэмы «Книга скорбных песнопений».

Берега Абхазии

Станислав Лакоба

Станислав Лакоба – абхазский историк. Литератор, общественный и политический деятель; профессор Абхазского госуниверситета, автор ряда книг и научных трудов. Автор нескольких стихотворных сборников. В качестве приглашённого профессора занимался научной работой в Центре славянских исследований Университета Хоккайдо. Выпустил ряд монографий о грузино-абхазском конфликте и новейшей истории Абхазии.

* * *

ветви сомнений и ветер белый
взгляд чей-то беглый
холм сновидений
руки взлетели и камнем
упали
крылья сломали
крылья сломали
крылья сломали о волосы ветра
взгляд чей-то белый
взгляд чей-то беглый
ветви сомнений и ветер белый
листья летели и капли пели
...мокрые молний аллеи вбегали
в тонкие нити тёмных далей
ветви сомнений и ветер беглый
взгляд чей-то белый
холм сновидений
взгляд словно петли а губы
плети
ветви сомнений
ветви сомнений

* * *

В нас прорастала синева
И древняя река вплеталась в море –
Венцом империи, династии и Рима.
Мы говорили молча.
Зримо.
И лишь агава наливалась взрывом,
Да башня набухала, как бутон.
Скрипел песок,
И лопались сосуды,
И чайки облетали твою руку –
Античный неопознанный объект.
Плескалось солнце в наших чашках кофе,
Где всё темно, а на душе – светло.
Тревожный взгляд на линию причала,
Избитого дождями беспредела –
Быть может, – это линия судьбы?
Твои ладони, будто губы Бога,
Как поцелуй в январскую весну,
Как тишина,
Как вопль воспоминаний –
Об Августе, но не Октавиане,
Об августе, когда была война.

Берега Абхазии

Денис Чачхалиа

Денис Чачхалиа – писатель, историк, переводчик. Член Союза писателей СССР, Абхазии, России. Автор многих прозаических произведений, стихов, драмы. Перевёл на абхазский язык произведения Пушкина, Есенина, Блока, Ахматовой, Цветаевой, Гейне, Гёте, Шиллера. На русский язык переведены стихи многих абхазских поэтов. В настоящее время – заместитель председателя правления Союза писателей Абхазии по зарубежным связям.

МОНОЛОГ АЛЫЧОВОГО САДА

Я – тоже сад,
Я тоже жду весны.
Зима и снег
Наскучили мне тоже.
Тепло и свет
В мои приходят сны,
Со мной
Ночное
Разделяя ложе.

Как обольстительны они
В своей игре
С моей тоской по ним,
С моей надеждой,
Что вдруг весна
Нагрянет в январе,
На этот раз
Решив явиться прежде,

Чем в прошлый раз
И чем во все разы.
Моё долготерпение уважив,
Пришла весна
Ко мне
Среди зимы,
И я весенними
Страстями зажил.

Во мне живительный
Проснулся сок,
Он стал бродить во мне –
Как милый предок.
Меня согрел
Его пьянящий ток
От корневищ
До окончаний веток.

И я... в благодарение...
В ночи
Проклюнул почки,
Разразился цветом,
Тем буйным цветом
Дикой алычи,
Сравнить с которым
Нечего на свете.

Я буйно цвёл,
Но зимняя весна
Так быстротечна
И бесперспективна:
Зима вернулась
Вскорости – грозна –
Снегами затяжными
После ливня.

И с первыми морозами
Мой цвет
Стал облетать –
Обильно, как слезами,
Чешуйками обманутых надежд
Искрился,
Припорошенный снегами.

Мне горько знать заведомо:
Придёт
Когда весна
В обыденные сроки,
Кроме меня
Всё к сроку зацветёт,
Давая мне
Разумные уроки.

И к осени
Под тяжестью плодов
Они меня
В покое не оставят –
Мою бесплодность
Обвинят без слов,
Мою поспешность
Мне в вину поставят.

Но я ведь цвёл
Пусть день,
Но в январе,
А в январе
Нельзя цвести
С расчётом,
Что к осени
Ты бросишь детворе
Плоды
И будешь
Окружён почётом.

В те дни за всех
Я одиноко цвёл,
И в этом
Безрассудном превосходстве
Среди зимы
Согрел ведь мой костёр
Вас,
Погибавших
В холоде
Сиротства.

ЯСТРЕБ НА ПРОДАЖУ

Промысел любой преступен в сути,
Без издержек не бывает здесь.
Я зашёл на рынок в Гудауте,
Словно в осень окунулся весь.

Чем-то сам на сокола похожий –
Профилем иль отблеском очей –
Мой земляк стоял среди прохожих
С ястребом, сидевшим на плече.

Узник непокорный, гордый пленник,
На продажу выставленный вдруг,
Недоступность духа, неизменность
Он являл собой, а не испуг.

Но и тот, кто продавал, был тоже
Всей душою в небо устремлён,
Чем-то сам на сокола похожий,
Чем-то сам с неволей породнён.

Ястреб ловчий знаком службы мечен:
Ведь едва пошевелится он –
Под крылом прилаженный бубенчик
Начинал трусливый перезвон.

Знойным оком жёлтого накала
Он смотрел с презреньем на людей,
Не смущённый будто бы немало
Участью невольничьей своей...

Как с тех пор поеду в Гудауту
Или просто вспомню о родне,
Бубенцы я слышу в ту минуту,
И тревожно делается мне.

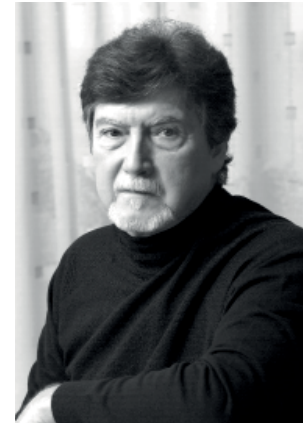
Станет беспокойно поневоле:
Ведь судьба неласкова для них...
И всё меньше соколов на воле,
И всё больше ястребов ручных.

Берега Новороссии

Олег Черницын

Олег Черницын – печатается на порталах «Православие.RU» и «Созвучие: литература и публицистика стран Содружеств», в литературно-публицистическом альманахе «Тобол». Победитель и дипломант ряда региональных конкурсов РФ и ближнего зарубежья. Третье место в конкурсе ОЕВФ «Open Eurasian – 2016» (Открытая Евразия – 2016), Лондон.

МИКОЛКА

Рассказ

Моему брату и всем участникам специальной военной операции посвящается

Если бы не долгая звонкая трель, сложно было бы угадать в ясном, чистом небе пернатого вестника весны. Но тревожно было пение жаворонка. Не узнал он луга и поля – будто безжалостная оспа густо покрыла землю, изуродовав её. Не узнал он и соседний лес. Покалеченный, с частоколом чёрных, обугленных стволов он был жалок и даже страшен.

Случилась война, люди воевали с людьми...

Вот и сейчас по широкому междулесью бежал человек, вокруг которого со свистом падали мины. Человек валился в траву, полз, вновь бежал, пригнувшись к земле.

Отставной майор, добровольный участник специальной военной операции Игорь Черница возвращался с передовой. Задание было выполнено, и до своих оставалось совсем ничего, как был замечен нацистами, а тут уж как подобает – без шумных, благопристойных «прóводов» не обошлось. И если бы не воронка на его пути, вряд ли майор встретил день завтрашний. Он бросился в спасительную яму, вжался в её влажное вязкое дно, закрыв голову руками. Земля содрогалась от близких разрывов мин. «Одна, вторая, третья...» Во вдруг наступившую тишину поверил не сразу. Приоткрыл глаза. Ждал, не поднимаясь. Тишина...

«Слава те, Господи! Опять уберёг – живой...»

Сколько раз он говорил это в Чечне, в других горячих точках, и вот повторяет здесь – под Харьковом... В висках поутихло. Игорь перевернулся на спину – воронка оказалась внушительных размеров, пригнувшись, можно было даже стоять, – и вдруг резко вскочил: в трёх шагах от него сидел на корточках человек. Исподлобья на Черницу смотрели воспалённые, с прищуром глаза.

Разглядев шеврон флага России, человек сжался, обхватив колени руками. Жёлтая повязка на рукаве его камуфляжа говорила сама за себя. Щелчок затвора – и ствол автомата майора нацелен на зажмурившегося бойца Вооружённых сил Украины.

– Руки в гору! Руки!!

Игорь ногой подтянул к себе валявшийся в сырости автомат – в магазине ни одного патрона, передёрнул затвор – пусто.

«Сосед» оказался парнишкой лет двадцати, с мягкими чертами запачканного бледного лица, юношеским золотистым пушком, вряд ли ещё знающим бритву, слегка припухлыми губами и рыжеватыми волосами, собранными в хвост. Парнишка этот был больше похож на церковного служку, чем на солдата.

– Не убивайте меня, дяденька! – не сводя глаз с чёрного нутра направленного на него ствола, громко всхлипнул он.

– Во как – и русским языком не брезгуем! Молодцá! А то ведь и по-украински побалакать можно, я не гордый! – ухмыльнулся майор. – Ну, здоровеньки булы, сосед негаданный! Отсиживаешься, значит? Расчесали вас наши?

Юноша кивнул, потупил взгляд:

– Начисто... Часа три ховаюсь. Нас пятнадцать было. Когда погнажи, сказали, что разведка боем. Вот – разведали... Кто где, не знаю. Живые ли? А кто жив да отступил, так тех точно заградотряд покосил. Вот и решил – поберегусь здесь до темна...

– Принято. Сам откуда? Служишь давно?

– С Полтавы я. На рынке схватили и сюда. Даже не обрили. А бой первый.

Обветренное, прихваченное первым весенним загаром лицо Черницы посерело, широкие брови сошлись над горбинкой переносицы.

– То-то вижу – магазин пустой. До последнего патрона расстрелял! С испуга, что ли? Все вы тут против своей воли – кого с улицы забрали, кого из бани!

– Честно, дяденька! Побожиться могу!

Парень поднял руку для крестного знаменья, но, ойкнув, опустил её.

– Ранен?

– Шаркнуло малость. – Солдат прижал плечо рукой.

– Малость... Обработал? Перевязал? – серая тень сошла с на миг закаменевшего лица Игоря.

– Было бы чем. Экономят на нас. И вообще – чем больше тяжелораненых, тем лучше *им*.

– ?

– Так на органы тебя разберут, и не спросят! Потрошат, яки кур, – бизнес нынче такой...

Майор оголил рану – действительно лёгкая, пуля на вылет. Обезболивающий укол и жгут не понадобились, Игорь умело наложил повязку.

– Всё, делов-то. Жить будешь!

– Дякую.

– Пожалуйста! Нема за що!

Уголки потрескавшихся губ юноши шевельнулись в улыбке.

– Будем дома, наши девчата получше посмотрят, что к чему.

Слова Черницы шокировали парня.

– А вы разве меня не отпустите? – выговорил он, с мольбой глядя майору в глаза.

Черница усмехнулся:

– Всё, малой, отвоевался! Военнопленный ты нынче!

– Дяденька, а может быть?.. У меня мама одна, дивчина засватана...

– Вот целее и будешь! Они мне за тебя ещё спасибо скажут! В отличие от вас мы пленным кости не ломаем и яйца не режем!

– Я не резал.

– Кто бы сомневался, все вы здесь шофера да повара! Лиха беда начало. Нет, сказал, и точка! По сумеркам и двинем.

Долго молчали. Насупившийся юноша старался не смотреть на майора, а, когда встречались взглядами, быстро отводил глаза.

– Тебя хоть как звать-величать, сосед?

– Микола, – не сразу откликнулся парень. – Як вас?

– Зови Игорем.

Черница помолчал, потом поинтересовался:

– А как мамка в детстве звала?

Сморщив лоб, Микола задумался на секунду-другую.

– Миколка, – юноша улыбнулся краешками глаз.

Далёкое завывание ракет прервало разговор.

– Ваши бьют. Град...

– Он самый, – кивнул Черница, вскользь отметив осведомлённость человека, только что попавшего на фронт. – Не завидую я кому-то сейчас...

– Храни Бог! – Микола кратко перекрестился кистью руки.

Помолчали.

– Игорь... – Юноша осёкся: – Дяденька, у вас пить е?

– Е.

Микола жадно отпил из фляжки, вытерся рукавом, размазав грязь по лицу.

– Во, чёртом больше! – усмехнулся Игорь. – «Вечера на хуторе близь Диканьки» читал? Гоголя.
– Нет, не читал. Он ваш письменник, не велено нам.
– Твою дивизию! Гоголь наш? В общем-то да – любим его, в школе изучаем, но писатель-то он украинский! Великий! Гордиться им нужно, а вы... Ну, ребята-демократы, довели до ручки свою неньку-Украину, ох довели!

Разгорячившись, Черница чуть не встал в полный рост.

– Ну скажи мне, кого вы кроме своих любимых Бандеры и Шухевича читаете?
– Они мне не любимые. И Зеленского с его шайкой не чтут! Наркоманы и воры!
– Ты это сейчас для меня балакаешь?

Юноша мотнул головой:

– Для чего мне врать вам?
– А такие фамилии известны тебе – Шевченко, Довженко, Патон?

Молчание.

– А Юрий Гагарин кто такой?

Микола встрепенулся:

– Знаю – первый в мире космонавт! Наш, украинец!
– Да уж, слышал я про такую ересь, почему и спросил. И вертолёт вы придумали, и парашют изобрели... Словом, дурдом – не страна! Ещё в Европу хотите – «Украина це Европа!». Лечить вас надо...

Недобрые искорки сверкнули в глазах Миколы, нахохлившись, он присел на корточки.

– Да ты не бычься, дурят вас по-чёрному! Запад с Америкой верхи ваши, а те вас – народ. Чего добились после Майдана?

– Украина – ридна мати моя, и я кохаю её!
– Так и я люблю её! И все мы, русские, любим её! Иначе и не стали бы очищать от грязи!

Майор перевёл дыхание:

– А ведь сказать – и я украинец. Все мои дедушки-бабушки из Украины. Кто из Днепропетровска, кто из Никополя, кто из Херсона – во как! В тридцатые годы переехали на Урал, в Нижний Тагил, завод строить, там и обосновались, корни пустили. Так-то, хлопчик!

Хлопчик слушал, нервно надламывая ногти на руках.

– Так, может, тогда вдвоём?... – И, не сводя глаз с «земляка», он еле заметно шевельнул подбородком в сторону «своих».

Игоря передёрнуло:

– Ну вы точно больные на всю голову!

Отставник нахмурился:

– И что же такого плохого мы вам сделали, что вы так ненавидите нас, Россию?..

Ответ не последовал, но по виду украинского солдата он был очевиден: «А что хорошего?»

Сколько-то молчали, дожидаясь темноты. Солнце нехотя спускалось к дальнему лесу, золотя его верхушки.

Черница расстегнул камуфляж, размялся:

– Подвигайся, ноги затекут – не дойдём.

– А покушать у вас е?

Игорь вспомнил про остатки галет.

– Таки е, запаса трохи для себе. – Майор улыбнулся. – Вы же только свинцом да железом потчуете.

Микола с жадностью проглотил несколько раскрошившихся армейских хлебцов, попросил запить. «Наш бы поделился...»

Вдруг пленный вздрогнул и засмеялся тихонько, указывая поверх майоровой головы. Черница щёлкнул предохранителем, и ствол автомата чуть не коснулся непрошеного гостя: с гребня воронки смотрели бусинки-глаза серого зверька. Не без опаски, вытянув шейку и поджав лапки, пушистик часто втягивал воздух мокрым носом-кнопкой.

– Ховрак, суслик по-нашему.

– На хлебный запах пожаловал. А угостить-то тебя, маленький, и нечем, так что прости нас, дружок.

Дружок, поняв, что теряет время зря, так же проворно исчез, как и появился.

- К своим побиг.
- Да уж, у каждого свои свои...

Молчали, изредка поглядывая друг на друга. Когда взгляды встречались, юноша первым приветливо улыбался Игорю.

- А хотите, я вам заспиваю? Мама пела мне в детстве – колыбельную.
- Спой, конечно, почему нет.

Ой, ходить сон коло вікон,
А дрімота – коло плота,
Питається сон дрімоти:
Де ми будем ночувати?

Голос у Микола оказался приятный, грудной. Переведя дыхание, продолжил:

Де хатонька теплесенька,
Де дитина малесенька,
Там ми будем ночувати,
І дитинку колисати.

Слёзы блеснули в уголках его закрытых глаз.

* * *

Солнцу бы к концу дня уgomониться, поостыть, да где там – вошло в раж, разгорячилось! Черница распахнул куртку, сладко зажмурился, подставил лицо жарким лучам. Липкие струйки пота затекали под одежду, щекотали крепкое тело.

«Скинуть бы всю эту амуницию, позагорать властью... Весенний-то загар – он самый цепкий, красивый. Скоро и к нам на Урал придёт тепло, соскучился народ по нему, ждёт погожие денёчки. Снег растает, зелень пробьётся – благодать... Глядишь, и июнь – отпуск. Как своих пацанов здесь оставлю? Но и по дому дела накопились. А в сад-огород уеду – перво-наперво банька! Заскучала без дела, меня дожидается. Растоплю её, милую, докрасна, не обидится! И кваском на топку, кваском! – Игорь незаметно для себя проваливался в сладкое забвение, сдавался охотно и не сопротивляясь. – Напарюсь, рухну на полок, продышусь берёзовым да хлебным духом, и лети моя душа хоть на седьмое небо! И ничего-то тебе больше не нужно, и всё другое где-то далеко, и есть ли вообще... А Микола зачем здесь? Точно – он. Крадётся... и оскал какой-то звериный, клыки...»

Майор выбил нож из занесённой над ним руки, пинком свалил юнца на землю. Тот взвыл – не то от боли, не то от отчаяния.

Что-то опять не дало Игорю выстрелить.

– Ну ты и сучёнок! Дяденька, говоришь? Племянничек херов! Тварь неблагодарная! Ужиком заделался, гадюка! Точно говорят: «Есть украинцы, а есть и хохлы!» Вот ты-то и есть хохол! Самый настоящий хо-хол!

– А мы для вас все хохлы!

– Не ври! Не все! Те, кто георгиевскую ленточку надеть не боятся, кого вы в Одессе заживо сожгли, хохлами не были! На рынке его схватили! Спектакль тут устроил, песенки жалостливые заспивает!

– Ну и да, ну и так – сам я в ВСУ пошёл! Ненавижу вас, москалей! Русня поганая! Все беды от вас! Трутни! Жили за счёт Украины и ещё хотите! Выкусите!!

Кукиш влетел в лицо майора.

– Мы жили? Волки вы ненасытные! Да мы...

Микола не дал договорить, его прорвало. Стоя на четвереньках в натоптанной грязи, смачно плюнул в Черницу.

– Брата моего старшего в Дебальцево убили! Шурина без ног оставили! Оккупанты!

– А кто звал их на Донбасс?! Кто привёл?! Порошенко ваш, Петро Олексийович! Советнички ваши дорогие, кураторы! Получили по мордам и ещё получите! А на счёт оккупантов – так был бы я оккупантом, давно бы уже спал с твоей дивчиной!

– Посмотрим ещё, кто кого! За всё ответите, на гиляку всех вас!
– Встать! – крик майора оборвал истерику. Розовый старый шрам, рассекающий его щёку, побагровел, на щетинистых скулах заиграли вздувшиеся желваки. – Встать!!

Юнец затих, по-черепашьи втянул голову, спина его часто, нервно вздрагивала.

– Не стреляйте! Не убивайте меня, дяденька!! – взвыл он по-бабьи, в голос, сжавшись в ожидании выстрела. Повисшая тишина давила голову. Казалось, было слышно, как над далёким горизонтом собирались низкие хмурые облака, угрожающие мощным, словно морским, валом пройти над землёй.

– Обоссался, герой?

– Набрехал я всё, набрехал! Похорохориться хотел, дурак! Век за вас буду Бога молить!

Русский майор с отвращением смотрел на «героя». Сталь курка автомата холодила напрягшийся палец.

– А ну-ка, вали отсюда, гадёныш...

Парень с недоверием, снизу вверх глядел на Игоря.

– Оглох, что ли? Геть отсюда! Свободен!

Не веря услышанному, Микола медленно поднялся. Как собака, ожидавшая пинка, смотрел на майора – жалкий, грязный, в обмоченных штанах...

* * *

Оставшись один, Игорь ясно осознал, что только что был на волоске от смерти. Не в бою, где смерть воспринимается как явление очевидное и осознанное, а здесь, в этой воронке, в этой сырой яме – бестолково и бесполезно.

«Расслабились вы, товарищ майор, бдительность потеряли! Развели “дяденьку”, как зелёного новобранца развели! На жалость взяли профессионала-спецназовца! Пацанам рассказать – не поверят! Точно говорят – и на старуху бывает проруха...»

В горле сушь. Черница встряхнул фляжку. «Всё выпил, змеёныш...»

Смеркалось. В помощь ночи с трудом оторвавшиеся от горизонта тяжёлые облака взяли в оборот вечернее солнце. Но оно не было в обиде – посветило всласть! – и уходило с надеждой на новый яркий день, туда, где за дальней далью, возможно, был мир и люди не воюют с людьми...

«И мне пора...»

Мягкая, по-весеннему свежая трава приняла, прикрыла Игоря. Где короткими перебежками, где ползком он продвигался в сторону леса, к своим, не зная, что его недавний «сосед», доброволец Микола, лежит в десяти метрах от их случайного укрытия – снайпер сделал свою работу. На войне как на войне...

* * *

Если бы не долгая звонкая трель, сложно было бы угадать в ясном, чистом небе пернатого вестника весны. У него была своя жизнь, свои заботы – в гнезде ждали корм ещё слепые, покрытые пухом птенцы...

Берега прочтения

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства, член Союза журналистов России, прозаик, публицист, общественный деятель. Автор 34 художественных, историко-краеведческих, публицистических, научных книг, ряда телевизионных фильмов, член Русского географического общества, входит в Энциклопедию Калининградской области, Энциклопедию выдающихся деятелей науки и культуры РФ. Почётный гражданин Балтийского городского округа, член редакционного совета журнала «День и ночь» (Красноярск), кавалер ордена «Русская звезда» им. Ф. И. Тютчева.

РУССКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

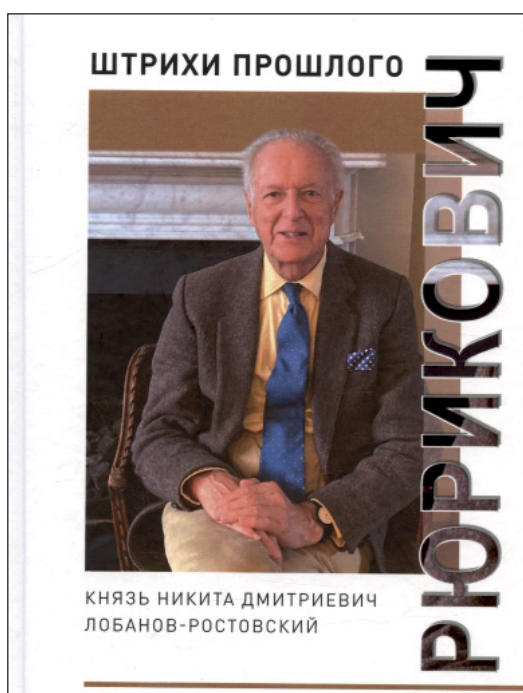
О коллективной монографии «Рюрикович: штрихи прошлого.

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский / сост. Н. Д. Лобанов-Ростовский, Е. С. Фёдорова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2023. – 656 с.

Книга «Штрихи прошлого» – это собрание интервью, эссе, документов, статей, которые были созданы или вновь найдены в течение последних трёх лет, это 5-й выпуск из серии «Рюрикович», посвящённой князю Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому и его семье.

Лично для меня, читателя и участницы серии «Рюрикович», – каждый новый выпуск – это всегда источник вдохновения, творческого, исследовательского, познавательного, развивающего, интеллектуально насыщенного.

Серия сборников «Рюрикович»

Для читателей монографии открывается жизнь русского зарубежья, часто скрытая для читателя, жившего в СССР, часть русской истории и культуры, перед которой у авторов монографии нет никаких обязательств, но есть огромное желание высказать к ней свою любовь, величайшее почтение к носителям русской культуры как духовной составляющей русского народа.

Каждый выпуск серии подразумевает непременную основательность больших сборников, философски и метафизически осмысляющих высокие разрешения бытийных задач. Это своеобразный духовный фронт, охватывающий десятки столетий истории и культуры России, на которых зиждется современность, её духовно-нравственное наследие, в котором тёмные силы могут принимать облик светлых, но распознаваемых духовно трезвыми людьми.

Как отмечает Никита Лобанов-Ростовский в разделе «Русское зарубежье» коллективной монографии «Штрихи прошлого», многим жителям России до сих пор ещё далеко до понимания, что созидательная деятельность

русской эмиграции 20-го века – «это неотъемлемая часть отечественной истории XX столетия». И я разделяю это мнение, давно убедившись в том, что человек, не знакомый с русским зарубежьем, не может понять глубины русского народа и его культуры.

В 2013 году Дом русского зарубежья в Москве начал серию альбомов «Русское зарубежье. Великие соотечественники», включив выдающиеся имена философов и художников, учёных и балетмейстеров, актёров и политиков, закрыв многие белые пятна в истории русской эмиграции. Это широкая панорама деятельности в лицах, плоды трудов которых долго оставались неизвестными в современной России.

«Главное, что показывают материалы данной книги, – отмечает Никита Дмитриевич, – многое из эмигрантского наследия сохранилось. Второе наблюдение такое: ныне Россия готова внимать их голосам. Российское общество способно сочувствовать эмигрантским судьбам, восхищаться их достижениями, искать объяснение тому, что произошло столетие назад, что привело к столь пагубному для Отечества национальному расколу. Барьер столетней давности ещё не преодолен, раны в душах потомков не затянулись ни с одной, ни с другой стороны» (с. 68).

«Штрихи прошлого»

Во вступительном слове к данной монографии Екатерина Сергеевна Фёдорова, профессор МГУ, доктор культурологии, даёт краткую биографию и творческую и интеллектуальную характеристику князю Лобанову-Ростовскому, прямому потомку князя Рюрика в 33-м колене, потомку князя Владимира Мономаха, князя Ярослава Мудрого, князя Юрия Долгорукого, святого благоверного князя Василько Ростовского и многих других княжеских и дворянских фамилий.

Никита Дмитриевич родился в Болгарии в 1935 году. Эту страну, как православную, славянскую, выбрали после 1917 года его бабушка и дедушка, потому что они считали, что в Софии был лучший в мире по звучанию церковный хор, а в храме они проводили достаточно много времени. Вместе с отцом и матерью 11-летний Никита год провёл в тюрьме, когда Болгария стала социалистической республикой после окончания Второй мировой войны. Отец был расстрелян за принадлежность «к бывшим». Никита успел побывать болгарским пионером и комсомольцем, чемпионом Болгарии по плаванию среди школьников прежде, чем поступить в Оксфорд, окончив его по специальности «геология», затем Колумбийский университет – по специальности «экономическая геология», затем Высшую школу бизнеса при Нью-Йоркском университете, пройдя все ступени банковского работника. В 35 лет он стал вице-президентом и заведующим отделением по Европе, Африке и Ближнему Востоку в крупнейшем банке США «Уэллс Фарго банк».

Это позволило Никите Дмитриевичу начиная с 1970 года способствовать устойчивому положению СССР, помогая ему получать займы у тех банков, где занимал руководящие должности.

Его притягивал Советский Союз как его Отечество, как место жизни и деятельности его великих предков, как место рождения его любимых художников, коллекцию из тысячи творений которых из 150 имён ему удалось собрать вместе с супругой Ниной за рубежом, чтобы потом подарить крупнейшим музеям России: Музею музыкального и театрального искусства в Санкт-Петербурге и Музею театрального искусства имени Бахрушина в Москве, но не только им.

Крупнейший меценат России, он также реализовал два крупнейших культурных проекта: памятник участникам Первой мировой войны в Москве на Поклонной горе и памятник Народного единства в Севастополе. Третья его мечта пока не осуществилась – создание в России национальной портретной галереи выдающихся людей России.

Не всё гладко в его жизни: так, в Ростове Великом, подарив музею 10 000 произведений искусства, исторических документов, книг, коллекцию фарфора, он столкнулся с ложью и обманом, но не сдался, только обрёл ещё больше сторонников и почитателей.

Восстановление исторической правды

В разделе «Русское зарубежье» Никита Дмитриевич рассказывает об известных людях, с которыми он встречался в своей жизни, для восстановления исторической правды о них. Александру Львов-

ну Толстую, дочь великого писателя, князь называет «одной из самых видных личностей русской эмиграции». Её достижение в том, что она создала Толстовский фонд с целью помогать беженцам из России, купив для этого ферму в Вэлли Коттетж (штат Нью-Йорк). Эта ферма стала приютом для многих русских людей, оставшихся без крыши над головой. Среди них балерина Ольга Спесивцева, которую молодой Никита Лобанов-Ростовский навещал, помогая балетоведу Джоу Виши взять у Спесивцевой интервью, в качестве переводчика с русского на английский: «Спесивцева была изящным существом. Даже простая юбка при нищете Толстовского фонда сидела на ней элегантно. Слушать её было приятно – о прошлом, о балете, о «Сезонах» Дягилева».

Никита Лобанов-Ростовский очень уважал Александру Толстую за её деятельность, высоко ценил то, что она уговорила президента Гувера создать Архив гуверовского института, где находится масса документов, относящихся к России и РСФСР. Она создала на ферме большую библиотеку, в которую известный религиозный философ, профессор Н. С. Арсеньев, дядя Н. Д. Лобанова-Ростовского, завещал часть коллекции своих книг по истории России и истории её культуры. А декор стен библиотеки и мебель подарил Никита Дмитриевич, получив их бесплатно от канадского миллионера Роберта Тименса.

Никита Дмитриевич интересно рассказывает о знакомстве с Зинаидой Шаховской, издателем «Русской мысли», с актёром Николаем Осиповичем Массалитиновым, работавшим в театре в Софии, воспитанником школы Станиславского. «Теперь найдёшь лишь островки этой высокой культуры актёрского мастерства, например, Евгений и Галина Киндиновы, которые превосходно читали со сцены прозу моей бабушки Веры Дмитриевны Лобановой-Ростовской», – пишет Никита Дмитриевич.

Н. Лобанов-Ростовский встречался с композиторами Николаем Набоковым и Игорем Стравинским, рассказал о покупке работ художников Мстислава Добужинского и Александры Экстер, в том числе купил её письма, которые были подарены им ЦГАЛИ вместе с архивом художника Сергея Судейкина.

Очень яркая характеристика дана Никитой Дмитриевичем Михаилу Барышникову, оказавшему мировому балету огромную услугу: «Сложно поверить в то, что я сейчас говорю, но был момент, когда Барышников и Нуреев столь подняли популярность балетного искусства в Америке, что на балет продавалось больше билетов, чем на бейсбол: а ведь это национальная игра в США» (с. 78).

Рассказывая о своём дяде Николае Васильевиче Вырубове, герое французского Освобождения, Никита Лобанов-Ростовский вспоминает свою встречу с художником Ильёй Глазуновым, который в 1969 году прибыл в Париж для создания панно в огромном здании штаб-квартиры ЮНЕСКО.

Очень интересный рассказ о Лидии Делекторской, уроженке Томска, которая, оказавшись в Париже, позировала Матиссу. Она покончила жизнь самоубийством в 1998 году, похоронена по её завещанию под Санкт-Петербургом, в Павловске, а перед смертью передала работы Матисса в дар Эрмитажу и ГМИИ им. Пушкина в Москве.

Удивителен рассказ о генерале Франции Зиновии Пешкове, приёмном сыне Горького; о бароне Эдуарде Фальц-Фейне в интервью Оксаны Карнович; о том, как легко происходила вербовка англичан советскими разведчиками, в интервью о шпионаже Андрею Маруденко: «Идеальными объектами для вербовки были люди нетрадиционной ориентации. В этом ключ замечательного успеха советской разведки. Это основная черта, которая связывает известную группу “Пятёрка из Кембриджа”», – рассказывает Никита Дмитриевич, внося новые подробности о Сталине, генерале Волгогонове, Эдмонде Стивенсе и многих других.

Любопытна беседа в переписке Н. Д. Лобанова-Ростовского с Н. Казански, С. Качкиным о гениях. На вопрос Николы Казански, почему в Великобритании больше нобелевских лауреатов, чем в США и Германии вместе взятых, Никита Дмитриевич ответил, что в США все гении привозные. Но и в Великобританию стремятся интеллектуалы со всего мира – за свободой мышления и образа жизни.

Невозможно перечислить друзей и добрых приятелей Никиты Дмитриевича, среди которых принцесса Мария Кристина Кентская, принц Майкл Кентский в Великобритании, учёные и политики, журналисты и искусствоведы в Болгарии, России, США и многих других странах.

Подробности истории и современности

Чувство верности России, сокровенная способность князя одаривать её музеи и архивы – это небесное свойство представителя Рюриковичей в сегодняшнем дне описано в книге автора данного эссе под названием «Дарить России» (М.: Издательский Дом Академии имени Жуковского, 2022). Безбрежно благодарна составителям монографии за включение отдельных материалов из моей книги.

Екатерина Фёдорова поделилась своими исследованиями судьбы генерала от инфантерии, министра юстиции и члена Государственного совета Российской империи, князя Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского (1768–1838). А Никита Дмитриевич подарил портрет генерала, приобретённый Ниной Лобановой-Ростовской на аукционе, послу России во Франции А. Ю. Мешкову для размещения в помещении посольства РФ в Париже. Он рассказал о причастности генерала к заключению Тильзитского мира в 1807 году на берегу реки Неман в городе Тильзите – сегодня это город Советск Калининградской области.

Н. Лобанов-Ростовский отметил, что генерал Дмитрий Иванович был маленького роста и некрасив, что понравилось Наполеону, но в то же время полководец сразу почувствовал, как был умён его собеседник, и наградил противника!!! Французским орденом Почётного легиона – из уважения к его интеллекту.

Рядом с Никитой Дмитриевичем мы часто видим в реальности так же, как и в монографии, известных русских аристократов: князь А. А. Трубецкой, граф С. А. Капнист, князь Д. М. Шаховской, граф П. П. Шереметев, М. А. Трубникова-Муре. Это сподвижники Никиты Дмитриевича в интервью Оксане Карнович, в котором проливается свет на «деятельность» псевдо-великой княгини Марии Романовой и её сына Георгия Гогенцоллерна как «главы» Дома Романовых.

Во вступительной статье к книге Е. С. Фёдоровой «Анна Сергеевна Вырубова. Вкус жизни» Н. Д. Лобанов-Ростовский написал: «Своим долгом перед предками считаю издание всех найденных материалов, с ними связанных. Этому посвящены мои книги: “Эпоха. Судьба. Коллекция” и серия “Рюрикович”, а также книга “Герой французского освобождения, русский дворянин Николай Васильевич Вырубов” (составители Н. Д. Лобанов-Ростовский, М. А. Трубникова-Муре, Е. С. Фёдорова), Издательский Дом ЯСК, 2021. Все названные книги входят в серию “Идеи века в истории рода”. Надеюсь, что цикл наших общих исследований продолжат книги о славных представителях дворянских семей».

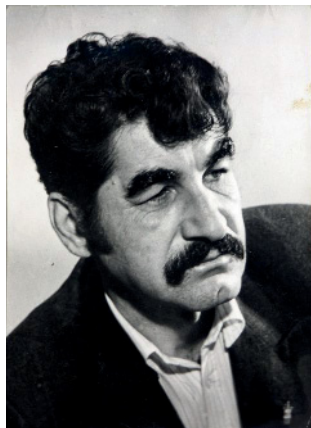
Все материалы монографии рождают трепетное чувство к культуре России, видение далёкого и близкого, недавно происшедшего. Как бы много мы ни читали о русском зарубежье, монография даёт нам ощущение обретения новых штрихов и подробностей и в то же время внутренней свободы, в которой составители её ощущают себя естественно и судят обо всём широко и сердечно по-русски. Их художественно-духовный мир отвечает самым строгим требованиям любого читателя, или того, который глубоко в теме, или того, кто только прикасается к ней. Составители так мастерски организовали пространство книги, легко владея историко-культурным материалом, что мы радостно воспринимаем и запоминаем эти духовно весомые знаки в лицах, рассказывающих читателю, с доверием к нему, о фактах и пережитых событиях.

Судьбы представителей русской эмиграции, мучительно разрывавшихся между Россией и чужбиной, сформировавших своё предназначение «не в изгнании, а в послании», обретают сочувствие и понимание устремлений их души у современного читателя. Мы ощущаем явно выраженное сердечное движение и раскрытые ладони к огромной части нашего народа, внимая голосам былого и настоящего, глубже осознавая русское предназначение, отвечая на вызовы будущего русской цивилизации.

Пётр Ткаченко

Пётр Ткаченко – литературный критик, публицист, член Союза писателей России. Автор книг: «Где спит казацкая слава», «В поисках града Тмутаракани. Невостребованные размышления о русской литературе и жизни», «Не для меня придёт весна», «Возвращение Екатерины», «Слово о Мараварской роте», «Кубанские зори», «Драма грозного царя», «Когда же произойдёт смена веков? (Новая смена веков)», «Кубанские пословицы и поговорки», «Кубанские обряды», «Кубанская свадьба», «Кубанский лад. Традиционная народная культура: вчера, сегодня, завтра», «Кубанские байки. Та брехня, что лучше правды», «Кубанские песни. С точки зрения поэтической», «Пословица не сломится», «До разгрома и после него». Литературно-критические повести: «Встретимся на том свете, или Возвращение Рябокопя. Ненаписанная повесть. Запоздалые и современные рассказы», «Какую Библию читал М. А. Шолохов», «Щедрый вечер, добрый вечер. Кубанские обряды», «Трагические судьбы русских писателей», «Поиски Тмутаракани. По “мысленному древу”: от “Слова о полку Игореве” до наших дней», «“Никем не званный...” Александр Блок в поисках образа России». Составитель популярных сборников воинских песен, составитель первого словаря кубанского диалекта за всю его историю – «Кубанский говор. Балакачка». Издатель авторского литературно-публицистического альманаха «Солёная Подкова».

«ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ» АННЫ АХМАТОВОЙ

Главы из литературно-критической повести

Все, кто блистал в тринадцатом году, –
Лишь призраки на петербургском льду.

Георгий Иванов

Пускай же всё пройдёт неспешно,
Что в мире свято, что в нём грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.

Александр Блок. Возмездие

«Мне голос был. Он звал утешно...»

Есть всё-таки некая устойчивая закономерность в том, кто из классиков русской литературы становится теперь нам особенно близким и необходимым. Видимо, потому что их творчество, их миропонимание каким-то загадочным, неведомым нам образом соотносится с нашей нынешней жизнью, делая их наследие даже злободневным. Кроме того, «Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется» (Ф. Тютчев), а «произведение искусства есть существо движущееся, а не покоящийся труп», как отмечал А. Блок в дневнике 1 декабря 1912 года. Литература же является историей духа человеческого и народного, а не только историей тех или иных событий, так или иначе отразившихся в их творчестве. То есть потому и становится тот или иной классик теперь нам особенно близок, что «узоры человеческой жизни расшиваются по вечной канве» (А. Блок), что он своё время воспринимает не иначе, как в общем течении человеческой жизни и народной судьбы. И прежде всего, постигает духовную природу человека, а не только историческую, социальную или какую-то иную.

Почему вдруг возникла необходимость перечитать поэта Анну Андреевну Ахматову (1889–1966)? Вовсе не вдруг, но именно её. И именно её «Поэму без героя», над которой она работала более двадцати лет, как бы подводя итог своего творческого пути. Хотя, конечно, речь пойдёт не только о поэме. Но

прежде чем обратиться к этой уникальной поэме, совершенно необходимо сказать о положении Анны Ахматовой как поэта в трагическом революционном XX веке. Тем более что, как мне кажется, несмотря на многочисленные исследования её творчества, это прояснено недостаточно внятно.

Главное же состояло в мировоззрении и миропонимании А. Ахматовой, встретившей либеральное революционное крушение страны в феврале 1917 года, когда была свергнута монархия, разрушена государственность, а народ ввергнут в хаос и беззаконие, в зрелом, двадцативосьмилетнем возрасте. И её воззрения не претерпели тех радикальных изменений, каким подверглось подавляющее большинство её современников. Радикальных изменений, как понятно, под воздействием революционной идеологии, начавшейся ещё с революционных демократов XIX века, и тех «экономических доктрин», которые навязывались народу огнём и мечом *вместо* его естественной и природной христианской веры. Такой духовный стоицизм из её современников был свойствен разве только А. Блоку. Но он рано ушёл из жизни (7 августа 1921 года).

Разумеется, творчество А. Ахматовой со временем и с возрастом изменялось, о чём она и сама писала. Разумеется, она не избежала тех духовно-мировоззренческих поветрий, которые были тогда распространены в образованной части общества. Да и кто мог избежать их в «беспамятстве смуты», по её же выражению, и в революционном психозе, в «повальном сумасшествии» (И. Бунин)?..

Но она избежала декадентства, того беспросветного упадничества и нигилизма, которое было свойственно в тех условиях многим, даже большинству её современников. Избежала и литературных школ и направлений, в частности акмеизма, хотя и находилась в кругу приверженцев этого направления. Тем более что Николай Гумилёв, её муж, был его «теоретиком». Но литературные школы никогда не определяли литературу, о чём писал Георгий Адамович, один из самых талантливых критиков русского зарубежья: «Никогда манера письма не была и не будет решающим признаком для оценки чьего-нибудь творчества. Пора на этот счёт перестать обольщаться... Манера сама по себе ничего не значит. Уцелело во времени только то, что оживлено и согрето изнутри личным огнём, иногда в согласии с господствующими в данные годы теориями, иногда вопреки им» (Одиночество и свобода. М.: Республика, 1996). А. Блок посвятил акмеизму целую статью «Без божества, без вдохновенья», в которой писал, что «всё большее дробление на школы и направления, всё большая специализация – признаки такого неблагополучия». Но А. Ахматова, несмотря ни на что, оставалась верной русской литературной традиции. Именно на этом основании он сближал её с А. Блоком: «Эфемерных знаменитостей везде и всегда бывает много. Удивительнее и показательнее то, что Ахматовой с её такими на первый взгляд “дореволюционными”, такими “старорежимными” стихами удалось в нашей литературе удержаться».

Отдавая должное дарованию акмеистов, А. Блок вместе с тем писал, что они «топят самих себя в холодном болоте бездушных теорий и всяческого формализма... они замалчивают самое главное, единственно ценное, душу... хотят быть знатными иностранцами». В этой статье об акмеистах он отмечал: «Вообще Н. Гумилёв, как говорится, “спрыгнул с печки”: он принял Москву и Петербург за Париж». А по свидетельству К. Чуковского, говорил Н. Гумилёву: «То, что вы говорите, для меня не русское. Это можно очень хорошо сказать по-французски. Вы – слишком литератор, и притом французский» (Александр Блок, как человек и поэт. П., 1924). Даже М. Горький так отзывался о Н. Гумилёве: «Жаль только – не русский он писатель. Настоящий француз в манжетах». Всё это к тому, какая мировоззренческая атмосфера преобладала среди акмеистов, и вообще в творческой среде, в которой находилась А. Ахматова.

Но примечательно то, что из этой писательской среды А. Блок изначально и решительно выделял А. Ахматову. В дневнике 7 ноября 1911 года отмечал: «А. Ахматова (читала стихи, уже волнует меня: стихи чем дальше, тем лучше)». А в упомянутой статье «Без божества, без вдохновенья» отзывался о ней вполне определённо: «Настоящим исключением среди них была одна Анна Ахматова».

А. А. Ахматова. Петроград, 1921 г.

Именно этот духовный стоицизм Анны Ахматовой, то, что она осталась верной русской литературной традиции, позволил ей, как увидим далее, на всех крутых поворотах трагического XX века быть довольно точной в понимании сути происходящего, и прежде всего – его духовной основы, так как все грандиозные потрясения в истории имеют именно духовную природу. Иные же причины, скажем, социальные, являются лишь сопутствующими, а точнее – следствием духовного состояния человека, которое в конечном счёте и вызывает те или иные исторические события.

Ведь истинный поэт не просто «изображает действительность», как утверждают критики позитивистского толка, но так или иначе, несмотря на предшествующий опыт, отвечает на главные вопросы бытия: как устроен этот мир, что есть человек в нём, какова природа человека, что происходит ныне. И отвечают не декларативно, а образно. И толкует происходящее не с точки зрения тех или иных господствующих идеологических догматов, но с точки зрения духовной природы человека. А на такие вопросы обязано отвечать каждое поколение. Если же по каким-то причинам оно на них не отвечает, тогда происходит трагедия *вырождения* человека, известная изначально, изложенная уже в книге Бытия Ветхого Завета, когда «всякая плоть извратила путь свой на земле...».

Примечательно то, как откликнулась Анна Ахматова на революционное крушение страны 1917 года. Сразу скажем, в отличие от большинства поэтов, её современников. Есть у неё стихотворение «Когда в тоске самоубийства...», которое имеет довольно странную историю его публикации. А потому привожу его в авторском виде, в каком его создала А. Ахматова:

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал,

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

Когда приневская столица,
Забыв величие своё,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берёт её, –

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну чёрный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух.
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Можно встретить утверждение, что стихотворение это существует в двух вариантах. На самом деле никаких «вариантов» этого стихотворения не существует. Так как это дело не авторское, а публикаторское и издательское. Впервые опубликованное в эсэровской газете, оно вышло *без последней строфы*. В последующем оно публиковалось *без двух первых строф* и начиналось строчкой «Мне голос был. Он звал утешно...». К примеру, в массовом издании Анны Ахматовой «Избранное» (М.: Художественная литература, 1974). И ясно, почему столь настойчиво в публикациях этого стихотворения опускались первые строфы. Ведь в них А. Ахматова говорит о том, *что* именно произошло в России. И говорит не с точки зрения идеологической, но духовной. А это не только не вписывалось в то, как понимал происшедшее новый правящий класс и в каком виде оно преобладало в общественном сознании, но радикально противоречило ему.

Собственно, это и определило дальнейшую писательскую и человеческую судьбу Анны Ахматовой. И не только в связи с этим стихотворением. Андрей Платонов, уже позже, откликаясь на её сборник «Из шести книг» (М.: Советский писатель, 1940), писал, что «голос этого поэта долго не был слышен, хотя поэт не прерывал своей деятельности: в сборнике помещены стихи, подписанные последними годами. Мы не знаем причины такого обстоятельства...». Но вместе с тем отвечал на вопрос о причинах этого «обстоятельства»: «Необходимо прежде всего преодолеть заблуждение. Некоторые наши современники – литераторы и читатели – считают, что Ахматова несовременна, что она архаична по тематике, что она слишком примитивна и прочее – и что поэтому, стало быть, её значение как поэта невелико, что она не может иметь значения для революционных, советских поколений новых людей...» («День поэзии», 1966).

Итак, Анна Ахматова в этом стихотворении говорила о том, *что* именно произошло в России. А также – о причинах происшедшего. А причины эти оказались извечными, сопровождающими человечество во всю его историю: утрата веры, отказ человека от своей духовной природы, отпадение от Бога: «И дух суровый византийства / От русской церкви отлетал». Утрата же веры неизбежно приводит к «тоске самоубийства». Об этом говорится уже на первых страницах истории человечества, в Книге Бытия. Каин добровольно отпадает от Бога, отказывается от своей духовной сущности. Человечество разделяется на две цивилизации: *каинскую* – без Бога и на *сифскую* – цивилизацию сынов Божиих. Иной организации общества, иной «архитектуры» изначально и до сего дня человечество не знает. Разумеется, изменяя внешние её формы и мотивации порой до неузнаваемости. Ведь человек является существом не только природным и социальным, но и духовным. Духовная же его природа проявляется и реализуется только через веру. Отнимите у него Бога, он поверит во что угодно, с такой же искренностью и неистовостью. Но без веры он жить не может.

Утрата же веры, отпадение от Бога неизбежно приводит к тому, что «принева столица», любимый город, Петербург, «забыв величие своё», превращается в *блудницу*: «Как опьяневшая блудница, / Не знала, кто берёт её». Здесь А. Ахматова уподобляет свой город Вавилону «Откровения святого Иоанна Богослова»: «Пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу... ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы» (18: 2).

Но Вавилон – город уже не конкретно-исторический, а символический, образный, духовный, сопровождающий человеческое общество во все времена: «Вавилон имеет значение собирательное, есть понятие не столько географическое и политическое, сколько морально-мистическое». А потому не следует видеть событие, однажды в нём происшедшее, «как единократное и индивидуально-историческое, – напротив, типологическое, повторяющееся с разной силой и в разных образах – в разные эпохи» (Прот. Сергей Булгаков. Апокалипсис Иоанна. М.: Православное Братство трезвости «Отрада и утешение», 1991).

Но прежде чем обратиться к природе *блудницы*, к её «биографии», надо сказать о том, что мы привыкли объяснять мир и человеческое устройство на земле лишь историей, понимаемой как чередование событий, или категориями социальными. Но человек «не материальная скотина» (Н. Гоголь). Он существо, как уже сказано, прежде всего, духовное, выделенное душой и разумом из природы по образу и подобию Божию. Основным содержанием его бытия является стремление остаться на той духовной высоте, на которую он вознесён. Всё остальное в его земной жизни зависит от этого. Люди духовного звания называют это бранью духовной. Кстати, в Книге Бытия говорится о том, что человек стал душою живою. Но ничего не говорится о его разуме. Наоборот, Господь, не полагаясь на разум человека, подробно рассказал Ною, как именно надо строить Ковчег для его спасения. Но это – уже отдельная тема.

Постичь же человеческое бытие в полной мере можно только помня о духовной природе человека. Во всяком случае, игнорируя её, это сделать невозможно. Скажу словами выдающегося историка нашей эпохи И. Я. Фроянова (1937–2020): «Объяснение событий лежит в духовной сфере». А значит, «история не есть лишь хронология, отсчитывающая чередование событий, она есть жизненный опыт, опыт добра и зла» (Сергей Булгаков). Почему человеческое сообщество периодически сотрясают социальные катастрофы, революция и войны? Что является их первопричиной? Объяснить это только «экономическими доктринами», тем, что «верхи» не могут, а «низы» не хотят, невозможно. Невозможно объяснить это и имущественным неравенством людей, ибо равенство их в принципе невозможно. Это всегда понимали светлые умы. К примеру, талантливый критик Валериан Майков (1823–1847), проживший всего двадцать четыре года: «Ни безусловное разделение имуществ, ни распределение богатств по способностям к труду нимало не подвигают общества на путь к благосостоянию, а ещё напротив того, представляют перспективу таких бедствий, которые превосходят сумму зол, рождаемых неравенством» (Сочинения В. А. Майкова в двух томах. Киев, 1901. Т. 2).

Человеческое сообщество периодически сотрясают катастрофы главным образом потому, что происходит нечто с самим человеком. Наиболее чуткие люди, истинные поэты понимали, что первопричина кроется в самом человеке, что и предопределяет ход событий, что внешние обстоятельства уже только вовлекают наиболее слабых и безвольных людей в соблазнительные социальные движения. Определяли они это в самых общих чертах, как, скажем, А. Блок, называя это «музыкой», не в буквальном смысле, а как некая духовная субстанция, стихия, в которой пребывает человек.

В дневнике 1913 года он отмечал: «Мораль мира бездонна и не похожа на ту, которую так называют. Мир движется музыкой, страстью, пристрастием, силой».

Почему человека периодически охватывает тревога и тоска («тоска самоубийства», как у А. Ахматовой), которая выбивает его из привычного, нормального состояния? Как в стихах А. Блока:

Когда осилила тревога, / И он в тоске обезумел,
Он разучился славить Бога / И песни грешников запел.

Анна Ахматова, как истинный поэт, тоже исчисляла время не по календарю, а по тем процессам духовного порядка, которые происходили в обществе. Так, XX век, по её представлению, начался с 1913 года. Попутно отметим, что и наш XXI век начался тоже не по календарю, а раньше – с 1991–1993 годов. Этим как раз и доказывается, что жизнь человеческая и народная свершается по неким духовным путям, не укладывающимся всецело в какие бы то ни было социальные теории. Это и постигают, прежде всего, поэты, хранители гармонии, ибо призваны постигать не внешний, а внутренний порядок мира. Впрочем, как и – нарушение этого внутреннего порядка мира...

«За то, что я верна осталась печальной родине моей...»

Есть у Анны Ахматовой стихотворение, написанное в 1922 году, удивительного гражданского и патриотического накала, «Не с теми я, кто бросил землю...». Стихотворение, созданное в трагический период истории России, когда обнажился весь ужас революционного крушения страны, всего предшествующего уклада жизни. Вместе с тем – в трудный и мучительный период её жизни и писательской судьбы, когда надо было твёрдо и решительно определяться: как теперь быть.

По своему гражданскому пафосу это редкое стихотворение в русской литературе. Редкое потому, что в нашей литературе как-то так повелось издавна, а в особенности с революционных демократов XIX века, что гражданственностью в литературе стали почитаться почти исключительно бунт и протест, а не любовь к Родине, родному краю, родному городу... Когда гражданственностью и патриотизмом стало считаться всякое, говоря словами А. Пушкина, «сатирическое воззвание к возмущению», а каждое «очень посредственное произведение, не говоря уже о варварском слоге», выдавалось повсеместно чуть ли за некое откровение. Когда ещё в самом начале смуты декадентствующие поэты в отчаянии и с какой-то поразительной безответственностью вещали: «Довольно, не жди, не надейся – / Рассейся мой бедный народ... / Исчезни в пространство, / исчезни Россия, Россия моя!» (А. Белый. Отчаянье, 1908). Это ведь тоже блуд, блуд интеллектуальный, так сказать, поэтический...

После Февральской революции для А. Ахматовой всё осложнилось ещё и тем, его её муж, поэт Николай Гумилёв, оказался во Франции, в составе Русского Экспедиционного корпуса, который царское правительство направило в 1916 году воевать за Францию в обмен на поставки оружия. В переписке он предлагал ей с сыном приехать к нему в Париж. После трудной и мучительной внутренней борьбы она отказалась, так как не мыслила себя вне России. Остатки этого корпуса с невероятными трудностями вернулись в революционную Россию в 1920 году, понятно, никем не замеченные, униженные и оскорблённые.

А к 1922 году почти все, кто считал возможным покинуть Россию, были уже в эмиграции. Отмечаем это вовсе не в осуждение их, ибо не дай бог никому оказаться в таком революционном хаосе и в «беспамятстве смуты». Мы говорим не о них, а о поэте Анне Ахматовой, о том, как она считала возможным и необходимым поступать. Тем более что нам довелось пережить второе в одном веке крушение страны начала девятых годов со всеми его миазмами и человеческими жертвами, кардинальным образом изменившего жизнь страны и каждого человека.

Как уже увидели, Анна Ахматова понимала не только историческое и социальное, но и духовное значение происшедшей в стране государственной катастрофы и народной трагедии, о чём она писала в стихотворении 1920 года «Петроград. 1919»:

И мы забыли навсегда, / Заключены в столице дикой,
Озёра, степи, города / И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь / Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь / За то, что мы остались дома,

За то, что, город свой любя, / А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя / Его дворцы, огонь и воду.

Иная близится пора, / Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра / Невольным памятником будет.

В стихотворении же 1922 года был уже некоторый вызов тем, кто не устоял в смуте, так как в нём уже намечались пути выхода из этой смуты. Именно выход, а не невозможный возврат к прежней жизни, какой был в подавляющем большинстве эмигрантов:

Не с теми я, кто бросил землю / На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю, / Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник, / Как заключённый, как больной.
Темна твоя дорога, странник, / Польшью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара, / Остаток юности губя,
Мы ни единого удара / Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней / Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслёзней, / Надменнее и проще нас.

И уже не столь важно, кому именно она посвящала стихи, с кем именно связано их появление. С Николаем Гумилёвым ли, как в этих строках 1917 года:

Всё ветер западный приносит / Твои упрёки и твои мольбы.
...Но разве я к тебе вернуться смею? / Под бледным небом родины моей
Я только петь и вспоминать умею, / А ты меня и вспоминать не смей.

Или же с художником Борисом Анрепом, которого она, кажется, по-настоящему любила. Исследователи полагают, что это стихотворение связано именно с ним, хотя в нём нет посвящения. Даже гневное стихотворение, написанное в июле 1917 года в Слепнёве:

Ты – отступник: за остров зелёный / Отдал, отдал родную страну,
Наши песни, и наши иконы, / И над озером тихим сосну.

Для чего ты, лихой ярославец, / Коль ещё не лишился ума,
Загляделся на рыжих красавиц / И на пышные эти дома?

Так теперь и кощунствуй, и чванься, / Православную душу губи,
В королевской столице останься / И свободу свою полюби.

Для чего ж ты приходишь и стонешь / Под высоким окошком моим?
Знаешь сам, ты и в море не тонешь, / И в смертельном бою невредим.

Да, не страшны ни море, ни битвы / Тем, кто сам потерял благодать.
Оттого-то во время молитвы / Попросил ты тебя поминать.

После Февральской революции Борис Анреп, будучи убеждённым западником, покинул Россию навсегда. Уехал в Англию, потому что любил «покойную английскую цивилизацию разума, а не религиозный и политический бред». Впрочем, как и Артур Лурье, муж «легендарной» Олечки Судейкиной, героини «Поэмы без героя», будучи комиссаром музотдела Наркомпресса, в 1922 году бежал за границу (Александр Недошивин. «Шестое окно» Ахматовой // Литературная газета. 2002. № 24).

А. Ахматова ведь писала не биографии близких ей людей, но постигала их духовное состояние. Так же, как общества и народа в целом. Филологическая же наука не должна и не обязана считать конечной своей целью установление прототипов. На это есть другие сферы исследований. А потому, действительно, не столь важно, к кому она обращалась в стихах 1921 года:

Нам встречи нет. Мы в разных странах, / Туда ль зовёшь меня, наглец,
Где брат поник в кровавых ранах, / Принявши ангельский венец?

И ни молящие улыбки, / Ни клятвы дикие твои,
Ни призрак млеющий и зыбкий / Моей счастливейшей любви
Не обольстят...

Этот диалог её с «отступниками» не отпускал её потом всю жизнь. Как в этих стихах уже годы и годы спустя, стихах из «чёрных песен» 1961 года:

Слова, чтоб тебя оскорбить...

И. Анненский

I

Прав, что не взял меня с собой / И не назвал своей подругой,
Я стала песней и судьбой, / Ночной бессонницей и выгой.
Меня бы не узнали вы / На пригородном полустанке
В той молодящейся, увы, / И деловитой парижанке.

II

Всем обещаньям вопреки / И перстень сняв с моей руки,
Забыл меня на дне... / Ничем не мог ты мне помочь.
Зачем же снова в эту ночь / Свой дух прислал ко мне?
Он строен был, и юн, и рыж, / Он женщиною был,
Шептал про Рим, манил в Париж, / Как плакальщица выл...
Он больше без меня не мог: / Пускай позор, пускай острог...

Я без него могла.

Это был диалог уже не с «теньями», а с самой собой, со своей совестью: «Одни глядятся в ласковые взоры, / Другие пьют до солнечных лучей, / А я всю ночь веду переговоры / С неукротимой совестью своей».

Вроде бы только любовные истории, каких у неё, как у человека страстного, было немало, побуждали её к таким стихам. Но за этим всегда стояло главное, не только её собственная судьба, но и судьба страны и народа. Как в стихах 1917 года:

Ты говоришь – моя страна грешна, / А я скажу – твоя страна безбожна.
Пускай на нас ещё лежит вина, – / Всё искупить и всё поправить можно.

Так и гораздо позже, в стихах 1958 года:

Ты напрасно мне под ноги мечешь / И величье, и славу, и власть.
Знаешь сам, что не этим излечишь / Песнопения светлую страсть.

Что ж, прощай. Я живу не в пустыне. / Ночь со мной и всегдашняя Русь.
Так спаси же меня от гордыни, / В остальном я сама разберусь.

А. Ахматова, может быть, как мало кто из поэтов XX века, подтвердила мысль А. Блока о том, что несовременного искусства не бывает. Г. Адамович писал, «но связана она с той Россией, которая “была”, а не есть. Новая Россия её не прочтёт и поймёт, во всяком случае по-другому, чем читатели сверстники. Им-то, современникам, всё кажется безвозвратно далёким, им не всегда легко понять и принять, что с революцией не всё оборвалось. Как сказал поэт, им порой чудится, что

Все, кто блистал в тринадцатом году,
Лишь призраки на петербургском льду.

Приводя эти строки Георгия Иванова, Г. Адамович вступал в полемику с Анной Ахматовой, по сути, отрицая всё то, что она переживала, чем так долго мучилась в «Поэме без героя». Всё это, видите ли, им только «чудилось». Отрицал то, что все потрясения в истории человеческой цивилизации происходили главным образом от *вырождения* человека, а не по каким-то социальным причинам, что эти причины были уже только следствием этого несчастья падения человека...

Озабоченный в большей мере проблемами эмиграции, чем судьбой народа и страны, Г. Адамович ошибся. Анну Ахматову читали и читают. Видимо, потому что она «умела говорить на языке тех культурных поколений, с которыми время сводило её на протяжении долгой жизни» (Лидия Гинсбург. День поэзии, 1977). Она имела полное право сказать о себе: «Я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны» (1965). Заметим – «ритмами», а не «проблемами» и не «задачами», ибо истинный поэт во все времена служит не внешнему, а внутреннему порядку мира...

Можно уверенно сказать, что на всех поворотах истории XX века, свидетельницей и участницей которых была Анна Ахматова, она оказывалась на такой высоте понимания происходящего в судьбах народа и страны, какой достигали совсем немногие её современники.

В своё время А. Ахматова обижалась на эмигрантскую критику: «Они хотят запихнуть меня в десятилетия. А у меня есть “Реквием”, у меня есть “Поэма”. Я никогда не переставала писать стихи» (Литературная газета. 1989. № 1). Почему эмигрантская критика в большинстве своём поступала так, понятно. Потому что в большей мере была занята не судьбой России и её народов в трагический период истории, а проблемами самой эмиграции.

Но удивительно, что и сегодня наша критика, даже филологическая наука, занята, по сути, тем же. То есть настойчивым возвращением её в десятилетия, вычлняя из её наследия только этот период «беспамятства смуты», период «блудницы». Разве не для того, чтобы внести его в современную жизнь? Вольно или невольно – это уже не столь важно. Настойчивое её возвращение в тот период, от которого она сама отреклась («Как будто перекрестилась, / И под тёмные своды схожу»), который радикально пересматривала, выявляя его истинный смысл и значение, что и явилось её главной темой «Поэмы без героя».

Между тем как таким переосмыслением десятых годов, того образа жизни, в котором она тогда пребывала, А. Ахматова выражала духовное и нравственное состояние народа в его временном развитии. Как во многих стихах, так и прежде всего в «Поэме без героя».

Такой попыткой вернуть А. Ахматову в десятилетия, отсекая всё её последующее творчество, является, к примеру, публикация доктора филологических наук Адиле Эмировой «Вселенная ритмов» (Литературная газета. 2015. № 51–52). И никакая терминологическая оснастка типа «герменевтики», на связи читателя с текстом, «ассоциаций», «рецепции», «редукции», «рефлексии и медитации» не может заслонить указанной направленности публикации. Это видно уже по перечню «любимых стихов» филолога: «Тебе покорной? Ты сошёл с ума!..», «Мне ни к чему одические рати...», «Долгим взглядом твоим истомлённая...», «Это просто, это ясно...», «Разрыв», «Ржавеет золото и истлевает сталь...», «Что войны? Что чума? Конец им виден скорый». В основном как раз те стихотворения, в которых А. Ахматова выражала то неблагополучие своего времени, которое она потом преодолевала и которое, как оказалось, имело трагические последствия для народа и страны, да и для каждого человека: «Я пью за разорённый дом, за злую жизнь мою...», «Мне молиться и за тебя? / Для чего же, бросив друга / И кудрявого ребёнка...». С такой женщиной А. Ахматова и сама не хотела бы встретиться, о чём писала в «Поэме без героя», «С той, какою была когда-то / ...Снова встретиться не хочу». Но именно с «той» женщиной предлагается сегодня встретиться читателям, а не с той, умудрённой, какой она стала позже. На это можно сказать разве что словами В. Ходасевича: «Люблю Ахматову, а поклонников её не люблю».

В стихах 1911–1913 годов А. Ахматова изображает, конечно же, блудницу, в чём она и сама признавалась. Но величие её в том и состояло, что она, в отличие от многих и многих своих современников, которые ностальгировали по «тем» временам, когда всё было «можно», это вполне осознавала, этим мучилась, это преодолевала. А как же иначе, если «Поэму без героя» она писала более двадцати лет, а подходила к ней задолго до неё во многих стихотворениях...

Станислав Куняев описал примечательный случай о встрече, как видно, уже с потомками первой волны эмиграции: «Однажды в одном из австралийских университетов, в среде русских преподавателей и студентов я прочитал вслух знаменитое стихотворение Ахматовой “Не с теми я, кто бросил землю на растерзание врагам...”», думая, что стихи взволнуют моих слушателей и введут разговор в сложное многогранное русло. Но вдруг одна из женщин яростно бросила мне в лицо обвинение Анне Ахматовой в том, что она чуть ли не большевичка и прислужница режима, предательница России. Ахматовой, которая писала о своей судьбе: “Муж в могиле, сын в тюрьме – помолитесь обо

мне?! Она осудила Ахматову только потому, что Анна Андреевна в начале двадцатых годов сделала как русская женщина свой патриотический выбор:

Но вечно жалок мне изгнанник, / Как осуждённый, как больной,
Темна твоя дорога, странник, / Полынью пахнет хлеб чужой.

Я изумился и буквально потерял дар речи. Вот она, фанатичная обоюдоострая нетерпимость, её застарелое эхо! Мы были уверены в том, что все, кто эмигрировал, – предатели России. Они – в том, что предатели все, кто остался... Было это уже в 1991 году. Вот какие страсти ещё недавно бушевали в эмигрантских русских душах» (Поэзия. Судьба. Россия. Кн. 2. М.: Наш современник, 2005). Но как видно по последующим событиям, страсти эти не отбушевали и не могут отбушевать, коль в среде граждан России появилась новая, очередная волна «эмигрантов», именно тогда, когда России объявлена война на наше народное и государственное уничтожение... Эти страсти, как видим, возобновляются и воспроизводятся. Как и во веки веков, как и всегда, ибо дело вовсе не в прописке и не в принадлежности к «эмиграции», так как эмигрантом «можно» быть и в своей стране, желая ей поражения. Не «режиму», а именно стране, своей Родине. Всё дело в тех духовно-мировоззренческих ценностях, которые люди исповедуют, вне зависимости от того, где они волею судьбы и истории оказались...

Поэт Владимир Корнилов писал же об этой исповеди А. Ахматовой: «Вот они, главные стихи, в которых Ахматова объясняет, почему она не покинула Родину... Мощь этих стихов, разумеется, учетверена историей. Но, возможно, они сегодня звучат так насущно именно потому, что в своё время были так современны» (Советская Россия. 1989. № 144). И потом, совершенно очевидно, что идеология первой волны эмиграции была выстроена не на трудах самых талантливых и одарённых её представителей. А наоборот, самых посредственных, маргинальных, но соответствовавших определённым идеологическим догматам. Конечно, энтузиасты издадут потом, к примеру, стихи Николая Туроверова, в которых прежде всего – сострадание к несчастным пилигримам: «Своих страданий пилигримы, скитальцы не своей вины». Но это произойдёт гораздо позже публикаций трудов и мемуаров всех персонажей эмиграции, как правило, тенденциозных.

Что теперь мы можем и что смеем? / Полюбив спокойную страну,
Незаметно медленно стареем / В европейском ласковом плену.

...И почему мне нет иного / Пути среди множества путей,
И нет на свете лучше слова, / Чем имя родины моей?

Или – в стихотворении Николая Келина «Родине»:

Страшась, тянусь я издалёка / И, ненавидя, я люблю,
Но тенью резкого упрёка / Не брошу в Родину мою.
...Россия... Слова нет дороже / Для нас, оторванных от ней;
Тяжёл наш путь средь бездорожий, / Без сил, надежд и без огней.

Но ведь идеология эмиграции в своём абсолютном преобладании была совсем иной, даже прямо противоположной. Вплоть до неслыханной гордыни и эгоизма на фоне такого страшного революционного крушения страны: «Мы унесли с собой Россию». То есть настоящая Россия теперь там – на Западе, в зарубежье, а не здесь, где она испокон веку пребывала. Отсюда: «Привет из старой России...» (В. Лихоносов), то есть из эмиграции, откуда якобы единственно и должно прийти спасение. И это проповедовал писатель, отец которого погиб в Великую Отечественную войну, которого он, судя по его писаниям, не особенно и помнил...

В подтверждение этого приведу один литературно-исторический факт, поразительный по своему смыслу и значению. У Г. Адамовича есть статья «Вклад русской эмиграции в мировую культуру». Не в российскую, а прямо-таки – в мировую. В ней он обращается к издателю и в прошлом политическому деятелю В. В. Вырубову с изложением своих соображений «о неотложной необходимости составления и издания книги-памятника русской эмиграции», «Золотой книги русской эмиграции»: «Такая книга – наш общий долг, – писал он, – должна стать “нашим оправданием”». И убеждал из-

дателя в том, почему такая книга является неотложной необходимостью: «Рано или поздно новые русские поколения спросят *себя*: что они делали там, на чужой земле, эти люди, покинувшие после революции родину и отказавшиеся вернуться домой...» Почему новые поколения должны спросить об этом *себя*, а не *их* – это чрезвычайно характерная оговорка или описка. Хотя Г. Адамович, как человек образованный и разумный, оговаривался: «Не будем, однако, поддаваться нелепому, хоть, увы, довольно распространённому эмигрантскому ослеплению, не будем утверждать, что там, в России, со времени революции ничего ценного создано не было и что, не будь нас, страну нашу можно было бы без урона для человечества списать со счетов цивилизации...» Но в том-то и дело, что такое «ослепление» в эмигрантской среде было определяющим.

Был создан специальный комитет для подготовки такой «Золотой книги русской эмиграции», разосланы обращения ко всем желающим принять участие в издании. Статья Г. Адамовича вышла брошюрой в Париже в 1961 году. Но книги русской эмиграции, оправдывающей её, так и не получилось. Такой логически, вроде бы замечательный замысел осуществлён не был... И помешали этому не какие-то бытовые причины, но сущностные, то, что большинству людей, оказавшихся в изгнании, проблемы эмиграции заслонили трагедию России и её истинный смысл. Г. Адамович писал, что если такой замысел не удастся, «то было бы это для эмиграции несчастьем, значение которого по настоящему окажется учтено и понято лишь в будущем». Не книги не получилось, а не получилось *оправдания*...

Пишу это опять-таки вовсе не в осуждение эмиграции. Весь вопрос состоит в точном определении её исторического значения, не приписывая ей не свойственного и невозможного. Ей можно было сострадать и сочувствовать, но не выставлять же в качестве эталона патриотизма, как это произошло в значительной мере в литературной среде. Все и не могли, и не должны были поступить так, как Анна Ахматова, – остаться в России. Это было невозможно, так как не каждому человеку была доступна такая сила духа.

Но и не замечать этой духовной высоты или умалять её было несправедливо, ибо это приводило неизбежно к продолжению трагедии. Разумеется, в иных формах. Когда началось очередное либерально-криминальное разрушение России (Советского Союза), провозглашаемое как её «возрождение», решили «подвести черту» в трагедии страны XX века, которая свелась к «воссоединению культурного наследия русских» (Русское зарубежье. М.: Роман-газета, 1993). Внешне это было привлекательно и красиво, но оборачивалось своей противоположностью, так как свелось, по сути, к возвращению и насаждению эмигрантской идеологии, как якобы спасительной, когда уже сама принадлежность к «зарубежью» становилась как бы знаком качества, вне зависимости от текстов. Словом, вышла всё та же, но уже в более коварной форме губительная идеология *западничества*, в литературе обстоятельно изученная. Разумеется, под патриотическими декларациями. Такое «воссоединение» невозможно, так как мир изначально устроен иначе. Каин и Авель никогда не могут оказаться в братских объятиях. Так уж устроен мир. Кто же пытается «соединить» их в братстве, так или иначе, вольно или невольно, но неизбежно становятся на путь оправдания Каина...

И такой конформизм, то есть отсутствие собственной позиции, беспринципное следование любому образцу, обладающему большей силой, обернулся тем, о чём с вполне естественной полемичностью писал один из талантливых поэтов второй половины миновавшего XX века Юрий Беличенко:

На Лубянке не стреляют, / на Литейной – тишина.
Эмиграция гуляет / как неверная жена.

Всё забылось, всё простилось, / всё отмылось добела,
и в заслугу превратилось, / что со многими спала...

К сожалению, не только в среде либеральствующих литераторов, но и в среде вроде бы патриотически настроенных, а значит, и в общественном сознании так и не произошло осмысления драмы России в XX веке. Вплоть до нового крушения страны начала девяностых годов. Был навязан догмат о том, что это «большевики» разрушили страну и ввергли её в хаос и беззаконие. Этот догмат охранялся особенно ревностно, да и сейчас охраняется. А потому поэт, мой ровесник, доживший до седины, с искренней наивностью пишет о стихотворении А. Ахматовой «Не с теми я, кто бросил землю...»: «Вот скажите, о каких “врагах” говорится хотя бы в этом ахматовском стихотворении» (Евгений

Артюхов. Мой поэтический календарь. Кн. 2. М.: Культура, 2022). Но в стихотворении А. Ахматовой говорится о тех врагах (без кавычек), кто сверг монархию и устроил «глухой чад пожара» в феврале 1917 года. В феврале, а не в октябре. Казалось, что за целый век после событий можно было уже разобраться в их истинном смысле и значении...

Насколько этот догмат охранялся, свидетельствует то, что, когда уже в конце девяностых годов выдающийся историк И. Я. Фроянов посмел честно и обстоятельно изложить то, что происходило в феврале, а что в октябре в книге «Октябрь семнадцатого» – либеральной жандармерией ему была устроена неслыханная обструкция с самыми жёсткими оргвыводами...

Ведь когда А. Ахматова писала о том, что «попыню пахнет хлеб чужой», она имела в виду хлеб не в буквальном смысле слова, но «хлеб жизни», хлеб веры: «Я есмь хлеб жизни... Хлеб же сходящий с небес таков, что ядущий его не умрет» (Евангелие от Иоанна, 6: 48, 50).

Более поздние толкователи Анны Ахматовой, и особенно во время новой смуты начала девяностых годов, настойчиво пытались свести всё её наследие к политическому протесту, коль она являлась автором трагической поэмы «Реквием». Она имела полное право, как биографическое, так и социально-историческое, сказать: «Я была тогда с моим народом, / Там, где мой народ, к несчастью, был». Но писала она прежде всего об извечной участи поэта. Тем более у нас, в России. И уж тем более в такое трагическое время:

Зачем вы отравили воду / И с грязью мой смешали хлеб?
Зачем последнюю свободу / Вы превращаете в вертеп?
За то, что я не издевалась / Над горькой гибелью друзей?
За то, что я верна осталась / Печальной родине моей?
Пусть так. Без палача и плахи / Поэту на земле не быть.
Нам покаянные рубахи, / Нам со свечой идти и выть.

«Уже судимая не по земным законам...»

Первые наброски «Поэмы без героя» Анны Ахматовой относятся к осени 1940 года, о чём она писала в «Вместо предисловия» к ней: «Первый раз она пришла ко мне в Фонтанный Дом в ночь на 27 декабря 1940 года, прислав как вестника ещё осенью один небольшой отрывок. Я не звала её. Я даже не ждала её в тот холодный и тёмный день моей последней ленинградской зимы».

Сюжет поэмы таков. В новогодний вечер в Фонтанный Дом автора вместо того, кого ждали, приходят тени из тринадцатого года под видом ряженных, в масках и шутовских нарядах. Приходит «адская арлекинада тринадцатого года». Те её покойные современники, с кем она общалась, литературствовала, буйствовала и, по обыкновению того времени, блудила, о чём сама признавалась в стихах. В поэтическом кабаре «Бродячая собака», на «Башне» Вяч. Иванова и везде. Вроде бы возвращалось то, «с чем давно простилась» она. Нет, теперь они приходят не на тот же сатанинский бал, но на суд автора. И судит она их сурово. Впрочем, как и саму себя.

«Из года сорокового» она смотрит на былое, «как будто перекрестилась». Это ведь уже «Крещенский вечер». Наступает такая ночь, когда «надо платить по счёту» за всё, что было тогда. Потому что «всё равно приходит расплата». Но теперь уже – «Господняя сила с нами». И главное – причину всех происшедших с тех пор трагедий в России и в мире, в том числе и начинающуюся Великую войну, она видит в 1910-х годах. Это вроде бы неожиданное для неё самой открывшееся обстоятельство и побудило её к «Поэме без героя». Ведь нравственное разложение образованного слоя общества, тех, кто должен и обязан духовно окормлять людей, приводит к разложению народа, при котором катастрофа страны становится неизбежной.

Она их уже не ждала, не хотела их видеть, полагая, что они, «одержимые бесом» сгинули уже навсегда:

Я забыла ваши уроки,
Краснобаи и лжепророки!
Но меня не забыли вы...

Да ей и самой уже не хотелось быть прежней, такой, какой она была вместе с ними в тринадцатом году:

С той, какую была когда-то
В ожерелье чёрных агатов
До долины Иосафата,
Снова встретиться не хочу.

То есть не хотела оставаться грешницей до Судного дня, до долины Иосафата, до предполагаемого места Страшного Суда... Она их не ждала, жестоко, уничтожающе осуждая их. Но они, эти тени, снова являются к ней из небытия, с того света:

Значит, хрупки могильные плиты,
Значит, мягче воска гранит.

Они явились потому, что такие тени, такая тёмная сила по самой природе человеческого бытия не уничтожается раз и навсегда. Она обладает свойством возвращаться помимо воли людей. А потому каждый человек, приходящий в этот мир, каждое поколение людей с ней неизбежно сталкивается. Преодолевая её в брани духовной или же падая под её бременем, сдаётся ей.

И чья очередь испугаться,
Отшатнуться, отпрянуть, сдать
И замаливать давний грех?

Пришли те, кого не ждали. А кого ждали? Ждали героя. Но он не появился, так как не мог проникнуть в тот зал, где правится сатанинский бал: «Человек, что не появился / И проникнуть в тот зал не мог». Герой, «гость из будущего» лишь предполагается в «грядущем веке»:

И тогда из грядущего века / Незнакомого человека
Пусть посмотрят дерзко глаза, / Чтобы он отлетающей тени
Дал охапку мокрой сирени / В час, как эта минет гроза.

Потому поэма и *без героя*? То идеальное представление о герое, как в стихотворении А. Пушкина «Герой», ушло из жизни: «Оставь герою сердце. Что же он будет без него? – Тиран». А в надвигающейся, а потом и разразившейся смуте он и вовсе потерялся, что чувствовали наиболее пронизательные люди, поэты: «Герой уж не разит свободно. Его рука в руке народной» (А. Блок, «Возмездие»); «Для нас условен стал герой, Мы любим тех, кто в чёрных масках» (С. Есенин). Хотя необходимость героя в обществе всегда чувствовалась, как, к примеру, в стихотворении Я. Полонского «Неизвестность» (1865): «Кто этот гений, что заставит / Очнуться нас от тяжких снов... / Придёт ли он как утешитель / Иль как могучий, грозный мститель». Ну и в классическом, поразительном по своему пророчеству стихотворении шестнадцатилетнего М. Лермонтова «Предсказание» («Настанет год, России чёрный год, / Когда царей корона упадёт») 1830 года. О том, что неизбежно бывает, «когда царей корона упадёт»: «смерть и кровь», беззаконие («Когда детей, когда невинных жён / Низвергнутый не защитит закон»). Тогда и появляется неизбежно герой. И вовсе не таким, каким он представлялся: «В тот день явится мощный человек, / И ты его узнаешь и поймёшь, / Зачем в его руке булатный нож: / И горе для тебя! – Твой плач, твой стон / Ему тогда покажется смешон». Такова общая закономерность выхода из смуты, расплата за неё, возмездие... На это можно негодовать, такого героя можно проклинать, да только ничего изменить невозможно... Здесь же, в «Поэме без героя», то ли героя действительно нет, то ли он остаётся неразличимым... Напоминаю же об этом потому, что в основе «Поэмы» лежит именно эта закономерность.

Кстати сказать, не только Анна Ахматова почувствовала необходимость переоценки предреволюционной эпохи, своей молодости, когда, как оказалось, сеялся ветер разрушения. Георгий Иванов ещё в 1922 году писал:

Январский день. На берегу Невы / Несётся ветер, разрушеньем вея.
Где Олечка Судейкина, увы, / Ахматова, Паллада, Соломея?
Все, кто блистал в тринадцатом году – / Лишь призраки на петербургском льду.
Вновь соловьи засвищут в тополях, / И на закате, в Павловске иль Царском,
Пройдёт другая дама в соболях, / Другой влюблённый в ментике гусарском...
Но Всеволода Князева они / Не вспомнят в дорогой ему тени.

Здесь уже появляются персонажи «Поэмы без героя» – Олечка Судейкина, «блиставшая» в тринадцатом году, и Всеволод Князев – гусар и поэт, покончивший жизнь самоубийством, то ли из ревности к этой Олечке, то ли по другим причинам, потому что эпидемия самоубийств становилась страшным обыкновением.

Но суд А. Ахматовой над эпохой, своими современниками и над собой очень даже отличается от того революционного суда, который тогда вершился. Суд этот менее всего можно рассматривать с точки зрения торжества «социальной справедливости». Ведь у поэта иной суд, ибо дело его «совершенно несоизмеримо с порядком внешнего мира», о чём писал А. Блок в завещательной статье «О назначении поэта»: «Дело его – внутреннее – культура, – это шествие слишком часто нарушалось мрачным вмешательством людей, для которых печной горшок дороже Бога». А потому «Поэма без героя» о том, что духовное разложение образованной части общества, как ныне говорят – «элиты», или тех, кто незаслуженно находится в этом статусе, неизбежно приводит к разложению народа и катастрофе крушения страны.

«Поэма без героя» в своей сюжетной основе не столь уж сложна. Другое дело, что не столь проста для постижения её духовно-мировоззренческая основа. Между тем она очень важна как для понимания людей начала XX века, так злободневна и сегодня. Об этом писала в предисловии к поэме сама А. Ахматова: «Кто-то советует сделать мне поэму более понятной. Я воздержусь от этого. Никаких третьих, седьмых и двадцать девярых смыслов поэма не содержит».

Сам биографический характер «Поэмы без героя», то, что она «создавалась на твёрдой фактической основе, она почти документальна» (Н. Банников), побуждает рассматривать её с точки зрения прототипов как конечной цели её исследования и постижения: кого и как изобразила А. Ахматова, кто есть кто в поэме. Но такой подход, создавая все внешние признаки вроде бы научности, не касается главного – её духовно-мировоззренческой основы. Является, по сути, позитивистским. Такое пристрастие к прототипам перекрывает путь постижения духовного смысла творения. Неслучайно он был столь распространён в литературоведении в советский период истории. К тому же персонажи поэмы, реальные люди, легко узнаваемы, чего автор и не скрывала. Но не они нас интересуют в первую очередь, а то, почему А. Ахматова подвергла столь радикальному пересмотру и переоценке период своей молодости. В этом кроется основной смысл поэмы, а вовсе не в том, насколько её персонажи соответствуют прототипам. А потому всякая «расшифровка» персонажей поэмы является имитацией литературного подхода к ней, не задевая её сути.

«Первое посвящение» – *Памяти Вс. К.* и «Второе посвящение» – О. А. Г.-С. – о реальных, конкретных людях – Всеволоде Князеве, поэте, «драгунском корнете», «драгунском Пьеро», покончившим жизнь самоубийством. И Ольге Глебовой-Судейкиной, «блиставшей» в тринадцатом году, «Путанице-Психее», которая была «похожая на куклу, с прелестной и какой-то кукольно-механической грацией танцует “полечку” – свой коронный номер» (Г. Иванов). Она эмигрировала в 1924 году и умерла в Париже. А перед отъездом оставила А. Ахматовой свой архив, стихи и письма к ней Всеволода Князева, что, как видно по посвящениям, и побудило её к написанию поэмы. Судьбы этих людей, видимо, предстали пред ней характерными для той эпохи. Как говаривали когда-то, типическими в типичных обстоятельствах.

Такой же прелестной и беспечной она предстаёт и в «Поэме без героя». Но уже с беспощадной её характеристикой, теперь «козью пляшет чечётку»:

Всех наряднее и всех выше, / Хоть не видит она и не слышит.
 ...Как копытца, топчут сапожки, / Как бубенчик, звенят серёжки,
 В бледных локонах злые рожки, / Окаянной пляской пьяна...

Но вместе с тем автор признавала, что «Ты – один из моих двойников», «Не тебя, а себя казню». И главное даёт ей, и такому типу женщин вообще беспощадное, но точное определение:

Ты в Россию пришла ниоткуда, / О моё белокурое чудо,
 Коломбина десятых годов.

«Ниоткуда», то есть никак не связана с той российской жизнью, в которой она «блистала». Что и стало причиной её трагедии. Так же, как в стихотворении А. Блока «Снежная Дева» 1907 года, с точной биографией этой «ночной дочери»:

Она пришла из дикой дали – / Ночная дочь иных времён.
 Её родные не встречали, / Не просиял ей небосклон.
 ...Всё снится ей ночной Египет / Сквозь тусклый северный туман.

По сути, так же как и в «Египетских ночах» А. Пушкина, где указание на «царицу царей», на Египет было определением блудницы.

Полным воплощением «петербургской чертовни», сатанизма, «содомского смертоносного сока» предстаёт в «Поэме без героя» поэт Михаил Кузьмин.

Хвост запрятав под фалды фрака...
 Как он хром и изящен...
 Однако,
 Я надеюсь, Владыку Мрака
 Вы не смели сюда привести?
 Маска это, череп, лицо ли –
 Выражение злобной боли,
 Что лишь Гойя мог передать.
 Общий баловень и насмешник,
 Перед ним самый смрадный грешник
 Воплощённая благодать...

Даже при такой убийственной характеристике поэта А. Ахматова соблюдает понятную деликатность. Поэту Евгению Рейну она говорила: «Я ведь очень хорошо помню, какое замечательное предисловие Кузьмин написал к моей первой книге. И всё-таки... Знаете ли, он иногда любил делать зло только из одного любопытства посмотреть, что из этого получится. Много за ним греха» (Литературная газета. 2016. № 9).

Даже свидетельствовала, что он, «вероятно, родился в рубашке», что он один из тех, кому всё можно. «Я сейчас не буду перечислять, что было можно ему, но, если бы я это сделала, у современного читателя волосы бы стали дыбом».

И в «Поэме без героя», и в прямых высказываниях А. Ахматова расценивала гомосексуализм, содомство поэта, впрочем, как и предельную распущенность его, однозначно отрицательно. Ведь он был из той незваной арлекинады, о которой она сказала в поэме: «И не им со мной по пути». Тем удивительнее годы и годы спустя, уже в наше время, когда очередная «арлекинада» девяностых годов, кажется, идёт на убыль, увидеть в М. Кузьмине «феномен этого ни на кого не похожего человека... нашёптывающего под аккомпанемент рояля или гитары свои “стишки”, не стыдящегося своих гомосексуальных романов, без труда проговаривающего невозможные откровенности, зовущие жить легко и празднично» (Александр Панфилов. С мечтою о голубом цветке // Литературная газета. 2022. № 41). Хотя филологу пристало говорить прежде всего о поэзии М. Кузьмина, скажем, о том, что «с птичьего полёта он ни на что не взглянул» (Г. Адамович), а не впадать в оправдание гомосексуализма, для поэзии якобы благотворного. Примечательна аргументация филолога для этого. Он ссылается на Г. Чулкова, известного всему Петербургу ловеласа. Дескать, совмещение в поэме несовместимого «не было механической смесью, а органическим единством... всё это было в Кузьмине чем-то внутренне оправданным и гармоничным». Но Г. Чулков сам принадлежал к той «арлекинаде». Это А. Ахматова помнила крепко из своей литературной молодости, если многие годы спустя по просьбе П. Лукницкого назвала его в своём «донжуанском списке», в числе мужчин, с которыми она была близка. Помнила потом всю жизнь Г. Чулкова и Л. Д. Менделеева, жена А. Блока, так сказать, «друга» поэта... Но коль находится оправдание такого, – это дела уже не далёкого «тринадцатого года», а нашего девяносто первого, с такой же арлекинадой. Это и называется множить безобразия и уродства... Между тем, как брошенное А. Ахматовой вроде мимоходом о Кузьмине, что он «вероятно, родился в рубашке», является вовсе не оправданием, наоборот, точной характеристикой его, которая имеет глубокие корни в русском самосознании. Тем самым она называет известное поверье, отразившееся в летописях и в «Слове о полку Игореве» о Полоцком князе Всеславе, олицетворявшем не христианское, а «языческое» понимание мира. В тексте древнерусской поэмы прямо говорится о том, что он уклонялся от Суда Божия, о чём вещий Боян пел ему припевку: «Ни хытру, ни горазду...

Суда Божия не минути». Всеслав родился от волхования и в рубашке, о чём в «Повести временных лет» под 1044 годом есть поразительное поверье». «В то же время умер Брючислав Изяславович, внук Владимира, отец Всеслава, и сел на столе сын его Всеслав, которого мать родила от волхования. Когда мать родила его, у него на голове была кожица. Волхвы же сказали матери его: “Эту кожицу навяжи на него, пусть носит её до конца дней своих”. И носит её на себе Всеслав и до сего дня; потому и не милостив на кровопролитие».

Так что выражение «родиться в рубашке» означает вовсе не неуязвимость, как порой полагают, а имеет совсем другой смысл. И конечно же, не случайно А. Ахматова употребляла это выражение, говоря о М. Кузьмине.

Таков был «дух эпохи» в образованной части общества, о чём писал В. Ходасевич: «Жили в неистовом напряжении, в вечном возбуждении, в обострённости, в лихорадке... были сложнее запутаны в общую сеть любовей и ненавистей, личных и литературных... Можно было прославить и Бога и Дьявола» (Некрополь. Париж, 1939). «Что это была за жизнь? – задавался вопросом Г. Адамович. – Были ли это годы высокого напряжения человеческого духа? Оставят ли они какой-то след в искусстве? Не думаю. Но была в эти годы особая сладость жизни, какое-то смутное предчувствие близких бед и крушений. Оттого все торопились жить, все были ветрены и романтичны». Поэты видели своё призвание в том, чтобы «Проплясать пред Ковчегом Завета или сгинуть!..», как в поэме А. Ахматовой. Или как у Ф. Сологуба: «И верен я, Отец мой дьявол»: «Тёмная земная душа человека пламенеет сладкими и горькими восторгами... И добро, и зло, и Бог, и дьявол – только равноценные формы сладких и горьких восторгов, пламенеющих в душе». Для литературной среды это было особенно характерно. В дневнике 17 октября 1911 года А. Блок отмечал: «Происходит окончательное разложение литерат. среды. Уже смердит».

Людям последующих времён трудно понять, как складывался такой «дух эпохи». Признавалась же Э. Герштейн, что «не понимает тогдашних любовных отношений», что эпоха А. Пушкина была в этом отношении намного понятней. Этот «дух эпохи» можно было осознать, что видно по стихам А. Ахматовой того времени, но из него невозможно было выйти. А тот предупреждающий гул был еле слышен:

И всегда в духоте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Непонятный таился гул...
Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души,
И в сугробах невских тонул.
Словно в зеркале страшной ночи,
И беснуется, и не хочет
Узнавать себя человек...

Главным содержанием «духа эпохи» стала утрата веры, и как следствие этого – утрата высшего смысла существования. Наступает прямо-таки эпидемия самоубийств, что отмечал А. Блок в дневнике 1911 года: «Последние дни – учащение самоубийств, – молодёжь, гимназисты». И размышляет об этом страшном поветрии в дневнике 1912 года, в связи с тем что стали собирать мнения писателей о самоубийствах: «Собирают мнения писателей о самоубийцах. Эти мнения будут читать люди, которые нисколько не собираются кончать жизнь. <...> В самом деле, почему живые интересуются кончающими с жизнью? Большею частью по причинам низменным (любопытство, стремление потешить свою праздность, удовольствие от того, что у других ещё хуже, чем у тебя, и т. п.). В большинстве случаев люди живут настоящим, т. е. ничем не живут, а так – существуют. Жить можно только будущим. Те же немногие, которые живут, т. е. смотрят в будущее, знают, что десятки видимых причин, заставляющих людей уходить из жизни, ничего до конца не объясняют; за всеми этими причинами стоит одна, большинству живых не видная, непонятная и неинтересная. Если я скажу, что думаю, т. е. что причину эту можно прочесть в зорях вечерних и утренних, то меня поймут только мои собратья, а также иные из тех, кто уже держит револьвер в руке или затягивает петлю на шею; а “деловые люди” только лишний раз посмеются; но всё-таки я хочу сказать, что самоубийств было бы меньше, если бы люди научились лучше читать небесные знаки».

Реальный персонаж «Поэмы без героя» Всеволод Князев заканчивает жизнь самоубийством по причине ревности, неразделённой любви, на пороге возлюбленной: «Он на твой порог! Поперёк». И здесь Анна Ахматова отступает от биографической точности. Переживший роман с М. Кузьминым, Вс. Князев покончил жизнь самоубийством в Риге и по неизвестным причинам... Драгунский корнет погибает «Не в проклятых Мазурских болотах, / Не на синих Карпатских высотах», где он как человек военный мог скорее погибнуть, а «с бессмысленной смертью в груди». Получился частный несчастный случай, а не общее неблагополучие утраты смысла жизни. Кто знает, почему она приглушила в поэме духовную и социальную остроту этой трагедии. Может быть, она, столь беспощадно судившая себя, «Уже судимая не по земным законам», помнила всё-таки подобные трагедии и в своей жизни...

Сюжет «Поэмы без героя», собственно, заканчивается в «Части первой». В «Части второй», помеченной как «интермеццо», представляется уже другой, вроде бы самостоятельный сюжет. Неслучайно она называется «Решка», то есть оборотная сторона того, что было в первой части. Во второй части автором постигается и изображается, как живёт далее то, что изображено в первой части, так как оно не является лишь прошлым и «историей»... Да уже и в первой части, когда к автору явилась неожиданная арлекинада, рядом, «Через площадку», не в прошлом, а в настоящем происходило то же самое. Об этом говорится во вставке «Интермедия»:

Санчо Пансо и Дон Кихоты, / И, увы, содомские Лоты
Смертоносный пробуют сок. / Афродиты возникли из пены,
Шевельнулись в стекле Елены, / И безумья близится срок.
И опять из фонтанного грота, / Через призрачные ворота
И мохнатый и рыжий кто-то / Козлоногую приволок.

«И опять...», как и в тринадцатом году... Во второй части поэмы А. Ахматова уже со всей определённой говорит о том, что эта тёмная сторона жизни, как и зло в этом мире, неустранимы. Поэтому и невозможно «отбиться от рухляди пёстрой». Злу следует ставить преграды каждому человеку в каждую эпоху. И как видно из второй части, «Поэма без героя» является её попыткой преодоления зла, «разделаться с бесноватой», чего никак не может понять «редактор», человек новой позитивистской эпохи:

«...Кто, когда и зачем встречался, / Кто погиб, и кто жив остался,
И кто автор, и кто герой, – / И к чему нам сегодня эти
Рассуждения о поэте / И каких-то призраков рой?»

Автор убеждает «редактора» и читателей в том, что «призраков рой» существует всегда. И не их наличием определяется жизнь, «дух эпохи», а тем, какую духовную силу мы им можем противопоставить:

И сама я была не рада, / Этой адской арлекинады
Издалёка слышав вой. / Всё надеялась я, что мимо
Пронесётся, как хлопья дыма, / Сквозь таинственный сумрак хвой.

Не отбиться от рухляди пёстрой.
Это старый чудит Калиостро –
Сам изящнейший сатана...

Автор даже говорит, что она тут «ни при чём», потому что «столетняя чаровница / Вдруг очнулась и веселиться / Захотела. / Я ни при чём». Она была «при чём» в тринадцатом году, в чём сама признавалась, беспощадно казня себя, пытаясь «разделаться с бесноватой» и преодолеть «безумья срок».

...Я пила её в капле каждой
И, бесовскою чёрной жаждой
Одержима, не знала, как
Мне разделаться с бесноватой...

«Поэма без героя» Анны Ахматовой и стала её творческим подвигом преодоления духовного разложения образованной части общества, за которым неизбежно приходит крушение страны...

Берега прочтения

Геннадий Ёмкин

Геннадий Максимович Ёмкин – родился в 1961 году в городе Арзамасе (ныне Саров). Окончил Лукояновское педагогическое училище по специальности «преподаватель физкультуры», затем Арзамасский педагогический институт (биолого-химический факультет). Проходил воинскую службу в Туркмении, Афганистане, на Дальнем Востоке. Работал учителем в школе, лаборантом, инженером, оператором котельной, таксистом. Публиковался в региональных и центральных изданиях, автор трёх стихотворных сборников: «Мне навеки дарована Русь», «Пусть в жизни всё произойдёт», «Княжий цит». Член Союза писателей России. Живёт в Сарове Нижегородской области.

О РУСЬ, ДРАГОЦЕННАЯ ЛАДА!

К стихам Татьяны Грибановой

Среди многих современных поэтов не часто встретишь тех, кто так же, как Татьяна Грибанова, свободно, спокойно и естественно говорят в стихах о своей сопричастности, неотделимости себя от окружающего мира. У неё эта способность словно впитана с первыми лучами солнца, осветившими её, с первыми звуками и красками природы, что открылись и сопровождают автора теперь по жизни. Потребность делиться увиденным и прочувствованным, размышлениями для неё стала такой же необходимостью, как дыхание.

Никому не ведомо, что творится в душе поэта, как тонкие движения и яростные порывы в ней влияют на ход мыслей. А они, в свою очередь, то переплетаясь, то в метаниях своих расходясь в стороны, держат автора в постоянном нервном напряжении; даже, казалось, найдя согласие между собою и ним, думающим, что это он движет процессом творчества, а на самом деле, отдаваясь ритму, мелодике, ищет лишь формы, определяет развитие сюжета, рифму, звукопись и бьётся над массой прочих литературных необходимостей. По крайней мере, я так представляю себе творческий процесс, возникающий порой от самых непредсказуемых факторов и явлений, среди которых могут быть вещи и совершенно потрясшие, и восхитившие человека, так и самые рядовые, из бытийного ли окружения, или из высоких и тонких сфер.

Стихи Татьяны Грибановой настолько искусно и тонко написаны, облечены в такие формы и слова, что принимаешь их совершенно свободно, без напряжения, видя картины и представляя образы, чувствуя ход мысли, удивляясь и отмечая при этом про себя, что и сам ты, наблюдая в жизни подобные картины и сюжеты, не раз испытывал сходные чувства и томление души. Но, но, но... прочёл это только сейчас, удивившись простоте, с которой так образно и прочувствованно можно передать желаемое.

Будучи наравне с читателем и говоря совершенно простым языком, Татьяна Грибанова легко вовлекает его в свой мир словами такими же привычными, что и растущая вдоль любой тропинки трава. Только имея особый взгляд, усмотрев их, ЭТИ СЛОВА, с благодарностью поклонившись каждому, она собрала, заранее видя, зная и место им, и весомость каждого. Пример? Пожалуйста:

*Сверну налево / за овсяным стогом, / а дальше – / полем звонких зеленей.
Постилкой домотканой / дорога / ложится до ближайших расстаней.
Щенком ласкается туман осенний, / меня не хочет, видно, отпускать.
Прощальный взгляд / и взмах руки последний, / но не уходит от калитки мать...*

*...Ещё светло, / а месяц тонкорогий / уже серпит / татарник на лугу.
И моросит, / и на сердце тревога. / Душа болит – / вернуться не могу.*

*Меня по-свойски ветер понимает: / по-бабьи воеет / в тощем лозняке,
рыдает на груди, / и обнимает, / и стонет / у моста / на сквозняке.*

Если же такие слова не открывают сейчас же тот мир, что стоит за ними, то, откладывая их в тайные уголки души, поэт знает, что они, напомнив о себе позже, и откроются во всей красоте своей. Хорошее, доброе слово никогда ещё не было в тягость душе. «Будьте, как они! Или же, ближе к ним!» – говорил Господь всем, кто слышит его, отмечая чистого, светлого делами и помыслами человека среди прочих. Вот так и поэт, «найдя слова золотые», наполнив их теплом и доверительностью, открывая читателю свой мир, предлагает тому через это сделать мир и окружающий его, и даже дальний (вспомните, как отзывается эхо в лесу или расходятся круги по воде!) светлее и лучше.

По моему глубокому убеждению, в большинстве случаев самые чистые, откровенные и глубокие стихи пишутся влёт! Но говорить, что они пришли легко, конечно, не стоит, так как в душе поэта, в его сознании и подсознании идёт непрерывная работа – та, что является основой для его напряжённых или мгновенных решений и находок. Таких стихов, словно выдох, у Татьяны много. Возьмём, к примеру, стихотворение «Лето»:

*Сквозь тюли капало, текло / веснушка за веснушкой,
им, золотым, подсчёт вело / наперебой с кукушкой.*

*До гольши разнагишась, / ронялось с плёхом в плёсы,
стирало дней цветастых бязь / под вечер в рясных росах.*

*И на крылечко наугад, / на манкий свет светила,
лишь угли дождёт закат, / к нам бражницей спешило.*

*И птицей Сирином в окно / вещало сны подлуньи.
И драгоценное вино / варило из петуний.*

Или вот эти строки:

*...Далёкий скрип телеги в поле, / И вновь – анисовый покой.
Здесь всё идёт по Божьей воле, / До неба здесь подать рукой.*

*Толпой бегут под горку сливы, / И в окна с простенькой резьбой
Крадётся вечер сиротливый...*

Или эти:

*...Помолчи, посиди со мной. / Гаснет август. Прислушайся: сливы
С веток капаят по одной, / Словно звёзд переспелых ливень.*

*На болотах – не он ли виной? – / Безнадёжно рыдают выи.
Эту терпкую ночь, как вино, / Ты до капли из рук моих выпей...*

В других стихах мы видим, как размышления о прошлом, через осознание настоящего, сопрягая переживания и надежды, взывают к будущему:

*О Русь! О милая Святыня! / Алтарный свет ржаных полос...
Плакун-трава, дожди грибные, / С часовой ветхою погост...
Полила кровушкой и потом / Здесь каждая земная пядь.
За тяжкий крест под небосводом / Покров простёрла Божья Мать.
Ах, эта доля, эта доля... / По силе духа, видно, крест...
Какой пронзительною болью / Голосит нынче Благовест.
Голбец напомнит у дороги, / Рванётся птичий (бабий?) крик,
Как раскулаченный в остроги / Брёл измордованный мужик.
То по деяньям наказанье, / Или глумится сатана? –
Вновь заколочено, в бурьяне, / Моё село... моя страна...*

*Мужик поёт о доле нищей? / Землицы ль задичалой стон?
А может, вьет с пепелища / Сгоревших заживо икон?*

*Гей, Муромцы! Гей, Пересветы! / Кипят кровь славянских вен!
Пожарский Дмитрий, слышишь, где ты? / Пора России встать с колен!*

Влюблённость во всё отеческое, что дорого от века, о котором

...Душа за воротами рая / Не сможет не ныть о земле...

Во всё то, откуда от земного до небесного только шаг потому, что и при созерцании грустно-печальной обыденной картины:

...И мужика «обличием с иконы» / легко, к примеру, встретить у моста...

Во многих стихах неразрывна связь с родным краем и в личностных отношениях, кажется даже, довлеет над ними:

*<...> Оставь свою многоэтажку / И приезжай справлять престол.
Луга за церковью в ромашках, / И на Кроме – в купавах дол.*

*Ты скажешь: «Слышал, жизнь – не сахар / В твоём заманчивом краю».
Но поклянусь под смертным страхом, / Что и таким его люблю.*

*С тобою спорить не берусь я. / Разор и глушь на сотню вёрст,
Но здесь – родительский погост, / И здесь ветра пропахли Русью.*

Негромкими словами, из такого же душевного ряда и лада, которыми Николай Рубцов говорил:

*...С каждой избою и тучею, / С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую, / Самую смертную связь.*

Более чем через полвека, не ставя ещё сердечной точки, Татьяна Грибанова в переключке с ним отзывается:

*<...> Здесь волною овсяница ходит в лугах, / здесь татарник баюкают к ночи имели.
Я в таких захолустных родных уголках / ощущаю сильнее притяженье земли.*

*<...> Моя родина кроткая, тихая / С малых лет до сегодняшних дней
Спеленала меня повиликою / С побуревших отцовских плетней.*

*Что я значу без поля пшеничного, / Без раки, без печали прудов,
Без садов с перезрелой вишнею, / Без просёлочных пыльных следов?..*

Особо хочется сказать об ощущении поэтом тайны. Того, что не явно и не явлено иным, того, что только видится и мнится, того, что ни глазу, ни слуху, ни в осязаньях практически не дано никому, кроме него. Помните у Рубцова:

...И пенья нет, но явно слышу я / Незримых певчих пенье хорое...

О боязни потерять связующую нить с этим неведомым, необъяснимым (которое, вероятно, и делает поэта причастным к тайне же творчества) он восклицает:

*...Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом...*

Оно, вот «это огромное», проявляется и в стихах Татьяны Грибановой, порой иносказательно, порой открыто:

*<...> Цикадами ночь стрекотала в анисовых ситцах,
пыльцою подлунной кропила цветы в палисаде.
И явственно так, словно мне это вовсе не снится,
от поступи чьей-то скрипели в доме половицы,
и глаз не смыкал Чудотворец в старинном окладе.
.....
...И саднит печаль, став мучительной раной за годы –
совсем истончилась сакральная связь-пуповина...*

*<...> Бор нахохлится, но впустит: / «Чай, давненько не пугались?!»
И костью валежник хрустнет, / буча ёкнет потрохами.*

*А потом ка-ак жамкнет юшкой / меж корней болотных сосен!
«Слу-шай чу-тко, чу-ткослу-шай!» – / с дрожью шепчутся колёса...*

Тайное и многое неведомое, поселяясь в написанные слова, помимо созерцательной прелести придаёт стихам и глубину, и, при счастливом соединении способности автора передавать, при использовании присущего ему литературного мастерства, пережитое, прочувствованное и виденное, превращает выходящее из-под его пера в прекрасное художественное полотно, ну пусть миниатюру – но именно в художественную! В противном же случае, и при овладении даже всеми тонкостями литературного мастерства, из-под пера «мастера слова», живущего в представляемом лишь, не прошедшем через его душу (за редким исключением из этого ряда), выходят лишь «механические стихи», пускай даже и мастера своего дела, но именно ДЕЛА, который способен написать много, много стихов о чём-либо или ни о чём вовсе. Хотя зачастую выглядеть они могут даже изящно.

В случае же, когда человек и чувствует, и видит то, что не дано другим, но из-за отсутствия или недостатка мастерства стихосложения, увы, не может, просто оформив, донести это до читателя или, комкая всё, сумбурно, абы как, доверяет чувства бумаге, мы видим перед собой чувствующего, часто чувственного, мятущегося человека, который если и стремился стать поэтом, то сокрушается о несостоявшемся. Такие люди – было, нет ли у них стремления к написанию стихов, вот они – наиболее тонкие ценители настоящей поэзии изо всех читателей, ибо способны разглядеть, прочувствовать то, что сказал или даже не сказал в своих словах поэт, вложив желаемое, а часто только подспудно чувствуемое в россыпь слов и строчек. По сути, такие люди, конечно, поэты. Но поэты в себе и для себя.

Не возьмусь, да и нет у меня задачи вести разговор обо всём творчестве Татьяны Грибановой. Это слишком ответственная и кропотливая работа. Затронув лишь некоторые стороны творчества, прочтя недавнюю подборку её стихов и вернувшись к тем, что написаны ранее, я просто высказал некоторые свои мысли, к которым и побудили меня её стихи, радуясь тому, что мастерство Татьяны Ивановны позволяет ей передавать картины, образы, видимые и представляемые ею, выразить мысли и чувства, вложив их в простые, тёплые слова, наполнив стихи той доверительностью, что передаётся от души к душе.

И вслед за словами Николая Рубцова «Россия, Русь! Храни себя, храни!» не могу не присоединиться к словам Татьяны Грибановой, многие и многие стихи которой обращены к малой ли, большой Родине, полны любви, надежды и веры:

*О Русь, драгоценная Лада!
Не верю в погибель твою!*

Берега Австралии

Галина Кучина

Галина Кучина – основатель и почётный член Литературно-театрального общества им. В. Солоухина, член Союза писателей России, почётный академик Международной академии русской словесности (МАРС, Австралия). Автор книг: «Минувшее развёртывает свиток» (2007), «Люди и судьбы в письмах» (2014), «Memoirs of Galina» (2015), «Калейдоскоп времён и судеб» (2019), «Семейная история: кулинарные рецепты» (2023), романа «Из двух миров» (2023), «Так это было» в соавторстве с отцом – Волеговым Игнатием Калининковичем (2023).

САМОВАР

Краткая история устройств для кипячения воды в мире и история самовара в России

История устройств для кипячения воды ведёт нас в Китай, первые изделия, объединившие ёмкости для воды и углей с отводящей трубой, появились в Китае. Назывались эти изделия «хого». Из Китая они распространились на территорию Японии и современного Ирана. Но первый дошедший до археологов реликт имел возраст 3600 лет и был найден в сельской местности Азербайджана.

Далее мы отправимся в Древний Рим. Аутепса – «само+кипящий», «само+варящий» сосуд, в котором древние римляне согревали воду. Аутепса была примером изящества. Высокие витые ножки, пузатая чаша в виде тыквы, богатый декор – им можно было украсить стол именитого горожанина. Пользоваться аутепсом было не так удобно, как русским самоваром, потому что у аутепсы не было крана. Внутри размещались два отсека – в один загружали горящие угли, в другой – воду. Вычерпывать воду приходилось черпаками. Летом римляне вместо угля заполняли ёмкость льдом и пили охлаждённые напитки.

Узнав основы кипячения воды в мире, мы отправляемся в Россию. Первые самовары появились в конце 1730-х годов на Урале. В Туле, ставшей «самоварной столицей» России, самовары начали изготавливать с 1778 года.

Устройство самовара, работающего на древесном топливе, сложилось в самом начале его производства и сохранилось до наших дней. Менялось только художественное оформление деталей.

Материалом для самоварного производства служила в ранний период медь, а с 1880-х годов латунь и латунь никелированная, также использовались накладное серебро и сплавы серебра и меди, сплав меди и цветных металлов.

Самовар в моей жизни

Детство, Китай

Я родилась и выросла в Китае в русской семье. Я помню, как, будучи маленькой девочкой, мы с мамой ходили в китайский чайный магазин. Вспоминаю стену, на которой был расположен шкаф с множеством полок. На полках стояли разноцветные глиняные и фарфоровые сосуды. На каждой полке стоял ряд одинаковых по цвету и форме сосудов, расписанных в китайских традициях. У сосудов на каждой полке был свой определённый цвет: на одной полке – зелёный, на второй – красный, на третьей – жёлтый, на четвёртой – синий и так далее. А на самой верхней полке стояли изысканные и самые дорогие сосуды. Под нижней полкой располагался прилавок, состоящий из секций – ящичков, в которых были разложены все виды чая. В каждой секции лежала своя ложечка, которой продавец набирал тот или другой чай, часто чаи просто перемешивались, и таким образом у каждой хозяйки получался индивидуальный, неповторимый вкус чая.

Мы всегда приносили фарфоровый сосуд с крышкой с собой. Мама выбирала разные виды чая, а продавец добавлял их ложечку за ложечкой в этот сосуд и тщательно перемешивал. У каждой семьи и хозяйки был свой вкус.

Для приготовления чая в нашей семье традиционно использовался самовар и фарфоровый чайник-заварник, который всегда был установлен наверху самовара. Чай в нашей семье употреблялся ежедневно, когда вся семья собиралась дома после работы, а также в особых случаях – устраивались праздничные торжественные чаепития. Это могли быть обеденные чаепития дам, когда их мужья были на работе. Часто чаепитием торжественно завершались семейные ужины. На столе к чаю всегда подавалось огромное количество различной выпечки – печенья, торт, пирожные, булочки, ватрушки с творогом, пироги и прочее, обязательно подавалось несколько сортов домашнего варенья.

Когда приглашали на чаепитие дам, то количество вышеперечисленной выпечки было ещё больше, потому что каждая хозяйка старалась разнообразить ассортимент печенья. Проходили эти чаепития в приятной обстановке.

Австралия

Из Китая мы мигрировали в Австралию. Я уже была замужем, и моей дочери Марине исполнилось пять лет. Естественно, мы привезли с собой в Австралию и самовары.

Но в Австралии наша жизнь изменилась. Чаепитие с использованием самовара, работающего на древесном топливе, стало крайне редким событием. Однако избавиться от этого старого самовара мы не могли и не хотели, и по-видимому, это было общее состояние в мире! Потому что в это время, благодаря технологическому прогрессу, в мире начали появляться электрические самовары, которые потеснили самовар, работающий на древесном топливе.

Русский человек весьма находчив, и мой муж открыл новую эру использования самовара! Я хочу рассказать пару забавных историй об этом. Начну с празднования совершеннолетия моей дочери Марины, а именно 21-й год её рождения! Мой муж, для шутки, наполнил самовар водкой и установил правило: для каждого пришедшего гостя – выпить «рюмочку чая», которая оказывалась рюмочкой водки. Интрига заключается в том, что большинство гостей-студентов, которые посещали этот праздник, были австралийцами, они водку даже не пробовали до этого дня.

В полном недоумении пришедшие молодые люди подходили к самовару и по указанию моего мужа неуверенно наливали содержимое из самовара в маленькую рюмочку, после чего выпивали её. Реакция на содержимое рюмочки была потрясающая! Такое начало праздника задавало тон этому событию и создало атмосферу радости! Все, кто уже прошёл эту процедуру, с интересом наблюдали за реакцией вновь прибывших гостей! И все вместе, наблюдая друг за другом, смеялись! День рождения Мариночки начался весело, и это веселье сохранилось до конца праздника!

А теперь я хочу рассказать другую историю использования самовара.

Я работала медицинской сестрой, и у меня появилось очень много друзей австралийцев. У одной моей подруги Мюриэл, которая была моей коллегой, муж, был генералом австралийской армии. Мы дружили семьями и несколько раз прекрасно провели время у них в гостях. Генерал, его звали Конрад, очень интересовался русской культурой, искусством, музыкой, литературой. И по его настойчивой просьбе мы пригласили Мюриэл и генерала Конрада на русский ужин. Меню было русское – голубцы, свиные отбивные с картофельным пюре, традиционные русские закуски – селёдка с лучком, салаты. А на десерт подавали торт «Наполеон». И тут у моего мужа появилось желание – угостить генерала настоящим русским чаем из настоящего самовара! Мужчины вышли на улицу, чтобы разжечь самовар. В результате они столкнулись с проблемой! Шишки в самоваре не хотели разгораться, обычно в этом случае русские использовали сапог! Но сапог в нашем гардеробе и доме не было, потому что в Австралии всегда лето, по счастливой случайности мы нашли театральные красные сапожки! С помощью одного из них моему мужу удалось разжечь огонь, и самовар закипел! Момент закипания воды в самоваре – самый важный для заваривания чая! И вот чай заварен, как полагается, именно в этот момент закипания самовара! Началось русское традиционное чаепитие с тортом «Наполеон» и восторгом наших гостей от русского чая!

Все самовары, которые принадлежали моей русской семье, я сохранила, некоторые из них я передала в дар моей дочери – Марине.

Кроме традиционных самоваров, в моей семье есть самовар для варки кофе (с рамкой для мешочка с кофейными зёрнами). В нашей коллекции находится восемь самоваров. Особенно ценные для моей семьи следующие самовары:

1. Самовар электрический расписной Баташева. Торговый дом, поставщик двора Его Величества, наследник И. Г. Баташева, и самовар Николай Иванович Баташев в г. Тула – 8.

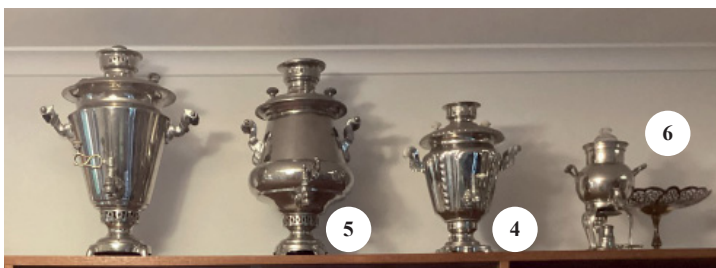
2. Электрический самовар Михаила Чекалина в Туле и в Москве с медалями, расписной в наборе с чайником для заваривания и подносом для выпечки, и самовар дровяной, М. Чекалин – 7.

3. Электрический самовар «Волжанин» В. А. Арикабтейль.

4. Самовар электрический, СССР.

5. Самовар дровяной, фабрика Б. Г. Тейля.

6. Самовар для варки кофе, к сожалению, на нём не нашли клейма изготовителя.

Международный историко-литературный конкурс

«К НЕМУ НЕ ЗАРАСТЁТ НАРОДНАЯ ТРОПА»

К 225-летию А. С. ПУШКИНА

1. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ–МИЛК (18+) по следующим номинациям (строго по теме конкурса!):

- I – ПРОЗА.
- II – ПОЭЗИЯ.
- III – ПУБЛИЦИСТИКА.
- IV – ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО.
- V – ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО.
- VI – САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ ВОКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО.
- VII – ТЕЛЕЖУРНАЛИСТИКА (для студентов ВШКТВ – ВВГУ).

2. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИКО ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА – ДМИЛК (4–18 лет), с обязательным возрастным разграничением (младшая, средняя и старшая группы) по следующим номинациям (строго по теме конкурса!):

- I – ВИДЕОДЕКЛАМАЦИЯ.
- II – ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО.
- III – ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО.
- IV – ДЕКОРАТИВНО – ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО.

Таким образом, Международный историко-литературный и творческий проект МАРС-Австралия «К НЕМУ НЕ ЗАРАСТЁТ НАРОДНАЯ ТРОПА» включает в себя многоуровневые творческие соревнования среди детей и взрослых и охватывает широкую русскоязычную аудиторию талантливых людей. По традиции конкурс проводится на бесплатной основе и предоставляет всем участникам равные права.

Главная задача проекта – популяризация русского языка, современной русской литературы, русской культуры в России, Ближнем и Дальнем Зарубежье, открытие новых имён среди творчески одарённых соотечественников.

Начало конкурса 15.03.2024 г.

Президент «МАРС – АВСТРАЛИЯ»

А. Г. СИДОРОВ

ГЛАВНЫЙ УЧЁНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Л. В. Голенищева

ПОЛОЖЕНИЕ О МЕЖДУНАРОДНОМ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСКОМ КОНКУРСЕ «К НЕМУ НЕ ЗАРАСТЁТ НАРОДНАЯ ТРОПА»

Широкомасштабный международный проект МАРС – Австралия проводит в год 225-летия великого русского поэта А. С. ПУШКИНА.

Настоящее ПОЛОЖЕНИЕ определяет широкий круг участников (включая возрастные категории), порядок организации, проведения и подведения итогов **Международного историко-литературного, творческого конкурса**

1. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

1.1. Целями и задачами настоящего конкурсного проекта являются:

- участие творчески одарённых людей на добровольной и бесплатной основе в престижном международном состязании, где каждый из конкурсантов может продемонстрировать свои способности и таланты как авторитетному жюри, состоящему из профессиональных экспертов высокого уровня, так и широкой культурной аудитории в разных странах мира;
- изучение творческого наследия А. С. ПУШКИНА и его современников;
- расширение аудитории любителей русского языка среди детей и взрослых в разных странах мира; повышение читательской и творческой активности среди молодёжи;
- сохранение русского языка, проявление интереса к нему и развитие грамотности у школьников, проживающих в России, Ближнем и Дальнем Зарубежье;
- повышение культуры речи; приобретение навыков ораторского искусства; популяризация техники осознанного и выразительного чтения во время художественных декламаций поэтических произведений;
- выявление литературных, артистических и других способностей у школьников, поощрение учащихся, стремящихся к интеллектуальному развитию и творческому самовыражению, к получению новых знаний;
- стимулирование литературной деятельности, поддержка современной литературы и общечеловеческих ценностей, укрепление авторитета российской литературы;
- формирование творческой среды для юных дарований с использованием современных видов и способов коммуникаций в интернет-пространстве;
- поиск и открытие новых имён и ярких дарований в современной мировой литературе, изобразительном и прикладном искусстве среди русскоязычных детей и взрослых, проживающих в РФ, странах Русского Мира, Австралии, Ближнего и Дальнего Зарубежья;
- повышение технических навыков и творческих способностей у молодёжи, интересующейся тележурналистикой, созданием собственных видеоматериалов на разные темы;
- расширение кругозора, содействие проявлению у детей и юношества творческого восприятия к выполнению нестандартных заданий;
- выявление, развитие, поддержка талантливых и самобытных художников и мастеров прикладного искусства разного возраста;
- содействие созданию необходимых творческих условий для раскрытия талантов людей всех возрастов;
- привлечение внимания к творчеству людей с ограниченными возможностями здоровья со стороны общественных некоммерческих организаций, средств массовой информации;
- укрепление разносторонних культурных и дружеских связей;
- сохранение и развитие нематериального наследия многонациональной культуры России;

2. ОРГАНИЗАТОРЫ КОНКУРСА

2.1. Организатором Конкурса и Генеральным руководителем проекта является Международная Академия русской словесности в Австралии. ПРЕЗИДЕНТ «МАРС – АВСТРАЛИЯ» СИДОРОВ Александр Григорьевич, Председатель Австралийского отделения Союза писателей России, доктор филологических наук (город Сидней, Австралия).

Австралия: телефон (WhatsApp) +61–433–750–631

E-mail: sag.1949@hotmail.com

2.2. Непосредственная подготовка и проведение Конкурса возлагается на Международный Оргкомитет, создаваемый и действующий в соответствии с настоящим Положением. Состав Оргкомитета и международных составов жюри утверждается решением ПРЕЗИДИУМА «МАРС – АВСТРАЛИЯ».

2.3. Общим решением участников МЕЖДУНАРОДНОГО конкурсного ОРГКОМИТЕТА ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ МЕЖДУНАРОДНОГО ОРГКОМИТЕТА назначен А. Г. СИДОРОВ.

2.4. Оргкомитет действует без образования юридического лица.

2.5. Чтобы привлечь внимание к Международным литературным соревнованиям и расширить круг их участников, ОРГКОМИТЕТ осуществляет все работы по распространению в российских, зарубежных, австралийских русскоязычных СМИ информации о МИЛК и ДМИЛК, конкурсе среди австралийских школьников, изучающих русский язык. Принимает заявки и присланные авторские работы, занимается конкурсным отбором. Взаимодействует с Международными жюри. Готовит организацию и проведение Официальной торжественной церемонии вручения наград победителям.

2.6. По согласованию с ПРЕЗИДИУМОМ ОРГКОМИТЕТ имеет право привлекать к взаимодействию сторонних юридических и физических лиц, ходатайствовать перед ПРЕЗИДЕНТОМ МАРС – АВСТРАЛИЯ о заключении Договоров о сотрудничестве.

2.7. ПРЕЗИДИУМ МАРС – АВСТРАЛИЯ утверждает призовой фонд конкурса, а также смету, состав и порядок работы Международного Организационного комитета конкурса.

2.9. Организаторы оставляют за собой неоспоримое право – вносить изменения и дополнения в настоящее Положение с последующим уведомлением участников конкурса.

4. ОФИЦИАЛЬНЫЕ СПОНСОРЫ

4.1. Спонсоры Международного историко-литературного, творческого конкурса «К НЕМУ НЕ ЗАРАСТЁТ НАРОДНАЯ ТРОПА»:

– Кабинет Фонда «Русский Мир» в Сиднее, руководитель М. М. Овчинников, предприниматель и меценат, директор Первого русского музея в Австралии, главный редактор и издатель старейшей австралийской русскоязычной газеты «Горизонт», член Австралийского отделения Союза писателей России, общественный академик МАРС – Австралия, Австралия, город Сидней.

4.2. Официальные информационные спонсоры МИЛК:

- Русскоязычная общественно-политическая газета «ГОРИЗОНТ», г. Сидней;
- Русскоязычная общественно-политическая газета «ЕДИНЕНИЕ», г. Сидней;
- Русскоязычный литературно-художественный журнал Совета общественных организаций Латвии «КОРНИ», г. Рига, Латвийская Республика;
- Литературно-художественный журнал «БЕРЕГА», г. Калининград;
- Литературный клуб «Табачная лавка», Государство Израиль, г. Ариэль;
- Информационный портал СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ, РФ, Москва;
- «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА», г. Москва, РФ;
- ЖУРНАЛ ФОНДА «РУССКИЙ МИР», Москва, РФ;
- УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛ ЛЮДИЛЫ ВЕЛИКОВОЙ «ГРАМОТА.РУ», «ПОСВЯЩЕННЫЙ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И АДРЕСОВАННЫЙ ВСЕМ, КТО ЕГО ЗНАЕТ, ИЗУЧАЕТ ИЛИ ХОЧЕТ ВЫУЧИТЬ, А ГЛАВНОЕ – ЛЮБИТ!»;
- ЕВРОАЗИАТСКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО «TANYANA», Королевство Таиланд, вещающее на Европу и Юго-Восточную Азию – 11 стран мира.

4.3. Спонсорские пожертвования для проведения конкурсных мероприятий, включая распространение рекламы в международных электронных и печатных СМИ, оплату работы приглашённых экспертов, а также организацию торжественной церемонии вручения наград победителям конкурса, перечисляются на расчётный счет Международной академии русской словесности в Австралии с указанием назначения платежа: «Добровольный взнос на уставную деятельность».

5. ПОДДЕРЖКА КОНКУРСА В РОССИИ и в БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ:

- Союз писателей РФ. Председатель правления российский писатель и публицист Н. Ф. Иванов, г. Москва;
- Интернациональный Союз писателей (ИСП). Председатель Г. Н. Березина, г. Москва;
- Ассамблея народов Евразии. Генеральный секретарь А. Ю. Бельянинов, г. Москва;
- Международный Совет Российских Соотечественников. Председатель Г. Б. Мирзоев, г. Москва;

- Высшая школа телевидения ВШКТВ (ВВГУ). Директор С. П. Булах, г. Владивосток;
- Литературно-художественный журнал «Берега», гл. редактор Л. В. Довыденко. Журнал СПР РФ, Калининград;
- Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Мах Дуг» («Наша Эпоха»), Республика Северная Осетия – Алания, Владикавказ, главный редактор О. Н. Хетагурова;
- «Русское Радио» в АВСТРАЛИИ.

7. СРОКИ И ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ КОНКУРСА

7.1. Сроки Международного историко-литературного творческого конкурса «К НЕМУ НЕ ЗАРАСТЁТ НАРОДНАЯ ТРОПА», с учётом подготовки и проведения необходимых предварительных организационных мероприятий, **установить с 15 марта 2024 года по 15 февраля 2025 года.**

7.2. **Первый этап конкурса:** приём конкурсного материала, включая творческие работы учащихся и литературные произведения взрослых авторов, по всем номинациям конкурсов проводится **с 15.03.2024 по 15.11.2024 года.**

7.3. **Второй этап конкурса:** работа Международного конкурсного жюри **начинается с 15.11.2024 года и должна быть завершена 15.01.2025 года.** В течение этого времени будут определены все Победители конкурса.

7.4. **Третий этап:** подготовка и рассылка Дипломов Победителей, Дипломов Участников конкурса и Почётных грамот для лучших преподавателей учебных заведений, **проводится в срок с 15.01.2025 года по 15.02.2025 года.**

7.5. **Проведение Официальной церемонии закрытия конкурса состоится в Австралии, в городе Сиднее – 20 февраля 2025 года. О месте проведения будет сообщено позже.**

8. ПРАВИЛА ПОДАЧИ ЗАЯВОК ДЛЯ УЧАСТИЯ В КОНКУРСЕ

8.1. Желающие участвовать в нескольких номинациях – имеют на это право и могут подавать заявки в каждую номинацию отдельно. Отправляя заявку на конкурс в каждую интересующую номинацию, участник обязательно должен одновременно прикрепить к заявке и свою творческую работу. Заявки на участие без прикреплённых работ на конкурс приниматься не могут.

8.2. Утверждённая форма заявки для участников в возрасте 18+.

Для включения в списки участников конкурса авторам, желающим подать заявку в **НОМИНАЦИИ**, необходимо предоставить следующую информацию о себе:

- Фамилия, Имя, Отчество (литературный псевдоним при наличии) участника конкурса;
- возраст участника;
- страна и город проживания;
- название Номинации;
- название работы, отправленной на конкурс, с указанием жанра и краткого содержания произведения;
- видеосюжет (если имеется) о практическом применении литературного произведения;
- телефонный номер и электронный адрес для обратной связи с Оргкомитетом.

8.3. Утверждённая форма заявки для несовершеннолетних участников конкурса, желающих принять участие в **НОМИНАЦИИ**.

Этим участникам с помощью родителей необходимо предоставить информацию о себе, согласие одного из родителей на участие в конкурсе, а также разрешение на публикацию работы и фотографий ребёнка в СМИ и на электронных ресурсах МАРС в Австралии на Фейсбуке и в ЮТУБе.

В каждую из выше названных номинаций заявка участника и прикрепленная к ней работа представляются отдельно.

- Фамилия, Имя, Отчество участника конкурса;
- возраст участника;
- страна и город проживания;

- название Номинации;
- название работы (видеодекламации, сочинения, видеоролика), отправленной на конкурс;
- наименование учебного заведения;
- ФИО преподавателя, под руководством которого выполнена работа;
- телефон или электронный адрес одного из родителей для обратной связи с Оргкомитетом.

ЗАЯВКА

Неотъемлемой частью заявки является **Согласие родителей на участие ребёнка в конкурсе, а также их разрешение на публикацию работ и фотографий ребёнка:**

Я, (Ф.И.О.) _____

законный представитель (ФИО несовершеннолетнего, страна, город проживания, место учёбы и класс) _____

Согласна / согласен на участие несовершеннолетнего _____ в Детском международном историко-литературном творческом конкурсе «К НЕМУ НЕ ЗАРАСТЁТ НАРОДНАЯ ТРОПА».

Разрешаю публиковать информацию об участии ребёнка в выше названном ДМИЛК, кроме сведений, содержащих его точный домашний адрес, номер контактного телефона и сообщений о нахождении несовершеннолетнего ребёнка в конкретное время, в конкретном месте.

Даю согласие на размещение, публикацию и демонстрацию в конкурсных мероприятиях МАРС и на электронных ресурсах Академии творческих работ моего ребёнка (на выбор):

- ролика с видеодекламацией;
- литературного произведения, историко-исследовательской работы, школьного сочинения на заданную тему;
- авторских рисунков или художественных фотографий, выполненных моим ребёнком.

Разрешаю публиковать фотографии моего ребёнка в средствах массовой информации и Интернете, если его работа займёт одно из призовых мест.

_____/_____/_____
скан личной подписи (Ф.И.О. родителя / законного представителя)

« ____ » _____ 2024 г.

8.4. Материалы, присланные без указания вышеперечисленных сведений, по правилам конкурса рассматриваться не будут.

8.5. Заявки от участников с пометкой «На Международный историко-литературный творческий конкурс «К НЕМУ НЕ ЗАРАСТЁТ НАРОДНАЯ ТРОПА» присылать

Председателю Международного Оргкомитета, Президенту Международной Академии Русской Слоvesности СИДОРОВУ Александру Григорьевичу по указанному электронному адресу академии:

E-mail: sag.1949@hotmail.com

Полная версия Положения на сайте: <https://dovydenko.ru/>

Наши друзья

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.ruskline.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»
Журнал «Сибирь», Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздня, Вильнюс
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной
Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении журнала

Поддержка и приобретение журнала «Берега»
осуществляется перечислением на карту Сбербанка по номеру телефона **89118630467**.